

№ 2(54). 2023

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

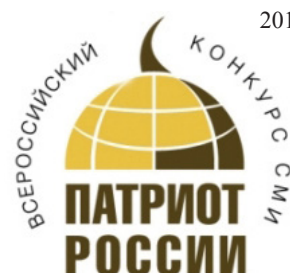

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2023 № 2(54)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 18 апреля 2023 года. Тираж: 100 экз. Заказ № 441.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17–05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Сергей Глазьев. Какой будешь, 2023-й? Рождение нового миропорядка	4
Галина Хэндус. Проект Украина: Ничего, кроме бизнеса	11
Сухейль Фарах. Россия Достоевского	14
Вадим Рыбин. Обустройство русского языка	20

Проза

Анатолий Байборodin. Утром небо плакало, а ночью выпал снег. <i>Рассказ-притча</i>	28
Сергей Пылёв. Мой космос. <i>Рассказ</i>	36
Наталья Советная. Кремень. <i>Повесть. Продолжение. Начало в №1-2023</i>	44
Елена Крюкова. Лазарет. <i>Отрывок из романа</i>	70
Сергей Собакин. Лаврентий. <i>Рассказ</i>	97
Павел Лаптев. Соль. <i>Рассказ</i>	104

Поэзия

Василий Киляков. Соловьи. <i>Стихи</i>	109
Татьяна Грибанова. Я из тутошних мест... <i>Стихи</i>	111
Андрей Фролов. Вырастая до прежнего роста... <i>Стихи</i>	114
Сергей Пахомов. Кристалл. <i>Стихи</i>	117
Антонина Сытникова. На зелёной планете. <i>Стихи</i>	122
Олег Мошников. «Увитый иван-чаем лес...» <i>Стихи</i>	125
Валерий Мухин. Я верю в чистый звук. <i>Стихи</i>	129
Светлана Леонтьева. Мировая сестринская баллада. <i>Стихи</i>	131
Михаил Герасименко. Дорога. <i>Стихи и басни</i>	139

Поэтическая Седмица

Наталья Лясковская. <i>Стихи.</i> Вступительное слово Александра Орлова	141
--	-----

Берега Памяти

Татьяна Глушкова. День Победы. <i>Стихи.</i> Вступительное слово Анны Козыревой	143
Николай Жуков. Петрович	147
Григорий Некрашевич-Поклад. На страже правопорядка. Карьера русского чиновника второй половины XIX века	154

Мурманские берега

Владимир Сорокажердьев. Костёр. <i>Стихи</i>	164
Марина Чистоногова. «Не за чины России служат...» <i>Стихи</i>	167
Валерий Чарторийский. Через тернии к звёздам. <i>Стихи</i>	170

Берега Новороссии

Евгений Журавли. Записки волонтёра	172
Марк Некрасовский. Сепар. <i>Рассказ из цикла «Новая мифология Донбасса»</i>	179

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко. История рода Арсеньевых и святыня Православия	184
---	-----

Берега прочтения

Елена Крюкова. Звёздное небо над нами. <i>О книгах Василия Килякова</i>	187
Александр Андриюшкин. «Кусок» сегодняшней совести. <i>О книге Н. Советной «Кремень», Гродно, 2022 – Москва, 2023.</i>	195

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	198
--	-----

Берега актуальности

Сергей Глазьев

Сергей Юрьевич Глазьев – российский экономист и политик. Доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, действующий член коллегии по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии. Советник президента Российской Федерации. Иностраный член НАН Украины и НАН Беларуси. С октября 2019 года назначен членом Коллегии (министром) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии. Автор более 300 научных работ, среди которых – монографии «Теория долгосрочного технико-экономического развития» (1993), «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» (2010), «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на “экономическое чудо”» (2011), «Украинская катастрофа» (2015), «Экономика будущего» (2016), «Последняя мировая война. США начинают и проигрывают» (2016), «Битва за лидерство в XXI веке» (2017), «Рывок в будущее» (2018).

КАКОЙ БУДЕШЬ, 2023-й? РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Предлагаю свой прогноз политико-экономической динамики на начавшийся год. Он представляет собой сочетание устойчивых и неустойчивых тенденций, а также неопределённых траекторий, которые описываются вероятными сценариями проведения той или иной экономической политики. В нём есть устойчивый тренд дальнейшего опережающего развития Китая и Индии, формирующих ядро нового мирохозяйственного уклада (МХУ), и неустойчивый, а именно – нарастающей турбулентности противоположных тенденций в странах ядра уходящего МХУ (агрессирующих США и агонизирующего ЕС), а также сценарии изменения экономико-политической ситуации в России в зависимости от проводимой макроэкономической политики.

Общая ситуация в мире определяется процессами смены технологических и мирохозяйственных укладов, которые проходят в полном соответствии с разработанной нашим научным советом РАН теорией долгосрочного экономического развития. Ещё в 2008 году на основании этой теории были предсказаны колебания цен на нефть и другие первичные энергоносители; великая депрессия в странах ядра уходящего МХУ, которую США, ЕС и Японии политикой количественного смягчения (четырёхкратным увеличением денежной базы) удалось перевести в великую стагнацию; поступательное опережающее развитие Китая и Индии, составляющих ядро нового, интегрального, МХУ; развязывание властно-финансовой элитой США мировой гибридной войны за удержание глобальной гегемонии, в которой главный удар придётся на Россию.

Также было показано, что продолжение в РФ макроэкономической политики в духе Вашингтонского консенсуса, включая следование рекомендациям МВФ в денежно-кредитной сфере, повлечёт стагфляцию и ослабление позиций России в мире, что спровоцирует агрессию США, рассматривающих РФ как слабое и зависимое от них звено, дёрнув за которое, можно выиграть мировую войну, как это уже имело место в Первую мировую. Именно так и развивались события, причём приводящие внеэкономические факторы – пандемия коронавируса – лишь ускорили их ход. К сожалению, должного реагирования со стороны нашего руководства на предсказанные угрозы и научно обоснованные предложения по их купированию и выводу России из расставленных США ловушек на траекторию опережающего развития на основе нового технологического уклада не произошло. В итоге мы оказались в нынешнем положении, пролетев мимо ряда очевидных возможностей перехвата стратегической инициативы.

Указанные прогнозы, диагностика угроз и предложения по их купированию были опубликованы в книге «Последняя мировая война. США начинают и проигрывают». Желающие могут сами, прочитав эту книгу, составить мнение о работоспособности теории смены технологических и мирохозяйственных укладов, на основе которой были сделаны эти сбывшиеся прогнозы. Согласно этой теории, пик мировой гибридной войны, включая эскалацию агрессии США против России, ожидается в 2024 году, как предвидел более десятилетия назад Владимир Пантин. После этого должен произойти качественный перелом в смене мирохозяйственных укладов (МХУ), выражающийся в закате Pax Americana и переходе мирового лидерства к странам ядра нового МХУ – Китаю и Индии, в конкуренции которых будет определяться развитие мировой экономики до конца этого столетия. Данный переход произойдёт вне зависимости от исхода событий на Украине, но от этих событий зависит дальнейшее положение России. Удастся ли нам войти в ядро нового МХУ или нас будут разрывать новые и старые центры мировой экономики в борьбе за расширение своей ресурсной периферии?

К началу текущего года определились стратегии всех главных участников мировой гибридной войны. Развязавшие её США и Британия действуют в полном соответствии с архаичной доктриной Маккиндера – Бжезинского в духе старой англосаксонской геополитики. Они всерьёз думают, что в извечной борьбе народов моря и суши выиграет тот, кто контролирует центр Евразии, который традиционно занимает Россия. Они пытаются повторить свой успех по развалу Российской империи и СССР, втянув нас снова в войну в расчёте на то, что изнурённый ею вооружённый народ сметёт власть, после чего в действие вступят их агенты влияния с целью разрыва России изнутри. В целом суть их стратегии заключается в сокрушении России, уничтожении Ирана и изоляции Китая.

Стратегия Китая заключается в обеспечении экономической безопасности путём достижения технологического суверенитета, финансово-экономической самодостаточности, опережающего экономического развития и повышения уровня жизни населения, укрепления общественной солидарности, накопления резервов, создания благоприятной широкой экономической периферии на основе реализации проекта «Один пояс – один путь». В плане международных отношений КНР реализует доктрину объединения народов единой судьбы человечества на основе взаимовыгодности путём сочетания конкурентных преимуществ посредством совместных инвестиций, уважения национального суверенитета, соблюдения международного права, равноправия сторон, честности и прозрачности в переговорах, справедливости.

Стратегия Индии характеризуется выжидательностью. Как и Китай, Индия извлекает немалую выгоду от американской агрессии против России. Вынужденный характер разворота России на Восток позволяет нашим азиатским соседям во многом диктовать условия сотрудничества, навязывая скидки на импортируемое из России сырьё и расширяя поставки своей продукции на освободившиеся после ухода западных компаний рынки. Индия традиционно сосредоточена на решении внутренних проблем бедности и социального неравенства путём ускорения экономического развития на основе нового технологического уклада. Избегая конфронтации с кем-либо и стараясь выстраивать со всеми странами ровные благоприятные отношения, Индия становится естественным центром притяжения всех конфликтующих сторон, стремящихся перетянуть её на свою сторону. Выход Индии в мировые лидеры по темпам экономического роста является объективным отражением этой стратегии.

Аналогичная стратегия характерна для стран Ближнего Востока. Они внимательно следят за ходом мировой гибридной войны, укрепляя свою экономическую безопасность, избавляясь от жёсткой внешней зависимости от США и Британии, заблаговременно готовясь к переходу в новый МХУ.

После переизбрания Лулы да Силвы президентом Бразилии можно ожидать обретения этой страной своей собственной стратегии развития. Новый МХУ назван нами интегральным, поскольку главным смыслом государственной деятельности становится объединение различных социальных групп вокруг общей цели повышения народного благосостояния. Этот МХУ характеризуется сочетанием социалистической идеологии, рыночной конкуренции, следованием национальным интересам во внешнеэкономической деятельности. Программа Лулы вполне соответствует этим признакам, и если ему удастся вырвать Центральный банк из когтей МВФ и заставить проводить политику кредитования роста инвестиций и поддержания максимальной экономической активности, то Бразилия может стать третьим участником ядра нового МХУ.

Из группы ведущих стран мира нет стратегии только у России и Германии. Руководство последней пошло на поводу у Вашингтона с катастрофическими для своей страны экономическими последствиями. Погружение Германии в стагфляционную ловушку разрушает общеевропейское благополучие и тянет вниз другие государства ЕС. Он принимает на себя все тяготы навязанной Вашингтоном и Лондоном очередной войны в Европе, предоставляя своим англосаксонским «партнёрам» возможность извлекать из неё сверхдоходы. По сути, политика европейской политической элиты идёт вразрез с интересами народов Европы и преследует исключительно цели Вашингтона и Лондона. Им удалось, благодаря контролю над СМИ и агентам влияния во властных структурах ЕС, поставить его в положение таскающего каштаны из огня для дяди Сэма. Эта политика саморазрушения Европы не имеет границ: чем хуже для европейцев, тем лучше для американцев и англичан, которые заблаговременно выскочили из ЕС, прежде чем направить его против России и Китая.

США и Лондон, как всегда, хорошо зарабатывают на войне в Европе, из которой, с одной стороны, выдавливают капиталы и умы, а с другой – используют европейские народы в качестве пушечного мяса и источника ресурсов в войне против России.

Если отсутствие собственной стратегии у Германии и ЕС объясняется доминированием американских агентов влияния в их властных структурах, то отсутствие стратегии у России вызывает вопросы. Частично ответ на них содержится в моей статье «Что происходит?», опубликованной полгода назад и сохраняющей свою актуальность.

Итак, вся неопределённость наступившего года заключается в отсутствии стратегии у России. Наше руководство попробовало перехватить стратегическую инициативу у США, приняв в состав Российской Федерации ЛДНР, Запорожскую и Херсонскую области. Но удерживать её без понятной конечной цели, внятной идеологии и полномасштабной мобилизации ресурсов для победы в гибридной войне с коллективным Западом невозможно.

Затягивание СВО полностью вписывается в стратегию Вашингтона и Лондона, которые усиливаются с каждым днём войны за счёт ЕС. Их марионетки в руководстве ЕС требуют войны на поражение России, невзирая на негативные последствия для Европы. Расчёт американско-английских спецслужб на изматывание сил русского народа в этом братоубийственном конфликте подтверждается с каждым днём его продолжения. Хуже того, сводки нашего Минобороны свелись к констатации числа убитых украинских военнослужащих, что позволяет противнику интерпретировать цели СВО именно в этом ключе.

Переход к длительной окопной войне, подобно печально знаменитой Верденской мясорубке, унёсшей в Первой мировой войне по миллиону жизней французов и немцев, чреват катастрофой для Русского мира.

Скорейшее победоносное завершение СВО критически важно для обеспечения политической стабильности в России. Затягивание военных действий до следующего года создаёт предпосылки для политического кризиса в России, который противник готовит с целью организации революции в период предстоящей в 2024 году президентской избирательной кампании. Как бы ни сложилось голосование, противник приложит все силы для делегитимизации его итогов и для провоцирования актов гражданского и вооружённого неповиновения. Мы не будем рассматривать этот сценарий, считая его в принципе недопустимым для российской государственности. Сосредоточимся на минимально необходимых условиях для победы в текущем году.

Условие первое – мобилизация всех имеющихся ресурсов для обеспечения армии и населения всем необходимым. Самое опасное в военном деле, как известно, – недооценка противника. Нарвавшись на ожесточённое сопротивление неофашистов, мы продолжаем вести борьбу с коллективным Западом вполсилы, если не сказать в поддавки. Вслед за арестом более 300 млрд долл. резервов руководство Банка России продолжило попустительствовать вывозу капитала, объём которого превысил в прошлом году 200 млрд долл. Из них 150 млрд долл. – это разрешённые денежными властями платежи за рубеж по кредитным обязательствам российских предприятий. В основном в юрисдикции недружественных стран, которые приступили к конфискации наших валютных резервов с целью их использования для погашения военных займов Украины. Можно ли победить в войне с многократно превосходящим по финансовой мощи противником, снабжая его деньгами, полученными от экспорта в его же адрес сырьевых ресурсов? Вопрос риторический.

Совокупный вывоз капитала и арестованные валютные резервы по вине руководства Банка России в прошлом году превысили полтриллиона долларов, что в разы больше всего оборонного бюджета России (начиная с 2014 года, и даже ранее мне довелось неоднократно предупреждать об этой угрозе, с требованиями перевода валютных резервов из западных юрисдикций). С учётом того, что страны НАТО официально декларируют начало процедуры конфискации этих денег с целью финансирования расходов на погашение выдаваемых Украине кредитов, приходится констатировать, что войну НАТО против России оплачивает Банк России. Причём делается это вопреки политической воле государства, сформулированной в весенних указах президента о прекращении вывоза капитала в недружественные страны и введении полной продажи валютной выручки экспортёров.

Параллельно попустительству вывозу капитала за рубеж Банк России продолжает блокировать кредитование роста промышленного производства завышенностью ключевой ставки и неприемлемыми для машиностроительных предприятий условиями кредита. Загрузка производственных мощностей в обрабатывающей промышленности уже многие годы едва дотягивает до половины. Даже с учётом освободившейся после ухода западных компаний четверти внутреннего рынка импортозамещение идёт крайне медленно. Экспорт природных ресурсов переориентируется с Запада на Восток вместо увеличения глубины переработки и выпуска готовой продукции в России.

Согласимся, что переход к мобилизационной экономике советского образца в условиях рыночной экономики невозможен. Но мобилизация ресурсов путём целенаправленного использования тех же рыночных механизмов абсолютно необходима. От шапкозакидательских рассуждений некоторых официальных комментаторов Минобороны о том, что поставки иностранной техники ничего принципиально не меняют на поле боя, необходимо переходить к трезвой оценке потенциала противника. Военные расходы стран блока НАТО на порядок превышают наши. СССР оказался в таком же положении к концу 1941 года, когда экономический потенциал объединённой фашистами Европы на порядок превышал наш. Но мы выстояли, потому что использовали наш потенциал больше чем на 100 %, в то время как в Германии сохранялись выходные дни и продолжался выпуск потребительских товаров. Лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы!» – вновь актуален. Препятствование руководством Банка России полной загрузке производственных мощностей и попустительству вывозу капитала несовместимы с достижением победы.

Условие второе – мобилизация человеческого и интеллектуального потенциала. Общественное сознание, расслабленное вирусом потребительства, оказалось не готово к СВО. В ответ на мобилизацию десятки (а по некоторым оценкам – сотни) тысяч молодых высококвалифицированных специалистов убежали из страны. За рубежом они подвергаются психологическому давлению и идеологической обработке со стороны противника. Это не просто большая потеря человеческого капитала, а в значительной части – передача его противнику. Какая часть наших айтишников, выехавших в недружественные страны, работает в интересах Пентагона и ВСУ? А сколько из покинувших страну без копейки денег молодых людей будет завербовано ЦРУ и МИ-6 для использования в качестве пушечного мяса гонимой ими революции в России? Вопрос не риторический.

Мобилизация человеческого потенциала в условиях современного общества знаний едва ли может быть достигнута принудительным образом. Для этого прежде всего необходимо доверие к власти. Если к главе государства оно остаётся достаточно высоким, то к руководителям денежных властей и чиновной вертикали его нет совсем. Принятие президентского указа о защите традиционных ценностей вызвало ликование в среде верующих. Но для завоевания доверия общества необходимы решительные действия по очищению власти от коррумпированных и некомпетентных элементов, по вине которых мы ежедневно теряем ресурсы и людей.

Наконец, как воздух, нужна объединяющая общество идеология. С учётом нашей духовной традиции это может быть только идеология социальной справедливости, честности и ответственности. Утверждённые президентским указом традиционные ценности властвующая элита должна в первую очередь применить к себе.

В доктринальном плане наиболее подходящей для Русского мира и соответствующей требованиям нового МХУ является идеология православного социализма. С учётом конфессиональной толерантности можно её сформулировать как идеологию народного социализма, имея в виду среди прочего широкое использование отработанных в мусульманском мире инструментов исламского банкинга. Но идеология будет работать только, если властвующая элита начнёт ей следовать в по-

вседневном проведении социально-экономической политики в интересах подъёма общественного благосостояния.

Обретение идеологии народного социализма придаст смысл и военной операции на Украине. Она станет операцией по очищению нашей страны, неотъемлемой частью которой являются оккупированные врагом земли Мало-, Ново- и Карпатороссии, от компрадорского олигархата. На Украине он стал основой формирования неонацистского русофобского режима под руководством американско-английских спецслужб, контролирующей офшорные счета и активы олигархов. СВО заставила определиться российских олигархов, компрадорская часть которых сбежала за рубеж. Процесс очищения российской властвующей элиты по критерию патриотизма пошёл полным ходом. Для консолидации общества нужно запустить и другие критерии, основанные на наших извечных ценностях правды и справедливости.

Народный социализм не подразумевает конфискации частной собственности, как это сделали в своё время под влиянием доктрины Маркса большевики. Опыт государственно-частного партнёрства, сочетания стратегического планирования с частным предпринимательством, государственного контроля за обращением денег с рыночной конкуренцией, государственной собственности в инфраструктурных отраслях с поддержкой частной инициативы, накопленный в странах нового, интегрального, МХУ – этот опыт показывает правильный путь. Нашему государству нужно вспомнить и собственный опыт экономических чудес в начале XX века, в период индустриализации, войны и послевоенного восстановления народного хозяйства и освоить современные методы регулирования рыночной экономики в целях повышения народного благосостояния. Общий принцип прост: государство поддерживает (в том числе дешёвым долгосрочным кредитом) те частные предприятия, работа которых способствует росту объёмов и эффективности производства нужных обществу благ, и блокирует попытки частников нажиться на дестабилизации экономики посредством всевозможных спекуляций и махинаций.

Третье условие – введение механизма ответственности за результаты работы всех руководителей и органов власти. Без этого невозможно устранить дисфункции управления, порождённые коррупцией и некомпетентностью среди руководящих кадров. Боевые и трудовые подвиги миллионов простых людей обесцениваются некомпетентностью отдельных руководителей, которые не несут никакой ответственности ни за утечку сотен миллиардов долларов, ни за срыв стратегических планов и программ, ни за казнокрадство, ни за крупномасштабные ошибки, ни за простой производственных мощностей, ни за гибель людей. Стоит нам запустить простейшие механизмы ответственности власть предержащих за результаты своей работы, как начнётся процесс самоочищения властвующей элиты. В противном случае повторится ситуация с императором Николаем II, который в роковой момент вынужден был констатировать: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Приведённых выше трёх необходимых условий достижения победы достаточно. Остальные сложатся сами собой благодаря народному творчеству и патриотическому подъёму, если будут достигнуты эти. В том числе будет обеспечен вывод экономики на траекторию опережающего развития с темпом не менее 8 % прироста ВВП, 5 % прироста доходов граждан с нивелированием социального неравенства и 20 % прироста инвестиций в год вместо нынешних «около нуля».

Если же не будут предприняты самые решительные меры по их выполнению, то ситуация пойдёт по негативному сценарию, упомянутому выше.

Не следует обольщаться тезисом о том, что США проиграют развязанную ими мировую войну вне зависимости от исхода украинской катастрофы. Если бы не некомпетентность и предательство в руководстве СССР, то вместо его распада мы стали бы свидетелями системного кризиса капитализма, о котором неустанно писали советские политэкономы. Но догматизм советского руководства, отрыв его от реальности привёл к распаду Советского Союза, территория которого стала предметом сверхэксплуатации людей и природных ресурсов в интересах международного, прежде всего англо-американского, капитала. Это дало второе дыхание Рах Americana, но одновременно запустило процесс распада имперского МХУ. Оставшийся его американский полюс не мог и не пытался изменить систему управления воспроизводством экономики, получившей подпитку от вывоза капитала и умов с постсоветского пространства. Если советская система управления не справилась с вызовами НТП, то американская система управления стала жертвой алчности финансового олигархата, подчинившего своим интересам денежную эмиссию и финансовый рынок, сделавшего экономику кладбищем

финансовых пузырей. Эта система управления утратила эффективность, она не обеспечивает роста народного благосостояния и порождает обострение социальных противоречий вплоть до войны всех против всех.

Но при этом американская властно-финансовая элита всерьёз верит, что развал России и война в Европе позволят ей обрести третье дыхание и удержать глобальную гегемонию. Она стремится повторить свой успех по развалу Российской империи и СССР, который дал ей возможность эксплуатации наших ресурсов на определённое время. Поэтому она столь агрессивна: в сокрушении России она видит единственную возможность сохранить мировое господство.

В действительности процесс саморазрушения американоцентричной финансово-экономической системы никак не связан с украинскими событиями. Галопирующая инфляция, оцениваемая в США в пределах 8–17 % по потребительским ценам и свыше 30 % по ценам предприятий, стала следствием перетока аккумулированных финансовыми пузырями эмитированных ФРС триллионов долларов и их производных на квадриллион долларов на товарный рынок. Резкий рост цен на энергоносители хоть и был спровоцирован антироссийскими санкциями, но он стал не более чем триггером схлопывания ранее раздутых политикой количественного смягчения финансовых пузырей. Даже если США и их сателлиты конфискуют триллион долларов российских государственных и частных денег, это не спасёт их финансовую систему от краха. Они лишь приблизили его арестом российских резервов. В русофобском запале они «выстрелили себе в ногу», по сути, лишив доллар, а заодно и фунт с евро статуса мировых валют. Все мало-мальски суверенные страны прекратили накопление резервов в долларах и стремительно переходят на расчёты в национальных валютах.

Это влечёт лавинообразное обрушение возможностей США финансировать мировую войну, которые основаны на монополии по эмиссии мировой валюты. Триллионы ранее напечатанных долларов возвращаются в США, вызывая мощную инфляционную волну. А фактический отказ внешних кредиторов покупать казначейские облигации США влечёт их скорое банкротство или гиперинфляцию вследствие краха финансовой пирамиды американского долга. Тем не менее надежда на то, что сокрушение России в войне на Украине позволит удержать мировую гегемонию, питает русофобскую агрессивность американской властвующей элиты, и ждать её ослабления не приходится.

Негативный сценарий восстановления американского контроля над нашей страной по аналогии с ельцинским периодом лишит нас возможности войти в ядро нового МХУ и выйти на траекторию опережающего развития. Мы останемся на периферии двух центров мировой экономики, которые поведут борьбу между собой за контроль над нашими ресурсами. Вплоть до конца этого столетия мы будем прозябать в качестве финансового донора Запада и сырьевого придатка Востока. Удастся ли сохранить при этом суверенитет и целостность страны – вопрос риторический. Поэтому победоносное завершение СВО – это вопрос выживания нашей страны и Русского мира. Что для этого надо сделать, кратко сказано выше.

В уже упомянутой выше книге обосновывалось предложение по созданию широкой международной коалиции стран, не заинтересованных в мировой гибридной войне. В её основу предлагалось положить два фундаментальных соглашения: о создании новой международной расчётной валюты вместо ныне существующих резервных валют МВФ и о кибербезопасности.

Первое соглашение привело бы к краху американоцентричной финансовой системы и лишило бы США главного источника сверхсилы – монополии на эмиссию мировых денег.

Второе соглашение ликвидировало бы монополию США на рынке передовых информационных технологий, которая также является источником сверхсилы в технологической области и информационном пространстве. К сожалению, вместо решения этой непростой задачи мы повелись на очередную западную уловку в форме Минских соглашений, дав противнику возможность создать на Украине плацдарм для атаки против России. В нынешних условиях формирование такой коалиции возможно, опять-таки, только после победоносного завершения СВО.

В заключение несколько замечаний относительно стратегий ЕС, Индии и Ирана. Если судьба последнего зависит в решающей степени от исхода СВО, то у остальных сохраняется большая свобода манёвра.

Иран становится очевидной жертвой США в случае успеха их стратегии в отношении сокрушения России. Едва ли Китаю в этом случае удастся защитить своего главного партнёра на Ближнем Востоке. У Ирана есть хорошая возможность внести решающий вклад в исход мировой гибридной вой-

ны, перекрыв Ормузский пролив. В этом случае страны коллективного Запада столкнутся с острым дефицитом нефти, цены на которую взлетят до небес. Кризис в ЕС перерастёт в экономическую катастрофу и, скорее всего, повлечёт смену политического руководства на более прагматичное, способное принять решение о прекращении самоубийственной войны против России. Это стало бы достойным ответом на подрыв германо-российских газопроводов, совершённый англо-американскими спецслужбами. Но едва ли Иран решится сделать это самостоятельно, без гарантий военно-политической поддержки с нашей стороны и согласования с Китаем.

Европейские лидеры стремительно теряют популярность. У них остаются немалые возможности манипулирования общественным мнением, но в мозгу сытого европейского обывателя в споре между телевизором и холодильником победу, несомненно, одержит последний. С большой вероятностью новый электоральный цикл повлечёт обновление европейской политической элиты. Победоносное завершение СВО многократно повышает эту вероятность. В случае реализации созидательного сценария перехода России к осуществлению доктрины народного социализма с традиционными ценностями можно ожидать резкого роста популярности России в Европе, а также массовой миграции уставших от ЛГБТ-психоза нормальных европейцев в Россию и возвращения украинских беженцев на освобождённую от нацистов родину.

За Индию Запад будет бороться. Втягивание Индии в коалицию с НАТО посредством союзов с Австралией и Японией против Китая уже стало основным вектором американской стратегии в этом регионе. Индийское общественное мнение пытаются задобрить путём назначения премьер-министром Британии этнического индийца. Вполне вероятно, что Байден уступит место своей вице-, также индийского происхождения. Перед индийской элитой англосаксы будут совершать ритуальные танцы во главе с индийскими вождями США и Британии. Индии будут предоставлены любые преференции в торговле, инвестиции, технологии – лишь бы она согласилась встать в кильватер американской геополитики. Перенос центра англосаксонского мира в Дели – вполне вероятный сценарий, который действительно может дать третье дыхание американо-британской властно-финансовой элите. Ему мешает реализоваться историческая память народа Индии о многолетней британской колонизации, но, разыгрывая ими же созданную конфронтацию Индии с Пакистаном и КНР, американцы и англичане могут задушить индийцев в объятиях. Едва ли, однако, Дели согласится играть роль младшего партнёра, а на равных англосаксы договариваться не умеют и пока не хотят.

Заслон этому сценарию может поставить скорейшее создание упомянутой выше коалиции стран, не заинтересованных в продолжении мировой гибридной войны. Поскольку мы дали себя втянуть в её острую фазу, приходится ждать победоносного завершения СВО. Эта задача действительно стала ключевой. Для её решения нужно выполнить указанные выше условия.

«Завтра». Авторский блог **Сергей Глазьев**

17 января 2023

Берега актуальности

Галина Хэндус

Галина Хэндус – прозаик, публицист. Родилась в России, с 1998 года живёт и работает в Германии. Автор книг: «Берег другой жизни», «Отношения», «След Хамелеона», «Бумеранг из детства», «Музей Совесть», «Долгая жизнь, короткая смерть».

ПРОЕКТ УКРАИНА: НИЧЕГО, КРОМЕ БИЗНЕСА

В качестве предисловия немного статистики. Перед нападением на Советский Союз в июне 1941-го Гитлер вначале покорил Европу. Начал он в сентябре 1939 года с Польши. Через 36 дней страна сдалась. Франция продержалась дольше – 43 дня. Остальные страны сопротивлялись недолго: Греция пала за 24 дня, Югославия сдалась через 12 дней, Нидерландам хватило шести дней, а Люксембургу и Монако – по одному дню, чтобы быстро упасть на колени перед нацистами. Дания, кстати, «героически сопротивлялась» аж шесть часов, прежде чем сдать ключи от страны. А теперь сравни, читатель, другие цифры. Четырёхэтажный жилой дом в Сталинграде (Дом Павлова) с сентября до ноября 1942 года обороняла группа советских воинов числом не более 30. Почти два месяца (58 дней) нацисты не могли захватить жилой дом. Не страну, пусть даже маленькую, не большую столицу, а единственный дом! Всего же Советский Союз сражался с гитлеровцами до полной победы 1418 дней.

Что же делали быстро сдавшиеся фашистам страны? К началу 1941 года Испания, Италия, Финляндия, Хорватия, Словакия, Румыния, Норвегия, Австрия и Венгрия обслуживали военные интересы Германии, а затем вступили вместе с ней в войну против СССР. Якобы нейтральные Швейцария и Швеция получали огромные прибыли от торговли, отдав на откуп Германии свою логистику для свободного транзита немецких военных грузов. Португалия, верная соучастница преступлений нацизма, объявила в мае 1945 года трёхдневный траур в связи с кончиной Гитлера.

На Советский Союз ополчились не только явные враги, но и скрытые украинские националисты, которым советская власть после революции встала как кость в горле. Аристократы, не принявшие революцию, уехали за границу, а отщепенцы и откровенные бандиты остались. Организация украинских националистов (ОУН) начала сотрудничество с немецкой контрразведкой ещё до прихода нацистов к власти. В августе 1939-го Андрей Мельник (не бывший посол Украины в Германии с 2014 по 2022 год, возможно, родственник) был утверждён на должность лидера ОУН. Месяцем позже из тюрьмы бежал Степан Бандера, тоже претендующий на высокий пост. Два националиста стали врагами, что не мешало им вместе организовывать восстания против советской власти, к вящей радости начальников из абвера и гестапо. О зверствах этой «сладкой парочки» читатель знает не понаслышке, а также и то, что члены ОУН, воевавшие плечом к плечу с фашистами, являются врагами России. Сегодня под их знамёна встали потомки Бандеры, Мельника, Шухевича и прочих нацистских прихвостней. Во время Великой Отечественной войны охвостье бывших врагов советской власти активно помогало германским спецслужбам. Сегодня их сотрудничество не претерпело изменений и тесно продолжается. Не только в Германии, но и в других странах ЕС украинских военных обучают убивать своё население, а также братьев-славян. Киев восемь лет целенаправленно отдавал приказы – уничтожать мирное население Донбасса, пока Россия не сказала: «Хватит!»

Сегодня всем нормально мыслящим людям понятно, что на территории Украины идёт война не между бывшими союзными республиками. Идёт война до последнего украинца между Западом в лице НАТО и Россией. А теперь давай порассуждаем, читатель, чем так дорога Украина Западу? На Украине отличные плодородные земли, которые в Европе давно съела химия; масса полезных ископаемых,

которых в ЕС вообще нет; рынок с населением более сорока миллионов, куда можно сбывать любые продукты; дешёвая рабочая сила; не привязанная к дорогой «зелёной» экологии промышленность. Но самое главное: медленное, но верное перепрограммирование народа Украины под идеалы бандеровцев, науськивание его на всё российское и, как апофеоз – захват и разделение России, присвоение её природных богатств. Вот такие «скромные» долгоиграющие планы. Запад, правда, забыл донести до новой матрицы населения страны, что Украина вовсе не страна, а территория очередного русофобского бизнес-проекта, где любой украинец является бесправным холопом.

Не будем говорить за весь Запад или ЕС-совский колхоз, поговорим про Германию. Это ведь конкретно гестапо и абвер поддерживали украинских нацистов во время Отечественной войны, а спустя 80 лет поддерживают их потомков. Не зря же Меркель, выпучив честные глаза, призналась, что Минские соглашения были ширмой для подготовки украинских националистов. Ох уж этот «совестливый демократический» Запад...

До начала военной операции на Украине работало около 2000 компаний с участием немецких инвесторов, многие международного уровня. Некоторые из них: Claas KGaA mbH, SAP, Metro Group, Heraeus, Leoni AG, Knauf Gips KG, OBO Bettermann, Jungheinrich, Deutsche Messe AG, Persil Henkel и многие другие. Для немцев, как хороших бизнесменов, представляет большой интерес украинское машиностроение, электротехническая промышленность, производство из местного сырья строительных материалов, химическое производство, прогнозируемое автомобилестроение, разработка и добыча природного газа и других полезных ископаемых. Во многих отраслях ещё остались советские технологии, которые по сей день не утратили актуальности, рабочая сила на Украине стоит в несколько раз дешевле, чем в Германии, да и партия «зелёных» не возмущается, когда у соседа происходят экологические аварии. Сплошной рай для эксплуатации богатств и населения страны.

Несколько примеров. Завод фирмы Knauf Gips KG, производящий гипсокартон в 86 странах мира, в том числе на Донбассе, оказался в зоне боевых действий. Семейный бизнес временно остановил производство, около 600 сотрудников эвакуированы. Несмотря на трудности, Knauf хочет тут же продолжить работу, «как только это станет возможным и без риска». Фирма не скрывает, что желает внести вклад в восстановление страны, надеясь на победу Киева.

Серьёзное издание Handelsblatt пишет, что, в отличие от Knauf, у большинства немецких компаний на Украине производственные мощности и офисы находятся на западе страны, но сегодня активно закрываются. Химическая группа BASF имеет на сегодня два закрытых офиса. Не новость – в самой Германии из-за отказа от дешёвого сырья из России фирма уволила 2800 работников.

Компания HHLA, управляющая с 2001 года до начала военных действий контейнерным терминалом в Одессе, помогла 120 родственникам украинских сотрудников уехать в Гамбург. Не припомню, чтобы фирма помогла с похоронами хоть одному родственнику сожжённых заживо украинскими нацистами 02.05.2014 года в одесском Доме профсоюзов. HHLA хочет, кстати, возобновить работу терминала в Одессе «как можно скорее», даже охранников оставила, чтобы оборудование не попятит. Ну-ну.

Поставщик автомобилей Leoni, имеющий два завода на Украине и расширивший мощности в последние годы, рассматривает возможность переноса производства в Румынию, Болгарию или Сербию. Рассмотреть – не значит жениться. Бог в помощь!

Представители немецких компаний опасаются за свою жизнь и за вложенные в производство деньги – их страхи понятны. Производитель Persil Henkel, у которого четыре завода на Украине, сообщает о гибели одного сотрудника. Завод Viessmann в Киеве, производящий кондиционеры, был «полностью разрушен бомбами путинских вооружённых сил», – сообщает глава компании М. Виссманн (Max Viessmann). Что-то тоже не припомню, сообщал ли кто из них об украинских бомбах, когда Киев уничтожил Донецкий аэропорт, а также находящиеся там людей? Да нет, точно не сообщали! Большинство немецких компаний не уведомляют ни о погибших, ни о финансовых потерях. Молчат, как рыба об лёд. Не хотят, видимо, чтобы им припомнили восьмилетнее молчание, когда Киев убивал мирное население на Донбассе, а фирмы зарабатывали на войне и дешёвом производстве хорошие деньги. Кроме немецких компаний, работает на Украине крупнейшая корпорация из Швейцарии Nestlé. Руководство временно закрыло три завода и склады, но совсем уходить не собирается. Дешёвым мёдом на Украине намазано?

Сегодня война НАТО по откровенному уничтожению России поставила для инвесторов Украины как лакомое вложение денег под вопрос. Люди имеют низкую покупательную способность, компании закрываются, хотя многие из них оптимистично смотрят в будущее и надеются на победу Киева. Почему-то уверена, что немецкие фирмы не только отправляют часть сотрудников в Германию и помогают им материально, но параллельно переводят значительные суммы на поддержку украинской армии. Доказательств у меня нет, но вот с логикой всё в порядке. Немцы – народ прагматичный. Они не будут инвестировать ни цента в безнадёжное предприятие, а чтобы завтра и дальше иметь дешёвое производство, раскошеляются сегодня, поддерживая сползающие с Украины штаны всем, чем могут и не могут. Как говорится, ничего личного, просто бизнес. По сообщению Bloomberg, антироссийские санкции ударили не только по Москве, но нанесли ущерб иностранным инвесторам на Украине на многие миллиарды долларов. Так что же им остаётся делать? Вложенные инвестиции терять не хочется, поэтому приходится вкладывать новые миллионы в копилку «победы Украины».

Глава НАТО Йенс Столтенберг открыто говорит, что «с начала конфликта свободных от риска вариантов не существует, но гораздо больший риск несёт победа России, которая подтвердит, что применение силы может принести политический результат». Чтобы не допустить победы России, против неё объединились все страны Запада вкупе с международными организациями, находящимися под крышей США, а также крупными и средней руки бизнесменами, желающими и дальше стричь купоны с Украины. Что им сама Украина, когда на кону миллиардные прибыли? Поэтому и хватают на улицах мужчин и парней, чтобы кинуть их, неподготовленных, в топку молоха.

По большому счёту, Украина давно не страна, а поле игры, где Запад надеется сокрушить Россию и разделить её богатства. Поэтому и плещется из каждого европейского утюга ненависть в адрес президента России; поэтому не хочет Запад видеть побед России на спортивных аренах; поэтому угрожают русскоязычным за границами страны; поэтому беспрецедентное количество санкций на целую библиотеку Конгресса США. Ненависть, рождённая из зависти, замешанной на страхе всё проиграть. Проиграть тёплые кресла, проиграть безбедное существование за счёт других, проиграть власть. А Украина – так, плацдарм, который Запад втайне готовил после подписания Минских соглашений к войне с Россией, – сами проболтались.

Но вот что странно. Неужели сегодня Запад надеется, что, после победы России в двух мировых войнах, победит в третьей мировой на территории Украины? Видимо, с системой западного образования вымерли разумные политические особи, как когда-то динозавры. Хотя, что лукавить? Воры во власти сами понимают, что их сладкая жизнь заканчивается. Россия точно не даст себя угробить: в очередной раз выстоит и победит. А остаткам Украины самим решать – или жить, как рабам на галерах, или протянуть руку России и жить дальше честно, без вранья и предательства.

01.03.2023

Берега актуальности

Сухейль Фарах

Сухейль Фарах – писатель, переводчик, профессор, религиовед, культуролог, арабский учёный, президент Открытого Международного университета «Диалог цивилизаций», доктор философских наук. Академик РАЕН. Председатель Ливано-российского дома.

РОССИЯ ДОСТОЕВСКОГО

Когда о России заходит разговор вне рассуждений о политике или экономике, на ум сразу приходит имя Достоевского. Вероятно, причиной очевидности служит то, что писатель не только в своём творчестве пытался проникнуть в сферы бессознательного, духовного и сокровенного в человеческой душе. Он мог достигать глубинных пластов сознания и бессознательного, что ставит его во главе писателей-мыслителей всего мира. Достоевский не был просто писателем, он был исследователем души человека, мыслителем и философом.

И хотя он сам не говорил о своих качествах философа или знатока души, любой глубокий исследователь увидит в тех проблемах, которые поднимает Достоевский в своих книгах, род философской литературы высокого уровня. В ней присутствует мировосприятие автора и в то же время множество терминов из сфер этики, духовности и эстетики. Из его работ следует, что среда, благоприятная для воспитания человечества, не может существовать вне сферы эстетического в культуре. Он автор известного изречения: «Красота спасёт мир»... Красота, которой Достоевский уделяет так много внимания, начинается с постоянной открытости энергиям добра и любви в культуре всего человечества.

Творчество Достоевского – это своего рода бытийная эпопея, отображающая непрерывный диалог и борьбу взаимодействующих добра и зла между противоположными полюсами свободы и рабства, между истиной и долгом.

Для Достоевского между духовностью и общечеловеческими ценностями всегда существовала глубокая связь. И это несмотря на давление на писателя со стороны властей царской России из-за его участия в кружке петрашевцев, призывавших ко всеобщему восстанию против законного порядка, а также призывов к коренным реформам существовавшего государственного строя, что привело к приговору писателя к смертной казни. Однако впоследствии, к счастью для мировой и российской литературы, будто сама судьба пришла к нему на помощь – Достоевский был приговорён к четырём годам заключения, после чего он поступил на военную службу. Годы тюрьмы и службы в армии, давление на писателя и преследования не сломали его характера и не смогли толкнуть его ни в омут азартных игр, ни анархии, ни замкнутости в себе.

В тот период писатель начал ощущать всей глубиной своей души, что в бытии человека самой высшей ценностью является сама жизнь. Осмысление цели жизни и сосредоточенность на аксиологических проблемах присутствует во всех его произведениях.

Идея у Достоевского

Когда заходит речь о том, что Достоевский является и писателем, и философом, имеют в виду то, что вся сила его ума используется ради представления в онтологическом ключе определённой мысли. Для него важным являлось сформулировать мысль в таком виде, чтобы читатель сам пришёл к некой волнующей его идее, задействовав все силы ума и сердца.

В мире Достоевского идея несёт аксиологическую и гуманистическую нагрузку. Она отражается в сознании героев его книг: отражает восстание и подчинение, вызывает на спор относительно текущих событий, в которые погружён мир людей. Однако для каждой идеи у писателя имеется указание, некое послание, в которое она облечена: в речи героев, в их языке, соотносящемся с ними в личностном, социальном и онтологическом планах, Идея у Достоевского не отливается по одной определённой форме, артикулируемая явным образом. Сокровенное содержание её обнаруживается в тайниках души, изливаясь многообразно, противоречиво, тревожно, иногда оптимистично, а иногда пессимистично, закрыто для религии и патриотизма или открыто для мира. Но его излюбленная идея была связана с мечтой об идеальном, может быть, об идеальной республике, сияя своими многочисленными гранями в гуманистической культуре.

Хотя герои писателя отражают человеческие типы, их имена, например Дворкин, Алёшка, Кириллов, Татьяна, Ольга и др., указывают на определённые черты характера их носителей. Тем не менее сознание, присущее этим героям, нельзя рассматривать как сознание единственной личности, эти идеи выражаются как особый профессиональный приём изображения духа народа, живущего в среде определённой нации, определённого народа. Об этом так говорит русский исследователь Михаил Бахтин: «Достоевский умел именно изображать чужую идею, сохраняя всю её полноту как идеи» [1].

В другом плане Достоевский является истинным специалистом в художественном изображении человеческих душевных переживаний, их обычных жизненных проявлений у других людей, как, впрочем, и у себя самого, искусным писателем-профессионалом, работавшим над своими идеями, чтобы исключить в них всякий формализм, символизм и эстетизм. Однако были и условия изображения писателем мыслей в свете ограниченных возможностей самого образа идеи. В этом смысле Бахтин имеет в виду именно это, когда так характеризует творчество Достоевского: «Образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи. <...> Необходимо ещё раз подчеркнуть, что герой Достоевского – человек идеи» [2]. Это не в смысле того, что человек был помещён в пространство чистых идей, но что своими корнями он связан с определённым местом и временем. Здесь место – Россия, а время – предшествующий период новой истории. Эти место и время в своей специфике несут философский смысл, связывающий человека как с его собственным «я», так и с «другим», то есть с его русским «я» и с «другим» в гуманистическом и бытийном планах. При этом Россия, которая предстаёт как бы внутренним голосом, на котором основывается мысль писателя, изображалась им не иначе, как только пространство, на котором автор полемизирует с другими цивилизациями.

Русская идея

Прежде чем остановиться на культурно-религиозных особенностях России, Достоевский сосредоточивает своё внимание на мировой этической философии, преломлённой в национальной русской традиции. Он записал в дневнике 1877 года: «Русская национальная мысль не является итогом гуманистической мысли в целом» [3]. Писатель представлял себе её как охватывающую всех без исключения людей на нашей планете. В то же время русское «я» находится под влиянием общепринятых цивилизационных ценностей. В этой связи Достоевский пишет: «Хотя мы прекрасно осознаём, что национализм, к которому мы стремимся, и успех, которого мы желаем, не достигаются ценой угнетения других, в противоположность этому мы приближаемся к своим целям таким образом, что широкий прогресс затрагивает ценности свободы и господство других наций, так что пороки человечества только усиливаются с прогрессом... к огромному дереву, корни которого питает щедрая и счастливая почва» [4].

Достоевский великолепно описал силу и слабость своего народа словами одного из героев романа «Подросток» – Макара Ивановича, который продолжал держаться с достоинством и покорностью, невзирая на всё усиливающиеся трудности его жизни, и сохранять любовь к сынам человеческим, в которых обитает дух. В природе существует солидарность угнетённых, не только в одной определённой стране, но по всей земле. Характеризуя Достоевского, один русский богослов и мыслитель, митрополит Антоний (Храповицкий), говорит: «Дух русского народа содержит

громадный капитал совести и внутренней свободы, в отличие от эгоистической уникальности, которая с той же силой буквально просвечивается у западно-европейских народов» [5].

Русская душа полна самонеудовлетворённости. Совсем небольшая доля сынов этой нации входит в число благоденствующих, однако русская душа скопила внутри себя большое богатство духа и кротости.

В связи со взглядами Достоевского на русский народ митрополит Антоний пишет: «Русский дух не меняется, будучи угнетаем, угнетаемый даже законной властью, ввергнутый в нищету, он переполнен любовью, добротой и миром» [6]. Биение русского сердца Достоевский выразил в своих романах «Братья Карамазовы» и «Подросток», где ощущается постоянная концентрация на душевных усилиях по поиску согласия между тёплыми чувствами к национальному духу и симпатией к общечеловеческой духовности. В сердце человека поднимаются волны стремления к добру в общечеловеческом смысле. И в этом во всём просматривается источник, из которого проистекает общечеловеческое добро, и этот дух, происходящий из религиозной веры, слитый с духом христианства. Достоевский рассматривает Россию и православное христианство чистыми, вечными и нераздельными. Такому пониманию противостоят западноевропейские критики и некоторые иностранцы в самой России, которые склонны приуменьшать духовное и культурное значение православия в жизни России. Существует общепринятое мнение, что русский народ невозможно понять во всей глубине тому, кто не достиг осознания и понимания православия. Автор заостряет эту мысль, доходя до крайности в своих словах: «Кто не стал глубоко православным человеком в сердце своём, не может быть по-настоящему русским» [7].

В определённые моменты жизни Достоевского происходят некоторые перемены в его религиозных и духовных взглядах, связанных с недовольством проявлениями человеческого поведения в официальной Церкви своей страны, и особенно на Западе. Это связано с тем, что он широко ознакомился с философией и литературой, как западной, так и восточной, которые вновь и с большой силой заставили его обратиться к корням своей веры, к своему русскому сердцу, которого коснулось дыхание веры и духа Востока.

Писатель открыто демонстрировал свою веру: «Я уверовал во Христа, вышедшего из глубины народа, который скрывает свой лик на пространствах Европы» [8]. В своей работе «Записки из мёртвого дома» Достоевский рассматривает состояние европейской цивилизации, провозглашающей свои философские течения и убеждения, способной погубить дух веры в сознании молодого поколения, втянуть в сети своих умозаключений широкие слои народных масс и часть элиты. Он открыто говорит о своих опасениях этой тёмной силы, угрожающей русскому религиозному духу. В то же время в своих взглядах на проблему бытия, о которой он всегда помнил, несмотря на критику западных мыслителей и «слабость» веры даже среди представителей остальных христианских конфессий, Достоевский сосредоточивался на религиозной составляющей русской мысли, «которая содержит в себе надежду в Духе, обитающем в полноте Церкви». Подобные рассуждения Достоевского не позволяют поставить под сомнение масштабность подхода и проработанность автором проблемы бытия, которая отражена во всех его работах. Может показаться, что духовные и религиозные воззрения изложены недостаточно стройно, однако нельзя сказать, что проблемы духовности в целом пренебрегаются или не затрагиваются в ходе описания проблем религий и культур в некоторых из его работ. Кроме того, другие произведения автора, посвящённые пониманию проблем морали, души, философии жизни в целом, обнаруживают максимальную открытость и всеохватность, истинность и близость к центральной проблеме его философии бытия применительно к русской идее.

Русский исконный и русский-чужак

Образ, связанный с творчеством Пушкина, выстраиваемый Достоевским перед российским читателем, изображён и раскрыт при помощи разных цветов, которыми окрашено видение автором русской идеи.

Достоевский, как проникательный и глубокий интерпретатор работ Пушкина, предпринимает попытку оценить события и образы, повлиявшие на поэта, приблизившегося как никто другой к по-

ниманию русских сердец. Достоевский указывает на четыре типа людей, образующих структуру, в целом охватывающую русскую индивидуальность: «русский-странник», «обрусевший иностранец», «русский-переселенец» и, наконец, «патриот-творец».

Образ Алеко в пушкинских «Цыганах» и Евгений Онегин в одноимённой поэме представляют тип «русского-странника», не имеющего постоянного дома. Он – выходец из образованной среды, не связанный корнями с отеческой землёй и не потерявший связь с жизнью своего народа. Он как листок или мыльный пузырь, носимый порывами осеннего ветра. Он несёт в себе семена беды, разрушения и смерти. В его унынии заметна тяга к своему рода душевной гармонии, которую он не может осознать и которой стремится достичь. Его ожидает освобождение, но в этом он полагается лишь на внешние силы, не сосредоточиваясь на какой-либо определённой этической идее. Достоевский как знаток человеческой души пристально всматривается в глубины характеров и поступков. В каждом из его произведений присутствует образ «человека странствующего», который не «стоит обеими ногами» на земле, не имеет среды, способной стать ему опорой. Из трёх братьев Карамазовых этими чертами обладает Иван. Это пожилой интеллигент, дух которого дремлет в тени противоречивых идей, что в конце концов приводит его к сумасшествию. Достоевский осуждает такой тип людей, высокомерно относящийся к народу. Несмотря на окружающий его ореол «интеллигентности» и «культуры», он попадает, сам того не осознавая, во власть тёмных сил.

В романе «Подросток» описан образ второго типа русского человека – «обрусевший иностранец». Это Крафт, обрусевший немец, который в процессе общения с русскими и в результате холодных интеллектуальных упражнений приходит к выводу, что русский народ относится к народу «второго сорта». Ему неизвестно, до какой степени Россия участвует в «определении судеб человечества» [9]. Крафт, скованный отчаянием, российской средой, заявляет: «Прекрасная русская идея рухнула. Все готовы бежать из России» [10].

Однако и у Крафта есть душа, и он в пылу разговора о возможности уехать теряет, когда его душа уже вплотную готова прибегнуть к самоубийству.

Как первый, так и второй из рассмотренных типов есть и у Пушкина. Эти типы находятся в ситуации полного отчуждения от остального человечества и от русской идентичности. Они живут в ситуации потерянности в собственной душе и в бытии, внутренней разобщённости и вынужденного скитания. У Достоевского изображён «человек-переселенец», рвущийся к тому, чтобы его новым окружением стала Америка того времени. Этот тип, оторвавшийся от корней, связывавших его с землёй предков, стремится к жизни в Америке, которая стала воплощением «земли бездуховности», далёкой от русского духа. И Крафт, и Свидригайлов (роман «Преступление и наказание») бесконечно твердят об Америке перед тем, как подойти к самоубийству. Там, за морями и океанами, в Америке, обосновались и герои романа «Бесы» Кирилов и Шатов.

Первый вернулся оттуда в Россию. Шатов, напротив, обосновавшись в этой стране, достиг большого успеха там, стал чувствовать, как голова его стала просветляться, и он понемногу стал научиться любви к родине. В то же время Митя Карамазов рано стал чувствовать, что бегство от рабства и от преследований не обязательно должно иметь целью Америку. Чем больше он думал об этом, тем более чувствовал отвращение. Достоевский так выразился устами своего героя: «Вот что я выдумал и решил: если я и убегу, даже с деньгами и паспортом, и даже в Америку, то меня ещё ободряет та мысль, что не на радость убегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу не хуже, может быть, этой! Я эту Америку... уже теперь ненавижу... Да я там издохну!» [11].

Словами перечисленных трёх типов русских героев Достоевский желает осветить некоторые стороны «русского» вопроса о «смысле», желает рассмотреть беспокойство в цивилизационном смысле и гибель в смысле онтологическом этих персонажей, которые хотя и имеют свои представления об освобождении, но мечты эти ошибочны. В словах автора содержится скрытый призыв – держаться русской земли и исконного русского духа, который не вступает в противоречие с остальным миром, но служит его продолжением. Тип, который импонирует Достоевскому, которого он возвышает и высоко ценит, это – «патриот-творец». Ценность его для отечества выражена и в зрелом творчестве Пушкина, где такой тип рассматривается как заветная цель.

Отечественное и мировое у Пушкина

Рассматриваемый «русский-творец» может стать основой человеческого типа, глубоко связанного со своими корнями, участвующего в жизни своего народа и гордящегося своей народной культурой. Образ Татьяны Лариной является одним из таких глубоко западающих в ум и сердце читателя образов, поскольку этот образ опирается на народ, со скрытой в его недрах огромной духовной силой. Очень недолго придётся ждать, чтобы эти огромные силы, скрытые в этом русском человеке, пробудились. Образ Татьяны несёт в себе энергии, присущие каждому русскому и действующие в народной среде ради всего, что соответствует творческому и эстетическому началам в русском уме и сердце. Этот образ содержит в себе всё то, что озаряет саму русскую идею. Ведь творчество не ограничивается лишь кругом писателей, мыслителей и теми, кого относят к классу интеллигенции, но это явление включает в себя всё население русских городов и деревень. Однако рассматриваемый образец «русского-творца» не смог бы предоставить такой образ, озаряющий русскую идею, если бы не был связан этически с творчеством и культурными достижениями других цивилизаций. Этот образец Достоевский увидел в совершенстве, очерченном у Пушкина – поэта, отошедшего в своей душе от тех заграничных кружков, в которых вращалась русская интеллигенция, далёкая от пульса народа, от его тревог, забот и надежд.

В своём «Дневнике писателя» Достоевский замечает у Пушкина некий образ, приоткрывающий тайны русской души относительно её представлений о себе самой, о мире и бытии. Пушкин – этот истинно русский – оказался по преимуществу гражданином мира. Своим талантом он не просто уделял внимание поэзии всех народов этой планеты, но наслаждался очарованием и сиянием её духовности.

Самыми существенными чертами русского народа, которые Достоевский почерпнул из поэзии и прозы Пушкина, стали свободолюбие и ненависть к рабству. Пушкин, который преклонялся перед красотой своего народа, перед биением его сердца и светом его разума, увидел в творческой активности всех народов, вместе взятых, источник очарования и вдохновения как для себя лично, так и для всего русского народа. И это делает близким остальной мир к русскому народу, к русской мысли. Русский дух, стремящийся к внутреннему просвещению и к Творцу мира, присутствует в большинстве пушкинских произведений, и в том числе в бессмертном произведении поэта «Евгений Онегин». Пушкин, изображая в этой эпопее все стороны переживаний и чаяний русской души, хотел донести до мира послание от своего народа. В своём рассуждении о Пушкине как образце «русского-творца» Достоевский говорит, что трудно отыскать такой высокий талант, какой есть у Пушкина: «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, не слыханное и не виданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин» [12]. Его талант не находит себе равных, чтобы изобразить образ, столь гармонирующий между этим светом и светом иным. Пушкин перевоплощается в образы, раскрывающие тот или иной тип или национальный характер, описываемый тем или иным мировым гением, поскольку это происходит из самой русской духовности. На этом настаивает и Достоевский, когда пишет: «Образы “Фауста”, “Дон Жуана”, “Скупого рыцаря”, равно как и другие образы из творчества Востока и Запада, настолько ясны, будто они вплетены в ткань самого русского таланта...» [13].

В связи с этим необходимо сказать несколько слов и о прекрасных поэмах Пушкина, написанных о Коране и пророке Мухаммеде. Поэт восхищался музыкой аятов Корана и выдающейся личностью пророка Мухаммеда и посвятил этому цикл стихотворений под названием «Подражание Корану». Своим талантом он смог выразить духовность и светоносность исламского благочестия. В известном стихотворении «Пророк» воплотилась энергия света, заложенная в Коране, которая восходит к русскому читателю, вызывая подлинное восхищение у поклонников поэзии в России. Этим поэт отдаёт своего рода долг всем многочисленным поклонникам его поэзии, истинно влюблённым в него читателям – и тем, кто читал его прежде, и тем, кто почитает его и сейчас как поэта-«пророка» [14].

В заключение краткого экскурса в идеи и работы Достоевского, который мы предприняли, дабы разобраться в некоторых аспектах русской мысли, в её сильных и слабых сторонах, на огромных российских пространствах, раскинувшихся в пределах Евразии, отмеченных особой цивилизационной идентичностью, мы обнаруживаем отличительный знак – некое благоухание, запечатлевшееся на сущности России и на её судьбе. Это всегда имел в виду Достоевский, когда говорил: «Быть истинно, совершенно русским – это значит быть до конца братом всем народам на Земле... В этом наивысшая цель русской идеи» [14].

Достоевский как писатель и гражданин мира страстно стремился к истине, его русская идея есть всеобъемлющая и общемировая. Безусловно, он не был единственным из писателей и мыслителей России, которые верили в истинность такого пути.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Поэтичность Достоевского. Изд. Тубкал, Казабланка, 1986. С. 120 (на арабском языке).
2. Там же. С. 121.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. С. 20 (на русском языке).
4. Там же. С. 100.
5. Достоевский и православие. М., 2003. С. 30.
6. Там же. С. 28.
7. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. С. 116.
8. Там же. Т. 14. С. 44.
9. Там же. Т. 13. С. 44.
10. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. С. 186.
11. Там же. С. 186.
12. См. кн.: Русская идея. М., 2004. С. 164–165.
13. Там же. С. 185.
14. См. кн.: *Сакур М.* Пушкин ва-ль-кураан (Пушкин и Коран). Дамаск: Дар аль-харис, 2000.

Берега актуальности

Вадим Рыбин

Вадим Рыбин – родился в Одессе в 1962 году. Потомственный гидрограф. В 2008 году в журнале «Свет» опубликована первая статья «Языковая борьба». Автор журнала «Берега». В 2018 году опубликовал статью «Без бес-ов. О реформах русского правописания 100 лет назад». Автор книги «Государственный язык как орудие власти» (2018). В 2014–2019 годах был земским гласным – депутатом муниципального округа Гавань. Прихожанин Благовещенской церкви, самым знаменитым прихожанином которой был М. В. Ломоносов, великий деятель русской словесности и борец за русский язык.

ОБУСТРОЙСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА

Родная речь – Отечеству основа.
Не замути Божественный родник.
Храни себя: душа рождает слово –
Великий святорусский наш язык!

Иеромонах Роман, скит Ветрово

Введение

Языковая политика есть организованное целенаправленное воздействие на языковую практику. Объектами языковой политики могут быть как статус языка, так и его тело (корпус). Под телом языка мы понимаем его внутреннее устройство – лексику, грамматику, фонетику, орфографию, – и совокупность форм языка – письменная и устная, литературная, специальная и говоры.

Ниже речь пойдёт только о языковой политике (ЯП) в отношении тела языка. Иногда её именуют также языковым обустройством.

Многие полагают, что язык изменяется сам собой и что сейчас все языки мира заимствуют английские слова.

Но, например, «компьютер» по-чешски будет «почитач», по-французски – «ординатёр», по-фински – «тиетоконе», по-немецки – «рехнер». Очень многие слова, заимствованные в русский язык, в других языках получили аналоги на их родных корнесловах. Автомобиль французы называют «ву-атюр», испанцы – «коче», англичане – «кар», турки – «арба».

Возникает вопрос, почему турки и испанцы смогли уберечь свои старые слова, а мы – утратили и заменили на чужие, заимствованные? Почему финны и чехи, имеющие бедное, по сравнению с русскими, культурное и литературное наследие, способны создавать свои слова, а некогда великий и могучий русский язык такую способность имел, но утратил? Почему другие языки принимают международные слова, как, например, «темпомат» и «телепас», а русский язык принимает английские – «круиз – контрол» и «транспондер»? Наконец, почему в чешском языке слово «метро» склоняется, а в наш язык оно пришло «со своим уставом»?

Потому что страна наша обширна, богата и крепка. Были, есть и будут державы, желающие Россию сломить, подчинить и обобрать. Один из способов этого достичь – разрушить русский язык.

Как нефть и газ, язык может быть либо источником дохода страны, либо статьёй её расхода.

Язык – скрепа народов России и русского мира.

И главное, **язык – основа государственности.**

В русскоязычной литературе это утверждение встречается редко потому, что ни в России, ни ранее в СССР не было и нет широко известных научных и популярных трудов по языковой политике в отношении тела (корпуса) языка. Обустройство русского языка велось в СССР стихийно, не цен-

трализованно и нерегулярно, без единого плана и определённых целей. В послесоветской же России оно государством не ведётся вовсе.

«Глубоко непоследовательная, противоречивая, в целом взвешенная только примерно с 1938 по 1954 г. языковая политика режимов, существовавших в России с 1917 по 1991 г., создала условия для катастрофического отступления русского языка в наши дни. Напор хорошо организованной и щедро оплаченной языковой агрессии англосаксонского мира очень велик, и в итоге русский язык сейчас самый изуродованный искусственным внедрением англицизмов и искусственным же обеднением лексики и синтаксиса из 10 наиболее распространённых языков мира».

«Тот, кто теряет язык, теряет историю, культуру, государственность... и исчезает»¹.

О государствообразующей роли языка говорил главный идеолог языковой политики Франции Бернар Серкильини: «Язык создаёт нацию, нация строит своё государство. Понимая, что всё государственное строение основывается на государствообразующем языке, все органы власти постоянно заботятся о нём»².

«Язык – основа страны, лучшее средство защиты языка – органы государственной безопасности»³.

«Государственным преступлением должны быть признаны любые целенаправленные действия, направленные против русского языка, сохраняющего для народа основные смыслы его бытия и его высочайшую духовность. Русский язык как язык межнационального общения выполняет в современных условиях важнейшую государствообразующую функцию, и любое посягательство на него равносильно государственной измене»⁴.

В последние годы появились первые признаки стремления начать, наконец, обустройство русского языка на государственном уровне.

В декабре 2019 года Ольга Васильева провела в Москве министерский семинар по языковой политике. Семинар был русско-французским. Франция считается родоначальницей языковой политики и ярчайшим примером защиты и обустройства языка. Поэтому семинар блеснул искрой надежды в сердцах русских патриотов. Но через месяц Васильева была снята с министерской должности, и искра надежды погасла.

8 августа 2020 года вышло постановление нашего правительства № 1197 о создании правительственной комиссии по русскому языку. Вновь появилась надежда, что Россия начнёт, наконец, как и другие страны, вести организованную и целенаправленную языковую политику, займётся обустройством государствообразующего русского языка. Но... прошло два года, а плодов труда этой комиссии не заметно.

Наконец, 28.02.2023 вышел Закон 52-ФЗ «О внесении изменений в 53-ФЗ “О государственном языке Российской Федерации”». Однако изменения, вносимые данным ФЗ, представляются незначительными и совершенно несоизмеримыми давно назревшей жизненно для России важной необходимостью коренных изменений ЯП.

В последнее время в Думу поступили как предложения поправок к действующему 53-ФЗ, так и проекты нового закона целиком. Увы, они не были приняты. Даже взвешенный, умеренный проект СПбГУ был отвергнут.

Словообразование

Первопричиной нынешнего угнетённого состояния русского языка и главной угрозой его существованию является отсутствие русского словообразования. Размывание словарного состава языка иноязычными заимствованиями является лишь следствием.

Посудите сами, если в народе прекратится деторождение и трудоспособное население будет пополняться иммиграцией инородцев – вместе с их культурой, обычаями, а иногда и их законами, – что явится первопричиной угрозы устоям страны, наплыв инородцев или отсутствие деторождения?

¹ Гимадеев Р. А. Коллекция «Русский язык как государственный язык Российской Федерации». URL: <http://www.unkniga.ru/electron/11290-kollektsiya-russkiy-yazyk-kak-gosudarstvenniy-yazyk-rf.html> (дата обращения: 24.02.2023).

² Серкильини Б. Выступление 11.12.2019 в Москве на министерском российско-французском семинаре «Языковая политика Франции и России: проблемы и перспективы». Конспект.

³ Гимадеев Р. А. Положение русского языка в современном мире. Лекция в РИИИ 07.03.2019. Конспект. URL: <https://artcenter.ru/seminar-polozhenie-russkogo-yazyka-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴ Вассоевич А. Л. Революция и термидор. СПб.: Аврора, 2020. С. 216.

Первоочередной и жизненно важной потребностью русского языка видится установление порядка словообразования и словозаимствования. Разработать, утвердить и ввести в действие порядок создания русских слов и, в первую очередь, новых терминов могло бы правительство России или назначенный им институт изданием подзаконного акта. Но хотя бы упоминание о русском словообразовании в новом законе представляется необходимым.

Непрерывно развивающиеся наука, техника, быт, общественные и производственные отношения постоянно требуют новых слов и терминов для обозначения вновь появляющихся предметов и явлений. Без постоянного обновления словарного состава языка не обойтись никак. Но каким будет это обновление, кто будет им руководить, в чьих интересах и с какими целями его проводить – решать органам власти.

Россия остаётся единственной большой многоязычной страной, не имеющей ни органа словообразования, ни внятной языковой идеологии. Решения о введении в язык заимствований, о порядке их употребления и о выведении из речевого оборота русских слов принимают, фактически, СМИ – анонимно и безответственно. А ведь остаться неизвестным и неопознанным желает, как правило, злоумышленник.

Сохранение существующего порядка обновления русского лексикона даёт свободу действий нашим противникам в языковой борьбе против нас¹, позволяет им изменять наш родной язык по своему усмотрению, в своих целях.

Опыт² показывает, что одно лишь освещение в СМИ инициаторов внедрения в русский оборот нового слова может заставить их отказаться от выполнения их замысла.

Установление действенного, простого и прозрачного порядка словообразования позволит развивать и русский язык, и другие языки России в интересах нашей страны.

Вновь подчеркну, что тайно или явно организованное словообразование налажено в большинстве влиятельных стран мира. Было и русское словообразование. И в России термины из разных отраслей науки были созданы на русских корнесловах. Технические: поршень, шатун, палец, гайка, червяк, крыло. Экономические: промышленность, отрасль. Химические: кислота, щёлочь, вещество, кислород, водород, углерод. Спортивные: вратарь, угловой. Русское словообразование было, но оно прекратилось. Наша задача – возобновить его, наладить в новых условиях. Это не трудно, изобретать ничего не нужно, достаточно освоить чужой опыт и вспомнить свой, сделав поправки на новые условия.

Словозаимствование

Не следует понимать начало русского словообразования как полный отказ от заимствования иноязычных слов. Словозаимствование всегда было и будет, оно естественно, оно необходимо. Но лишь при соблюдении четырёх условий.

Во-первых, словозаимствование должно быть ограничено и упорядочено.

Во-вторых, оно должно сочетаться со словообразованием, а не заменять его.

В-третьих, заимствовать нужно из разных языков, а не только из английского.

И в-четвёртых, заимствуемые слова и термины должны быть подстроены под русский язык. Чтобы они смогли склоняться, образовывать женский род и множественное число. Чтобы они были благозвучны как на русском языке, так и на языках народов России.

Желательно также согласовывать словозаимствование с языковыми органами славянских стран – как это сделали, например, страны языков романской группы.

Сторонники свободного и неограниченного словозаимствования утверждают, что русский язык всегда заимствовал иноязычные слова и от этого не оскудел.

Однако нельзя сравнивать естественное словозаимствование прошлых веков с нынешним искусственным – это совершенно разные процессы, как выпас коня и заправка автомобиля.

До XX века словозаимствование происходило путём устного общения соседних народов. Иноязычные слова на пути в русский язык проходили отсев всенародного признания, при этом они перестраивались на русский лад, порой до неузнаваемости. Выполнялись все четыре перечисленных выше условия. Язык сам, без воли отдельных людей, вбирал в себя слова – как конь в поле сам находит себе корм.

¹ Рыбин В. В. Государственный язык как орудие власти. СПб.: Питер, 2018. С. 75–100.

² Рыбин В. В. Еврослова: кто и как их нам внедряет. URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2016/noyabr/evroslova_kto_i_kak_ih_nam_vnedryaet (дата обращения: 15.01.2023).

Теперь же русское словозаимствование целиком и полностью определяют СМИ, а не народ. Решения о включении слов в русский язык принимают неизвестные люди, анонимно. Никакого фильтра на пути заимствованных слов теперь нет. Границы нашего государственного языка открыты, на них нет ни таможи, ни пограничного контроля. Сегодня, в эпоху СМИ, утверждать, что язык сам отсеет негодные ему слова и вберёт только подходящие – всё равно что поставить перед автомобилем ведро с овсом и с бензином и ждать, из которого же ведра автомобиль заправится. Очевидно, что машина заправится тем, что вольтует ей в бак. А современный язык вберёт в себя те слова, которые вольтуют в него СМИ.

Если Россия – демократическая страна, то русским языком – как величайшим достоянием народа и как орудием власти государства – должны распоряжаться известные обществу люди, назначенные органами законной государственной власти. Словозаимствование, как и словообразование, должно проходить по прозрачной процедуре. Каждое новое слово, как русское, так и иноязычное, должно иметь известных авторов, предложивших его органу языковой политики и проголосовавших за его принятие.

Большинство новых слов появляется в современном языке сначала в виде терминов. Постепенно термины – то есть слова, используемые узким кругом лиц, – входят в общенародное употребление. Поэтому новым терминам должно быть уделено особое внимание органов ЯП.

Органы языковой политики

Одним из признанных способов размыть языки-конкуренты английскими словами является распространение заведомо ложного убеждения, что языки якобы развиваются сами собой и какое-либо принудительное воздействие на язык есть зло, ведущее к застою языка.

Отказ от государственного регулирования словообразования и словозаимствования ведёт не к свободному развитию лексикона, а к его изменению под управлением чужих органов языковой политики, в чужих интересах. «Свободное» развитие языка есть развитие языка под иностранным управлением. Государственное регулирование языка есть защита от регулирования его другой страной.

Язык есть такая же жизненно важная, неотъемлемая часть страны, как экономика. Но никому не приходит в голову отказаться от таможенного, налогового и финансового регулирования экономики ради «свободы рынка и скорейшего развития». Органы такого регулирования ставят заслон иностранному вмешательству в экономику, при этом оставляя, в разумных пределах, как свободу развития рынка внутри страны, так и свободу внешнеэкономической деятельности.

Так же и органы словообразования, существовавшие в СССР и в послесоветской России, опирались на народную инициативу. Представляется, что такой порядок и нужно восстановить, с поправкой на предпочтительность словообразования на русских корнесловах, как было в прошлые века.

Комиссии по терминологии

Порядок такой. Встретив новый предмет или явление, любое лицо, физическое или юридическое, обращается в отраслевую комиссию по терминологии.

Комиссия разъясняет обратившемуся, какой термин следует употреблять, если такой термин в языке уже существует. Так, например, если бы была комиссия по терминологии, она разъяснила бы, что английский термин «транспондер» точно соответствует русскому термину «приёмответчик», или кратко – «ответчик». Но из-за отсутствия в России комиссий по терминологии русский термин был вытеснен из русского языка английским термином.

Если же термина ещё нет, то комиссия заводит дело.

Начинается дело со сбора сведений: в каких языках уже есть соответствующий термин и как называются предметы, похожие и связанные с данным предметом. Далее следует рассылка по предприятиям и организациям отрасли, активным гражданам с запросом предложений – как этот новый предмет назвать. Возможна публикация запроса в отраслевых СМИ. Комиссия также обращается к соответствующим органам народов России и славянских стран.

Получив предложения организаций и граждан, комиссия запрашивает языковые институты народов России о благозвучности предложенных терминов в их языках.

Наконец, собрав все предложения, замечания и заключения, комиссия заседает и принимает один из предложенных вариантов. Ведётся протокол заседания, который, как и все вышеперечисленные

документы, подшивается в дело. Решение о принятии термина обнародуется в официальном издании и другими доступными комиссии способами. После вступления в силу решения органа все юридические лица должны называть данный предмет (явление) только установленным наименованием.

Но на этом дело не заканчивается. Важная часть дела – проследить за правильностью использования принятого термина. Раньше, в отсутствие Интернета, это делалось по сообщениям граждан и организаций. И если не удавалось добиться выполнения решения комиссии в ходе переговоров и предупреждений, нарушителя ждала административная ответственность после обращения комиссии по терминологии в министерство. Работа эта была отлажена.

Теперь же, в условиях Интернета и рыночной экономики, надзор за применением термина, переписка с нарушителями и наказание злостных ослушников штрафами представляется простым.

Так мы пришли к необходимости ещё одного, кроме отраслевых комиссий по терминологии, органа языковой политики – надзорно-карательного органа, включающего и правовой отдел. Он будет нужен для разрешения правовых споров, которых при наложении на нарушителей взысканий возникнет немало. Возможно, правовой отдел будет отвечать и за взаимодействие органов ЯП с органами законодательной и исполнительной власти России.

Принуждение

В условиях рыночной экономики добиться единого применения слов и терминов всеми юридическими лицами России без мер принуждения невозможно. Это убедительно доказали все неудачные попытки установления единой терминологии в экономике РФ в последние 20 лет.

Некоторые предметы уже сейчас называются в разных организациях разными терминами. В случаях, когда единый отраслевой совещательный орган голосованием принимал единый термин, предприятия отказывались менять в своей документации ранее применявшийся термин на вновь принятый. Потому что работа эта является весьма затратной, а для затрат нужны веские основания. Таковыми могут явиться только предписание уполномоченных государственных органов и угроза штрафа в случае нарушения.

Отсутствие общепринятой русской терминологии уже привело к тому, что в некоторых технических документах приводятся изображения деталей, например крепёжных изделий, для однозначного понимания. Потому что в разных областях России одни и те же детали называются по-разному.

Применение картинок вместо слов ярко доказывает насущную и срочную необходимость установления единых для всей России слов и терминов и принуждения юридических лиц к использованию только их.

Головной орган языковой политики

Многие термины попадут в области ответственности сразу двух или более отраслевых комиссий. Необходимость в распределении терминов по отраслям возникнет сразу. Число отраслевых комиссий по терминологии и пределы их компетенций в выработке терминов и аббревиатур определит головной орган языковой политики – в который, по-видимому, будут включены также правовой и карательный отделы.

В комиссии должны входить не только специалисты данных отраслей, но также лингвисты. залогом успешной работы комиссий станет разнообразие их состава – по возрасту, полу, специальности, политическим убеждениям и социальному положению.

Не таксист решает, куда ехать – домой или в бар. Не строитель решает, что строить – храм или супермаркет. Представляется, что не лингвист должен решать, в каком направлении следует развивать русский язык – в сторону гармонизации с английским языком или стремиться к славянским корням, к сохранению самобытности.

Русский язык принадлежит народу, и право решать судьбу языка принадлежит народу России – в лице органов законной государственной власти.

Головной орган ЯП будет таким органом. Он будет определять языковую идеологию страны, общее направление развития русского языка – соотношение заимствованных и вновь образованных слов, согласование языковой политики со славянскими странами, со странами Русского мира, с языками народов России. Он же определит структуру нижестоящих органов и будет координировать их ра-

боту. Он будет создавать общеупотребимые слова и аббревиатуры, которые затруднительно отнести к какой-либо отрасли экономики и науки. Решения отраслевых комиссий по терминологии приобретут законную силу лишь после их утверждения головным органом ЯП.

Вся эта в высшей степени ответственная и важная для русской цивилизации работа потребует тщательного научного анализа. Так мы подошли к необходимости научного органа, подчинённого головному органу ЯП и нацеленному на решение прикладных задач обустройства русского языка.

Научные задачи

Языковая политика как наука далеко выходит за рамки лингвистики и включает вопросы политологии, психологии, экономики, социологии и других наук. Знатоков языковой политики в России единицы, потому что целенаправленно в рамках государственных научных и учебных заведений ею никто не занимался, специалистов никто нигде не готовил. Почти все участники семинаров и конференций, касающихся ЯП, являются работниками системы образования и видят предмет изучения с одной стороны. Литература по языковому обустройству существует почти исключительно иностранная и не затрагивает русских особенностей.

Поэтому построение ЯП России сразу потребует создания научного учреждения для проведения *прикладных междисциплинарных* исследований.

История языка

Главным доводом сторонников либеральной языковой политики, выступающих против государственного регулирования языка и за свободное словозаимствование, является весьма спорное утверждение, что русский язык всегда заимствовал слова из других языков.

Однако наиболее известный исследователь русского словозаимствования профессор Л. П. Крысин утверждает, что заимствование слов русским языком началось только в начале XX века и стало массовым в конце 1910-х годов, а до этого массово заимствовало слова лишь поднаречие языка, которым пользовались образованные люди¹, доля которых среди русскоязычного населения не превышала 1,2 %. Собственно же русский язык заимствовал совсем немного слов, и то перестраивая их на русский лад (штуль – стул, ярмаркт – ярмарка и т. д.).

Для определения общего направления языковой политики России, для выработки языковой идеологии *нужен количественный анализ русского словозаимствования* в настоящее время и за последние 200 лет. Нужен качественный анализ развития русского языка в разные периоды времени *во взаимосвязи с другими историческими событиями*. Нужен сравнительный анализ развития русского языка с развитием других языков: словообразования, словозаимствования, изменения правил языка и письма.

И нужны прикладные выводы из результатов этих анализов.

Экономика языка

Язык – самый выгодный экспорт и самый невыгодный импорт, считают многие европейские специалисты. Язык как товар включает услуги по обучению языку, переводы, все виды культурной продукции – книги, песни, фильмы и пр. Включает разницу в оплате труда между носителями языка как родного, как второго и не владеющих языком. Кроме того, состояние языка, особенно его терминологической составляющей, влияет на развитие национальной экономики и науки – в том числе и за счёт возможности нахождения специальной информации.

В языковой экономике, как и в языковой политике в целом, также существует шкала взглядов – от крайне либерального до крайне консервативного.

Умеренные либералы предлагают отказаться от затрат на создание и содержание комиссий по терминологии, не создавать русских терминов, а лишь заимствовать английские.

Крайние либералы предлагают перевести высшее образование на английский язык, полностью снимая тем самым вопрос о русской терминологии с повестки дня.

¹ Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Брокгаузъ – Ефронъ, 1899. Т. XXVII. С. 141.

Сейчас языковая политика России идёт по пути среднему между описанными. Русские термины не создаются. Заимствуются не международные, а английские термины. И уже устоявшиеся русские слова и термины понемногу заменяются на английские¹.

Крайние консерваторы предлагают перевести науку на русский язык, постепенно заменив заимствованные термины вновь созданными русскими.

Умеренные консерваторы выступают за сохранение устоявшихся слов и терминов на русском или иноязычном корнеслове и за создание новых терминов преимущественно на русских корнесловах в целях повышения функциональности русского языка.

Определить затраты на устройство и ведение русского терминообразования, высчитать предполагаемые прибыли от повышения функциональности русского языка и другие выгоды от ЯП для страны в краткосрочной и долгосрочной перспективе и предложить оптимальный с экономической точки зрения путь развития русского языка – задача языковых экономистов.

А речь идёт о немалых деньгах, о триллионах рублей в год². Крепкий русский язык, позволяющий читать всемирно известных классиков русской литературы и поэзии и имеющий развитую терминологию, мог бы стать статьёй «экспорта языка» взамен или в дополнение к экспорту нефти. Напротив, слабеющий русский язык сдаёт позиции сильному английскому во многих областях, увеличивая «импорт английского языка» не только в странах Русского мира, но и в самой России³.

Психолингвистика

Воспитательная роль словарного состава языка широко использовалась политиками для достижения своих целей. Особенно ярко это заметно в России в XX веке и на Украине в XXI. Все новые слова несут в себе идеологию тех сил, которые внесли эти слова в язык.

На поведение носителей языка влияют все без исключения слова – и термины, и слова общего употребления, имена собственные и нарицательные, существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Но точно это влияние не может быть оценено ни лингвистами, ни экономистами, ни историками. Поэтому при обустройстве русского языка важно мнение специализирующихся на речи и письме психологов.

Пропаганда

Меры принуждения будут действенными лишь тогда, когда их поймёт и одобрит большинство населения, когда на нарушителей словоупотребления будут смотреть как на противников общественного блага. Пока же общественное мнение о языковой политике создаётся в России явно целенаправленно в угоду нашим противникам в языковой борьбе. Рупор СМИ имеют лишь либеральные деятели, делающие необоснованные и легко опровергаемые заявления. Противники же размывания русского языка, даже имеющие государственные должности и научные звания, даже приводящие веские доводы и убедительные доказательства, к рупору СМИ не допущены. Книги их издаются ничтожными для нашей большой страны тиражами.

Поэтому разумные действия правительства по языковому обустройству России потребуют немалой разъяснительной работы среди населения, уже обработанного вредной пропагандой за тридцать лет господства либеральной прозападной языковой идеологии.

Народное словообразование

Действенным способом пропаганды языкового обустройства России может стать привлечение к словообразованию самых широких слоёв населения. Народ почувствует свою причастность к обустройству своей страны, своего языка.

---

¹ Один из примеров – объяснение Роскомнадзором замены термина «приёмответчик» на «транспондер»: «Изменение лексического состава русского языка, включая заимствование иностранных слов, представляет собой неизбежный процесс обновления и развития современного языка». Исх. нр. 04–4014 от 15.01.2018.

² На основе данных Еврокомиссии за 2007 год «скрытый оброк» на английский язык составил порядка 1000 ЕВРО в год на каждого гражданина ЕС. В пересчёте на Россию – порядка 10 трлн руб. в год.

³ Рыбин В. В. Государственный язык как орудие власти. СПб.: Питер, 2018. С. 80, 149–150.

Так, во Франции слово «куръель», обозначающее электронную почту, было принято взамен длинного «пост электроник» по итогам школьного конкурса по словообразованию.

Все народы всегда создавали новые слова стихийно. Сейчас, когда русские утратили это искусство, видится уместным включение основ словообразования в школьный курс русского языка.

Поставить заслон латинице

Латиница медленно, но уверенно вползает в русское письмо. Началось это вползание с названий иностранных фирм: Ford, Metro. Затем некоторые аббревиатуры – WiFi, DIY, QR, а потом и англоязычные термины – e-mail – стало принято писать латиницей. Это нарушает строй языка, лишает слова склонений: например, «Выбери свою Lada». Наконец, это выглядит угрозой перехода всего русского письма на латиницу, что совершенно недопустимо, так как резко понизило бы порог доступности молодому поколению старой классической литературы и поэзии. Пора поставить прочный заслон применению латиницы в русскоязычных текстах, в том числе для имён собственных.

Две угрозы языковой политике

Увод языковой политики от решения задач государственного и цивилизационного уровня к решению узких лингвистических и образовательных задач – главная опасность, грозящая российской языковой политике на этапе её становления.

Французские языковые политики на семинаре в Москве один за другим повторяли, что язык – основа государственности, что без крепкого языка государство рухнет, как дом без прочного фундамента. Есть и в России умы, утверждающие, что языковая политика – дело не филологов и педагогов, а государственной безопасности. Но, увы, рупора СМИ эти люди не имеют, и наша языковая политика остаётся на угрожающе низком уровне. Даже языковая политическая мысль заперта в тесном загоне лингвистики и системы образования.

Ложное целеполагание – вторая угроза. Увод языковой политики России от обустройства русского языка к повышению его статуса опасен. Язык дряхлеет, он не только не производит новых слов, но и теряет свои родные слова, замещая их словами чужеродными. Язык не поспевает за развитием науки, техники и экономики. Бесплодны и бессмысленны (*авторская редакция*) все попытки склонить наше ближнее зарубежье к использованию теряющей функциональность русского языка. Статистика показывает, что в странах бывшего СССР число его носителей как второго снижается ровно настолько, насколько растёт число носителей английского. Самая действенная мера по повышению статуса языка – это укрепление его тела.

Так, бессмысленно повышать статус дряхлеющего человека. Сколько ни награждай его титулами и званиями, из-за слабеющего тела он с должности руководителя будет вынужден уйти на должность советника, потом – почётного члена, и в итоге статусные мероприятия пройдут на кладбище на его похоронах.

Задача языковой политики сегодня – заботиться о состоянии тела русского языка более, чем о его статусе.

Заключение

Россия находится в выгодном положении, поскольку она начнёт приступать к языковому обустройству тогда, когда другие страны уже накопили опыт в этом деле. Чужой опыт уже позволяет нам наметить первоочередные задачи и устройство системы органов языковой политики России.

Обустройство русского языка, построение языковой политики требует государственного подхода, осмысления с точки зрения российской государственности. Языковая политика должна быть прочно увязана с остальными направлениями государственной политики России и подчинена ясно определённой языковой идеологии. Лично участвовать в построении языковой политики России должны люди с государственным мышлением и широким кругозором. Только такой подход приведёт к успеху. Пора за дело!

Анатолий Байбородин

Анатолий Байбородин – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. С 2017 года – главный редактор журнала «Сибирь», член редколлегии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах, коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии и Франции. Является лауреатом Всероссийских литературных премий: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» им. братьев Киреевских (1999), им. Василия Шукшина (1999), Большой литературной премии России (2007), премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), им. Петра Ершова (2017), Всероссийской национальной премии им. Валентина Распутина (2018). Живёт в Иркутске.

УТРОМ НЕБО ПЛАКАЛО, А НОЧЬЮ ВЫПАЛ СНЕГ

Рассказ-притча

Уже бо и секира при корене древа лежит...

Евангелие от Матфея, 3:10

По городу брёл старик. Желтоватое лицо его замерло в ласковом, горнем покое. Глаза водянисто синели, слезились, словно мироточили, и безмолвно, отрешённо смотрели на город из-под лопнувшего козырька чудом выжившей тёмно-зелёной с жёлтым околышем казачьей фуражки.

Старик, в церковном приходе дед Егор, вышел из храма, где накануне соборовался, а на заутрене исповедался, причастился Святых даров, и ныне светилось иконным ликом его усохшее и костистое лицо. Сунув фуражку под ремень, коим по старинке перепоясывал рубаху, где устало светилась медаль «За отвагу», запахнул чинёное-перечинёное линиялое серое пальто, трижды перекрестился, трижды, касаясь перстом оземь, поклонился крестам да куполам и, прошептав Иисусову молитву увядшими, синеющими губами, малое время посидел на студёной каменной паперти среди убогих. Но не христарадничал, как обычно, не просил милостыню Христа ради, а лишь присел, чтобы после заутрени утихомирилась дрожь в коленях; затем встал, с хрустом разогнул немеющую спину и побрёл, томительно шаркая подошвами порыжевших яловых сапог с морщинами на голенищах. И бог весть куда поковылял на измождённых, сношенных ногах старый казак, в душе коего ещё звучала ангельским эхом просительная ектенья: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, не постыдны, мирны и доброго ответа на Страшнем Судиши Христове просим...» Уже случалось, убогий старик напрочь забывал халупу, по самые ставни вросшую в землю, где коротал век у сестры-бобылки, и лишь чудом подворачивался поводырь, который доводил до жилья. Нынче никто не подворачивался, и старик брёл неведомо куда, словно в грядущую вечность.

Городище заволочла пепельная мгла; небо, набухшее мороком, тяжело и сумрачно лежало на крышах каменных домов, и лишь призрачно светились в поднебесье купола Крестовоздвиженского храма. Накануне Дня Казанской иконы Божией Матери было тепло и грязно – перед заутреней моросил дождь. Но старик помнил, что в его казачьей станице, давно уже сгнувшейся, старики судачили: ежели на Казанскую небо плачет, вслед за дождём поспеет снег.

Осеннюю грязь месили сотни сапог и полусапог, озабоченных и суетливых. Ногастая, похожая на болотную цаплю долговязая девица прыгнула из парикмахерской, сослепу ткнулась в старика, испуганно шаркнулась и оторопела, заглянув в разверстую стылую могилу. Но тут же очнувшись, когтистыми пальцами манерно помахала возле брезгливо сморщенного носа и всунулась в тупорылую

заморскую машину. Старик хотел вымолвить... доброе слово колыхнуло тёплым дыханием запавшие губы... но не успел и теперь виновато глядел вслед машине, обдавшей его вонючим жаром.

Старик брёл по городу; авоськи и баулы испуганно обтекали его. Под стариковское пальто поддувал сырой ветер; он же порой зло теребил и вздымал по-младенчески пушистые и насквозь проглядные инистые волосы, обнажая овраги висков, какие бывают у лошадей, когда они падают в изнеможении.

...Осенью сорок первого волочили солдаты, отходя в российскую глубь по грязным и топким, разбитым дорогам. Пала в обозе надсаженная лошадь, и молоденький лейтенант, матерками отгоняя жаль, своеручно пристрелил коня; и старик – тогда ещё не мужик и уже не парень – глядел на палую лошадь сквозь слёзную заволочь, ибо рос в казачьей станице при конях и служил в обозе. Потом нагляделся на смерти; и слёзы, пролившись в душу, оледенели, и лишь послевоенные жаркие молитвы растопили лёд, и слёзы пролились в душу тёплым дождём, и любовь, робкая, словно майские травы, взошла в измаянном казачьем сердце.

* * *

По городу волочился выживший из ума облезлый пёс, которого хозяин взашей выпихнул со двора; вначале увёз на городскую свалку, где среди пёстрога людского хлама шатались... тени из преисподней... тощие одичавшие псы с измождённой сукой – обвисшее, докрасна воспалённое, истерзанное сучье вымя тащилось по мусорным холмам. Хозяин вышел из чёрной, слепящее-сияющей легковушки и надтреснутым, прерывистым голосом поманил пса: «Дружок!..», и собака сползла с заднего сиденья, присела подле хозяина, а тот закурил, брезгливо косясь на свалку. «Пристрелить бы...» – вслух подумал хозяин, потом нервно кинул сигарету, растёр сапогом и, хлопнув дверцей, быстро поехал. Пёс, ещё ничего не понимающий, заковылял было следом на остаревших лапах, но тут же, запыхавшись, высунув красный, парящий язык, остановился и долго смотрел в ту сторону, где пропала машина с хозяином. Друг не понял убогим собачьим рассудком, отчего хозяин оставил его на свалке, а, чтобы не рвать душу горькими думами, поплёлся в город.

Вскоре, отощавший, кожа да кости, измученный, лежал у калитки возле богатого подворья, кое сторожил весь свой собачий век. Когда хозяин заметил Дружка, то в сердцах, уже не церемонясь, погнал от калитки, безбожно кляня старую псину-пропастьину. Пёс, выстилаясь по земле, ещё полз к хозяину, в котором души не чаял, и даже хотел облизать пыльные сапоги, виновато и заискивающе глядя в остуженные хозяйские глаза. Но хозяин прихватил суковатую палку и отогнал Дружка подалее от калитки, за которой носилась и гремела молодым лаем чёрная немецкая сука.

И пёс понял, что, верно и любовно отслужив собачий век, больше не нужен родным людям; а по-сему, не чая тёплой похлёбки, мягкой подстилки, хозяйской ласки, поплёлся не ведая куда и зачем.

* * *

По Большой улице, прозванной Бродом, тупо и медленно, сплошным и грозным потоком, словно в атаку, ползли машины; хищно сверкали нездешней, несвычайной пестротой, сыто, но жадно урчали; и колыхался над ними тяжкий угарный гул. Но для старика уже всё стихло, и вместо уличного гула из пепельной, миражной бездонности... из-под церковного купола, с голубых небес... сухим и тёплым ладаном наплывали покойные, ясные звуки и, похожие на далёкий-далёкий перезвон колокольный, грели стариковскую душу.

Такие же небесные звуки хлынули на русских солдат, когда со скрежетом распахнулись ворота немецкого лагеря – в синюю небесность, словно в церковный купол; и шли они, равнодушные к жизни, – может, не люди, а светлые тени, оставившие плоть позади, где бездымно темнели печи, – редкие зубы в провале старческого рта, чёрные и голые деревья на пожарище. И шёл среди теней старик – тогда ещё мужик, но уже присыпанный старческим пеплом...

* * *

Старый пёс... теперь уже бездомный, бродячий... плёлся по городу, припадал на ослабшие хворые лапы и, робко, просительно, с вялой надеждой заглядывая в подворотни старгородских одряхлевших усадеб, высмотрел, как, чужеродно выпячиваясь из унылой ветхости, степенно похаживал дог, под гладкой, лоснящейся кожей которого дыбилась, властно играла упругая злая сила.

Ветхому псу привиделось дальше, гаснущее в сумраке лет, когда он, молодой и матерый, но смиренный и заласканный детвой, без клича оборонил хозяина, рискуя в прыжке угодить на зловеще сверкнувший нож. И пёс был счастлив редкой удаче – спас хозяина, выказал собачью преданность; и он бы захлебнулся в предсмертном восторге, если бы, заслонив друга, пал наземь, истекая дымящейся кровью.

Дог настороженно замер у чёрных тёмных ворот, двускатно крытых древним драньём. А тут из калитки, лёгкая, словно одуванчик, вприпрыжку выбежала светлая девчушка и, хлопая ковыльными ресницами, уставилась на печального старого пса. Потом улыбнулась... посреди осенней мороси желтовато засветилось летнее солнышко... залепетала, пришепётывая, на детском поговоре, сунула псу надкушенный пряник, и пёс бережно взял угощение, прижал губами, но не сглотил – от удивления, робости и смущения. Девчушка присела на корточки, погладила пса, всё так же лепеча... шелестели на тихом ветру полевые цветы и травы... и пёс неожиданно улёгся перед ней, положил морду на лапы и блаженно прикрыл слезящиеся усталые глаза.

Долго ли, коротко ли тянулось собачье блаженство, но из калитки торопливо вышла женщина – похоже, мать девчушки – ярко наряженная, но раздражённая, и презрительно глянула на пса, потом схватила дочь за руку, прошипела:

– Ты что, хочешь заразу подхватить?! А ну, пошла отсюда, псина!.. помойка ходячая! – замахнулась на пса и ворчливо сказала дочери: – Пошли скорей, а то опоздаю из-за тебя...

Подволакивая захныкавшую девчушку, женщина засемила по старой улице, нервно стуча острыми копытами в деревянный тротуар. Тем временем дог, враждебно щурясь, со зловещей неторопливостью, вкрадчиво пошёл на бродячего пса, и тому ничего не оставалось, как уносить лапы от греха подальше.

* * *

...Людская река выплеснула старика к торговым рядам, где осинными гнёздами лепились лавки, где торговали нерусским, режущим глаза, а чем – старик, впавший в станичное отрочество, уже давно не разумел древним разумением. И раньше, вглядываясь в небеса, глядел сквозь пёстрые лавки, а ныне и подавно. Хотя вдруг удивлённо замер возле молодой цыганки с чёрными до жгучей синевы, текущими на плечи густыми волосами, с ночными глазами, в омутной глубине которых вспыхивали искусом и гасли зеленоватые огоньки. Торговка скалила бело-пенистые зубы, потряхивала вольной полуоткрытой грудью и, весело заманивая покупателей, продавала медные нательные крестики с распятым Христом, что свисали с руки на блескучих цепочках. Парни в толстых мешковатых штанах мялись подле цыганки, весело и бойко приглашали в ближний трактир. Торговка, играя плечами, постреливала сумеречными глазами, и с губ её, пухлых, вывороченных наружу, не сползала сулящая улыбка. Но когда парни со смехом и гомоном подались прочь, осерчавшая цыганка плюнула им вслед, замешав плевков на забористом русском мате. Тут же в сердцах набросилась на старика:

– А ты чего здесь торчишь, старый...?! – цыганка ввернула словцо, от коего вянут, словно прибитые инеем, даже крепкие мужичьи уши, и старик, хоть и не обиделся, всё же пошёл от греха. Учув стылый ветер, нахлобучил древнюю казачью фуражку, кою давно уж теребил в руках.

* * *

Подле «Рюмочной» старик загляделся на тощего, белообрисого христарадника, что заунывно играл на гармошке и сипло, слезливо пел в свисающие подковой, до рыжа прокуренные казачьи усы:

*...Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Ой, разрезвился подо мною...
Ой, налетели буйны ветры,
Да с восточной стороны,*

*И сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы...
А есаул догадлив был,
Он быстро сон мой отгадал,
Ой, пропадёт, он говорит,
Твоя буйна голова...*

Старик чудом вспомнил: на престольный праздник в память святого мученика Георгия Победоносца батька-атаман, бывало, выкатывал бочонок браги, а казачки накрывали столы посередине станичного

майдана, и отец, голосистый певень, певал про буйную головушку. Старик узрел в сизых небесах и мать родимую: притулилась с краю печально поющего застолья; увидел и себя, малого, – оробело жмётся к материной груди, опасливо косясь на родичей, станичников, дивясь на поющего отца. «Чёрного ворона» выплакивал хмельной отец, бывший белый казак; стонал, обнимая кровного брата, бывшего красного казака, коего чудом не засёк под городом Читой, когда свершилось святое провиденье: «Предаст же брат брата на смерть, и отец чадо; и восстанут чада на родители и убьют их...»

Пел отец, незряче глядя в заречные поля... слёзы туманили глаза... пел, подперев ладонью бедовую головушку, вороную, ныне до срока усыпанную стылым пеплом:

<i>Под ракитою зелёной</i>	<i>Ты не вейся, чёрный ворон,</i>
<i>Русский раненый лежал,</i>	<i>Над моею головой,</i>
<i>Над ним вился чёрный ворон,</i>	<i>Ты добычи не добьёшься,</i>
<i>Чуя лакомый кусок...</i>	<i>Я казак ещё живой...</i>

Окружённые домочадцами и станичниками, братья гуляли в ограде, вольной, поросшей зелёной щетиной и цветами-желтырями; братья... крутоплечие, приземистые карымы¹... скорбно пели под раскидистой черёмухой, осыпающей белый цвет на столешню, крытую серой льняной скатертью, на которой не красовались, как бывало, щедрые наедки и напитки, но сиротливо ютились печёные картохи, меднобокие караси, лишь сочно зеленели пучки вешней черемши да голубовато мерцала в кринках соковица². В досельную пору к Егорию Тёплому казаки ловили петлями косачей либо глухарей, когда у птиц свадебный ток, а сейчас не до косачей, глухарей; ныне казаки гадали, как выжить после великой порухи, как душу утихомирить после кровавой смуты.

С высокого станового берега Ингоды, где вальяжно раскинулась станица, где на отшибе желтел дом отца, виделось, как в долине, изогнутая луком, серебрилась полуденная река, тающая в зеленоватобуром сумраке таёжных хребтов. Братья, на святого Егория Победоносца обрядившись в казачью справу, пристегнув шашки, пели сумрачно, с заведомой тоской вглядываясь в ингодинскую долину, в синеющие заречные хребты; братья чуяли: завтра белого казака отпотчуют свинцом, прислонив к тюремной стенке, послезавтра красного казака расказачат и раскулачат, под конвоем пошлют в Черемховские угольные копи и вместо шашки всучат кайло.

Но се завтра, а ныне – Егорий Храбрый, чьим святым имечком и окрестили малого; а когда подрост Егорша, дед ста лет плёл внуку казачью старину:

– У Ягория, света, Храбра, по локоть руки в красной замше, по колено ноги у чистом срябре, а во лбу-то, паря, солнце, во тылу месяц, по косицам звёзды перехожие... А в руськом царстве, Христовом государстве обрятался подле озера Змей Поганый, что поядал дявиц руських. И выпала лихая доля деве подвянечной; взмолилась дева Иисусу Христу и Мати Марии да святым угодничкам, и по вере слятел с нябес Егорий Храбрый на белом коне. Ох, и оробел же, паря, Змей Поганый, стал лизать конски копыта, а святой воитель заколол яго казачьей пикой. О!.. С досюльных врямён, паря, и носится Ягорий Храбрый по бедам – Побядоносец же... Юрию... он же Ягорий будет... даданы ключи от неба и земли, и святой атаман отпирает небо, даёт волю солнцу, а звёздам силу. Так от, Ягорша... Ягорий Вешний землю отмыкат, рысит по лясам на белом коне, зверьми повелеват. Что у волка в зубах, то Ягорий дал... Ягорий Храбрый и от волков скот обьяргал.

Вспомнились старику отроческие потехи-утехи: перед выгоном скота на вольный выпас Егорша шатался с казачатами по усадьбам и под шергунцы³, трензели⁴, бубны и барабанки распевал «Батюшку Егория»:

<i>Мы ранёшенько вставали,</i>	<i>В поле ходили,</i>
<i>Белы лица умывали,</i>	<i>Крясты становили,</i>
<i>Полотенцем утирали,</i>	<i>Крясты становили,</i>

¹ Карымы – русские, чернявые, помешанные с тунгусами или бурятами.

² Соковица – берёзовый сок.

³ Шергунцы (шаркунцы, шеркунцы) – бубенцы, издающие глухой звон, прикрепленные на ошейнике к лошади, иногда ошейник крепился к самому хомуту.

⁴ Трензель – удила, состоящие из грызла и двух колец, за которые трензель крепят к щёчным ремням уздечки; создан для того, чтобы упростить управление лошастью.

*Ягорья вопили:
«Батюшка Ягорий,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лясу и за лесом.
Волку, медведю,
Всякому зверю –
Пень да колода,
На раменье дорога.
Тётушка Анфисья,
Скоре пробудися,*

*В кичку нарядися,
Пониже окрутися,
Подай нам по яичку,
Подай по-другому.
Первое яичко –
Ягорию на свечку,
Другое яичко –
Нам за труды
За ягорьевские.
Мы ходили, хлопотали,
Трое лаптей изодрали.*

Хозяева выносили мзду: яичек, пирожков и шанюжек, и с поклоном подавали казачатам, а уж казачат шукали матери: куда огольцы-сорванцы уметелили?.. опять пошли кусочничать, побируши-помируши!

А юнцом Егорша, прости, Господи, грешного, подсмотрел на рассвете Юрьева дня: станичные девы убрели за поскотину и на елани¹ средь березняка и осинника умывались утренней росой, а иные, озорные, дерзкие, нагими валялись на росной траве, дабы стать пригожими, словно утренняя зорька, чистыми, словно Юрьева роса. А на особицу парни... суеверы, прости им, Боже Милостивый... купались в росе с надеждой быть здоровыми и сильными, яко Юрьева роса.

В престольную заутреню семейство усердно молилось в белоснежной Георгиевской церкви, где красные безбожники грозились, сбив кресты, открыть клуб и читальню. После Божественной литургии, возле иконы Святого мученика Георгия Победоносца, кою возложили на аналой, батюшка отслужил молебен покровителю русских воителей: «О всехвальный, святой великомучениче и чудотворче Георгие! Умоли Человеколюбца Бога, скорый помощниче всех призывающих тя, да не осудит нас, грешных, по беззаконию нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости и подаст православному Отечеству нашему и всему боголюбивому воинству на супостаты одоление; да укрепит государство Российское непременяемым миром и благословением; изряднее же да оградит нас святых Ангел Своих ополчением, во еже избавитися нам, по исходе нашем из жития сего, от козней лукаваго и тяжких воздушных мытарств его, и неосужденным предстати престолу Господа славы. Аминь». Слушая попа, казаки мучительно гадали: какое воинство славит батюшка, красное иль белое? У красных верховодят жида-хриstopродавцы; белые предали царя-батюшку, помазанника Божия, вынудив отречься от царского престола, и воевали не за Бога, царя и Отечество, а за республику, да и в сговоре с чужеземцами, что зорили Русь, губили народ русский. Эх, куда ни кинь, кругом клин...

Выйдя из храма, казаки подали милостыню христарадникам, особо слепому, вопиющему:

*– Во святой зямле, православной,
Нарождается жаланное детишо
У той ли премудрья Софии;
И нарякает она по имени
Свое то детишо Гяоргий,
По прозваньцу Храброй.
«Соизволь, родима матушка,
Осударыня прямудрая София,
Ехать мне ко зямле светло-Русской
Утверждать веры христианские».*

*И даёт яму родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая София,
Свое благословение вяликое.
Примает он, Гяоргий Храброй,
Ту землю светло-Русскую
Под свой вялик покров,
Утверждает веру крящённую
По всей земле светло-Русской...*

После богомолья колокола гулко и звонко славили Бога в небесах, и семейство прошлось по широкому майдану, где на Егория Вешнего ныне, как испокон казачьего века, пестрела ярмарка: торговали шерстью, кожами, сёдлами, сбруями и хомутами. Отец посудачил с казаками: де, что ныне сулит Юрьев день?.. На Руси два Егория: Зимний холодный и Вешний голодный, а в лихолетье, когда погибелью и разором, словно кровавым ливнем, окатила Забайкалье война, и вовсе хоть зубы на полку.

¹ Елань – лесной луг.

Да и рысит ныне Егорий на белом коне – не сошёл снег с полей, жди неурожай, вот ежели бы на вороном скакал... Да и не пала ночная роса; а бывало, на Егория роса – добрые проса и не треба коням овса. Егорий Вешний отпирает росу, а посеми мужики и казаки выгнали коров на выпас до солнца, пока не сошла Юрьева роса; старики толковали: мол, удоистые будут коровёнки, и хворь не страшна.

Слышались старику дальние казачьи голоса:

– Сена-то, паря, хватат? До Николы дотянешь? Браво ж накосил...

– Кого, паря, браво?! – казак досадливо чешет затылок, сдвинув фуражку. – Труха осталась... Снег путём ня сошёл, на голую пажить скота выгнал...

– Копытят... – усмехается в смолистую бороду домовитый казак. – Верно господа старики баяли: сена достаёт у дурня до Юрья, а у разумного до Николы... А ярицу-то посеял? Говорят же: сей, пока чярёмуха цветёт.

– Не-е, паря, рано. Студёная земля, не отошла. Ночью – заморозки...

– Оно и ладно. Старики же толковали: в ночь на Ягорья пал мороз – хлеба жди воз и под кустом овёс.

– Ага, жди... Сявец не уродит, коли Бог ня зародит.

Старик вспомнил: до престольного застоля брата по древлеказачьему чину сажали его, трёхлет-ного, на гнедого коня. Вроде в казаки верстали... Накануне мать из старенькой, сумеречно-зелёной юбочки скроила и сшила гимнастёрку, на далембовые шаровары нашила жёлтые лампасы, отец смастерил жёлтые погонишки, а дед ста лет смастерил деревянную сабельку. Об одном малый горевал, сапоги не справили, в сыромятных ичижонках сажали на коня.

Мать, синеокая, дородная, по случаю праздника в радужном семейском¹ сарафане, в цветастой кичке, вышла с Егоршей на высокое резное крыльцо и сквозь слёзную мглу оглядела людный двор. Отец, белый казак, держал под уздцы оседланного гнедого коня, а Егоршин крёстный, красный казак, принял малого из материнских рук, подкинул к сизым небесам, занялось детское сердчишко, словно на троичкой качели, и отпустило, когда малый очутился в седле. Ухватившись за луку седла, глянул вдаль с птичьей вышины, и глаза обмерли в диве: далеко и вольно отпахнулась казачья вольница: причудливо извивалась в зеленеющей долине серебристо-голубая Ингода, синели далёкие таёжные хребты, и небо в перистых облаках, где кружил одинокий коршун, казалось близким, рукой подать. В заокольном березняке кукушка куковала, Егорше век отмеряла. А над серебристой драновой крышей сновали ласточки – со дня на день вешний гром загремит.

Станичники – родичи отца и матери – придерживали и коня, и малыша. Крёстный напялил на малого свою линялую фурагу с жёлтым околышем, но фурага сползла малому на нос. И тут дед ста лет, махонький, седенький, хлопнул себя в лоб: «Совсем, паря-девка, из памяти выбился. Дырява память...» Посеменил в курень, откуда торжественно вынес белую мерлушковую папаху с малиновым верхом, самочинно сшитую как раз Егорше по голове. Подал крёстному папаху, когда тот выстриг у малого клок волос и вручил матери, чтобы утаила на божнице.

По доброму-то, как встарь чинилось посаженье чада на коня, надо бы с благословения батюшки обвести лошадь вокруг храма, да чтоб батюшка отчитал молитву святому Егорию, небесному заступнику казачонка. Но... вьюжными ветрами налетело лихолетье, и нынешняя власть... хриstopродавцы... не жалуется казачество.

Станичники присматривали: схватится за гриву – долго пуля не возьмёт, шашка не смахнёт, а захнычет, повалится с коня – рано быть убиту. Егорша и не повалился, и за гриву не уцепился, отчего дед ста лет вздохнул горестно: «Не казак растёт...», но промолчал.

* * *

Город сошёл с ума, обратился в сплошную барахолку, прозванную «шанхайкой», где назойливо, крикливо, лукаво торговали азиаты и китайцы; повально кинулись продавать и перепродавать турецкое, китайское барахло и русские, словно им негде работать, словно умолкли фабрично-заводские гудки, а в губернских полях вросли в землю ржавые трактора и комбайны.

Старик постоял возле широкой деревенской бабы, торгующей картошкой, моркошкой, свёклой, капустой, и опять дивом дивным узрел станицу детства и отрочества, хотел было перемолвиться с бабонькой, дескать, утром небо плакало, а ночью Господь зимушку пошлёт. Но та испуганно отпрянула от старика

¹ Семейские – староверы Забайкалья.

и осенила лоб незримым крестом, почудилось жёнке, чтодохнула на неё холодная пустоглазая смерть, которая нынче пошла бродить по городу. Но бабонька тут же и спохватилась, сунулась под прилавок и выудила творожную деревенскую шаньгу, затем, подумав, прибавила к ней брусничную. Гостинец, прозываемый в деревне подорожником, уложила в пакет, а коль старик стал отказываться от угощения, то и сунула ему в широкий полуоторванный карман пальто. Старик поклонился бабе и, перекрестив её, прошептал: «Милость Божия, Покров Богородицы, молитвы святых тебе, добрая душа...»

В торговых рядах гремела и билась в припадке шалая музыка, а уж на каком говоре пели, старик не разумел. Лишь горечью окатило фронтовую душу, когда в безумии звуков чётко прозвучало: «А на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе...» Раньше одичалая музыка напоминала старику лай и рычание озверевшей, кровожадной своры собак, что сопровождали пленных русских солдат и рвались с поводков, дабы растерзать полуживых людей. Но сейчас старик не слышал магнитофонного рыка и лая; глухим нимбом обволакивали его бездумные, пахнущие ладаном и могильным покоем небесные звуки.

По городу брёл старик, седой, измождённый, и когда ветер распахивал пальто, изветшавшее, словно простреленное, грубо, внахлёт зачинённое, то взблёскивала фронтовая медаль на жёваном отвороте древнего пиджака, одетого поверх исподней рубахи.

Неожиданно старик свернул в сумрачную арку; утомлённо припал к грубо отёсанной каменной стене, и острые щербины впились в щеку, поросшую реденьким седым волосом. Старик оглядел арку, похожую на могильный склеп, и на глаза ему попался перевёрнутый вверх дном решётчатый ящик из-под вина – видимо, кто-то здесь уже переводил сморённый дух. Старик присел на ящик, откинулся к стене и прикрыл глаза тонкими, в синей паутине дрожащими веками. Бог весть, долго ли тянулось обморочное забытьё, но неожиданно старик ощутил, что к рукам его, безжизненно опавшим на колени, к холодному лицу прикоснулось ласковое, тёплое, влажное, до сладостной боли родное, приплывшее в город из далёкого ингодинского малолетства. И опять увиделось дальнее, словно солнечный луг явился в предснежном сумрачном небе...

Средь высоких лиственей, позолоченная утренней зарёй, кондово рубленая церковь... от купола тёплый желтоватый свет... и стриженный большеголовый парнишонка бежит ромашковым лугом наперегонки с дворовым псом, мимо пасущихся коров и коней. Летит малый не чуя ног, плещется в мираже, словно в струях речных, сверкающих на солнце серебристой чешуёй; а за рекой сенокосные луга, лебяжий березняк и зоревый сосняк, где, разложив на сером рядне некорыстные харчи, поджидает его мать, высматривает отец, прислонив литовку к сенокосному шалашу, укрывшись от солнца лопатистой, чёрствой ладонью...

Ещё боясь поверить, боясь спугнуть оживающее видение, старик не открывал глаза, вытягивал наслаждение, потом медленно отпахнул веки и по-детски солнечно улыбнулся – рядом посиживал такой же ветхий, как и он, осиротевший пёс, облизавший ему лицо и руки. Младенчески беззубая и бездумная улыбка тронула синеющие стариковские губы... закатный солнечный луч согрел восковое лицо старика... и, как бывало в детстве, старик неспешно и протяжно погладил пса, почесал за ушами, висящими словно лопухи. «Ну что, дружок, осиротел?.. Горе мыкаешь, горемычный. Голодный, поди...»

Вдруг вспомнилось далёкое, забайкальское: казак, знатный охотник в станице, обозлился на собаку – мало чуху и нюху, всю охоту пустолаяла – и решил утопить в реке... отчего пожалел десять граммов свинца, старик забыл... и выплыл казак на стрежень Ингоды-реки, привязал к собачьему ошейнику камень да и кинул в багровую закатную рябь; но камень слетел... видно, в спешке худо обмотал бечевой... и пёс тут же подплыл к лодке; тогда осерчалый психованный казак... истрепал нервы на Германской войне... навернул собаку веслом, замахнулся другой раз, но не удержался и бухнулся в воду; и утонул бы... худо мужик плавал... но спасала собака: подплыла, чтобы хозяин ухватился за собачьи уши, и так с горем пополам и подчалили к берегу. О сём судачили казаки; почём купили, потом и продали...

Старик обнял бродячего пса за шею и вспомнил о подорожниках, что сунула в карман сердобольная деревенская баба; вспомнив, тут же и достал творожную шаньгу и протянул псу. «Кормись, Дружок...» Пёс, подивившись, что старик ведаёт его кличку, бережно взял гостинец в зубы и, положив на землю, уставился на старика вопрошающим слезливым взглядом. Старик опять обнял бродягу за шею и, как в станичном малолетстве, прижался лицом к лохматой морде и, блаженно укрыв глаза, снова впал в забытьё.

Разбудил его посвистывающий шёпот, откуда вырывался ломкий, куражливый басок. Старик очнулся, обрёл житейскую память и, кажется, догадался, что рядом целуются молодые. Они возились

близко, за углом; слышно было: умолял и клялся парень, тяжело и порывисто дышала подруга... Не ведая зачем, старик поднялся с ящика, пошёл к молодым на одеревенелых ногах и стал молча смотреть влажно синеющими из потаённой глубины, удивлёнными глазами.

Молодые полусидели-полулежали на широкой садовой скамейке, ради греха и втиснутой промеж каменной стены и густых зарослей одичалой сирени. Прямо на земле, усталой жухлыми листьями, усыпанной сигаретными окурками и клочьями бумаги, торчали пивные банки. Молодые оторопели, словно явилось бледное, бескровное видение из тоскливого, замогильного мира; потом девушка зябко передёрнула крутыми плечами и, оттолкнув парня, села прямо, натянула юбку на голые колени. Парень, синеглазый, бритоголовый, закурил сигарету и досадливо-выжидающе уставился на старика. А тот, каясь и виноватясь, вдруг ясно и живо увидел сына, убиенного в Афганистане, давно оплаканного и отпетого... Старик подошёл к парню ближе и, вроде погладить по плечу, потянулся ладонью, высохшей, мелко и часто вздрагивающей. Девушка испуганно качнулась, парень же оглядел пришельца от войлочных ботинок до седой головы стылым и острым взглядом, затем процедил сквозь желтеющие фиксы:

– Топай, топай, батя!.. Здесь не подают.

То ли не расслышав, то ли не вняв просьбе, старик ещё стоял с протянутой рукой и негаснущей улыбкой, и вдруг парень покаянно опустил глаза, развёл руками:

– Прости, батя, ничё нету. Иди с Богом.

И старик, сопровождаемый бродячим псом, побрёл из глухого каменного двора, заросшего голый, тоскливой сиренью. В стариковских глазах светились слёзы. Когда, обессилевши, осел на заледенелую землю и, обняв Дружка, забылся, то привиделась заснеженная, вьюжная степь, по которой, извиваясь мрачной и жалкой рекой, растянувшись на много вёрст, бредёт отступающая армия, и он, молоденький солдат, за несколько месяцев постаревший на десять лет, волочится, угибая лицо от пронизывающего ветра. Потом вдруг теплело, и, словно с небес, увидел он себя, малого, в белой посконной рубахе чуть не до пят, бегущего среди светящихся росных трав и цветов, бегущего прямо к утаённой в тумане реке, из которой выплывает румянолицое солнце. Впереди несётся дворовый пёс... А у реки парнишку поджидают мать с отцом, чтобы, спихнув плоскодонную лодчонку, уплыть к сенокосным лугам...

К вечеру чёрное небо глухо прижало город к земле, и всю ночь до рассвета тихо и густо валил снег, и город, утопая в сугробах, вымер. Лишь слышался в торговых рядах сиплый собачий вой... Там, между двумя железными ларьками, пожилая дворничиха нашла старика, которого набожная баба всякое воскресенье видела на церковной паперти Крестовоздвиженской церкви, подавая милостыню Христа ради. Покойник, обряженный снежным саваном, глядел в небо; на восковых губах инеем застыла мольба мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному...» Рядом со стариком сидел пёс, при виде живой души переставший выть.

Дворничиха, вдосталь хлебнувшая лиха на вдовьем веку, не испугалась покойника; лишь вздохнула и, сквозь заснеженный город слезливо глядя в свои печали, подумала вслух: «Слава те Господи, прибрал Бог убогого... – Дворничиха отмашисто перекрестилась на восток, перекрестила и старика. – Господи, упокой душу раба Божия... – баба не ведала старикова имени, – прими его во Царствии Своем, и прости ему прегрешения вольныя и невольныя... Отмучился, бедолажный. Опять же сказать, и нынешняя собачья жись – помирай ложись. Дак лучше от греха... – Баба не осмелилась продолжить, словно ангел упреждающе шепнул в душу, что не она, дворничиха, жизнью ведаёт, а сам Господь Бог, и грех ей вольничать, беса тешить, подманивая пустоглазую. – Опять же, крути не крути, а надо померти... Боже Милостивый, прости мя, дуру грешную...»

Дворничиха пала на колени перед стариком и, бережно опустив веки на незрячие глаза, поцеловала в ледяной лоб. Тяжко поднявшись, шумно вздохнула, глянула на старика, белого как лунь, лежащего на голубовато-белом утреннем снегу... правая рука на груди, персты сложены словно для крестного знамения, и вдруг... приблизилось ли, померещилось старой бабе... старик медленно открыл синеватые ласковые глаза, и до костей иссохшая, восковая рука вдруг осенила вдову крестом. Дворничиха оторопела, испуганно шархнула, суетливо и мелко закрестилась:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

Миновала оторопь, баба присмотрелась к бездыханному, покачала головой в диве: наблазнится же, и опять перекрестилась, прошептав Иисусову молитву.

Ноябрь 1995, март 2011, апрель – май 2014 года

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – член Союза писателей России, автор девяти книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах: «Подъём», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостинный дворъ», «Москва» – с повестями «Гололёд среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка» и др. Лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 году, дипломант журнала «Берега» за 2017 год. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу

и Отечеству», медалью «Василий Шукшин». Живёт в Воронеже.

МОЙ КОСМОС

Рассказ

Когда кто-то говорит, что все мальчишки после полёта Гагарина мечтали стать космонавтами, я не знаю, что ответить. Сам я, конечно, мечтал. Это точно. И ещё семь пацанов вместе со мной мечтали: мы даже занимались в клубе юных космонавтов воронежского областного Дворца пионеров.

За свою почти трёхвековую историю этот дворец кому только не служил. В его ампирических стенах сначала жили известные своей благотворительностью купцы Нечаевы, позже в нём обосновался Юфуд Айваз, коему принадлежала фабрика курительного табака, и, наконец, в него въехал городской врач Сергей Васильевич Мартынов, дворянин, писатель и народоволец, позже, после убийства террористами царя Александра II, заточённый в Петропавловскую крепость.

После Великой Отечественной этот провинциально-дворцовой наружности дом восстановили и реконструировали в духе «сталинского конструктивизма». С тех пор он стал пристанищем для радостных и очень шумных пионеров, членов самых разных кружков, включая театральный, судомодельный, радиотехнический, юных натуралистов, песни и пляски и так далее. Мы же, клуб юных космонавтов, приземлились в сложившийся годами коллектив Дворца пионеров, как снег на голову. Будто некие инопланетяне. Скажем, вроде марсиан Герберта Уэллса из его «Войны миров».

С одной стороны, мы были тогда самым передовым кружком, с другой – чужаки, от которых неизвестно чего можно ожидать. Никто нас с Гагариным не ассоциировал. Персонал Дворца днём и ночью с неусыпной настороженностью поглядывал в нашу сторону. Особую бдительность, конечно же, проявлял неопределённого возраста суровый одноглазый пожарник дядя Петя. А как вдруг нам придёт в голову с крыши Дворца запустить ракету, скажем, на Марс? Так что он у всех пацанов строго проверял карманы на наличие спичек и тотчас те реквизирует. Сигареты тоже. В отношении нас он в этом плане был особенно усерден.

Мы же пока просто мечтали. Вернее, мы взахлёб мечтали о Космосе! Но я, честное слово, мечтал о нём ярче, чем все остальные члены нашего клуба космонавтов вместе взятые. Возможно, сказывалось, что я был сыном военного лётчика. И моё ещё недавнее восторженное желание полноправно сесть пилотом в кабину боевого истребителя стало самой благодатной почвой для нового желания – вместе с «караваном ракет» помчаться от «звезды до звезды» в бесконечность Вселенной. Где я героически оставлю свои следы «на пыльных тропинках» одной из «далёких планет», скажем, в той же галактике Андромеда.

Почему именно там, когда их, галактик, мириады мириадом в просторах, рождённых Большим взрывом? В этом, признаюсь, виноват писатель Иван Ефремов и его более чем популярный тогда роман «Туманность Андромеды».

Не знаю почему, но я читал эту книгу по ночам под одеялом с помощью трофейного немецкого многоцветного фонаря «Даймон». Правда, сегодня я её содержание толком не помню. В памяти с той поры осталось лишь одно, как я однажды под одеялом стыдливо, тычком поцеловал сухими напряжёнными губами романтично красивое лицо Низы Крит, астронавигатора, изображённое на обложке книги в ореоле звёздной россыпи. Возможно, от этой моей зачаточной влюблённости шла прямая дорога к моей будущей самозабвенной любви к Космосу.

Кстати, заразился я ей на четыре года ранее полёта Гагарина, когда осенними вечерами выходил из дома в сад взволнованно встречать пролёт первого спутника Земли. И бдительно следующей за ним по пятам, как на привязи, последней ступени ракеты-носителя.

Итак, 12 апреля 1962 года. СССР первый раз празднует День космонавтики. Мы, семеро смелых, стоим навтыяжку на лужайке Дворца пионеров, украшенного на входе строгими колоннами – их массивные длинные стержни волнующе напоминают нам подготовившиеся к старту космические ракеты. Они как бы ждали, когда мы пройдем курс юного космонавта и будем готовы занять свои места в их креслах-катапультах, загадочно называвшихся ложементами.

Руководитель нашего звёздного клуба старшая пионервожатая Зоя Максимовна Терешкова, кстати, вовсе не родственница будущей первой женщины-космонавта, торжественно вытянулась, чуть поднявшись на цыпочки возле металлического флагштока. На ней торжественно белая, слепящая под солнцем блузка и яркий, пылающий алый галстук, похожий на счастливую гордую птицу. Когда я, как самый отличившийся на спортивных тренировках, приступил к поднятию по флагштоку стяга с портретом Гагарина, Зоя Максимовна радостно вскрикнула:

- Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!
- Всегда готовы!!! – залпом проорали мы. На грани школярного хулиганства.

И при этом бодро отсалютовали вскинутой правой рукой. В этот момент обязательно надо, чтобы её, руки, напряжённые пальцы были чуть выше головы. Как символ того, что общественные интересы у тебя выше личных.

Кстати, у Юрия Алексеевича во время его полёта был позывной «Кедр», а мы тайком между собой стали называть нашу замечательную Зою Максимовну «Аэлитой». Тогда не было мальчишки, который бы не посмотрел раза три, а то и более того кино с таким названием, поставленное по фантастическому роману Алексея Толстого. Я смотрел пять раз. Нет, даже шесть!

Когда стяг взлетел, мы дружно запели про караваны ракет, которые помчат нас «от звезды до звезды». Пели мы, честное слово, плохо. Даже хуже, чем плохо. Поэтому у некоторых прохожих явно складывалось впечатление, что в клуб юных космонавтов принимают самых бесталанных ребяташек. У Аэлиты от такого нашего неудачного пения щёки всегда становились одного цвета с её образцово-показательным пионерским галстуком.

Помнится посейчас, что мы пели эту первую в СССР космическую песню с ещё не вычеркнутыми из неё словами «Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом». В устах пионеров это, конечно, звучало реально забавно. Кстати, уже вскоре распоряжением свыше «закурим» заменили на нелепое «споемте перед стартом», словно наших героических космонавтов готовили в каком-нибудь самодеятельном ансамбле песни и танца типа молодёжной «Берёзки» нашего Дворца пионеров.

Кстати, мы уже тогда знали, что Воронеж к полёту Гагарина причастен напрямую, и нашей радости не было предела. Хотя говорить об этом открыто никто не смел. Это тогда был секрет особой государственной важности. А заключался он в том, что на одном из наших «почтовых ящиков» спроектировали и изготовили под руководством знаменитого учёного Семёна Косберга двигатель третьей ступени для ракеты-носителя «Восток». Именно она и доставила на орбиту корабль с Юрием Гагариным.

– Кто из вас не купался вчера или сегодня утром? – после поднятия стяга прозаично проговорила наша любимая Аэлита.

Оказывается, нам в тот день предстояло участвовать в одном очень важном и ответственном мероприятии. В полдень в городе на центральной площади Ленина должен был состояться парад, посвящённый Дню космонавтики.

– Я не купался ни вчера, ни сегодня. У нас газовая колонка сгорела... – проговорил я таким голосом, словно озвучил сам себе смертный приговор.

Сейчас следом должны были ударить мои крупнокалиберные слёзы и превратить меня в полное рыдающее ничтожество.

Аэлита бдительно успела спасти моё реноме: быстро, взволнованно подошла ко мне и, пристально оглядев, весело объявила:

– Сойдёт! Рोजица чистая! Под ногтями грязи нет. Иди в туалет и на всякий случай хорошенько помой физиономию. И обязательно – шею. Мы едем в гости к лётчикам!

Я никогда в своей жизни так быстро не бегал в это особое заведение, как в тот день.

И нас повезли на строго-зелёном военном автобусе на военный же аэродром за городом возле леса со странным названием Дальний. Станным, потому что добраться до него можно было с последней трамвайной остановки на улице Острогжской всего за двадцать минут. Видимо, он стал Дальним, когда ещё не было ни этой самой улицы, ни аэродрома, может быть, и самого Воронежа тогда не имелось в наличии.

На аэродроме лётчики, добродушно посмеиваясь, одели нас в высотные компенсирующие костюмы, то бишь ВВК. В них мы, наглухо зашнурованные, пусть и несколько отдалённо, но всё-таки напоминали настоящих космонавтов.

Аэлита восхищённо смотрела на нас. Казалось, ещё минута, и она восторженно заплачет.

А потом была главная городская площадь Ленина, и над ней ярко, оглушительно громко звучала та самая песня про оставшиеся до старта четырнадцать минут, и мы, семеро юных космонавтов, шеренгой торжественно прошли впереди праздничных колонн.

Через полчаса я стал задыхаться в скафандре.

Нас со всех сторон фотографировали, нам неистово аплодировали. Толпа воронежцев всех возрастов ором скандировала «Га-га-рин!!!», а какая-то рыженькая школьница в белой парадной форме с большим букетом ромашек прорвалась через милицейское оцепление, подбежала к нам и стала каждому раздавать цветы. Она что-то радостное взволнованно кричала нам, захлёбываясь, но мы в ответ только глухо мычали из последних сил.

Так я недолго побыл «Гагариным».

В тот же день вечером я вдохновенно сочинил фантастический рассказ. Он поместился на двух страничках школьной тетради в линейку. Рассказ был про полёт на планету Венеру и тамошние приключения дружной компании в составе собачки, кошки и хомячка. Что двигало мной, не помню.

В общем, я самоуверенно отослал своё произведение в «Пионерскую правду».

А через несколько недель увидел его напечатанным на первой полосе этой тогда самой моей любимой газеты. Ещё и с рисунком к нему, забавно изображавшим моих смелых и весёлых зоо-космонавтов.

Я, не откладывая, увлечённо поставил на поток производство словесных космических одиссей, но ни одна из них больше не увидела свет в «Пионерской правде». Хотя моя любовь к этой газете нисколько не уменьшилась.

Вскоре наш учитель физики Александр Александрович Лепендин, высокий, худощавый и весь какой-то бодро-скоростной, объявил, что нам предстоит на его уроке написать сочинение на вольную тему «В какую галактику я хотел бы полететь вместе с Юрием Гагариным?».

И мы всем классом азартно заскрипели двухкопеечными железными блескучими перьями наших ручек, время от времени усердно тыкая ими в чернильницы-«непроливайки».

Само собой, я полетел с Юрием Алексеевичем в галактику Туманность Андромеды. С нами, между прочим, была... Да-да, астронавигатор Низа Крит и Иван Ефремов собственной персоной.

Через два дня на уроке в кабинете физики донельзя торжественный Александр Александрович, магически окружённый всевозможными загадочными приборами, которые нам ещё только предстояло изучать, не своим от волнения голосом объявил, что моё сочинение среди всех самое лучшее.

– Поздравляю! Молодца!!! – сияя, восторженно проговорил наш «физик», тоже, оказывается, большой почитатель творчества Ивана Ефремова.

Он взволнованно зачитал моё сочинение вслух. Это была история про то, как в далёком будущем Чистильщики Вселенной прилетят к заброшенной безжизненной планете на окраине галактики

Млечный Путь, чтобы уничтожить её как ненужный и опасный космический мусор. Солнце погасло миллиарды лет назад. Но когда Чистильщики узнают, что эта планета – Земля – прародина всех нынешних народов Вселенной, то они единогласно решат отбуксировать её к молодой звезде и остаться жить на ней, обустроивая её.

Два дня Александр Александрович водил меня по всем классам и я, краснея, сбиваясь, старательно читал своё сочинение. Учитель физики каждый раз, как впервые, восхищался моим, так сказать, произведением, и первым начинал хлётко аплодировать мне.

Один раз старшеклассники даже бросились меня качать, только ничего хорошего из этого не вышло. Я уже тогда весил достаточно прилично.

А вскоре и вообще моя, если так можно сказать, дружба с учителем физики приказала долго жить.

Вдохновлённый публикацией в «Пионерской правде» и триумфом сочинения на вольную тему, я решил осчастливить человечество ещё и великим открытием.

В общем, как-то после звонка на перемену я подал Александру Александровичу альбом для рисования, в котором мы на известном уроке цветными карандашами или акварельными красками изображали вазы, фрукты, птиц и много чего прочего. Так вот, среди этого «много чего прочего» у меня в основном присутствовали звёзды, галактики, жители других планет и наши герои-космонавты Гагарин и Титов. Само собой, оба в скафандрах и гермошлемах с затемнёнными забралами, потому что правильно рисовать лица и фигуры людей я тогда не умел. Между прочим, и сейчас тоже.

На одной из страниц альбома мной был изображён сигарообразный звездолёт с гигантским круглым парусом на конце. Двигателем ему должно было служить давление множества световых лучей, излучаемых прикреплёнными сзади лазерными излучателями.

– ЭТО не полетит, – строго сказал Лепендин. – Оказывается, ты плохо слушал меня на уроках? Учти, я поставлю тебе двойку за твой нелепый проект, нарушающий все законы физики!

Двойку он не поставил, но с того раза потерял ко мне прежний интерес.

Как-то очередной весной на волне близящегося Дня космонавтики нас ни с того ни с сего закинуло на желании переночевать во Дворце пионеров именно в той комнате, где для астрономических занятий висел большой белый купол, похожий на маленький парашют: на него в темноте проецировалось изображение движущегося звёздного неба.

– Зачем вам это надо? Ребятки, миленькие?! – смутилась Аэлита.

И это смущение ей очень шло. Оно выразительно подчёркивало её романтическую (неземную, марсианскую!!!) красоту.

По крайней мере, я этот факт смущённо отметил.

Кажется, в плане красоты наша Аэлита превзошла даже прекрасного астронавигатора Низу Крит.

Мы понуро стояли перед Зоей Максимовной и настырно, по-щенячьи ныли, выпрашивая разрешение.

И сложилось. Как бы теперь сказали, срослось. Она так-таки пошла к директору Дворца пионеров. Что говорила ему Аэлита, само собой, осталось загадкой. Однако провести одну ночь под звёздным куполом «в целях углубления астрономических знаний» нам разрешили.

Мы пришли в тот день ко Дворцу пионеров загодя, часов в шесть. Пришли, как на свидание со Вселенной.

До назначенных десяти вечера мы сидели на той самой лужайке с флагштоком и гагаринским стягом. Правда, тамошняя обстановка оказалась не совсем способствующей космической романтике. Рядом за забором танцевальная площадка давала жару своим «живым» надрывным оркестром, шарканьем танцующих и время от времени криками дерущихся или только ещё собирающихся драться парней, разгорячённых модной музыкой, улыбками загадочных девушек и крепким портвейном «Солнцедар».

«Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет последний раз маршрут...»

Ровно в двадцать два часа ночная дежурная Дворца Клавдия Ивановна, махонькая, с лицом в глубоких судьбийно-мудрых морщинах и, ко всему, никогда не выпускавшая изо рта папиросину «Беломора», пропустила нас внутрь. Пересчитывая юных космонавтов ласковым хлопком сухонькой ладони по спине. При этом выражение её лица было такое значительное, словно она провожала нас в настоящее космическое путешествие. Однако стоявший у неё за спиной пожарник дядя Петя, очень даже нетрезвый и чрезмерно бдительный, явно видел в нас отвязных пироманов.

Мы тогда знать не знали, что он служил на Байконуре и лишь чудом выжил, когда там за год до полёта Гагарина взорвалась при старте межконтинентальная ракета.

Вот щёлкнул дважды ключ, оставив нас наедине с торжественным куполом – миниатюрной копией бесконечной Вселенной.

Мы расселись на стулья и первое время вдохновенно бродили взглядами по бескрайним просторам искусственного звёздного мира, словно искали там объект для своего будущего полёта. Потом поспорили, кто больше всех найдёт созвездий, которые знает. В итоге выяснилось, что, как ни старалась нас просветить в астрономии Аэлита, дальше Большой и Малой Медведицы знания будущих космонавтов не распространялись. Я, правда, мог добавить к этому куце му списку созвездия Кассиопеи, Лебедя и Лиры, которые уверенно помнил, но почему-то предпочёл промолчать.

Кстати, на полу под куполом для нас были постелены принесённые из спортзала новенькие маты. В конце концов, мы, пообвыкнув к жизни под звёздами, поудобней разлеглись на них и стали рассказывать друг другу, кто какие помнил сюжеты из фантастических книг про Космос.

Через полчаса, если не раньше, все мы благополучно спали. Как выяснилось утром, сны наши вовсе не были космическими.

Последним мероприятием клуба юных космонавтов стала наша встреча с «живым» космонавтом. В Воронеж тогда на пару дней приехал наш земляк, научный сотрудник-космонавт и Герой Советского Союза Константин Петрович Феоктистов. Трудно предположить, кто мог уговорить его согласиться на встречу с пацанами-мечтателями. Могла ли этого добиться наша Аэлита, так и осталось для меня навсегда тайной за семью печатями.

Как бы там ни было, в назначенный день и час нас строим, под бравый барабанный перестук и трескучие вопли горна, привели в областной краеведческий музей. Юных космонавтов рассадили в зале, посвящённом жизни древних людей на воронежской земле. На стенах висели мощные луки, увесистые дубинки и разящие дротики, а на просторных дубовых столах возвышались макеты поселений эпохи ранних кроманьонцев.

Мы ёрзали на стульях в ожидании Феоктистова достаточно долго. Более чем долго. Начали, наконец, понемногу дурачиться, строить друг другу рожицы, изображая из себя древних охотников и рыболовов. А когда кому-то из наших пришла в голову мысль объявить себя Мамонтом, мы, не откладывая, начали на него коллективную охоту. Антураж зала очень даже тому способствовал.

Вдруг вошёл Константин Петрович. Стремительный, усталый, как бы несколько непонимающий, зачем он здесь. И вместе с ним в этом зале древностей, как мне показалось, распространился, наполняя всё собой, запах Космоса: с лёгким холодком, строгий и бесконечный. Возможно, это был запах одеколона Феоктистова, но тогда мне это и в голову не пришло.

В моей памяти навсегда отчётливо осталось выражение лица Константина Петровича: удивительно умное, сосредоточенно-деловитое, с тихим, но насквозь проникающим взглядом. Казалось, для этого человека во Вселенной и на Земле нет тайн, в которые бы он не был посвящён. Кстати, мы тогда ещё ничего не знали о его судьбе военного разведчика в Великую Отечественную.

– Здравствуйте... – это всё, что успел сказать Константин Петрович.

Я никогда не слышал такого вежливого, сердечного и деловитого голоса.

Как бы там ни было, мы тотчас с дико счастливым ором и верещанием всей ватагой ошалело ринулись на Феоктистова.

Он машинально вскочил на один из здешних столов с макетами древнего быта и охоты.

– Дети! Милые. Успокойтесь! – мягко попросил он.

Кто бы его слышал?!

Мы вцепились в полы пиджака космонавта, но вовсе не затем, чтобы немедленно разорвать тот на драгоценные сувениры. На самом деле нам просто отчаянно, до умопомрачения хотелось дотронуться до Константина Петровича.

Тут толпой вбежали растаскивать нас экскурсоводы, зрители и уборщицы. Возможно, среди них были даже сотрудники тогдашнего КГБ.

Константин Петрович одновременно печально и в то же время радостно смотрел на нас. В конце концов, суетливо-бдительные сотрудники музея, цепко схватившись за руки, героически организовали некое подобие коридора. Феоктистов смущённо прошёл по нему, на ходу налево и направо сердечно пожимая наши всё ещё судорожно тянувшиеся к нему руки.

– Извините, извините... Будьте счастливы, ребята! До встречи в Космосе! – на ходу говорил Фектистов.

Я с ним случайно встретился взглядами. Мальчишка и космонавт.

– Будь счастлив! – сказал он и мне. Лично мне.

«Буду, Константин Петрович, зуб даю!» – мысленно вскрикнул я.

И пустил слезу. Счастливая, разрозовавшаяся красавица Аэлита заботливо обняла меня. Кажется, она тоже плакала. Само собой, от небывалого счастья.

С тех пор я знаю, как пахнет Космос. Константин Петрович тогда принёс его с собой в тот музейный зал древностей. Я поныне иногда слышу его даже через толщу земной атмосферы. Когда ночь на моей даче выдаётся густозвёздная.

После такой чересчур восторженной встречи с героем-космонавтом наш клуб закрыли, а Зою Максимовну уволили с работы. Я уверен, что Константин Петрович об этом не имел ни малейшего понятия, а инициатива такого жёсткого решения исходила из недр особо бдительных структур.

Нам всем было очень жаль расставаться с Аэлитой.

Мне больше никогда не довелось её встретить. Возможно, она вернулась на свой родной Марс?..

...Через несколько лет после выпускных экзаменов в одиннадцатом классе я объявил родителям, что моя мечта стать космонавтом вовсе не детское увлечение и что завтра я иду в военкомат писать заявление с просьбой направить меня на учёбу в училище, готовящее лётчиков-истребителей.

Папа как раз перекусывал перед обедом. Перекус его состоял из чёрного хлеба и майонеза, недавно впервые появившегося в СССР в свободной продаже и сразу весьма понравившегося ему. Меня же от этого тягучего масляно-белого майонеза почему-то подташнивало.

Папа старательно облизал ложку, промокнул губы ломтиком ещё тёплого хлеба с румяной глянцево корочкой и тихо сказал:

– Какой у тебя рост, сынок?

– А при чём это?! – чуть ли не заносчиво проговорил я.

– И всё-таки?.. – мягко вздохнул папа.

– Метр восемьдесят пять! – гордо объявил я.

– И ты, кажется, занимался в клубе юных космонавтов?

– Да! У меня диплом есть. С печатью Дворца пионеров.

Папа задумчиво вздохнул:

– Сохрани его. Обязательно. Для будущих своих детишек. А теперь скажи мне, какого роста был Юрий Алексеевич Гагарин.

Я знал о Космосе немало. По сравнению с одноклассниками, так даже очень много. Это, кстати, их очень восхищало. Я видел, что учителям и ребятам тоже очень хочется, чтобы я стал космонавтом. Они словно чувствовали, что я рождён для полётов в Космос, и желали мне всего хорошего на этом звёздном пути.

Однако рост Гагарина я не знал.

– Метр пятьдесят три, – вздохнул папа. – У Титова – метр семьдесят пять.

– Ну и что?! – взволнованно отозвался я.

У папы, кажется, совсем испортилось настроение. Он даже майонез недоеденный отставил.

– Прости, сынок, мне выпала нелёгкая миссия. Я сейчас на раз-два разрушу твою прекрасную мечту детства. И как тебе это никто раньше не объяснил? Тебя с твоим ростом даже в бомбардировочную авиацию не возьмут, а не то что в истребители. А в космическом аппарате куда ты своейные волейбольные ходули денешь?

Странно, однако я тогда почему-то воспринял спокойно крушение корабля моей звёздной мечты. Наверное, потому что сознание у меня спасительно отключилось. Иначе со мной была бы истерика. В таком состоянии умственной невесомости я пребывал достаточно долго.

«Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна...»

В общем, я в итоге отнёс свои документы в университет, и через шесть лет стал дипломированным «журналистом», а со временем редактором газеты «За кадры» Воронежского аграрного университета. И теперь вместо того, чтобы бороздить просторы Вселенной, с пробудившейся во мне на генном уровне крестьянской жилкой год от года борозжу актуальные сельскохозяйственные темы. И мне, честное слово, вполне нравится это делать. Наверное, сказало, что все предки моих родителей были

крестьянами. Я день ото дня с удовольствием пишу о передовых достижениях в области выведения новых сортов пшеницы, выращивания наилучших сортов слив и яблок, а также борьбе с вредителями растений и передовых новинках сельскохозяйственной техники. Очень волнует меня и судьба неостановимо исчезающих пчёл.

А из прошлой моей «космонавтской» жизни во мне навсегда осталось лишь одно: любовь к звёздному небу. Да ещё когда в наш университетский Экспоцентр на ежегодную агровыставку привозят гигантские современные комбайны, они напоминают мне своими технологически совершенными формами ни мало ни много космические корабли. А также недавно к очередному Дню космонавтики я разместил в газете свой очерк о нашем выдающемся земляке Феокистове, который стал космонавтом, хотя в детстве перенёс тяжёлое ранение в шею. В Великую Отечественную подростком во время разведки на правом берегу Воронежа, занятом фашистами, Костя был схвачен их патрулём. И расстрелян на месте. Только он выжил. Очнулся в яме ночью и, несмотря на большую потерю крови, перебрался через реку в расположение наших частей. Ещё и важные разведанные передал, ничего не забыл.

Время от времени я вижу кое с кем из одноклассников. Бывает, пересекаемся, хотя и поразбросали нас судьбы. Так вот, они почему-то при встрече всегда чуть ли не с ребяческим восторгом принимают заикливо говорить мне одну и ту же ерунду: «Слышали, слышали про твой полёт на МКС! Говорят, ты сейчас в программе подготовки экспедиции на Луну?! (Марс, Венеру и так далее)» И это повторяется год от года. «Ничего подобного, братцы-кролики. Откуда такие слухи?» – отнекиваюсь я, что только усиливает их весёлую уверенность. «Из достоверных источников! – объявляют они. – Так что не прибедайся. Мы гордимся тобой! Привет Вселенной!»

Ладно, эдакое с их стороны я как-то ещё мог понять и переварить. Оттягиваются пацаны. Стёб, одним словом.

Но однажды...

Так вот, никто не поймёт моего состояния, когда однажды ректор лично поручил мне написать заметку о заседании очередного учёного совета ВГАУ, назначенного на 15 сентября тогдашнего 2012 года. При этом голос его звучал весьма особенно. Я редко слышал от него такую взволнованную интонацию. В ней сошлись воедино торжественность, кипучая радость и немалая озабоченность. Вообще-то обычно я без напоминаний каждый раз информировал четырнадцатитысячный коллектив университета о вопросах, рассмотренных очередным учёным советом.

Тем не менее в тот раз в течение дня мне позвонили и в свою очередь предельно бдительно напомнили о предстоящем учёном совете первый проректор, потом проректор по науке и чуть позже председатель вузовской профсоюзной организации. Даже настоятель нашего домового Крестовоздвиженского храма отец Василий, встретившись со мной в коридоре, затронул тему предстоящего учёного совета.

Я со своей колокольни в итоге предположил, что тот, возможно, посетит сам министр аграрной отрасли России или губернатор области.

Однако жизнь, как всегда, превзошла все мои ожидания.

15 сентября на большом экране перед восторженными глазами членов учёного совета ВГАУ и приглашённых высоких гостей предстали находившиеся явно в условиях невесомости члены экипажа 32-й экспедиции на МКС: командир экипажа лётчик-космонавт, Герой России Геннадий Падалка, лётчик-космонавт, Герой России Юрий Маленченко и космонавт-исследователь Сергей Ревин. Они, плавно, едва заметно покачиваясь, словно сидели в глубокой воде, поздравили наш вуз с предстоящим вековым юбилеем. С орбиты поздравили! Ещё и пообещали привезти вымпел университета, побывавший с ними в Космосе. Дабы передать его в музей вуза. И привезли, и передали.

Так завязалась прочная дружба аграриев и космонавтов. С тех пор время от времени то космонавт Геннадий Падалка к нам приедет и встретится со студентами, то Сергей Ревин. Бывали они у нас и на празднике Масленицы. И надеюсь, не пожалели ни разу. Что-что, а с удалю праздновать аграрии умеют как никто. Как-то я даже написал в нашей вузовской газете, что причина такому нашему радушному союзу весьма, казалось бы, несхожих профессий очевидна: нас всех связывает Земля-Матушка. Космонавтам такой вывод понравился.

А не так давно после очередной бурной встречи с аграриями-студентами Сергея Ревина он сам подошёл ко мне. Сдержанно и исключительно вежливо улыбаясь с присущей ему утончённой ин-

телигентностью, Сергей Николаевич негромко поинтересовался: «Извините, кажется, вы пару лет назад участвовали в проекте “Марс-500”?» – «С имитацией пилотируемого полёта на Марс?» – взволнованно-глухо отозвался я. «Да, да...» – мягко подтвердил Сергей Николаевич. – По-моему я вас там видел!» – «Нет-нет...» – почти отчаянно отозвался я. – «Схожесть один в один», – аккуратно улыбнулся Ревин, и тут его, напоминая мне давнюю нашу встречу с Константином Петровичем Феоктистовым, захлестнул с вопросами студенческий водоворот: «Верите ли вы в НЛО? Можете описать, что чувствует человек в первый час полёта? Когда вы решили стать космонавтом? Какие испытания были вами пройдены?»

Мне стало немного грустно. Ревин не тот человек, который может обмануться. Вдруг у меня действительно есть двойник? И он сейчас деловито готовится к реальному полёту на Марс? А почему бы и нет? Счастливого полёта тебе, братишка!

Но есть и другой вариант. Что если настоящая мечта способна материализоваться и начать вести самостоятельную жизнь?

Эка меня занесло. Лучше «давайте-ка, ребята, закурим перед стартом».

Проза

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наши современники», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель «Серебряного Витязя» в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет

награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

Продолжение. Начало в № 1-2023

ГЛАВА 6

МОБИЛИЗАЦИЯ

Иван Павлович неторопливо листал интернетные страницы, пока не наткнулся на новость из Ивано-Франковска. Недавно там за русские песни избили музыканта, а теперь мэр Руслан Марцинкив сообщил о решении горисполкома запретить исполнение песен на русском языке.

По хитковской душе словно кто наждаком прошёлся. От боли он даже сжался весь – и внутренне и внешне, снова, как в военном детстве, стал похож на беззащитного воробушка. В памяти неожиданно всплыл образ ивано-франковского парня, талантливого его ученика. По рекомендации преподавателя института Чмиля Анатолия Арсентьевича, тоже родом из Украины, тот поступил в Витебский педагогический имени Петра Машерова, на художественно-графический факультет.

– Анечка, помнишь Байчукова? Он в кандидатской по художественной обработке древесины использовал мою классификацию резьбы. Более ста различных видов мы объединили в пять групп, в каждой две-три разновидности – легко запомнить любому школьнику.

– Витю? А как же! Он ещё за рекомендацией к тебе приезжал. Защищался, кажется, на Украине? – живо откликнулась жена, многие годы проработавшая рядом с мужем в институте, в лаборатории. – У вас и совместная статья вышла в ваковском журнале.

– Я же тогда ему здорово помог методически, выправил теоретические неточности.

– Как он теперь?

– Слышал, что уже доктор наук! – Хитько засветился от гордости, несмотря на то что среди его учеников выдающихся специалистов – хоть отбавляй. По всему Союзу разлетелись, а уж в близлежащих Литве, Латвии, Украине – считать устанешь.

Анна Нифантьевна, ставшая с возрастом легка на слёзу, мгновенно посерела лицом, глаза повлажнели:

– Да я не об этом. Как Витя там, на Украине, когда война? Может, тоже против русского языка, на котором диссертацию защитил? Ненавидит Россию и обижается на нас, белорусов, что не поддержали их бандеровщину пушками и танками против русских?

– Тяпун тебе на язык! – возмутился Хитько. – Как такое подумать могла про Витю? Он в доме у нас был. Вместе чай с твоим клубничным вареньем...

– Ой! – подскочила Анна Нифантьевна с дивана. – Варенье же на огне!

– Сладку ягоду ели вместе, горьку ягоду я одна¹, – закрутилась на языке у Ивана Павловича мелодия популярной в семидесятых годах песни, а мысли погрузились в то далёко-прекрасное прошлое, когда приезжали на учёбу в Витебск ребята с золотыми руками из Одессы и Львова, из Донецка и Чернигова, сам же он продолжал совершенствовать знания в Ленинграде и Москве, а его выпускники и земляки даже возглавляли там кафедры. Да вот, взять хоть Ковалёва Александра, или Лебёдко Валеру, или Козлова, – перечислял в уме дружную компанию соратников со всей огромной страны.

– Аня! – кликнул жену и, убедившись, что она слышит его, поделился новостью: – Говорят, будто на Украине есть мой однофамилец (а может, неизвестный нам родственник?), который – вот удивительно! – тоже занимается резьбой по дереву и даже славится своим мастерством!

– Двойник, что ли? – засмеялась Анна Нифантьевна. – Или точно – родственник! У тебя же фамилия на «ко» заканчивается, значит, корни тоже хохляцкие?

Хитько озадачился, даже почесал затылок:

– Кто его знает? Но мама как-то вспоминала, что дед поговаривал: мол, были мы, вроде, Хитьковы.

– Ай, – махнула рукой жена, – какая разница? Главное, что человек хороший!

На душе у Ивана Павловича мгновенно потеплело. Кажется, мелочь совсем – доброе слово, а солнечно.

Компьютер просигналил, что поступило новое сообщение. Писал знакомый, чем очень удивил, потому что был он так себе, ни рыба ни мясо: ни друг, ни родственник. «Ты читал, что в Кременчуге новое злодеяние русских? – поинтересовался знакомый. – Мало им Бучи, где столько мирных погибло, так грохнули по торговому центру с сотнями людей!»

На душевном небе Хитько заметно потемнело. Он напрягся, нервы заиграли жёсткими желваками на скулах: «Надо ли отвечать?»

Не выдержал, громко застучал по клавиатуре:

«Про Бучу – фейк! И это доказано экспертами. А по Кременчугу... Так не рабочий-то центр! Закрыт он. Разве в такое время народ за покупками потащится на окраину, фактически за город, где промзона? Вооружение западное там хранилось, между прочим, а на заводе старое ремонтировалось. Вот туда и ударили. А пожар в магазине возник, потому что близко от промзоны».

«А что ты ещё можешь сказать? – хихикнул оппонент. – Тысячи иностранных корреспондентов с видеокамерами фиксируют зверства русских, но ты называешь это фейками. Если не можешь оторваться от российского телевидения, то есть Интернет. Посмотри! Ты же думающий мужик. Доцент! Это и с твоего согласия, между прочим, сейчас льётся кровь ни в чём не повинных украинцев».

– Опа! – Хитько даже подпрыгнул на стуле и, забыв про больные пальцы, снова застучал по кнопкам:

«Вижу. Читаю. Анализирую. Вроде бы Бог не обделил меня таким умением. И имею свою точку зрения, которую не желаю здесь обсуждать!»

«Знаем, знаем, – издеваясь, давил собеседник, – ваша борьба всегда на стороне власти...»

«Чем тебе власть не угодила? Если когда гаишник или начальник твой обидел, так ведь это не власть. Ты посмотри на себя со стороны: катаешься, как сыр в масле! – распаялся Иван Павлович. – Квартира большая, дача благоустроенная, машина, работа, карьера. Опять же – за твой профессионализм – уважение коллег! Дочь в России выучилась за государственный счёт, обзавелась собственным

¹ «Сладка ягода» (песня из к/ф «Любовь земная»). Музыка Евгения Птичкина, стихи Роберта Рождественского.

жильём и автомобилем. Чего тебе ещё не хватает? Зачем ты в двадцатом, во время беснования новых революционеров а-ля Тихановская¹, белые ленточки в Минске развешивал?»

На том конце провода, если можно так выразиться, подразумевая Интернет, возбуждённо зашевелились, словно получили порцию свежей энергии:

«Свободы! Справедливости! Милосердия! Чтобы меня за человека считали, как во всём цивилизованном мире! А ты, ты... прихвостень провластный! Из-за таких, как ты, на Украине – война!»

«А из-за таких, как ты, питающихся фантазиями западных пропагандистов, там процветает – фашизм!» – огрызнулся Хитько.

«Живите, как в сумасшедшем доме!» – неожиданно вспомнились ему слова священника Григория Григорьева, который при этом ещё добавляет полюбившуюся фразу из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»²: «И тебя вылечат, и меня вылечат!» Нынешние же события на Украине сравнивает с туманом. Мол, в тумане плохо видно, надо подождать, пока рассеется, тогда всё и прояснится.

Иван Павлович ещё раз произнёс ставшую крылатой фразу вслух: «Живите, как в сумасшедшем доме!» – и вдруг стало легко и спокойно, словно кто-то загасил разгоравшийся огонь холодным душем. «Нет, я не предавал своей Родины – советской страны, не предавал и сегодняшнюю Россию, и сегодняшнюю Беларусь. А Победа в Великой Отечественной для меня была и остаётся – святой!» – окончательно успокоился Хитько и решительно выключил компьютер.

Во дворе пёс рвался с привязи, оглашая окрестности свирепым хриплым лаем. Соседка Верка, глазо-любопытная баба, застыла у калитки, не решаясь пройти дальше. И как только из-за двери показалась хозяйка, разразилась повторяющимся изо дня в день возмущением:

– Навошта вы эту злющую псину завели? Никому она не была нужна. То Федьку обрешет – тот её краской облил, то щенят выведет у Петьки за туалетом, то всю ночь воет, беспризорная, аж тошно становится. Так бы и прибила сволочную тварь!

– Божья она тварь, – уже в который раз, нехотя, возразила Анна Нифантьевна.

В это время, словно поддерживая её, одобрительно каркнула и, чтобы лучше слышать, перелетела на ветку ниже ворона, устроившая на верхушке берёзы наблюдательный пункт. Она внимательно следила за происходящим во дворе, неустанно вертя головой во все стороны.

Соседка не сдавалась:

– В город поедете, куда псину денете? Всё одно деревенские мужики её здесь прикончат!

– С собой заберём, – не соврала Нифантьевна, и собака, благодарно лизнув ей руку, снова рванулась к калитке так, что чуть не оборвала верёвку.

Не поднимая глаз, хозяйка поинтересовалась у Верки:

– Тебе чего? Или про собаку поболтать?

Та встрепенулась:

– Ой, чего слыхала-то! У тебя родня на Украине есть?

– Тебе какая разница?

– Так там жа-а-а! – соседка чуть не поперхнулась от волнения. – Женщин в армию забирать будут!

– Это в Израиле женская воинская обязанность. Путаешь, наверно.

– Нет! На Украине! Своими ушами! Аж до шестидесяти годов! Кроме беременных и с маленькими детьми, – доложила и уставилась неподвижным взглядом.

«Вот змея!» – подумала Анна Нифантьевна, уставшая от бесконечных претензий, обид и наговоров языкастой бабы.

– Быть такого не может! – махнула рукой, будто отгоняла назойливую муху. – Некогда мне, варенье на плите!

¹ Светлана Георгиевна Тихановская (урождённая Пилипчук; род. 11 сентября 1982 г., п. Микашевичи, Лунинецкий район, Брестская область, Белорусская ССР – кандидат в президенты Республики Беларусь на выборах 9 августа 2020 года. Согласно официально объявленным результатам, Тихановская набрала чуть более 10 % голосов и заявила об узурпации власти действующим президентом, призвала провести новые выборы. В Белоруссии начались акции протеста, организованные с целью попытки совершения цветной (белой) революции. 11 августа 2020 года Тихановская покинула Белоруссию и обосновалась в Литве, объявив себя национальным лидером Белоруссии.

² Советская фантастическая комедия 1973 года, снятая режиссёром Леонидом Гайдаем по мотивам пьесы Михаила Булгакова «Иван Васильевич».

Однако соседка не соврала. Потери украинской стороны были настолько велики, что истинное число погибших скрывалось и от своего народа, и от мирового сообщества. Мужчин отлавливали на улицах и в магазинах, вручали повестки или сразу конвоировали в военкомат.

В памяти Анны Нифантьевны всплыла забытая картинка 2014 года. Купе плацкартного вагона «Кишинёв – Санкт-Петербург». На границе Беларуси и России проверка документов. Взмокший от волнения пассажир – крепкий рыжеволосый парень, лет около двадцати пяти, судорожно копается в дорожной сумке, разыскивая билет и паспорт. Дрожащими руками протягивает пограничнику.

Она же в это время успевает заметить на страничке документа жёлтый трезубец. Когда проверяющие удалились, полюбопытствовала как можно доброжелательнее:

– Издалека путь держите?

Парень испуганно поднял на неё глаза, лихорадочно решая, можно ли говорить правду. На его потном бледном лице беззащитно сияли веснушки, придавая ему выражение детской беспомощности. Второй же попутчик, оказавшийся отцом удиравшего от призыва украинца, держался спокойнее:

– С Волыни. Сами знаете, что сейчас творится у нас. Так что мы – от греха подальше!

– С Волыни? – вздрогнула Анна Нифантьевна. – Там же у вас в сорок третьем «Волынская резня» была! Бандеровцы целый год резали головы, расстреливали, грабили, сжигали людей. Этническая чистка. Несколько десятков тысяч поляков, русских, белорусов – всех под топор.

Бледное лицо рыжего вдруг покрылось красными пятнами, а его отец, опустив голову, чуть слышно выдавил:

– Не знаем. В первый раз про такое... – И, не желая продолжать разговор, торопливо достал тюфяк, чтобы, забравшись на верхнюю полку, спрятаться от людей и вопросов...

«Где они теперь? Живы ли?» – забеспокоилась Анна Нифантьевна. Принесённые соседкой новости о мобилизации не давали покоя.

– Вот характер дурной! – причитала вполголоса, ругая себя. – Тебе-то какая разница? Чужие, незнакомые, просто попутчики. Слава богу, что они тогда убежали из Украины! Пожалуй, это лучше, чем стрелять в деток и баб. И не в Европах с Израилями скрылись, а в России-матушке!

Она аккуратно сняла на блюде пенку, собравшуюся на поверхности клубничного.

– Пена-то сойдёт. Главное, чтобы варенье не убежало! – улыбнулась Анна Нифантьевна трущемуся у ног коту и снова задумалась.

Ситуация на Украине – врагу не пожелаешь! Куда ни кинь, всюду клин! Как в сказке на распутье у камня: куда ни пойдёшь, всё голову потеряешь. Налево свернёшь – тероборону¹ найдёшь, направо – тюрьмы не минуешь, а прямо пойдёшь – в ВСУ попадёшь! Даже гражданин Израила с русским именем и фамилией, пытавшийся пересечь границу, чтобы уехать домой, был остановлен бдительными украинскими службами и оказался на передовой.

Власти уже стали присматриваться даже к выпускникам школ (украинский «гитлерюгенд»!), вспомнили и про законодательство страны о женской мобилизации и службе в вооружённых силах, по которому с первого октября двадцать второго должен начаться процесс постановки на воинский учёт военнообязанных женщин. Это повара, переводчики, ветеринары, врачи, медсёстры, психологи, работницы систем коммуникаций, химической промышленности и даже издательского дела и полиграфии. По стране поползли слухи, на кухнях начался переполох, СМИ попытались успокоить, объясняя, что будет учитываться и состояние здоровья, и наличие на иждивении несовершеннолетних, инвалидов и многое другое.

Но страх, беспокойство, тревога и без того напуганных украинских женщин уже выплеснулись наружу и потекли из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город, докатились даже до белорусов.

¹ Тероборона официально создана на Украине в январе 2022 года. Численность – 130 тыс. человек, записаться могли все граждане Украины. Каждая бригада отвечала за один регион страны. Теробороне было разрешено использовать артиллерию и действовать в районах боёв. Командующий – президент Украины Владимир Зеленский. Фактически тероборона возникла на Украине ещё весной – летом 2014 года. Впоследствии батальоны были переформированы в мотопехотные и переданы в состав бригад Сухопутных войск. Личный состав стрелковых батальонов проходил обучение по тактической, огневой, инженерной, медицинской и специальной подготовке на военных полигонах во время военных сборов.

– Ваня, – позвала мужа Анна Нифантьевна, не в силах удерживать тревогу при себе, – мужиков извели, неужели теперь за детей и женщин возьмутся? – Её испуганные глаза потемнели и от этого стали насыщенно-синими, как васильки на пшеничном поле неподалёку от дачи.

Хитько задумался, ему хотелось ответить спокойно и убедительно, и он тщательно подбирал слова:

– Вдруг вспомнилась статья в российской «Парламентской газете», в электричке кто-то оставил, а я от нечего делать прочёл. Это несколько лет назад.

– Тогда ещё машина в ремонте была?

– Да, – кивнул Иван Павлович. – Прочёл и забыл. Уж очень она мне фантастичной показалась в то время. Подумай сама, что означают призывы заокеанских покровителей Зеленского сражаться «до последнего украинца»? То, что им не жаль людей, ясно без перевода. Надеются ослабить Россию? Но они прекрасно понимают, что русские всё равно победят и что они совсем не одиноки в этом мире. Чего стоят только Китай и Индия! Тогда зачем всё это?

Анна Нифантьевна слушала внимательно, ловила каждое мужнино слово.

– Ответ, может быть, спорный, но есть! – загадочно улыбнулся Хитько. – Обозначен предельно чётко: территория Украины подходит для переселения туда американцев, которые планируют занять ещё и соседние государства: Польшу, Литву, Латвию, как слабые и бесперспективные. Так заявила Хиллари Клинтон¹.

– Им Америка мала стала? – жена не скрывала удивления.

– Нет. Всё проще. Северной Америке грозит катастрофа. Континент находится на гигантском тектоническом разломе, и даже не на одном. Такие трещины опасны сами по себе, но ещё способны пробудить Йеллоустоунский вулкан.

– Ой, – замахала руками Анна Нифантьевна, – действительно фантастика! Ну, допустим, американцы хотят переселиться, а местных куда?

– Этот вопрос тоже продуман. Излишки отправят на Ближний Восток, – выдохнул Хитько и вздрогнул, словно от озноба, хотя на дворе стояла непривычная жара.

– Вот это да! Вот это цинизм! Ни в какие ворота! – возмущение так и распирало жену. – Горе-то какое! Теперь точно украинских женщин на войну мобилизуют, если до такого додумались! – Она громко хлопнула входной дверью, через которую, несмотря на занавески, на кухню проникали настырные осы, учуявшие запах варенья.

Любопытная ворона тут же плавно спланировала во двор, аккуратно сложила крылья и степенно, но решительно двинулась к собачьей будке. Пёс приветливо завилял хвостом и с готовностью отошёл в сторону от обеденной миски с остатками перловой каши на костном бульоне. Птица для надёжности оглянулась, каркнула: мол, всё вижу и слышу, – и принялась подчищать собачью посуду.

ГЛАВА 7

ПОДВОХ

Перечитав письмо дважды, один раз вслух – жене, Павел Ефремович отыскал страницу, где сын писал о призыве в армию, и принялся читать снова: «Вызвали меня в военкомат, сказали, что служить буду в частях береговой обороны ВМФ, на флоте значит. Я спросил, успею ли в Городок – родителей навестить? Ответили, что езжай...»

Письмо прилетело из-за Полярного круга, из Мурманской области. Вот куда занесло Ивана! Тыщи две расстояние. А ведь как просил сына поближе к дому обустраиваться. Нет же – путешественник!

...Целыми днями Павел Ефремович разгружал вагоны с солью. Долбил ломом двухметровую закаменелую гору, лопатой накидывал на носилки и, вместе с товарищем схватившись за просоленные деревянные ручки, – вниз по сходням. В конце дня, измотанный, доволакивался до вокзального буфета и прирастал к стулу в глухом углу.

---

¹ Хиллари Дайан Родэм Клинтон – американский политик, на выборах в 2016 году – кандидат в президенты США от Демократической партии.

Не дождавшись мужа с работы, Ефросинья Ивановна бежала к вокзалу, стаскивала чуть живого благоверного с пригретого места, подставляла ему под руку своё, почти детское, плечико и, стыдясь людей, вполголоса, поливала его голову накопившейся женской горечью:

– Сколько ж можно? Себя не жалеешь, хоть бы нас пожалел! Опять, как свинья, – причитала до самого дома.

Сравнение с домашним животным было Павлу особенно оскорбительно-обидно, в глубине души он чувствовал, что оно несправедливо, хотя не догадывался, почему. Не мог же знать, что без малого через двадцать лет, в семидесятых, в Киеве, на киностудии имени Довженко, на документальных съёмках случится непредвиденный эксперимент, который подчистую оправдает, правда, не его, а хрюшку. Кто-то из съёмочной группы, ради смеха, подольёт в корыто героям фильма, поросётам, пиво. Результат и насмешит, и ошеломит. Животные, забыв страх, нарушая иерархию, действительно начнут вести себя по-свински. Но на следующий день, когда вожак, приблизив пяточок к еде, снова учует в ней пивную добавку, то перевернёт корыто и не подпустит к нему ни одного поросёнка. Вот тебе и пьяная свинья!

Глядя в очередной раз, как мать стаскивает с отца грязные, в белых соляных разводах сапоги, как тот, откинувшись на кровать, пьяно хрипит: «Фрося, любимая, прости ты меня, дурака!» – Иван не выдержал:

– Папа, ты же сильный, сколько лет в кузне молотом отмахал! Бросай пить – ты сможешь! Совсем бросай! Я учиться в Ленинград уеду – как мамка останется одна, если ты вот такой?

Хрип прекратился. Павел Ефремович уставился на сына мутными, покрасневшими глазами, на багровых щеках заиграли желваки:

– Какой Ленинград?

– Вместе с Толиком Сидоренко и Вовкой Николаевым – в электротехническое поеду!

Отец ухватил подушку крепкими, как клешни, пальцами и с размаху запустил в сына:

– Я тебе поеду в Ленинград! Ишь, удумал!

Вёрткий парнишка ловко нырнул за комод, перьевой снаряд рыхлой лепёхой шмякнулся на крышку. Громко огрызнувшись: «Пить бросай!» – Ваня выскочил в сени.

– Ужо брошу! – вслед скрипнул зубами старший Хитько и, снова повалившись на кровать, захрапел. И не понять было, всерьёз ли пообещал или спьяну брякнул?

Утро рассыпалось по земле огненными бусинками росы, обещая тёплый безветренный день, птицы вразной распевали голоса, но громче всех, перепархивая с ветки на ветку на отцветшей сирени, орал воробей, живший под стрехой.

Павел Ефремович, сильно осунувшийся после беспокойно-болезненной ночи, с бледно-прозрачными мешками под глазами, виновато уселся на край сыновней постели и терпеливо ждал, пока тот проснётся. Много из вчерашнего забылось напрочь, но то, что Ваня собрался уехать из дома, врезалось в память болезненной занозой.

– Воробышек мой! – шептал с тревогой в голосе, и сердце гулко колотилось в такт паровозным колёсам, отстукивающим невдалеке, сразу за Сенной, где жили Хитько, строгий железнодорожный ритм. – С кем же я буду сено косить, если ты из гнёздышка вылетишь? Мои силы тают потиху. – Он с сожалением взглянул на свои мозолистые, шершавые ладони, с неровными шрамами от кузнечных ожогов. – Когда работал на кузне, что за заготконторой, ты мне всякую железяку туда тасил, мол, пригодится папке...

На воспалённые глаза Павла Ефремовича накатила мутная влага: то ли слёзы умиления, то ли это буфетная пьянка наружу выходила. Вдруг вспомнился собственный отец – Ефрем Николаевич. Как готовили с ним стога на зиму. «Четыре сделаем – один твой, сынок, пользуйся!» – обещал Павлу. Пока сам был здоров – не угнаться. Потом уже про три стога говорил, а в последнее время, подслеповатый, слабый, косить совсем не мог и, сидя на завалинке, всё окликал младшего внука, драгоценного наследника, потому как среди всех внуков он был единственным мальчиком: «Ваня! Ваня!» Когда тот долго не отзывался, начинал тревожно оглядываться, прислушиваясь к звукам во дворе. Его подбородок с жидкой, почти белой от седины щетиной беспокойно вздрагивал, и губы мелко тряслись от волнения.

Болезненно сморщившись, Павел Ефремович потёр раненное войной плечо, которое с годами всё больше давало о себе знать.

– В прошлый-то раз Иван меня уже обогнал на покосе! – то ли удивляясь, то ли упрекая, он повысил голос, да так, что парнишка проснулся. Удивлённо уставился на отца:

– Ты чего тут?

– Сынок, нельзя тебе в Ленинград! Антонина упорхнула в далечину, так она мужняя жена, ниточка за иголочкой. А мы-то как с мамкой? Стареем же! Поближе давай, в Витебске учиться можно. У тебя же талант художественный, учитель сказывал! Вот, не пуцу тебя, не серчай только.

На экзамены в Витебское художественное Ваню лично доставил Борис Иванович Майоров – городокская легенда. Его работа – многократно увеличенная копия картины «Утро нашей Родины» Фёдора Шурпина с изображением великого вождя Иосифа Сталина на фоне необъятного пространства Родины – многие годы украшала фойе старого кинотеатра. Как и две другие работы художника, тоже копии, только куда более скромного размера. Во время же войны старшина Майоров числился ещё и художником в штабе у самого Рокоссовского. По его приказу он не просто женился, но даже венчался с возлюбленной медсестрой Машей в Кёнигсбергской кирхе. «Мы ж православные!» – пробовал сопротивляться несоветскому бракосочетанию. «Ничего, все мы – христиане!» – отрезал командующий. После Победы молодые обосновались в Городке. В школе Майоров вёл рисование, черчение, после уроков – кружок. Ваня Хитько ему полюбился, и он по-отечески его опекал: привозил из Москвы дефицитные краски, кисточки, книги по искусству. Уж больно талантлив был мальчонка!

В тот год, тысяча девятьсот пятьдесят пятый, в училище объявили особый набор: взамен убывших в ряды Советской армии требовалось принять одиннадцать выпускников со средним образованием, сразу на второй курс, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Решить задачу вызвалось более пятидесяти абитуриентов. В комиссии восседали два Валентина: Карлович Зейлерт и Константинович Дежиц, заведующий кафедрой, – мышь не проскочит! Но работы Хитько: карандашные, акварельные, маслом – натюрморты с яблоком, ковшем и гипсовой фигуркой, и домашняя работа маслом на холсте «Смольки», ни у кого не вызывая сомнений, были оценены на отлично. Позднее их отправили на выставку, и автор получил в награду грамоту и книгу «Ратоборцы» Алексея Югова. Итак, Ваня вошёл в золотую десятку. Предстоял экзамен по русскому. «Ну, теперь хоть на тройку, лишь бы не завалить!» – радовались пятёрочники.

– Чего сияете? – Незнакомец, неприметной внешности, словно привидение, с альбомом репродукций Серова и «Каталогом Третьяковской галереи», смотрел свысока. – Мечтаете стать Левитанами? Васнецовыми? Шишкиными? А в деревню учителем рисования не хотите? – он кисло скривился. – Чего тарашитесь? Вот я уже окончил это училище, и что? Направили в глухомань! Сидеть теперь там до скончания века. Потому что не заметишь, как женишься, обзаведёшься детишками, хозяйством (а как в деревне без него?). Вот жизнь и прошла! Одна единственная! – Он снова скривился и, не дождавшись ответа от ошарашенных его явлением абитуриентов, со злорадным блеском в глазах победно зашагал к выходу.

Беспокойная душа Хитько не на шутку всполошилась, словно очутилась на Сорокадневной горе Искушений: «А как же мечта – мир повидать?» Да и бесёнок тут как тут, подсказки на левое ухо нашёптывает. Не выдержал Ваня, поддался соблазну. На экзамене по русскому не то чтобы забыл, но словно и не знал никогда правил орфографии и синтаксиса.

– Провалился я! – оглушил известием родителей, учителя Майорова и директора Захарова.

– Быть не может! – не поверил Борис Иванович.

– Срочно разобраться! – порекомендовал Василий Ильич.

В приёмной комиссии Павлу Ефремовичу показали экзаменационный листок с диктантом сына и только руками развели. Возвращался он в Городок темнее тучи, такой беды не чаял, такого подвоха от Ванюши не ожидал.

Младший же Хитько ликовал! И отца не послушался, и хитрость удалась, и дорога к мечте открыта. Теперь – в Ленинград!

– Ну что ж, езжай, – смирился Павел Ефремович и посмотрел умоляюще: – Постарайся хоть распределиться ближе к дому!

Иногородних набирали на отделение сварщиков. Однако Иван и здесь отличился, ведь он был младше одноклассников на год, потому в сварщики, как они, семнадцатилетние, не годился по возрасту. В приёмной тщательно и безошибочно заполнил заявление: «Прошу зачислить меня на отделение электромонтёров станций, подстанций и электросетей...»

ГЛАВА 8

ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО БАРЕНЦЕВА

За окном мелькали полюбившиеся северные пейзажи в жёлто-огненных красках осени. Каменистые сопки, бесчисленные озёра и речушки со скалистыми берегами, россыпи огромных валунов, болотца с низкорослыми, коренастыми берёзками и жилистыми сосенками – всё так явственно дышало суровой, могучей силой земли, что у Хитько от восторга участилось дыхание, спазмами перехватило горло. «Красотища!» – едва не задохнувшись, прошептал он.

А мысли уже несли его в предстоящую неизвестность – армейскую службу, и рисовали в безудержном воображении романтические картины, где и геройство, и трудности, и строгость командиров, и обязательная армейская дружба, даже некая соборность солдатской жизни.

«Как у нас в жодинской общаге!» – светло вспомнил недавнее время, когда после Ленинградского училища распределился поближе к родительскому дому, в Белоруссию, на Смолевическую ГРЭС. Станция, история которой началась ещё в 1938 году выбором площадки под строительство, фактически заработала в пятьдесят первом. Молодого специалиста Ваню Хитько прописали в общежитии, предоставили койку в комнате, где таких же ребят – как в кадушке малосольных огурцов. Рабочих рук требовалось много, ведь в Жодино велось и большое жилищное строительство, расширялся, реконструировался завод торфяного машиностроения, готовясь к производству двадцатипятитонных, а затем и сорокатонных самосвалов МАЗ, – будущий Белорусский автомобильный завод.

Широкая улыбка непроизвольно растянулась на лице Ивана, и он вдруг хохотнул в голос, так, что пассажиры с нижних полок, женщина и девочка-подросток, подсевшие в купе в Кандалакше, удивлённо подняли на него глаза. Девушка, видимо, приняла смех на свой счёт и густо покраснела. Хитько заметил и, чтобы сгладить неловкость, ударился в воспоминания:

– Случай был! Вызывают меня и моих товарищей по комнате в общежитии к коменданту. В чём дело? «Жалоба на вас поступила!» Мы переглянулись – понять не можем, вроде не пили, не дрались, не ругались. Оказывается, уборщица озадачилась: мол, мы её оскорбляем – проверяем на вшивость! «Это как?» – понять не можем. «Деньги специально в тумбочке оставляете!» – «Так у нас же коммуна! – хохочем. – Мы зарплату в одну тумбочку складываем. Кому сколько требуется – бери! Только предупреди товарищей».

Глаза у женщины с нижней полки округлились до невообразимых размеров, хотя и без того были навывкате.

– Вы серьёзно?

Иван кивнул и снова искренне рассмеялся. Девушка лишь подёрнула острым плечиком, боясь попасть впросак, ей всё равно было непонятно, правду ли рассказал попутчик или подтрунивает. И когда он предложил ей яблоко, из тех, что мать прислала в деревянном посылочном ящике, от которого шёл такой сногшибательный антоновский аромат, что народ на почте завистливо смотрел вслед получателю, она смущённо, но решительно отказалась.

Хитько оставил яблоко на столе и снова уставился в окно. Заполярье постепенно уплывало назад. Высоченные сосны, ёлки и стройные берёзы давно сменили тундровых коротышек, но скалистые сопки, раскрашенные красно-бордовым, алым, оранжево-жёлтым вперемешку с зелёно-хвойным разных оттенков, тёмные и глубокие воды рек и озёр, отражающие сочно-синее небо с низким полуденным солнцем, продолжали дышать русским Севером.

«Береговая оборона! – восторженно думал Иван о будущей службе. – Это же – у моря!» Море он видел.

...Ленинградское управление «Севтеплоэлектромонтаж», от которого работал молодой специалист Хитько, объявило набор желающих на работу в Прибалтику.

– Я! – отозвался Иван, готовый отправиться куда угодно, так мучила его жажда увидеть страну.

Но в Нарве только начинали строить электростанцию, на которой планировалось использовать местные низкосортные сланцы. Работы по специальности не было. Помыкался два с половиной месяца и рванул в Таллин, где готовилась к пуску вторая турбина тепловой электростанции на берегу залива Балтийского моря.

Конечно, Балтика не была Ивану в новинку. Пока учился в Ленинграде, с другом Игорем Егоровым не раз катался на катере по Финскому заливу. Ах, какие тогда были закаты! Солнечные лучи растворялись в тяжёлых, железных водах, и море светилось радужными красками. И было непонятно, то ли это небо растекается по волнам, то ли море плещется в небесах.

Залив в Таллине показался теплее, больше смахивал на южное море. Возможно, оттого, что качались в его изумрудных водах романтические белые парусники, над которыми беспокойно кружили говорливые чайки, вычерчивая в синем небе незамысловатые виражи и бесстрашно пикируя вниз.

Но особенно ярко вспоминалось море штормовое. Грозное, роковое, с необузданной силищей швыряющее на берег многотонные волны, оно словно бросало вызов суше и небу. При мысли о лодках, кораблях и людях, очутившихся в эту минуту во власти бушующей стихии, становилось жутко, и душа скукоживалась, и сам себе казался Иван маленьким, взъерошенным воробушком, приплюснутым к земле, потому что небо нависало над ним тяжёлыми, мрачно-чёрными штормовыми тучами, похожими на жёсткие крылья грозного коршуна.

Довелось Хитько увидеть и Баренцево море, хоть и не думал, не гадал. Всё из-за футбола!

Иван закрыл глаза. Колёса мерно, словно часы, отстукивали километры, отматывая назад железные рельсы, а вместе с ними вертелось, летело неуловимое время, приближая почти осязаемое прошлое.

– Ура-а-а! – размахивал потрёпанной кепкой, подкидывал её, ловил и снова размахивал Костя Копылов, когда-то игравший в составе ленинградского «Динамо», а теперь командовавший футболистами Кировской ГРЭС. – Мы в финале, ребята!

Он обнял Ваню Хитько, оторвал от пола и закружил, как ребёнка:

– Финалисты первенства Карелии, друг мой! – орал на весь барак. – Теперь последний бой – едем в Североморск! Сразимся с моряками Северного морского флота!

Костя напялил на голову Ивану свою кепку, как знак большого дружеского доверия, и торжественно распорядился:

– Собирай команду! Обсудим подробности.

Для поездки в Североморск начальство отжалело новенький «ПАЗ-651». Он петлял между сопкок, порою разгоняясь по каменистой грунтовой дороге больше восьмидесяти километров в час, ребят даже подбрасывало на жёстких сиденьях. Вцепившись руками в спинки, они похихивали, подшучивая друг над другом, а Хитько не отрывал взгляда от окна, ожидая, что вот сейчас, за очередной сопкой, мелькнёт вдали необъятная водная гладь. Но Баренцево не появлялось.

Ах, как жалел Ваня, что забыл взять фотоаппарат! Восторженно и жадно, словно душа изголодалась по прекрасному, он впитывал, вбирал в ненасытную память неоглядную ширь тундры, густо покрытой цветущим брусничником с глянцевыми листочками, раскидистыми кустиками черники, иглистой, стелющейся по камням водяникой; ювелирную красоту вынырнувшего из-за поворота прозрачного озерца, сверкающего на солнце, словно голубая льдинка в обрамлении ажурных морошковых зарослей; звонкую хрустальность шумливой речушки, то, будто играючи, плавно перекаत्याющей разноцветные камушки, то несущейся бурным потоком по скалистому ложу русла, то спадающей водопадом с крутых валунов, то разливающей по низине холодные, искрящиеся воды, чтобы, угомонившись, утихомирившись, замереть во мшистом тундровом болотце.

Хитьковская рука тянулась к карандашу и блокноту, которые всегда лежали в кармане брюк, но автобусная тряска, перехватывая инициативу, всякий раз вырисовывала на листке бесформенные каракули, потешаясь над художником. Кривые, тощие берёзки, жмущиеся к подножью сопкок, и те плясали на листке, разбрасывая корявые ветки во все стороны.

Оставив бесполезные попытки совладать с карандашом, Иван залюбовался вершинами сопкок, которые, отдавая чуть заметной акварельной голубизной, светились серебристыми, шершавыми заплатками оленьего мха-ягеля. Потом долго провожал глазами одиноко летящего лебедя и вдруг заметил вдали возникающие, словно миражи, крыши домов.

Столица Северного флота, куда направлялся автобус с футболистами, расположилась на месте рабочего посёлка Ваенга, так именовалась и местная река. В пятьдесят первом зазвучало новое название военного городка – Североморск. Всего в двадцати пяти километрах от Мурманска, на восточном берегу незамерзающего Кольского залива, появились военно-морские базы и аэродромы Севера. Именно здесь предстояло ребятам сразиться с моряками, попытаться футбольного счастья.

Проиграли. Со счётом 3:0. Однако морское начальство, осчастливленное таким славным для него исходом встречи, проявило должную заботу и милосердие к противнику, потерпевшему сокрушительную неудачу. Чтобы утешить и хоть чуть-чуть сгладить горечь поражения, для гражданских футболистов была организована экскурсия на побережье и даже позволено посмотреть (издали!) на советские подводные лодки.

За сопками, которые, словно древние ящеры, выгнув бугристые спины, застыли на берегу, открывалось оно, Баренцево море, постепенно и незаметно растворяющееся в Северном Ледовитом океане. В его тёмно-свинцовой, густой воде лежали в ряд длинными, неподвижными, хитрющими зубастыми щуками – подводные лодки.

А ведь Иван уже видел такую! В Ленинграде, вместе с вездесущим Игорем Егоровым, стал свидетелем грандиозного события: спуска на воду построенной на заводе № 194, бывшем «Судомехе», единственной скоростной, шестьсот семнадцатого проекта, первой в мире боевой, с мощностью подводного хода на один вал – семь тысяч двести пятьдесят лошадиных сил!

...Хитько открыл глаза. На душе было так благостно, что не хотелось возвращаться из недавнего прошлого в этот старый вагон с надоедливим звяканьем. В пустом стакане на столе дребезжала чайная ложечка. Женщина с нижней полки, громко посапывая, спала, отвернувшись к стенке. Девушка тоже уснула, уткнувшись носом в раскрытую книгу. «Всесильна вагонная дрема! – улыбнулся Иван, потягиваясь и, возвращаясь мыслями к Североморску. – Может, снова занесёт меня судьба в город моряков – охранять подводные лодки?»

ГЛАВА 9

ВОРОНЫ ЯЙЦА

В Городке лил дождь. С вокзальной крыши он скатывался, как с детской горки, и звонко шлёпался о землю, рассыпаясь в брызги, которые долетали до скамеек, оплёскивая их дорожной грязью, впрочем, тут же смываемой щедрыми небесными потоками. Дождь шумел в высоченных тополях на круглой вокзальной площади и вдоль улицы, ведущей в центр города, в красных георгинах в палисаднике начальника вокзала, в молодых, послевоенных яблоньках на приусадебных участках. Обмывая от пыли каждый листок и веточку, он, не умолкая, уговаривал их потерпеть для их же блага, уж он-то знал в жизни толк. А потому старательно смывал слёзы со щёк маленькой, хрупкой женщины, встречавшей на перроне поезд, которым ранним утром прибывал её сын Иван Хитько.

«Удивительный народ, эти женщины, – думал дождь, глядя прозрачными нежными пальцами худенькие плечи Ефросиньи Ивановны. – Радоваться надо, а она плачет! Вот муж её – совсем другое дело, потому как мужеского роду-племени. Хоть и волнуется, хоть и слеза подступает, да сдюжит! Ну, да смоем мы бабью несуразицу эту, сынок ничего и не заметит. А мы его с дороги тоже ополоснём, чай, запылился на верхней-то полке, по чистому родному воздуху соскучился...»

Иван глубоко вдыхал грудью и не мог надышаться после северного сухого воздуха и тамошнего дефицита кислорода. Дома же лил освежающий дождь. И тополино-яблочный, целительный аромат разливался по всей округе.

– Деревья ещё выше стали! – отметил сразу, как только вышли на вокзальную площадь. – Ох, и полазил я тут! – засмеялся и, задрав голову, стал выглядывать в листве вороны гнёзда.

– А как ногу об железную бочку располосовал, помнишь? – мать горестно поджала губы, словно это случилось не десять лет назад, после освобождения, а сейчас.

...Пленные немцы недалеко от вокзала готовили к отправке древесину, которая поступала по узкоколейке из Веречья и Смолочки. Тесали, ошкуривали, обрезали брёвна, грузили в вагоны. Привозили немцев утром, вечером за ними приходила машина. Ваня остановился возле часового и, слегка наклонив голову, словно любопытная сорока, разглядывал заклётых врагов. Худые, понурые, с потухшими глазами, в потрёпанной немецкой форме без знаков отличия, они, казалось, были совсем неопасными, жалкими людьми. «Хозяевами стать хотели? Вот и хозяйствуйте теперь – готовьте стойки для наших шахт», – беззлобно подумал он, а вслух спросил у охранявшего их солдата:

– Кормят-то здесь пленных?
– Обедают, как время придёт. А ты, может, за них переживаешь? – усмехнулся тот и поправил автомат.

– Не-е, – протянул Ваня с безразличным видом, – смотрю, что отощавшие они, так много ли на-работают?

– От злости тощат, – снова усмехнулся часовой. – Моя б воля, положил бы сволочей очередь, – он снова поправил автомат и смачно сплюнул.

Ваня вспомнил, как за кладбищенской оградой, чуть поодаль от места, где раньше церковь стояла, пока фашисты не взорвали, военные выкопали бульдозером две огромные траншеи и захоронили в них трупы немцев. Свалили без гробов, чтобы только предать земле. Собаку дохлую и то закопать надо, а тут всё-таки люди... «Или псы поганые?» – Хитко двинулся вдоль вагонов к вокзалу и снова стал внимательно разглядывать фрицев, словно отыскивал в них признаки принадлежности к собачьему роду. Один из них вдруг поманил его пальцем:

– Поймать... Krähe... Ворона... Яйко... Krähe, – и показал на вороньи гнёзда, во множестве облепившие привокзальные тополя.

– Чего? – опешил Ваня.

– Он просит, чтобы ты поймал ворону или достал вороньих яиц из гнёзд, – словно из-под земли возник улыбочивый человек, выполнявший обязанности переводчика.

– Чего? – недоумевающая, снова повторил Ваня и уставился на немца.

– Кушать, – фриц смотрел виновато-умоляюще.

– Кормят-то их постно, – пояснил переводчик, – чтоб грехи было легче замалывать! – весело подмигнул мальчику. – А мяса-то им хочется, волчья-то порода, как без мяса? Им бы всё – куры, яйца! Любители... Чтоб вы лопнули! – он вдруг гневно чертыхнулся.

Ваня снова посмотрел на немца и встретился глазами с его взглядом, жалостливым, усталым, покорным, – точь-в-точь собачьим.

На вокзальной площади присмотрел тополь, по которому было удобнее добраться до гнезда. Вот и железная бочка рядом – перевернуть, сначала взобраться на неё и дальше – по толстым веткам. Ваня разулся, высоко подвернул штанины.

С дерева летел вниз, как неоперившийся птенец, считая тополиные сучья спиной, боками и мягким местом. Задел бочку, она перевернулась и ржавым, острым краем саданула по голой ноге, хлынула кровь. Однако необъяснимо, словно чудом, собранные в кепку вороньи яйца сохранились целёхоньки!

Ваня, охая от боли, облепил ногу листьями подорожника, опустил штанины и, прихрамывая, направился к голодающим немцам.

Часовой удивлённо разглядывал мальчишку. Из его всклокоченных волос на голове торчали рваные тополиные листья, рубаха на спине разодрана, серые штаны в бурых пятнах, в руках – кепка с яйцами, на лице – радостная улыбка.

– Они же убивали вас! Вешали! Голодом морили! Сжигали! – обводя пленных ненавидящим взглядом, возмущённо закричал солдат срывающимся голосом.

– Есть просят... Люди же! – вдруг растерянно, по-ребячьи всхлипнул Ваня.

В другой раз вместе с мальчишками обнаружил он в немецком блиндаже печенье. Ровными рядами пачки были уложены в картонной коробке. Юрка Михайлов достал одну, понюхал, втягивая раздувшимися ноздрями воздух, громко чихнул и вынес вердикт:

– Пленным отнесём! Пусть сами своё, фашистское, лопают!

На самом деле он был бы не прочь открыть пачку и захрустеть вражьем лакомством, но отец строго-настроено предупредил, чтобы найденные в немецких траншеях вещи – губные гармошки, сигареты, игральные карты, фляжки и всякую всячину, а также продукты – не трогали, домой ничего не тащили. Мало ли какие сюрпризы приготовили фашисты, отступая.

Коробку с печеньем мальчишки принесли к вокзалу и, в обмен на щепу, отличную печную растопку, щедро предложили пачки пленным:

– Битте! Кушайте на здоровье! Ваше, германское!

Пожилой немец, заросший густой щетиной, густо посыпанной проседью, внимательно рассмотрел коробку, заглянул внутрь и решительно замотал головой:

– Nein! Nein! Das kann man nicht essen! Gefährlich! Gift! – пнул печенье ногой, пакки вывалились на землю. – Muss graben!¹

Ваня ничего не понял и возмущённо пробурчал: «Ещё перебирают! Не так им!» Наклонился, чтобы поднять коробку. Немец снова испуганно запротестовал:

– Nein, nein! Gift!

Переводчик появился внезапно – словно по волшебству. Его умение неожиданно возникать в нужном месте поражало Ваню, он даже замер, как будто его уличили в непристойности.

– Три шага назад! – скомандовал строго толмач, уже мягче пояснил: – Отрава это!

Потом, подозрительно зыркнув глазами на пожилого немца, категорично заключил: – Знает кошка, чьё мясо съела!

ГЛАВА 10

АПАТИТЫ

Ивану не терпелось рвануть на Соболёвку. Эта улица находилась на юго-западной стороне города, в направлении к Волковой деревне. Путь не близкий, но что молодому парню, без малого – рядовому береговой охраны, несколько километров? Порывшись в кладовке, отыскал старые сапоги, затолкал их в вещмешок, закинул на спину, сам себя похвалил: «Теперь-то ты учёный, на мякине не проведёшь!»

...Танцы в клубе постепенно угасали: парочки покидали яркий зал, желая уединённо побродить по вечерним улицам и переулкам да посчитать высвечивающие потемневший небосвод звёздочки, поискать среди них свои. Когда объявили последний танец, Анна Жаркая набросила на плечи кофточку, повязала косынку, собираясь уйти.

– Разрешите пригласить? – стройный паренёк с серо-синими глазами и озорным вихром светлых волос галантно склонил голову.

Аня растерянно оглянулась, хотела отказаться, ведь уже собралась и торопилась, чтобы не разбежались попутчики на Соболёвку, но беспокойные глаза её неожиданно встретились с ласковыми, решительными глазами Ивана. Она вдруг отчаянно взмахнула рукой, нежно, чуть касаясь, опустила её на его плечо, вторая рука доверчиво легла в его крепкую ладонь. Хитко обнял девушку за талию и уверенно закружил в вальсе.

«Почему не встречал её раньше?» – удивлялся неожиданному открытию. Анна понравилась ему сразу. Без малейших колебаний предложил провести до дома.

– Живу далеко! – кокетливо предупредила девушка.

– Надеюсь, не дальше Витебска? – нашёлся Ваня.

По Пролетарской шли медленно, девичьи стайки то и дело обгоняли, смеясь, с любопытством оглядывались. Аня смущённо опускала глаза.

– Работаешь, учишься? – кавалеру не терпелось узнать о новой знакомой как можно больше. – Какую школу окончила?

– Первую. Ольга Александровна Шалаева учительницей в начальных классах была. И муж её, Захаров Василий Ильич, тоже у нас преподавал. Знаешь?

– А как же! Он же в нашей четвёртой – директором. И дочку его Свету знаю, в одном классе мы. Как-то подставил ей подножку, так потом в учительскую вызывали.

– Работаю, – продолжала охотно делиться Анна, – пока, на лето, в ткацкий цех устроилась, там дорожки ткут и авоськи вяжут. Я – авоськи! – она звонко засмеялась и резко переменяла тему: – Мы не всегда в Городке. С Донбасса приехали, войну там.

– А я к сестре в Макеевку мотался! – обрадовался Иван совпадению. – Денег на билет на разгрузке заработал.

– Меня сейчас девчонки зовут в Днепропетровск. Там курсы, на секретарей-машинисток. Интересно же!

– И я люблю – по стране. Скоро от нашей организации будут в Заполярье командировать. Вот бы попасть!

¹ Нет, нет! Это нельзя кушать! Опасно! Яд! Надо закопать! (нем.)

Девушка смотрела на кавалера с восхищением и тихо радовалась, смутно предчувствуя: может, это он её суженый?

На перекрёстке дорог, у рекламного щита, Анна остановилась и на глазах изумлённого Хитько нырнула в лозовый куст. Через секунду достала спрятанные в траве резиновые сапожки.

– Извини, пожалуйста, – улыбнулась смущённо, – дальше грязь непролазная!

Грязь эту Иван и его новенькие фасонные туфли запомнили на всю жизнь. Потому в нынешний дождливый день заплечный мешок с сапогами и аккуратно завернутой в газету коробочкой с нежными духами для Аннушки веселил его душу.

– Ну, рассказывай же, рассказывай! – Анна не сводила сияющих глаз с долгожданного гостя!

– Чего рассказывать-то? – для большей важности слегка ломался Хитько. – Я ж в письмах обо всём.

– Письма – не то! Ты расскажи, как там, на Севере?

...На учёбу в Ленинград родители снарядили Ивана в единственный, но новенький костюм: фабричный, впервые купленный, а не сшитый умелыми руками матери на старой немецкой машинке «Зингер», доставшейся ей от мужниного брата Ивана, которого схоронили перед войной. От тифа скончался. Машинку же Ефросинья Ивановна уберегла от немцев и полицаев, закопав в огороде. На фабричный шевитовый костюм – из тонкосуконной ткани, нарадоваться не могла, нежно поглаживала, не веря глазам. Любуясь Ванюшей, вмиг повзрослевшим, попросила, по-своему переименовав название ткани:

– Береги одежду-то! Шевьётова! На дороге не валяется.

В зимнее Заполярье специалист по электричеству (уже пятиразрядник) отправился всё в том же костюмчике и в училищной шинельке, купленной по случаю у однокурсника Юры Лебедева за пятнадцать рублей стипендии. Юрка числился сиротой, о нём заботилось государство, потому одеждой был обеспечен с головы до пят. С двубортной шинелью из грубошёрстного сукна и с блестящими металлическими пуговицами он расстался без сожаления. Полагающийся же к ней ремень с белой пряжкой оставил себе.

Проводница, закутанная в пуховый платок поверх железнодорожного зимнего пальто, подкинула угля в и без того пышущую жаром печь, хлопнула тамбурной дверью, старательно прикрывая её как можно плотнее, и громко крикнула на весь вагон:

– Апатиты скоро! Хлопцы, кто поздоровее, помогите входную дверь открыть, приморозило не на шутку! Ломиком надо...

Дверь действительно была прочно скована грязно-голубым, закоптевшим льдом, и огромная сосулька свисала чуть ли не до земли.

– Больше тридцати мороза, – констатировал молодой бородач, принявший лом из рук женщины.

– Тридцать восемь, – уточнила она бесстрастным голосом. – Рукавицы возьми, не то прихватит пальцы – от металла не оторвёшь.

Иван подхватил лёгонький вещмешок и двинулся к тамбуру, решив там дожидаться остановки. Проводница окинула его суровым взглядом:

– Тебе от станции-то далеко ещё? Ботиночки, смотри, не по сезону... А что-нибудь потеплее кепочки имеется?

– В посёлок Комсомольский. По работе на ГРЭС командирован, – последнее слово Иван произнёс с нажимом, считая, что это придаст ему достойной солидности.

– А на работе не предупредили, что тут от холода окочуриться можно? – усмехнулась проводница, притопывая валенками в калошах. – Иди, парень, в вагон, успеешь ещё намёрзнуться! – приказала жёстко и отвернулась, чтобы не заметил, как заблестели жалостью глаза. – Мальчишка совсем! Горькое! – прошептала в платок, и капельки пара, осевшие на его ворсинках, мгновенно превратились в бисерные льдинки.

В звонком дневном сумраке декабря под ногами громко скрипел снег, в воздухе повисли миллиарды мельчайших искринок, светящихся в потоках света, льющегося из высоких окон и обледеневшего фонаря, который напомнил Ване хрупкого, беззащитного, но такого отважного оловянного солдатика из детской потрёпанной книжки, которую наперебой выпрашивали в школьной библиотеке его одноклассники.

Посёлок Апатиты¹ располагался на другой стороне от вокзала, пробираться к нему надо было через железнодорожные пути или мост, до которого ещё шагать и шагать. Так что длинное одноэтажное деревянное вокзальное здание одиноко утопало в огромнейших сугробах, отчего казалось, что вокруг только и были что горы сверкающего снега. Но вдали Иван заметил горы другие: заснеженные, таинственные Хибины, подпиравшие вершинами лёгкие серебристые облака.

Ноги мгновенно сковало холодом, ботинки задубели, уши и нос больно защипало морозом, а ресницы, брови и козырёк серой кепки густо покрылись пушистым инеем. Оглядевшись, бросился к вокзалу, из трубы которого тянулся к зимнему небу тёплый дымок. В кассе узнал, что до Комсомольского можно добраться автобусом, который идёт в Кировск, ехать всего пятнадцать километров. Отвечая, пожилая кассирша с удивлением рассматривала Ваню и, изложив информацию о маршруте, не удержалась от замечания:

– Мальчик, ты же уши отморозишь, пока до места доберёшься!

Хитько уже и сам понимал, что ни тоненький костюмчик, ни даже толстосуконная шинелька не надолго защитят его от заполярных холодов.

Хорошо ещё, что мать когда-то давно, перед училищем, шарфик ему в вещмешок сунула, мол, пригодится в сыром городе. Ваня ни разу им не воспользовался, ворот у него вечно нараспашку, но сейчас мамина забота оказалась как никогда к месту. Устроившись в автобусе с безнадежно замороженными окнами и свисающими сосульками, он обмотал шарфом шею, утопив в него голову вместе с ушами, натянул кепку глубоко, насколько было возможно. Руки упрятал в рукава, а ноги поджал под себя, надеясь согреть их теплом собственного тела. Благо занял место на заднем сиденье.

От остановки до посёлка, чтобы не замёрзнуть, – бегом. Отыскал контору, постучался в кабинет начальника стройки. Тот, определив командировочного в бригаду монтажников-электриков, приказал:

– И вот ещё, получите на складе телогрейку, ватные штаны, ушанку, валенки... Ну, всё, что полагается, – и улыбнулся: – А то приехал, молодец, словно на юг!

Кировскую ГРЭС решено было строить на базе бывшей ТЭЦ-25 местного химического завода, замороженного в пятьдесят третьем году, после смерти Иосифа Сталина, когда замерло строительство не только завода, но и города. Через три года, когда на Кольском полуострове стала активно развиваться горнодобывающая и металлургическая промышленность, потребовалось обеспечить её электроэнергией. ГРЭС должна была решить эту задачу. Бригада, в которую попал Иван Хитько, работала на строительстве подстанции.

Аннушка слушала с широко открытыми глазами, моргнуть боялась, и душа замирала то от восторга, то от страха за любимого. В её воображении рисовались яркие картины холодного Севера и отважного Ванечки, который, зацепив карабин за верхний провод, шёл по нижнему, словно канатоходец, высоко-высоко над землёй, от одной высоковольтной мачты до другой, чтобы протянуть провода дальше, потому что без них в Заполярье никак.

Дома, у её родителей, хранилась всегда заправленная керосином лампа – на случай перебоев с электричеством, да и само электричество пришло к Жарким и другим городокчанам не так уж давно. А там, где полярная ночь, как же люди без света могут жить?

– Изоляторы развешивали, – мечтательно вспоминал Иван, – белые, гладкие, огромные, тяжёлые. Я таких больше нигде не видел. Ещё в траншее кабель укладывали. Там главное, чтобы за оголённый провод нигде не ухватиться, – объяснял увлечённо. – Вот вроде бы тридцать шесть вольт, это много или мало?

Аня лишь плечиками пожала. Но Хитько и не ждал ответа.

– Считается, что безопасно. Поэтому вдоль траншеи на коротких столбиках – фонари, ведь в темноте много не поработаешь. И тридцать шесть вольт. А у нас парнишка, только из армии, споткнулся, упал – полный сапог воды. Рукой за провод освещения схватился, как раз в том месте, где изоляция была нарушена. Убило беднягу.

– Ой! – Аннушкины глаза наполнились ужасом, она прильнула к Ивану, словно хотела прикрыть собой.

Он притих. Казалось, было слышно, как гулко стучит его сердце, как в унисон ему отвечает её. Пушистые Анины волосы щекотали губы. Иван закрыл глаза и медленно вдохнул, наслаждаясь их

¹ Посёлок Апатиты преобразован в город 7 июля 1966 года.

тонким ромашковым запахом. Горячей волной ударило в голову. Он крепко обнял девушку, губы сами потянулись к её пухлым, влажным губам.

Аня рванулась в сторону, бросила на Ивана гневный взгляд:

– Ты чего? Так прижал, что дышать нечем! – и опустила глаза.

Он смотрел растерянно, сам не понимая, как решился нарушить границу дозволенного, но внутри него всё радостно клокотало, и душа замирала от нежности и восторга.

ГЛАВА 11

КОМСОМОЛЬСКИЙ

Комсомольский разместился в бараках для ссыльных, которых перевели в новый лагерь. Разношёрстная публика – воры, бомжи, проститутки и всякий иной неблагонадёжный народ – обитала тут и трудилась на благо родины в связи с VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов, открывшимся 28 июля 1957 года в Москве. Рекорд по числу представленных стран – сто тридцать одна! – был побит. Тридцать четыре тысячи человек приехали в столицу Советского Союза под лозунгом «За мир и дружбу». В течение двух недель советская молодёжь беспрепятственно общалась с иностранцами в атмосфере открытости и свободы. Власти Москвы сделали всё возможное, чтобы обеспечить безопасность фестиваля. Вот так и появился на Кольском полуострове лагерь для тех, кто мог нарушить общий порядок и безопасность.

Теперь освободившиеся бараки заселили романтики-комсомольцы, откликнувшиеся на призыв в короткие сроки возвести в Заполярье так необходимую здесь Кировскую ГРЭС, да искатели приключений и длинного рубля. Название посёлок получил «Комсомольский». Подстанция, где работал Иван, была огорожена колючей проволокой и охранялась часовыми. Не только потому, что объект представлял собой огромную ценность, но и по причине того, что к работе дополнительно привлекались «фестивальные» заключённые, которых специально привозили на машинах.

– Ваня, передай вон той красавице, – черноглазый рабочий в лагерной спецовке кивнул в сторону бригады девчат-маляров, направлявшихся в столовую. – Сам я, понимаешь, не могу, мне за колючку нет хода, а уж больно девка нравится. Письмо ей написал, – он заговорщицки подмигнул, и в его глазах заиграли чёртики.

Письма лагерники писали вдохновенно. То ли переписывали монологи из художественных произведений, то ли особенности ограниченной жизни пробуждали в них незаурядные способности эпистолярного жанра, но девушки перечитывали их сочинения, как любовные романы, и краснели при встречах взглядами с авторами за колючей проволокой.

Хитько спрятал письмо за пазуху, и в это время же команда бригадира:

– Рассвело – пора на обед!

Небольшое прояснение к полудню среди полярной ночи работало лучше всяких часов. И, удивительное дело, хватало его ровно для того, чтобы успеть отобедать. Как только Ваня допивал компот, за окном начинало темнеть.

– Ну, пора и на работу! – вздыхал бригадир.

Вечером в бараке начинались жаркие карточные баталии. Играли на деньги. А зарабатывали ребята хорошо: вместе с северными надбавками – по пятьсот, а то и восемьсот рублей в месяц. Дети дома не плакали, есть не просили, по той причине, что народ в бригаде был холостяцкий. Деньжат не жалели.

– На кону пять тысяч! – донеслось до Ивана, и у него даже мурашки по телу побежали. «Нет уж, я в такие игры не играю, – подумал, зарываясь в постель. – Завтра матери перевод отправлю, вот обрадуется!»

– Эй, малой! – растормошил его Серёга Смелов. – У тебя выпить найдётся? Вся посуда сухая, а игра в самом разгаре. Представляешь, Тимоха из пятого барака уже часы и пиджак проиграл, теперь брюки поставил. Всё надеется на удачу, бестия!

– Я ж не пью, – пробурчал спросонья Хитько, но Смелов уже распахнул дверцу тумбочки, где красовался недавно купленный флакон пахучего «Тройного» одеколona.

– О! – обрадовался он. – А говоришь, нет ничего!

Иван лишь безнадежно вздохнул. Теперь заснуть никак не удавалось. За столом, где расположились картёжники, то нависала тишина, то гремел восторженный вой. Когда раздался умоляющий голос: «Братцы, как же я по тридцатиградусному до барака – в трусах и босиком?» Хитько приподнял голову. Под снисходительно-смешливые увещевания: «Ничего, добежишь, что с тобой станется?» – к выходу шлёпал босыми ногами почти голый Тимоха.

Хлопнула заиндевевшая дверь, морозным духом в барак заглянула январская ночь. Хитько съёжился, натянул одеяло на голову и, вспоминая прочитанного Достоевского с мучительными страданиями его азартного героя Алексея Павловича, ещё долго глубокомысленно размышлял о смысле жизни, пока образ Аннушки не заполнил собой всё пространство, убаюкивая сладостным блаженством.

Следующим вечером желающих бежать голышом по морозу не нашлось, да и секретарь комсомольской организации в барак для проверки заглянул, тут уж не до игры. И ребята решили наведаться в гости в девичье общежитие.

– Малой, айда с нами! Недотрогу из себя не корчи, – подначивал Ивана Смелов.

Ваня и не корчил. Настроение было отменным: после работы забежал на почту, отправил в Городок перевод и письмо Аннушке, которой были заняты все его мысли. А прогуляться за компанию – почему бы и нет? Делать всё равно нечего, и время незаметно скоротается. Накинул пиджак, глянул в осколок зеркала на стене, причёсался, хотя под ушанкой волосы всё равно примнутся. Теперь бы одеколончиком... Оглянулся на Серёгу, незаметно достал из кармана фуфайки новенький флакон «Шипра», капнул на ладонь и, задрав подбородок кверху, освежил шею, торопливо похлопал себя по щекам и быстро спрятал одеколон в тумбочку.

Смелов тут же повёл носом, вынюхивая источник приятного аромата:

– Слышь, малой, вчера не так пахло. Новый?

– Отстань! На тебя не напасёшься.

– Ну, капни на опохмелочку чуток. Жалко, что ли? – раззадоривался Серёга, а в глазах так и поблёскивали лукавые искорки.

Пашка-бригадир оглянулся у порога, окликнул:

– Эй, одеколонщики, поторопитесь, дверь закрываю!

Хитько обрадованно рванулся к выходу. Смелов расхохотался:

– Да пошутил я! А ты поверил, малой? Поверил? Да если приспичит, я и спрашивать не буду, так возьму! – Он в три прыжка догнал Ивана и примирительно похлопал по плечу.

– Ух ты, ребята, красотища какая! – бригадир задрал белобрысую голову к небу.

Словно тонкая живая лента, сворачиваясь во множественные спиральные ряды, переливающиеся, сверкающие изумрудным неоновым светом, перетекающим в розово-жёлтый, сине-малиново-голубой и снова изумрудно-салатовый, сверкало, текло, разливалось по всему горизонту и уже полыхало над головой северное сияние.

– Чудо-чудное! – застыл потрясённый Иван. И хотя он уже не раз наблюдал это удивительное явление, такого фантастического зрелища ещё не было.

– Помогите-е-е! – внезапный крик донёсся со стороны женского барака, из которого, словно из улья пчёлы от раскочегаренного дыма, врассыпную бежали девчата, едва набросив на себя пальто и телогрейки.

Ребята бросились к ним навстречу:

– Что случилось?

– Там, там... – перепуганная девушка из бригады маляров запинаясь от волнения. – Там пьяный... С ножом... Зэк... Он к Тоньке... Милицию надо!

«К Тоньке? – Иван мгновенно представил хрупкую, маленькую, с толстой русой косой до пояса Антонину, которой передавал письмо от черноглазого заключённого. – Васька, что ли? Этот чёрт здоровый?» – успел подумать, врываясь вместе с ребятами в барак.

Тоня отчаянно сопротивлялась, хотя черноглазый уже успел разорвать на ней блузку и, вцепившись ручищей в тоненькую шейку, пьяно шипел в лицо:

– Ну, чего ты выделываешься? На письмо ведь ответила, значит, есть симпатия... Ну, чего ты? Тебе понравится... Ещё попросишь!

– Отпусти её! – Серёга Смелов первый бросился к насильнику.

Васька поднял голову, вытаращился на окружавших его ребят невидящими глазами, налитыми кровью и странно помутневшими, так что и цвета было не разобрать. Хитько никогда не видел таких глаз – из них глядела страшная, уродливая, животная страсть.

– Не подходи! Убью! – прорычал озверевший Васька, и в его руке блеснуло лезвие.

Тяжело раненных Серёгу Смелова, Тимоху из пятого барака и Пашку-бригадира, истекающего кровью, увезли в апатитскую больницу, оттуда перевели в Мурманск.

Ваську отправили в Кировск. На грузовой машине, как был, в одних брюках, без рубашки. Прихватили наручниками к перилам борта. Собравшиеся со всего посёлка строители угрюмо наблюдали.

– Замёрзнет же! Не довезёте, – вдруг сжалился кто-то.

– Пёс с ним! – огрызнулся охранник. – Собаке – собачья смерть!

– Такие не дышат, – раздался чей-то мрачный голос.

Охранник выпрямился, сдёнул с плеча автомат и вполголоса пригрозил арестованному:

– Сами прикончим, если что...

Теперь уже все знали, что Васька, переодевшись в сменную спецовку электриков, вышел за пределы подстанции в обеденный перерыв, накупил водки и приволок её заключённым собратям. Напившись, он тем же путём выскользнул восвояси – на поиски приключений в женском бараке.

А его приятели успели до прибытия спецмашины устроить бунт. Камни летели в вооружённых часовых на вышках, в охрипшую охранную овчарку, рвущуюся с цепи, чтобы вцепиться в обидчиков. Пока не появилось подкрепление, часовые отстреливались в воздух, на поражение запрещалось, и об этом все знали, потому и бесчинствовали нагло.

ГЛАВА 12

ХИБИНЫ

Аннушка заметно погрузилась и, подняв на Ивана опечаленные глаза, призналась:

– Я так надеялась, что этот черноглазый в лагерь угодил по ошибке. Всяко ведь бывает. А он ребят хороших... Живы?

– Были живы, но в посёлок при мне ни один не вернулся. А что до Васьки, так пока не напился – вроде и человек! С работой отлично справлялся, даже начальство хвалило. Это бутылка-то и засадила его за колючку. Там таких много.

Анна вмиг оживилась:

– Не знаю, правда ли, нет, подружка мне, а ей рассказывал дядька из Ленинграда, который в гости приезжал, – она понизила голос, зачем-то оглянулась: – Поклянись, что никому!

Хитько пообещал.

– Нет, ты поклянись! – настаивала девушка.

– Честное комсомольское! – сдался Ваня.

– При царе-то, при Николае Втором, пить законом было запрещено! С четырнадцатого года. Так вот, тюрьмы через шесть месяцев пустеть стали, а те, что строились, в госпитали переделывали – для раненых на фронте. Понимаешь, перестали люди пить, и преступления исчезли!

– Совсем не могли, – засомневался Хитько.

– Кто говорит, что совсем? Рецидивистов и больных только могила исправит. Но на девяносто восемь процентов сократилась преступность! Дядька этот то ли в жандармерии работал, то ли в суде, то ли в тюрьме. Он же старый. Но точно знает, важничает: «Засвидетельствовать могу!»

– А что, – согласился Иван, – не продавали бы водку в Комсомольском, ничего бы и не случилось! Только не пойму, зачем «честное комсомольское» понадобилось? – он ласково улыбнулся.

Анна пыхнула краской:

– При царе же! – Она выдержала многозначительную паузу: – Нам в книжках и на уроках о чём? Что ничего хорошего не могло быть при царизме! – И неожиданно призналась: – Я всё время считала, что при императоре такие беспросветные дикость и темнота были, что все босые и голые и чуть ли не в землянках... А ведь это не так. Клевета получилась на царя и моя необразованность. Это я – темнота! Стыдно!

– Ты не темнота, и ты не виновата! – отрезал Иван. – Это жизнь...

Благодарно взглянув на него, Аннушка спешно переменяла тему, возвращаясь в Ванино Заполярье:

– Черноглазый-то доехал до Кировска? Не замёрз?

Хитько неопределённо пожал плечами:

– Лучше я тебе про Мустафу расскажу! Он тоже год отсидел. Заступился за товарища. По глупости вцепился в милиционера: мол, отпусти, не виноват. А ему и вменили – нападение на стража порядка при исполнении.

Татарин Мустафа, почти ровесник Ивана, – его напарник в бригаде. Вместе тянули провода и кабель, таскали пятидесятикилограммовые баллоны с газом и закрепляли гирлянды изоляторов. Он тоже, как и Хитько, командированный из Ленинграда «Севтеплоэлектромонтажом», прикрепленный на жительство в тот же барак. Мустафу не волновали ни карты, ни спиртное – так его воспитали религиозные родители. Зато интерес к познанию мира зашкаливал. Когда он засматривался на верхушки Хибин, его тёмные глаза огненно сверкали:

– Одному страшно, а вдвоём мы с тобой поднимемся! – напористо уговаривал Ивана. – Ну, что такое восемьсот или тысяча метров молодым ребятам? По дороге – пятнадцать минут быстрым шагом. Ну, а в гору часа за три точно дойдём! Назад ещё быстрее – скатимся! – он задорно рассмеялся.

Ивану предложение понравилось сразу: горы притягивали к себе, манили снежными вершинами, по которым в полдень прогуливалось солнце, прежде чем спрятаться за горизонтом. Тепло одевшись и прихватив в вещмешки, кроме хлеба, заварки и сахара, ещё дрова и спички, они отправились догонять мечту.

До подножия гор долетели на лыжах легко, ещё немного проехали по редкому заснеженному перелеску, мимо одиночных ёлок и тонких берёз. Дальше, по низкорослому кустарнику, лыжи тащили в руках. Крепкий наст хорошо удерживал самодельных альпинистов, у которых даже не было специального снаряжения, ноги проваливались не часто и не глубоко.

– Ой! – вскрикнул Мустафа, оступившись, проломив обледенелую корку наста, провалившись ногой в крупный зернистый снег.

Испуганная появлением человека, из-под снежного козырька тотчас выпорхнула стайка серо-коричневых птиц, достаточно крупных по сравнению с воробьями или пеночками. Они рассыпались в разные стороны и тут же стали растворяться в снегу, словно их и не было.

– Куропатки! – догадался Иван, что было несложно: очень похожи птички на миниатюрных курочек.

– Напугали, – признался Мустафа и задрал голову: – Смотри, скоро вершина!

Зацепившись за скалу, над альпинистами повисло февральское солнце. Иван прищурился, сложил лодочкой ладонь, прикрывая заслезившиеся глаза:

– Ого! Мы идём прямо к солнцу! – счастливо закричал он, размахивая руками. – Ого-го-о! Горы! Солнце! Мы идём к вам! – и запел срывающимся голосом: «Широка страна моя родная! Много в ней полей, лесов и рек!»

– Шаляпин, уже полдень! – остановил его Мустафа. – Наверху разведём костёр, погреемся, перекусим и – назад.

Огонь в сухих дровах разгорелся быстро, и вскоре в большой металлической кружке забулькал растаявший снег. Иван заварил чай, разломил хлеб.

– Думал, что здесь намело, будем проваливаться, оказалось, чем выше, тем снега меньше. – Мустафа победно сиял.

Ещё никогда в жизни не поднимался так высоко, поэтому чувствовал себя ни мало ни много – гордым орлом, по-хозяйски оглядывающим землю. Правда, рассмотреть ничего не удавалось: всё сливалось в одно огромное белое полотно, а глаза начинало щипать.

Ярко светило белое солнце, весело потрескивал в поленьях огонь. Глядя на его отчаянную пляску, Иван вспомнил родной дом, отца, поднимавшегося рано утром, чтобы до работы протопить печь.

– Однажды будит меня батька: «Вставай, сынок, помочь надо!» Такой снег выпал, что из хаты не выйти: дверь-то наружу открывалась. Мы её вдвоём толкали, толкали, чтобы хоть щель получить, через которую можно было бы снег отбрасывать. Чуть откопались! Даже жутко было, словно кто живыми нас в хате замуровал! В окно глянешь – просвета нет, темень в доме такая, будто ночь вечная. Никак не выйти. Хорошо ещё, что снег рыхлый: дверью его спрессовали и давай расчищать тоннели до дровяника, до хлева, до колодца. Сначала ведром и тазиком копали: шухля-то в сарайке осталась. –

Он рассмеялся. – Помню, по городу тогда только трактор мог пройти – тащил будку с хлебом. Зато в школу не надо! Отменили уроки. Чем заняться? Я лыжи достал. Самоделки. Сам доски строгал, грел, выгибал... Катался – с крыши нашего дома! Представляешь – снежище?

Мустафа, прихлёбывая чай, удивлённо покачивал головой, иногда даже цокал языком:

– Это в ваших краях? Когда такое было?

– В пятьдесят третьем. Батя говорил, такие снега ещё и после войны, в сорок седьмом, были. Жалел, что дверь не переделал: надо бы вовнутрь открывать, – тогда никакая метель была бы не страшна.

Поленья сгорели быстро, а чёрные угли ещё дымились, тлели, иногда на мгновение вспыхивая голубоватым пламенем. Мустафа поёжился:

– Ветер поднимается, похолодало. Давай уже вниз!

Попробовали спускаться на лыжах, но глаза... Их несносно щипало. Катились слёзы. Ребята, словно слепые, пробирались наугад, рискуя свалиться с отвесной скалы в пропасть. Первым на огромный валун, утонувший в сугробе, а потому совершенно незаметный, налетел Иван. Хрясь! Лыжина сломана! Нога подвернулась, щека оцарапана острым краем обломка ледяного наста, на снег просочилась кровь.

– Ты что-нибудь видишь? – окликнул друга, увязшего неподалёку.

– Ничего дальше своего носа! – в отчаянии отозвался Мустафа, опираясь на поставленные торчком лыжи. – Всё сливается в одну простыню. Где край обрыва? Какая глубина? Не разобрать, хоть тресни!

– Влипли мы с тобой, брат, так и погибнуть можно, – испуганно прохрипел Хитько, пытаясь разбраться, куда двинуться дальше. – Пропадём, ведь и не найдут. Ты кому-нибудь рассказал о наших планах?

– Нет, – помрачнел Мустафа, ощупывая край только что сломанной лыжины.

– И я – никому. Будем как-нибудь выбираться. А там – если повезёт, значит, повезёт! – Ваня набрал горсть снега, приложил к глазам. Боль немного притихла, но ощущение песка не проходило, покрасневшие веки заметно припухли.

Сощурившись так, что лишь через ресницы слегка проникал свет, ребята покатались вниз, пытаясь притормаживать палками. Падали, поднимались на ноги и снова сползали на снег. Оседлав лыжные палки, спускались с горы, как в детстве, когда играли в «конька», и это тоже помогало вовремя остановиться, чтобы не свалиться с отвесной скалы. Они уже не обращали внимания на треск рвущейся одежды, цеплявшейся за острые камни, на разодранные в кровь руки, исцарапанные лоб, щёки, нос. И только когда стали наткаться на торчащие из-под снега кусты, вздохнули с облегчением. Пронесло! Сумерки уже сменились ночной темнотой, и больные глаза горе-альпинистов рассмотрели огни посёлка.

Обернувшись на шум у двери, завсегдаи-картёжники молча уставились на Мустафу с Иваном. Без шапок. Из телогреек и штанов торчат клоки ваты. Сами измученные, с кровоподтёками, синяками, ссадинами на лице и руках, с опухшими, красными глазами. Словно привидения, заявились и застыли у порога.

Через мгновение, напрочь забыв об игре, бригада сорвалась с места. Кто-то схватился за топор, кто-то за нож, кто-то за кочергу.

– Наших бьют! – зверея, заорали мужики во всю мочь и бросились на улицу.

Растерянные альпинисты безуспешно пытались их остановить:

– Мы сами! Ребята, это мы сами!

...Аня подскочила со скамьи, обхватила голову Ивана мягкими ладошками, внимательно вглядываясь в его ясные, смеющиеся глаза:

– Зрение не ухудшилось? Сейчас не болят?

– Нет, – он покачал головой и ласково погладил её руки. – Вот так и держи, не отпускай!

Девушка тотчас отпрыгнула назад, обиженно поджала губки:

– Чего возомнил?

– Нравись ты мне. Очень-очень! – вдруг выпалил Иван и совсем осмелел: – Будешь ждать из армии?

Аня вспыхнула, молча потупилась, не зная, как поступить. Если ответить, что и ей очень нравится Ваня и, конечно, она непременно будет его ждать, не унизит ли её такое признание в глазах парня? А если рассмеяться и соврать, будто он для неё просто интересный собеседник и не больше того, не потеряет ли его навсегда?

Молчание затянулось. Хитько смотрел, как тянут к небу свои золотые головки хозяева палисадников – многолетние георгины. Их высоченные стебли выдержали напор дождя и уже успели обсохнуть, а яркие цветы, словно жёлтые шары, парили в вышине, и казалось, дай им волю, они и улетят. Мысленно ругая себя за наглость, Иван решил смягчить ситуацию – вновь вернуться к Хибинам:

– Мы же с Мустафой ничего не знали про снежную болезнь, – как ни в чём не бывало, принялся объяснять причину их внезапной горной слепоты. – Оказывается, от яркого солнца и сверкающего снега можно запросто получить ожог глаз!

Искоса наблюдая за притихшей Аней, которая робко снова присела рядом, Иван бодро завершил:

– Но покой и тёмная повязка быстро вернули нам стопроцентное зрение! А летом мы с Мустафой снова ходили в горы и обнаружили там, высоко над посёлком, озеро! И вода в нём была холодная, чистая и такая синяя-синяя, как твои глаза. – Он осторожно коснулся Аниного плеча, и она прошептала:

– Я буду тебя ждать!

ГЛАВА 13

НАКАЗ

По расписанию поезд на Мурманск приходил в пять с хвостиком. Чтобы проводить сыночка, старший Хитько отпросился с работы пораньше: «Уйдёт служить, когда ещё свидимся? Может, и не доживу...»

Дни сыновьей побывки пролетели стремительно. Павел Ефремович с тоской смотрел на Ивана, складывающего дорожные пожитки в вещмешок. И поговорить-то толком не успели. Выпорхнул, как тот воронёнок из гнезда. И всё! Назад ходу нет. А ведь сколько надежд на него, на младшенького, было.

Чтобы увеличить площадь поля под пшеницу, Павел Хитько, когда обжился в доме на Сенной, решил закопать за огородом траншею, после которой начинался никому не нужный пустырь.

– Давай, Ванюша, помогай папке, вместе дело спорчее! – звал с собой наследника. – На свежей земле урожай будет, значит, без хлеба не останемся.

Пшеница тогда действительно поднялась на зависть. Только булок из неё поест не пришлось...

Павел Ефремович, вспомнив ту досадную историю, достал с печки самосад (табак свой на грядке растил), скрутил сигарку.

– Помнишь, как наше с тобой поле – трактором? – окликнул Ивана.

– Донёс тогда кто-то? – отозвался сын.

– Так была в горсовете женщина, фамилию не припомню... «Как посмели! Государственную землю своевольно!» Пришёл трактор и – по живому! Колосья в грязь! Помесил безжалостно. А зачем? Ну, конфискуй ты у меня, тому же государству польза, что бурьян я перепахал и пшеницу вырастил. Какой же прок от того, что труд и зерно – в землю? И снова там всё травой заросло. Пустырь! Глаза бы мои не глядели... Как можно, чтобы земля – без догляду?

Ефросинья Ивановна поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой, надеясь ещё успеть покормить сыночка перед дорогой.

– Забудь уже, Паша, сколько можно? Ваня уезжает, а ты про что? И надымил полную хату, дышать нечем! Выйди во двор немедленно! – расхрабрилась она, чувствуя сыновью защиту.

Хитько послушно вышел, устроился на завалинке...

Ваня везде поспевал за отцом. Вместе ходили на заброшенные хутора. Там кусты ягодные: крыжовник, смородина, дички яблоневые, грушевые. Выкапывали, к себе тащили. Мальчонка босиком, впереди. И горланит на весь лес: – Вернулся я на родину. / Шумят берёзки встречные. / Я много лет

без отпуска служил в чужом краю. / И вот иду, как в юности, я улицей Заречную / И нашей тихой улицы совсем не узнаю...

Павел Ефремович поспешает следом, с мешком саженцев за спиной, и тоже подхватывает, хотя от быстрой ходьбы не хватает дыхания, чтобы затянуть во весь голос: – Здесь вырос сад над берегом с тенистыми дорожками, / Окраины застроились, завода – не узнать. / В своей домашней кофточке, в косыночке горошками, / Седая, долгожданная, меня встречает мать¹...

И вдруг Ваня вскрикнул и застыл. Старший Хитько едва успел заметить на тропинке промелькнувшую чёрной молнией змею.

– Сынок! – сбросив мешок, в испуге метнулся к ребёнку.

Мальчик, побелевший, как накрахмаленная простыня, замороженно смотрел туда, где в зарослях черничника исчезла гадюка, и неестественно улыбался:

– Я на хвост ей. Не заметил. А она поднялась и как ударит меня по ноге!

– Где укусила? – отец в изумлении опустился на колени: следов змеиных зубов не было! Смахнул пот, перекрестившись, прошептал: – Что за чудо? Никак сама Пресвятая Богородица на помощь пришла! Видно, знак это, что пора тебе обувь заказывать. Пойдём в выходной к сапожнику.

– Далеко? – У Ванюши снова порозовели щёчки. Не было счастья, да несчастье помогло.

– На улицу Карла Маркса, там живёт хороший мастер.

По этой улице пробирался Хитько в Большой Болецк к родне, когда колонну мобилизованных, направлявшихся на фронт, в Езерище расстреляли немцы. Кто в живых остался, разбрелись по лесам да деревням. Он же решил: к своим, к семье. Ближе всего было к сестре Ане. Сначала лесом, напрямки шёл, потом пришлось завернуть на окраину Городка. Да не судьба... Может, сам попался на глаза полицаям, может, выдал кто, только оказался в местной тюрьме, что у Чайной горы.

Когда стало известно, что Хитьковская родня из раскулаченных, получил предложение: надеть ненавистную форму и служить фашистам. Отказался наотрез, хотя угрожали смертью.

– Ладно. Твоя воля, – неожиданно согласился полицай. – Но всё равно на благо великой немецкой страны повкалываешь! А там, глядишь, и добро дашь, сам попросишься. Нам молодые и смелые тоже нужны.

Гоняли на различные работы: рубил лес, мостил дороги, в бондарне готовил доски для бочек, в которых немцы награбленное добро эшелонами отправляли в Германию. Охраняли заключённых надёжно, и всё не выходило ни сбежать, ни весточку послать. Да и опасался, как бы не навредить своим.

Весточка долетела сама. Сначала Ане подруга сообщила, что её брата Павла у бондарни видели, потом Аня – Фросе. И та засобиралась в дорогу, чтобы с мужем непременно повидаться, а может, и выкупить его из тюрьмы.

– Тоня, возьми подушку, – распределяла ношу между детьми, – а ты, Ванечка, курицу. Яичко снесёт, вот и будет нам ужин.

– Если вырвется и убежит? – насупился сын.

– А мы её верёвочкой – за ногу! – улыбнулась Фрося, закидывая себе на спину хатуль. – Ничего, десять километров всего, как-нибудь дотянем.

– Жить где будем? – по-взрослому задумалась Тоня.

– Мир не без добрых людей, кто-нибудь на постой пустит, – успокоила мать.

Идти по снежной дороге тяжело, ноги разъезжаются, скользят или проваливаются. За нос и щёки щиплет мороз, а из-под тужурки валит пар, и пот скатывается по спине, по позвоночной ложбинке, словно по ручейковому руслу. Курица невероятно погрузнела, руки от неё у Ванюшки занемели. Да ещё вырывается, царапается когтями. Не стерпел, отпустил на снег, потянул за верёвочку, как щенка. Что тут началось! Несушка закричала, затрепыхала крыльями, упираясь короткими ногами в снег.

– Да иди же ты! – взмолился он, плача и глядя, как быстро удаляются мама с сестрой.

Курица сделала несколько шагов и остановилась. Ваня снова подхватил её на руки, собрав последние силёнки, бросился догонять.

Перед Городком, на контрольном посту, остановили немцы:

– Woher? Wohin?²

¹ «Вернулся я на родину». Слова М. Матусовского, музыка М. Фрадкина.

² Откуда? Куда? (нем.)

Фрося показала документы:

- Хата наша сгорела, жить негде. Идём в город, к родне.
- Кура? Яйки? – одобрительно кивнул немец, указывая на курицу.

«Вот и всё!» – подумал испуганно Ваня и крепче прижал к себе несущку.

– Гут! Гут! – улыбнулся фриц и, заметив верёвочку на куриной лапе, захохотал в голос, похлопал Ванюшу по плечу и махнул рукой:

- Sie können gehen!¹

С Вокзальной свернули на Карла Маркса. У первых же прохожих Фрося расспросила, где работают заключённые. Постучалась в домик напротив мастерских:

- Добрый день в хату!

Открыла женщина, замотанная в тёплый платок, в суконнике, на ногах чуни. Следом выглянула девочка с косичками, Тонина одногодка, и с любопытством уставилась на чужаков:

- Бабушка, это к нам?

Фрося опередила:

– Я мужа ищу! Люди добрые сказали, что на бондарне видели, под охраной немецкой. Пустите на постой, смилуйтесь!

Павел Ефремович закашлялся, покрутил в руках погасшую сигарку, сбросил пепел и сунул её до времени за ухо. Нахлынувшие воспоминания не отпускали, глаза защипало...

– Павел! Паша-а-а! – родной, такой любимый голос звал его с противоположной стороны дороги, от домов напротив бондарни.

«Фрося? – оглушила, обожгла догадка. – Не может быть! Видать, померещилось с тоски и усталости», – решил он, не узнавая среди проходящих женщин ту, о которой истосковался в плену.

- Папа! Папочка-а-а! – метнулся через дорогу мальчонка в короткой, не по росту, тужурке.
- Ванюшка! – обомлел Павел.

...Плечо ныло, оно всегда мучило его на перемену погоды. «Видать, поднявшийся ветер снова принесёт нам холодный дождь. Не успели лужи от предыдущего высохнуть. Одно слово – осень!» – Павел Ефремович поднялся с завалинки, прошёлся по двору, потирая болезное место.

На передовую попал после освобождения Городка, когда снова был мобилизован в Красную армию. Выполняя приказ, к окопам тащил на спине большой плоский термос с горячим обедом. Пули свистели рядом, земляные брызги взлетали веером то справа, то слева. И как ни старался, уберечь термос не получилось, ароматная суповая жижа засочилась на землю. Павел остановился, раздумывая, чем бы заткнуть отверстие. В эту минуту и обожгло плечо. Осколком разорвало так, что боялся без руки остаться. Бог миловал.

Потом госпиталь. И снова на фронт. «За взятие Кёнигсберга», медаль «За боевые заслуги». Потом ещё... «Успел я Родине послужить. Теперь вот сынок», – Павел Ефремович смиренно вздохнул.

Поезд останавливался в Городке всего на одну минуту. Пассажиры волновались: надо успеть вещи погрузить, самим не отстать. Старший Хитько рассчитал, где следует ждать нужный вагон, и уже переминался с ноги на ногу, поджидая Фросю и сына. Последние минуты наполнились смутной тревогой, мысли путались, нужные слова терялись.

– Ты вот что, Ванюшка, – попросил Павел Ефремович, – старайся там, чтоб нам с мамкой не стыдно за тебя было. Мы с ней завсегда в передовиках! Ни от какой работы не бегали.

- Где уж мне за вами угнаться! – улыбнулся Иван, пряча от родителей грустные глаза.

– Постарайся, сынок, – не поддаваясь Ваниному наигранно-весёлому настроению, серьёзно поддерживала мужа Ефросинья Ивановна. – Служи так, чтобы войны больше не было! – И старательно разгладила ладонью лацкан пиджака всё того же «шивъёнового» костюмчика, в который накануне тайно вшила крестик.

¹ Можете идти! (нем.)

ГЛАВА 14

РЕНТГЕН

Заехать на городокское кладбище, чтобы убрать могилку тёти Даши Михайловой, Хитько задумал ещё в Витебске. Когда в Троицкую субботу наводили порядок на родительских, к ней не заглянули: сгустившиеся дождевые тучи напугали. И не зря. К вечеру за клубился густой туман, а потом загремело. Громы, схлёстываясь, накатывали друг на друга беспрерывно, слепящие молнии сверкали непрестанно. Земля, казалось, вздрагивала, даже тоненько зазвенели оконные стёкла. Такой грозы Иван Павлович и припомнить не мог, грохотало так разве во время войны, когда наступали наши, освобождая Городок и Витебск. В небе гудели немецкие самолёты, изрыгая свой страшный бомбовый груз.

Жители выскакивали из домов, прятались в траншеях, накрывая головы подушками и одеялами, надеясь, что они защитят от осколков. Ванюшка дожидался, пока взрослые замаскируются, и незаметно выныривал из ямы под черёмуховым кустом. Задрав головёнку к небу, следил за падающими снарядами и что было силы бросался им навстречу, надеясь поймать. «Делов-то! – ликовал он. – Взрослые прячутся, а не додумались, что можно бомбы ловить. И всё! И не взорвутся!»

Самолёт летел совсем низко, Ваня разглядел вражеского лётчика, который тоже заметил мальчонку, даже улыбнулся, помахал рукой.

– Вот гад! – сжав кулачки, в гневе присвистнул малыш.

Сделав круг над кладбищенской горой, самолёт вдруг взметнулся высоко в небо, а вниз, на хату у дороги, полетел огромный тупоносый снаряд. Ванюшка рванулся к нему, но тот уже коснулся крыши... Грохот, столб пыли и огня, брызги земли, щепки, искорёженные окна, двери, разлетающиеся далеко в стороны.

Когда дым немного рассеялся, Ваня разглядел окровавленные куски человеческих тел.

– Мамааааа! – заорал он, от ужаса не слыша своего голоса. – Мама-а-а-а! Там... Там... Там... Люди-и-и-и!

Звук вновь приближающегося самолёта прижал Ванюшу к земле, он дополз до черёмухи, нырнул в яму и зарыдал.

...Грозовые раскаты не умолкали, хотя стали реже и отдалённее. Небо, словно освободившись от сковывающих его молниевых стяжек, разразилось небывалым ливнем. Иван Павлович ему не удивился: давно приметил, что на Троицу обязательно дождит. И радовался, что поторопился уехать с погоста, тем более что машину оставил далеко, до неё ещё дотопать надо было. Такого скопления автомобилей на дороге к кладбищу Хитько никогда не видел. Поминный день словно собрал всех жителей Городка. Живые и мёртвые встретились, славя Троицу. Батюшка Александр из Андреевской церкви переходил от могилы к могиле, святил святой водой, служил литию по усопшим. Будто ладаном в церкви, был пропитан воздух отцветающей сиренью и нежным ароматом чубушника.

«Месяц пробежал незаметно. Сегодня уже четвёртое июля. И пахнет мёдом: липы нынче цветут щедро, словно Божьи ангелы кадят в земном храме!» – подумал Хитько, подходя к погосту.

За последние годы, особенно за два «ковидных», кладбище разрослось и в ширь и в длину, ликвидировав частные картофельные огороды, потеснив сосновый лес, отодвинув будку смотрителя и даже вторгнувшись в болотце, которое пришлось засыпать тоннами песка. Город словно постепенно переселялся в это печальное место, где высоченные сосны подпирают верхушками небо, где и в дождь и в ведро щебечут небесные птицы, где вросшие в землю кресты свидетельствуют о православных душах, вымаливая им прощение.

Анна Нифантьевна прижимала к груди охапку цветов, Иван Павлович тащил бутылку с водой, грабли и метёлку. Супруги свернули на центральную дорожку. Шли медленно, приглядываясь к табличкам и портретам на памятниках и крестах.

– Ну вот, тётя Даша, снова встретились с тобой! – остановился Иван Павлович у могилки Юркиной матери. – Ты, небось, не нас, а сыночка ждёшь? Да что-то долго не едет полковник Михайлов. Застрял где-то на железной дороге со своими ракетными поездами. А я рыболовную снасть, как он просил, давно приготовил. И с тех пор, как весна, так на калитку поглядываю...

Юра Михайлов обитал в Горьком. После смерти матушки забрал туда ослабевшего отца, которого Хитько однажды случайно обнаружил беззащитно лежащим в приусадебном саду между кустов крыжовника. Заташил в дом, вызвал «скорую» и сообщил другу в Горький.

Лет пять назад Юра приезжал в отпуск, две недели гостил у Ивана Павловича на даче.

– Ты, Ваня, только тяжёлой работой меня не загружай: прободная язва желудка, побрал бы её леший! – он кисло улыбнулся.

– Какая работа, друг? – обиженно возмущился Иван Павлович. – Мы тебе – баньку! Она у нас по чёрному топится. Где ещё найдёшь такую? Внутри черным-черно, полки-стены прокопчённые – ни одной микробины!

– А где потом от сажи отмываться? – серьёзно поинтересовался полковник и озадачился: – Голышом до озера далековато будет.

– Чудак ты! Какая сажа? Выйдешь на свет, аки белый ангел!

Анна Нифантьевна выплыла из сада с корзиночкой клубники, гордо водрузила на дворовый столик, прислушалась к разговору.

– Заманчивое предложение, – воодушевился гость. – После операции полгода прошло, уже можно и попариться. Только прошу, не усердствуй, Ваня!

Хозяйка не выдержала, похвасталась:

– Нашего банного жару даже француз отведал!

– Да, да, – подхватил Иван Павлович, – привечали однажды дорогого гостя по линии института.

И тут Михайлов расхохотался. Переводя взгляд с растерянного Хитько на смущённую, ничего не понимающую Анну Нифантьевну, смеялся залиvisto, распаяясь всё больше. Наконец, перевёл дух и взмолился:

– Не обижайтесь, родные мои, ради Бога, не обижайтесь! Фильм вспомнил про гардемарин. Там эпизод в бане, как француза, которого Боярский играл, берёзово-дубовыми веничками... Он-то думал, что русские в банях развратом занимаются... Три раза в неделю... А кто этому делу сопротивляется, того розгами, замоченными в кипятке... Я как представил вас в бане... Как вы француза...

Разом схлынуло напряжение, хозяева заулыбались. Иван Павлович даже смачно сплюнул, словно избавился от крутившихся на языке обидных слов. Но разве можно обижаться на друга детства Юрку, драгоценного послевоенного соседа – хата через огород от Вани, в Сенном переулке? Как можно дуться на самолучшего мальчишеского сапёра, у которого под крышей сарая было штук сто, а может, и двести мин! Все аккуратно сложены, а потом раскручены, разряжены со знанием дела. Разве можно сердиться на друга, с которым в оврагах – вот дурачьё! – по ласточкиным гнёздам стреляли, пока деревенские не прогнали. Тогда махнули в Прудок, где жил ещё один товарищ, Толик Автухов, длинный, худой, точно хлыст. Его так и звали: «Тащи, Хлыст, пулемёт с чердака! Айда постреляем!»

...С выцветшей фотографии тётя Даша смотрела так печально, словно знала, что Юрочка уже никогда не придет, не приберёт её могилку, не посидит рядом на скамеечке. Вскоре новость эту тут же, на кладбище, подтвердила знакомая Хитько, родственница генерала Комлёва, тоже упокоившегося на Ивановском погосте.

Анна Нифантьевна определила цветы в банку с водой, а Хитько снова взглянул на фото. «Иванчик, – просили глаза тёти Даши, – ты заходи ко мне, не забывай! Блинков со сметаной, как бывало, я тебе на стол не поставлю, но душой обниму. Помолчим вместе...»

Ирина Шалаева, генеральская племянница, перекрестилась на могильный крест, попрощалась с супругами и скорбно поковыляла по кладбищенской дорожке. Иван Павлович тяжело вздохнул: «Эх, Юрка, Юрка! Не вовремя ты ушёл! Хоть и старики мы уже с тобой, но российской армии не помешал бы твой профессионализм. Вчера-то Лисичанск освободили, а это значит, что ЛНР может вздохнуть! Дальше Бахмутовское направление, надо выйти к Краматорску и Славянску, чтобы продолжить освобождение Донецкой области».

Хитько неожиданно улыбнулся и доверительно поделился с женой:

– Тридцать лет прошло, как разделился Союз на отдельные республики, а я, думая о России, по-прежнему говорю: «У нас. Наши. Мы».

– Как иначе-то, Вань? всю жизнь вместе прожили, самую лихую годину – Великую Отечественную – вместе! Кто тогда делился? Никто! Общей кровушкой земля полита от Бреста до Волгограда, – поддержала жена.

– И теперь проливается кровушка, – нахмурился Хитько. – Сколько гибнет людей и по эту и по ту стороны! Ведь хоть и зомбированные украинцы, с этим спорить никто не станет, но, как Сережка наш говорит, всё же – человеки! Да ещё и славяне. Если бы сохранился СССР, то и войны бы никакой не было! – И вдруг встрепенулся: – А наши-то! Земляки родимые! Знаешь, что учудили, как отличились?

Анна Нифантьевна напряглась, слушала мужа внимательно.

– В Лисичанске готовили диверсию! Те наёмники-белорусы, что сначала в Минске, в двадцатом году, пытались госпереворот учинить, а потом на Украину переметнулись. Руки у них чешутся – пострелять за денежку. Душонки поганые! Организовали националистический батальон «Волат» полка «Кастусь Калиновский». Да только в плен этих волотцев взяли!

– Ну и слава богу! – вздохнула жена. – Ты не распайся так, Ванечка, нервы побереги. От них, от нервов, все болячки.

Взволнованный Хитько благодарно погладил руку Аннушки, но остановиться не смог:

– Вот откуда такие берутся? Мой знакомый из Новополоцка, ты должна его знать, – Анатолий Бесперстых. Поэт, лексикограф, из тех одержимых литературой, что годами корпят над бумажными листами с ручкой в руке и последние копейки, как заядлые коллекционеры, отдадут за новую книгу.

– Да помню я! – недовольно поморщилась Анна Нифантьевна. – Дальше-то что?

– Так он ещё в девяностых возмущался, что один из коллег, БНФовец¹, с которым в школе двадцать лет рука об руку проработал... – Иван Павлович на секунду запнулся, но тут же с силой продолжил: – Подумай, Анечка, целых двадцать лет! Этот человек... Пе-да-гог! Когда Шушкевич к власти пришёл и с трибун громко заговорили про Белоруссию для белорусов, про белорусский язык и – никакого русского, так вот, этот школьный учитель, злорадствуя, пообещал, что приятеля моего, москаля, любителя русского языка и литературы, первого на берёзе повесит!

Жена пожала плечами:

– Что тут удивляться? Не зря же поговорка: «В семье не без урода»! Если учесть состав Белорусской краевой обороны во время Отечественной, то при населении приблизительно девять миллионов пятьдесят тысяч белорусов стали предателями. Много это или мало? Конечно, украинцы и прибалты их переплюнули, но всё равно фашисты рассчитывали, что перебежчиков будет больше.

– Нам хватило! – Иван Павлович резко махнул рукой, словно отгонял мрачные воспоминания. – Вот я и думаю: рано ушёл Юрка! Такие, как он, не струсят, своих не предадут. Такие везде людьми остаются, куда бы судьба ни забросила. А сейчас народ высвечивается, как на рентгене: кто чем дышит. Когда я служил, тоже всякого хватало...

Хитько быстро сходил с людьми, заводил друзей. Вот и с Иозасом Янкаускасом из Литвы подружился крепко. Когда тот откомандировывался из части в Петрозаводск за бельём или новым обмундированием, просил:

– Купи, друг, батон, грамм двести масла, бутылку молока. Устроим праздник животам!

И всегда переживал за неудачи товарища на полигоне:

– Как отстрелялся сегодня?

– Ай, одно «молоко», – искренне огорчился тот. – Тебе-то везёт: что ни стрельбы, всё в семёрку, девятку да десятку. А я как был мазилой, так и остался! Знаешь, родители ведь наказывали мне научиться метко стрелять, – он вдруг понизил голос.

Иван удивлённо покосился на толстого, неуклюжего, как мешок, Иозаса:

– Им-то это зачем? Или хутор охранять? Волки их страшат?

– Если бы волки, – приуныл Янкаускас.

Хитько терпеливо ждал, с интересом, словно впервые увидел, разглядывал друга. Добряк, готовый откликнуться, прийти на помощь по первому зову, был напряжён, явно встревожен, даже испарина проступила на лбу. Что же за семейные секреты решил товарищ поведать ему, Ивану?

---

¹ Партия БНФ – белорусская партия, основанная в 1993 году под названием «Белорусский народный фронт». Идеология: национализм, консерватизм. Девиз: «Жыве Беларусь!» Партия БНФ приняла активное участие в попытке госпереворота в Минске в 2020 году. В ноябре 2021 года Верховный суд Беларуси ликвидировал общественное объединение БНФ «Адраджэньне».

Янкаускас поднял на Хитько печальные глаза и, наконец, решился:

– Они надеются, они верят, что в Литве власть когда-нибудь переменится! – прошептал и испуганно оглянулся по сторонам.

В клубном кабинете, приспособленном под художественную мастерскую, никого, кроме Хитько и Иозаса, не было. С улицы, из репродукторов над хоккейной площадкой, доносилась лирическая музыка, нежный голос Майи Кристалинской мечтательно выводил:

*А снег идёт, а снег идёт.
И всё мерцает и плывёт...¹*

Убедившись, что разговор никто не слышит, Янкаускас разразился не дававшими ему покоя откровениями, словно выплескивал давнюю боль:

– Родители прячут... оружие! Ещё с войны. Они готовы стрелять в каждого, кто помешает им вернуть прежнюю жизнь – ту, которая была до Советов.

У Хитько перехватило дыхание, он еле выдавил:

– В русских?

– Да. Мечтают русской кровью крыши красить... И хотят, чтобы я тоже стрелял.

– Ну, и?

– Я же учитель русского языка и литературы! Русской! – Иозас побагровел, испарина проступила уже на щеках, нос покрыли капельки пота. Широкой пухлой ладонью он провёл по лицу и посмотрел на Ивана тоскливым взглядом: – Старшие братья сказали, если я не буду с ними, то сами убьют меня. И отец головой мотнул, подтверждая их слова...

– Да ну! Братья? Отец? – Хитько выпучил глаза. Даже представить такое о своём отце не мог, потому не верилось в услышанное. Хотя сразу вспомнился командир отделения Халусов, родом из Львова. Очень он любил над подчинёнными поиздеваться: то по пути в столовую заставит через коня прыгать, то вокруг этой же столовой – ползать по лужам, пока обед не закончится.

Но то, что услышал Иван от Иозаса, ввергло его в шок:

– Что значит, власть переменится? Никогда она не переменится! Несёшь какую-то лабуду! Ты чего сегодня такое съел?

Иозас молчал, только пыхтел от переполнявших его чувств, уже сожалея, что доверился Ивану. О таком нельзя было никому, даже самому лучшему другу. А тот распалялся:

– Стрелять в русских? Значит, в меня тоже... Ну что ж, тогда готовься, учись у русских, а то ведь вечно в молоко палишь, так ведь я тебя сразу и прикончу, – он попытался улыбнуться, но лишь уродливо скривил губы.

– Не кипятись, – начал сопротивляться Янкаускас, – во-первых, я тоже не верю, что власть может перемениться, во-вторых, даже не хочу учиться стрелять, ненавижу полигон, в-третьих, ты не русский, а белорус!

Хитько вдруг выпрямился, окатил друга снисходительно-убийственным взглядом: мол, а ещё учитель русского! – отчеканил с достоинством:

– Белорус... Но я русский белорус! А ты – русский литовец. Братья мы! – и улыбнулся широко, по-доброму.

Продолжение в следующем номере

¹ «Снег идёт» – из кинофильма «Карьера Димы Горина» (музыка А. Эшпая, слова Е. Евтушенко).

Проза

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), им. С. Н. Сергеева-Ценского (2021), им. С. С. Гуртуева (2022), им. Б. П. Корнилова (2022) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ЛАЗАРЕТ

Отрывок из романа

*Памяти великих русских хирургов:
святого Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого)
и Николая Михайловича Амосова*

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. СЕВЕРНАЯ СТЕНА

АЛЕКСЕЙ

Раскрой же двери. И войди, войди сюда босиком. Ты легчайшая лёгких, ты добрейшая добрых. Кто тебя разберёт, девчонка ты или музыка. Я тут лежу, лежу себе, лежу; а тыходишь и глядишь на меня, ты принадлежишь к существам, что не могут говорить, а только молчат, молчание твоё хрустально, беспечально, изначально. Я бы возомнил, что ты мне снишься, да видишь, я здоровою рукой крещусь и благодарен я Господу, благодарен воздуху, коим дышу, что плечо мне раздробили левое, а не правое и я могу шевелить рукой и накладывать крестное знамение. Наступили такие времена, что ты, инфанта, видишь вокруг себя не тех, кто верит в Бога, а лишь тех, кто верит в кровь и злобу. Ты благородна, а я тебе тоже благодарен. Вот лежу я тут, лежу. Губы уже не дрожат, они только тихо, слабо улыбаются, и я могу беседовать с тобою лишь сердцем, а это всего лишь кровавый комок, весь оплетённый прутьями и лозами плодоносных сосудов, как часто я видел его в красной слизи, а он бился у меня под руками в резиновых перчатках, взбрыкивал, хотел вырваться из клетки костей, убежать, утечь в небеса, – а я хищно хватал его, сжимал в кулаке, ритмично сжимал, как мяч для гимнастики ладони с перерезанными сухожилиями, – ах ты, инфанта в затрапезке, не пугайся моих мыслей, я тебе ещё не то расскажу, приучайся меня не бояться, – и тот кусок плоти, что, по нашим детским верованиям, полон добра и любви, яростно бился у меня в ладони, а потом вдруг застывал алой глыбой, мёртвой ощипанной курой, и я, молясь о продолжении жизни, наклонялся над ним, скользким, облитым кровью, и даже дышал на него. Так дышат на морозное стекло.

Я сам, дитя, стал морозным стеклом. Подыши на меня! Отогрей меня!

Вот, вот, видишь, тыходишь ближе. Ещё ближе, не страшись. Твои зрачки, две букашки, ползают по мне, изучая, дивясь, а я-то гляжу на тебя не глазами: у меня их нет. Один затянут бельмом-

паутиной, другой мне выбили, когда мучили меня. Про это я тебе не буду. Не настало время. Я слышу, как твои босые ноги шаркают по давно не мытым половицам лазарета. Вот лежу я здесь на железной койке, один, как царь, и железная сетка не прогибается подо мной, такой я лёгкий. Ты тоже лёгкая! Ты легко дышишь! Я слышу твоё дыхание, оно слетает ко мне бабочкой!

Иногда я слышу, как ты бродишь по унылой палате и возишь по полу щёткой. Я вижу сердцем твою щётку: длинная ручка, седая щетина, вся повылезла. Две твоих тощих косички связаны на затылке корзиночкой и упрятаны под ярко-красный платок. Да, платок у тебя на лбу цвета крови, он повязан плотно, палец под суровую ткань не протолкнёшь. Сколько тебе лет? Десять? Тринадцать? Пятнадцать? Ты слишком худенькая, поэтому твой возраст можно перепутать. Думаю, двенадцать тебе. Двенадцать апостолов ходили по горячим пыльным дорогам за Христом, а ты тут ходишь за больными. И не за деньги наняли тебя; тебя приневолили, тебе приказали. Ты послушалась, а что было делать? Скажи спасибо, тебя кормят. Швыряют в миску старинным оловянным половником жидкую кашу.

А ты неслышно подходишь ко мне, садишься на край моей койки, моего железного последнего корабля, и кормишь меня. С ложечки. Оловянная миска дрожит на твоих коленях, она живая. И чую я себя ребёнком, и стыдно мне, и сладко, и больно, и яростно, и ничего тут не поделать; я ловлю губами скользкую с ложки в небытие собачью кашу и думаю: нет, это еда не для прелестных инфант, это еда для уходящих с лика земли в ночные небеса.

Там плавают рыбы-звёзды. Дрожат поплавки планет. Милая, я в юности любил рыбачить. А когда рыбы наловлю, костерок разожгу, котелок на огонь водружу, разрезаю изловленных серебряных и золотых рыб вдоль брюха, прямо посередине подрагивающих красных плавников. Красный Мирь! Кровь везде. Я вычищал ножом у рыбы из брюха кишки, а она ещё дёргалась, и я опускал её в булькающий кипятик, в адский котёл, и не ведал я тогда, что буду не рыбам – людям животы разрезать. Рёбра ломать. Мышцы кромсать. А потом крепко сшивать. Нить, которую сшивают людские раны, должна быть крепкой и мягкой.

Это как любовь: она вместе и сильная, и нежная.

Милое дитя, ты знаешь, я нахожусь внутри твоей картины. Ты же не живая, нет. Ты – нарисована. Я слышу тебя душой, вижу сердцем, обнимаю духом, а где твоё тело? А где моё тело? Мы сами себе снимся. Я то и дело погружаюсь в сон, а что ещё прикажешь делать в лазарете? Спать! Спать! Неужели тебе не снится твоя свита, твой веер из павлиньих перьев, твоя собака, твоя рыжая кошка, твои слуги, твои высокородные родители? Их отражения – вон там, подними глаза, в квадратном тусклом зеркале, высоко висящем на затянутой мрачной парчой стене. А может, это не парча, а солёные рыбы морские, на северном ветру насквозь провяленные, и не зеркало мотается, накренившись, под косым деревянным потолком, а грязное окно: и в нём не королевские сытые лица, а дальние, в мутной мгле, виселицы и плахи.

Я лежу меж тобой, твоим живым шевеленьем, и между ледяным зеркалом, отражающим мою смерть. Нашу общую смерть, одному умирать так тоскливо, невыносимо. Нет, не бойся, придвинься ближе. Кашу я уже всю съел. Мне трудно глотать. Мне тяжело говорить. Я посылаю тебе мысли, и ты гуляешь среди них, как в чащобе морозных узоров на зеркальном оконном стекле. Продыши во мне, застылом, смешной прозрачный кружочек нежным ртом! И приблизь к нему око своё. И гляди. Наблюдай. Ты много чего увидишь. Ты никогда не носила украшений, дырявое платье твоё пахнет солёной трескою, картофельными очистками, золой и свечным нагаром, но мы с тобой здесь русские люди, наш лазарет на берегу моря, я никогда не мечтал так умирать, но я сейчас яснее, чем когда-либо во зрячей жизни, вижу: тело – хворост, душа – играющая рыба, дух – усыпанное полночными звёздами небо. Я твоё небо. Я дух. Ты кормишь меня кашей, это твоя обязанность, твоё больничное послушание, но это лишнее. Я лежу, ты сидишь, а на нас из зеркала смотрит страшный Мирь, который мы покинули. Мы никуда уже не уйдём с этого берега моря. Да нет, ты никакая не инфанта, ты царевна, зачем нам заморская живопись, мы же русские люди. Почему ты молчишь? Ты так внимательно, благоговейно слушаешь меня? Я лежу между твоей свитой, царевнушка, между швабр, щёток и веников, мисок и ложек, оловянных и деревянных, между запахом иных, многозвёздных красок, между режущими скальпелями врачебных голосов – и между Тем, кто стоит там, в углу, о, не оборачивайся, сначала я посмотрю ему в угрюмые глаза ясновидящим сердцем, – там, за нашими спинами, за перевалами ненависти и любви.

Я дерзну рассказать тебе сегодня мою любопытную историю. Ты любишь слушать истории? Так вот, слушай! Возьми невесомыми пальцами мою здоровую руку. Пожми её. Я с трудом смогу ответить тебе пожатием. Но я сделаю это. Давай склеим пальцы, сольём. Я не раз переливал при операциях кровь – не только из стерильной банки, но от человека к человеку. Господи! Любовь Твою и прощение Твоё на нас излей! Я много грешил, хоть пытался людей от смерти спасти. А ты, девочка, ты же подснежник в весенней тундре! Ты из Ангелов. Я узнал тебя.

Позволь мне начать мой рассказ. У тебя была бабушка? Нет? Она нащёптывала тебе на ухо сказки, укладывая спать? Нет? Ты сирота, я понял. Давай я буду твоими отцом и матерью, твоими дедом и бабкой, твоими братьями и сёстрами, твоими далёкими детьми и внуками. Мы свиделись на перекрестке времён, и время обожгло наши щёки и ключицы огненным ветром. Давай простим наше время и тихонько, на время, забудем его. Времени на самом деле нет. Зря все верят, что оно есть. Всё повторяется. Всё хохочет во всё горло. Заливается слезами. Какая тёплая у тебя ручонка. Начнём же. Слушай. Господь с тобой.

* * *

Я раньше был портретом. Я был доступен воображению и кисти художника. Не морщь лицо своё; оно у тебя, дитя, слишком красивое и нежное, чтобы гримасами уродовать его.

Сквозь большие, просторные окна, величиной с колосящиеся пшеничные поля, всю мою жизнь лился свет; он лился то молоком, то мёдом, то густым красным вином, то прозрачной, призрачной пахтой, всё зависело от того, какое время суток на дворе, день, рассвет, закат или беспросветная ночь. Говоришь, живой человек не может быть живописью? Да живопись, дитя, это всё сущее. Всё вокруг нас. Мир не трёхмерен. Он многослоен – так, как многослойна человеческая кожа, человеческие потроха, весь пирог человеческой истории и мысли, из которой складываются огненные коржи веков. Им не вернуться никогда: они съедены до крошки. Встань сюда, к окну, в круг света. Встань так, чтобы находиться между мной-портретом, мной-человеком, кистью художника и другими его натурщиками, что толкуются там, поодаль. Его натурщики – мои владыки. Его натурщики – мои врачи. Его натурщики – мои палачи. Я их вижу сразу из трёх пространств: отсюда, с койки лазарета, оттуда, из насквозь просвеченной сливочным солнцем мастерской, и ниоткуда, с моего портрета. Три моих взгляда тихо соединяются. Сочетаются. Глазами можно сочетаться крепче любых уз: брачных, дружеских, родственных. Обними меня глазами, милая! Благослови меня зрачками своими. Я уже почти слепой, а ты только прозрела, слепой котёнок, ибо созерцаешь начало жизни твоей.

Ты спрашиваешь меня: а я, а где же я на картине? Ох, вот это трудный вопрос. Я шарю глазами повсюду – и тебя не вижу. Заблудившийся ясный луч, до брызг стекла пробивающий окно, так похож на тебя. Но это не ты. Я не должен ничего перепутать.

А художник? Где художник? Ах, да вот он. Он стоит и пишет. Возит кистью по холсту. Прищуривается. На кого он смотрит? Натурщики угрюмо, страшно молчат. Не улыбаются, не беседуют, не шевелятся. Они отражаются. В зеркале.

Художник рисует их, острым взором вынимая из зеркала.

Вон оно, зеркало, на стене – огромное, как жизнь, я перепутал его с окном. Я старик, мне прости-тельно, с кем не бывает. Мастер не видит их, живых; он видит их отражения, и они нравятся ему, если он их рисует. Что значит зарисовать? Это значит запомнить. Навек? Не обязательно. Нарисованное может сгореть в огне пожара, в кострах войны, истлеть и развеяться по чужому сиротскому ветру. Пока мы живы, мы или позируем, или рисуем. Третьего не дано.

Я глядел с портрета в лицо художника, но, деточка, виноват, я не помню его лица. Да полно, писал ли он меня и нас всех? Может, он просто смеялся над нами и, смеясь, возил сухой кистью по белому холсту? Нет, в руке его была палитра, и могу поклясться, что я чувствовал острый и нежный запах масляных красок. Натурщики застыли, я смотрел перед собою, вперед, и, как и мастер, видел их в необъятном зеркале.

Дитя моё! Вот если бы я был учёным живописи, я бы тебя нарисовал. Такую, как ты есть – тощие белые коски скользнули с затылка и потекли по плечам, худые кочерги маленьких рук, босые ножонки из-под холщовой замызганной, там и сям залатанной юбки. Почему не дал тебе главный врач лазарета снежно-белый, чистейший халат, чтобы ты полноправной работницей вышагивала по коридорам

и палатам? Встань так, чтобы отразиться в зеркале. Так мне удобнее всю тебя охватить большим взглядом. Я вижу тебя и сквозь ледяное бельмо позёмки, выюги.

Пусть в чудесном зеркале отразится то, что художник не писал никогда, а я, грешный, не видал никогда. Зато все узришь ты; юные очи зрячи, а дети, да будет тебе известно, видят то, что не видят взрослые: они видят потусторонний Мирь. Зеркало пусть станет нашей Библией, нашей Псалтырью. Я знаю наизусть много псалмов царя Давида, ибо я их и читал, и пел во храме, и плакал над ними в тиши моей нищей кельи. А вокруг меня, по срубовым стенам, висели, лунно блестя и паутинно мерцающая, всё зеркала, зеркала – мою жизнь всегда отражали, мне давали ею полюбоваться, тщетной и тщедушной, и давали понять, что в ней надо менять, а что не надо, и рано ли умирать, и, наряду со мной, ничтожным, мне показывали царей земли, её лекарей, её портных, её солдат, её судей. Народ вздымался и клокотал в чудовищном зеркале, и накатывал прибоем, и отступал, тихо ворча или дико крича, а после воцарялось торжественное молчание.

И, ты знаешь, молчание нарушал лишь твой голос! Далёкий, жалкий голосок! Я слышал, как ты кричишь мне из зеркала: батюшка!.. батюшка!.. очнись!.. ты не мёртвый, ты же живой!.. живой!.. Я очнулся и стал искать глазами зеркало, чтобы увидеть там мой народ, и не видели свет мои глаза, и понял я, что ослеп, и заплакал, а руки твои, ловкие, быстрые и худенькие, невесомей крыльев стрекозы, отирали мне слёзы со щёк, заросших щетиной. И ты была звёздная стрекоза, а я был старый леший, и века проходили, пока дрожали надо мной твои сетчатые прозрачные крылья.

Я всю мою жизнь, дитяtko, пытался вразумить людей. Быть может, это значит – поучать. Кто из нас имеет право учить? Внушать? Вести за собой? Учил, милая, только Господь. Нам ли, каждому, этого не знать! Даже грешники знают. Тем паче знают, чем дальше отстоят от вдыхания жарких либо ледяных ветров, коими дышат праведники. Вот я великий грешник. И каялся я каждодневно. И пытался не совершать грехов, в которых покалялся; однако диавол рядом, он за плечом твоим, и, чуть зазевался ты, одолеет он тебя.

Вот служба во храме. Для иного иерея она – театр, виньетки позолоченные, музыка как украшение басом поющих вечных словес. А для иного – исповедь. Стоит священник у аналоя и каётся, каётся. Думаешь, паства того не понимает? Да ходила ли ты во храм? Да стояла ли в очереди исповедников и причастников? Тихо, тихо... не говори ничего. Зеркало нам всё с тобою скажет.

Зеркало всё отразит. И заскользим мы в нём, из нашего Мира в Тот Мирь, хотя и пути не знаем, и вехи не видим. Нас ведут. И мы идём.

И все мы друг у друга учимся.

И учитель благодарен ученику, ибо зрит через ученика небеса неведомые; и ученик благодарен учителю, ибо даёт ему учитель на тропе Времени обогнать себя.

Что спросила? Помню ли я имена всех, кто в зеркале отражён? Всех встреченных на пути? Много людей прошло сквозь сердце моё. Сокровищами моими стали они. Имена их помню не памятью – кровью. Ибо они – мой народ; и я – народ их родной. А власть над собою любую смиренно приму. Ведь, знай, кто-то на земле сильнее, кто-то слабее; и слабый вдруг окажется сильным, и сильный внезапно потеряет бразды правления и силу приказа. И счастлива так власть, что с Богом единое целое составляет. Как той звезды достигнуть? На каком прочном корабле?

Владыки рожают детей, нанимают им воспитателей, выкармливают их лучшими яствами, развлекают их дикими и домашними зверями, бархатными и шёлковыми нарядами, жонглёрами и липутами, и печальная карлица читает княжичу по слогам древнюю, как кости Левиафана, книгу, и нежный карлик в огромной шляпе поёт принцессе Ангельские песни, и при этом слёзы стекают по его грешным щекам, а на стене мироточит святая икона, рассылая вокруг неземной аромат. Кошки бродят по изукрашенному росписями терему, собаки громко лакают ключевую воду из серебряных мисок, и, дитя, помни, богатый дворец – ещё не весь Мирь, и никакое богатство в целом свете не стоит одного тихого поцелуя того, кого больше жизни любишь.

Стой так! Зеркало отражает тебя. Вот теперь я вижу тебя из трёх пространств, да нет, из трёх моих Времени, о которых сегодня расскажу тебе, не утаю ничего, и ты будешь вспоминать мой рассказ всегда. Открою тайну: вспоминая меня, ты всякий раз будешь проживать со мною мою жизнь. Жизнь – не просто зеркало, висящее на стене в заляпанной красным кадмием мастерской художника. Жизнь – это одно зеркало, и другое, и третье, и сотое, это великое множество зеркал, отражающих друг друга, отражающихся друг в друге, уводящих нас от самих себя – в гудящий наш народ – на-

смешливо и бесповоротно, сверкающих остро наточенными ножами, нежно льющих с посмертных небес звёздное золотое руно. Кто выдумал зеркало? В незапамятные, допотопные времена красавица гляделась в гладко обточенный чёрный лабрадор, и это была ты. Маленькая девочка с двумя белыми, вьюжными косками по плечам, хлебные веснушки по щекам, острые локти торчат в стороны, босые ноги в цыпках. Ты такая красивая! Не наглядись на тебя.

Проходят долгие века, шествуют мимо тяжкие тысячелетия, становятся легче пуха, призрачной предрассветного сна, накатывают из забвения людские валы, бьют о берег всеобщей тоски, бьют о берег моей единственной радости, разрушают её, напоследок целуют горячими брызгами, это люди текут перед Вселенной моих зеркал и уплывают в никуда, это люди струятся перед моим портретом и даже не остановятся перед ним, и не косят в меня жадными очами, и не разглядывают в линзы, чтобы приблизить не к пылающему сердцу, а к сугробному, холодному разуму своему, – и уходят, уходят, а я, несчастный, смотрю им вслед, я не знаю, как их остановить, ведь они есть Время, а Время остановит только Господь на Страшном Суде.

А люди всё идут, идут торжественно и бесконечно, и Время всё длится, и Страшный Суд, где он, кто кричит – завтра, кто – слишком далёко, отсюда не видно, и кто цепляет на грудь ордена и гордится ими, кто сдавленно плачет в углу бедной хибары, кто венчается в деревенском храме, кто держит над женихом и невестою золотые венцы... кто?... да ты же и держишь, малютка, нежное дитя моё.

Что спросила? Почему никто зеркало не разобьёт? Не расколотит суковатой палкой все зеркала? Почему все молятся и терпят, плачут и любят, молчат и ненавидят, идут и идут? Всё мимо и мимо? Время всегда – мимо. Такова его природа. Я, священник, я века напролёт занимался Временем; помолясь, я просил Бога сурово не наказывать меня за то, что я пытаюсь разгадать Его святую загадку, а напротив, помочь мне в изысканиях моих. И часто я чувал себя живым мостом, перекинутым через времена. Однажды, после Литургии Василия Великого, огромной, как Мирь, и великого священного труда Причастия я сидел дома, у смертного одра жены моей, тетрадь моя, куда заносил я смутные и грешные раздумья мои, была широко распахнута, как белое поле; и перо само начало чертить на белом листе фигуры: клубком, как спящая собака, свернувшийся скелет ребёнка, тьму земли кругом, над погребённым – шествие жизни: вот идут быки, вот бегут кони, вот бредут, витые рога выставив вперёд, мощные бараны, вот плывут сонные рыбы, вот летят птицы, и среди них – царица Жар-Птица, и нет жизни конца, и нет начала. А детский скелет спит в земле. И сколько других, тысячи тысяч, тьмы тем, мириады мириадом, спят в брюхе земли и ждут Страшного Суда? Или – не ждут?

А кто ждёт? Души живые?

Да, дитя, я мост через миры и века. По мне идут звери, катятся повозки, адские военные машины грохочут и взрыхляют стальными гусеницами землю: чернозём и подзол, наледь и грязь. Иди по мне! Я сам лягу тебе под ноги. Старость уходит, юность идёт по ней, топчет её, веселясь. Тебе не разбить моё зеркало! Пусть это сделает другой, не ты. Тебе же нравится отражаться в нём. И какая тебе разница, нарисованное зеркало или настоящее: отражение плывёт и живёт, оно живёт отдельно от тебя, от наших желаний и предпочтений, оно замыкается на собственную загадку, пылает своим огнём. Любезное дитя моё, взглядишь внимательней в меня! Неужели ты не различишь в моём старом, изморщенном лице твоё лицо? Ах, ты никогда не видела твоего отражения в зеркале? Ты не знаешь, что такое зеркало? Тогда тебе трудно будет объяснить мою чистую радость. Я давно не человек. Я зеркало. Я отражаю Мирь. Будь добра, загляни в меня. Пусть ты там не увидишь себя. Зато Мирь ты увидишь.

Войди внутрь меня, не бойся, войди внутрь Мира. Это только с виду страшно. Это только кажется, что трудно. Мы, изъятые из Мира, всегда можем войти в Мирь; вернуться. Да, мы возвращаемся в него, рождённые им в муках, отторгнутые им. Перерублена пуповина, коей привязаны мы к Матери-Земле. А мы, вырастая, возвращаемся! И мы, умирая, отражаем весь Мирь: всех людей, все войны, все рыдания и праздники, всё Время! Время истекает кровью. Мы не можем в нём присутствовать: нам отмерен срок. Но мы можем отразиться друг в друге, и зеркала щедро подарят нам бесконечность.

Деточка, я совсем не умён. Я неразумен, я глупец, я не понимаю того, что для других людей лежит на ладони и внятно им, как «Отче наш». Но я хочу поведать тебе повесть, ты мнишь, о себе самом, а я говорю – я тут всего лишь отражение многих и многих людей, что медленно шли, текли мимо меня и тихо становились мною. Как хочешь, так и понимай! Если печально станет тебе и захочешь ты плакать – уйди, я не неволю тебя. Я не буду хвалить себя и очернять себя, не буду короновать себя или казнить себя; ты сама всё поймёшь, ведь амальгама зеркала такая серебряная, праздничная, такая

чудесная, она мерцает Луной и сверкает Солнцем в небесах, она освещает моё сердце изнутри, и ты увидишь, как оно бьётся Полярной звездой в зените, не в клетке измученных рёбер.

Я расскажу тебе о малом. Я расскажу тебе о многом, а может быть, даже обо всём. Я жил так долго, так безмерно долго, что мне внятно стало всё на свете страдание людское. Я собирал слёзы людей в горсть и в пригоршню, омывался ими, как Крещенской водой из чёрной, на синем снегу, проруби, и чужие слёзы текли по моему лицу и смертному телу, и я плакал вместе с другими душами живыми, коих не знал и не узнаю никогда. Ерунда – знать! Счастье – чувствовать! Жизнь – это чувство, и во-счувствуй, и возрадуйся, и восплачь, и ужаснись, и мучься без меры, и умри, и воскресни. Бог нам примером. Звёзды примером нам: они угасают, а после вспыхивают опять. Не бойся смерти. Умирая, ты рождаешься в жизнь. Только там иное чувство, иная речь, иные флаги счастья, иные хоругви боли. Пока мы тут, на земле, нам больно именно так; перейдем в Мирь Иной, и нам больно станет по-другому.

Детонька, что смеёшься? На лбу у тебя сегодня красный платок, а частенько ты приходишь в палату в белом. Я по дыханью твоему твой платок различаю. Много внятно, если ловить чужое дыханье, прислушиваться к нему, к его хрипам, к его легчайшему дуновению. Скажи мне, ты пишешь стихи? Напиши стихи о нас с тобой. Как ты ко мне приходишь в палату и сидишь около моей железной, последней койки. Я не боюсь говорить с тобой о смерти, она равна для юных и старых. Она для всех, она хлеб. Спой о ней песню! Бормотать о ней не боюсь, а её самой боюсь. Самого момента перехода. Как на ступень спущусь? А может, поднимусь? Как порог переступлю?

Знаешь, я от мук, причинённых мне, человеку, людьми, братьями моими, весь выгорел внутри, вместо печени – пепел, вместо потрохов – порванные струны, вместо сердца – кровавый комок. Сдери с головы красный платок и зажми в кулаке: вот тебе сердце моё. А ведь сказано в Писании: где сокровище твоё, там и сердце твоё. Где теперь сердце моё? Ужели в небесах? Нет, ещё нет. Здесь, на земле? Но и земли мне уже не видать. Так где я? На железной койке в тюремном лазарете? Железная койка моя земля. И ты, дитя, ты моя исповедница, я твой причастник, а ведь сколько лет я исповедовал и причащал людей.

Не сетуй. Заминки в исповеди моей не выйдет. Ведь я в последний раз исповедуюсь на земле, и не одной тебе, ты же понимаешь, а всему существу: моим тюремщикам, что больно били меня, стенам лазарета, что пахнут сырым, просолённым морем деревом, а иногда подгорелой кашей, а иногда вяленой рыбой; близкому морю, слышу, как оно мерно гудит, поёт за стеной. Я исповедуюсь всем близким и далёким, всем яростным и милостивым. Быть добрым! Всё прощать! Что это? Зачем это? Господь нам это заповедал или мы сами, грешные, догадались? Время режет нас на куски, как свежевывловленную рыбу, а мы думаем, это мы его разрубили, расчленили, и варим его плоть в громадном котле, и котёл тот давно не чистили, он весь во ржавчине, в жире, в окалине. То всего лишь сон наш! А явь такая: Время приходит, взмахнёт ножом – и отрубит нас от самого дорогого. И корчись на берегу, на мокром солёном песке, под ледяным ветром с Северного полюса, в бессилии и тоске.

Ты вот не сочиняла ни стихов, ни песен, а я, слепец, тебе нежные стихи сочинил. На память. Лежу тут один днями, ночами напролёт, не сплю, пою. Никто не слышит. Я тихо пою. Мне всё равно, пусть больные думают, я сумасшедший; благословенны юродивые Христа ради, и благословен Мирь, что их сечёт плетью, гонит и терзает: без боли ты, живой, живая, никогда не узнаешь правды.

Вот слушай. Я тихонько.

Я подобен пастуху Давиду... и Роману Сладкопевцу, и... Не держите на меня обиды. И не тратьте на меня любви. Не обрушивайте гнев и ярость. Не сверкайте факелами глаз. Я не знаю, сколько мне осталось, и тем паче каждому из вас. Я подобен всем царям и нищим... я подобен рекам всем, ветрам... и воде, и занебесной пище... Люди, люди!.. я подобен вам... Каждому, хохочущему громко. Каждому, кто слёзы льёт во тьме. Я подобен старцу и ребёнку, и заплате на святой суме. Брёл... упал... рубцы и шрамы... раны... Бичеванья крик и благодать... Деточка, умру сегодня рано... но успею чудо рассказать... Сядь поближе на железной койке... домовина – панцирная сеть... Ты не плачь. Платок в руках не комкай. Ты поверь мне: сладко умереть. Я часовня. Дверь моя открыта. Купол мой серебрян и незряч. Я подобен пастуху Давиду... ну а ты, Вирсавья, ты не плачь...

Понравилась песня? А это всё правда. Исповедь – это чудо. Многие думают: ну, пришёл во храм, набормотал священнику да себе под нос всякую поганую всячину из своей жизни, нечто утаил, стыдно, либо намеренно очернил себя, забыв, что самоуничтожение паче гордости; а кто искренне

признаётся во всём, тот слезами заливается, повествуя, тяжело сдирать исподнее бельё и обнажаться; и немногие, слышишь, немногие чувят: исповедь суть чудо, исповедуясь, ты становишься всем сущим, Белым Светом обширным, Царём Космосом в смоляной, антрацитовый, расшитой турмалинами и лалами парче, и звёзды в тебе шевелятся, играют, и мерно, мерно, медленно идут по угольному, дегтярному полю, будто коровы с алмазами во лбу, и перебрёдают великие небеса вдоль и поперёк, уходят вдаль, навсегда, – ты, признаваясь в содеянном, никогда больше не вернёшься туда, где ты это сотворил. И чудо в том, что тебе иерей грех отпускает, а ты всё равно помнишь его, помнишь и ненавидишь, помнишь и любишь.

Не уходи. Тебя я умоляю, есть такая песня. Её пел один мученик, такой, как я. Дитя, а ты ведь рядом с мучеником сидишь! Я то без гордыни произношу. Перед смертью ложь не говорят. Истину вышёптывают! Не уходи... слушай...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Село, где родился, не скажу тебе названия его, забыл, очень любимо было мною. Я любил его, едва осмыслил видимый Мирь, глядя на его красоту и безобразие широко распахнутыми глазами; глаза, доченька, это двери, и через них всё входит в тебя – и ужас, и благословенье, и тяжело им, обнявшимся, выйти наружу. А может, я любил мою Родину ещё до рождения; Родина ведь в нас течёт, она наша кровь, наше упование. Не изменим ей. Не поглумимся над ней. Отец мой был беден; так беден, что иной раз, созерцая наш быт и домашнюю утварь, я забивался в угол, закрывал ладошками лицо и сотрясался в бессмысленном плаче. Нищету не поправить. Не залечить. Она как родимое пятно. Я тогда не знал, что возможно враз разбогатеть, а потом внезапно потерять всё драгоценное; мой отец был никто, да, видно, так и надо назвать его: никто, и звать никак, прости, шутить я не умею. Отец был всем и ничем. Он много чего умел, руки у него были золотые. Он пилил и рубил, колол, строгал. В нашем бедном доме он всё сам смастерил: из найденных на задворках досок сколотил двери, сделал стол и табуреты, сложил жалкую крохотную печку в бане, похожей на сарай, чтобы семейству можно было печь растопить, воду согреть и помыться. Нас, детей, было трое, а матери у нас отродясь не было. Мы росли при отце и думали, что так и надо. Хотя видели во чужих дворах баб, тощих и толстых, а также древних старух и понимали: вот женщины, и они занимают место под солнцем, и делают дела, и возятся с детьми, значит, так тоже на земле бывает.

Однажды через наше село проезжал один богатый человек. То, что он богат, я понял сразу, выбежав на дорогу; железная повозка громко тарахтела, когда путешественник проезжал мимо нашей хижины. Мы, дети, побежали, как собаки, рядом с повозкой: два моих брата и я. Закричали, запрыгали. Я, младший брат, завопил громче всех: гляньте! гляньте! царь едет! Конечно, никакой это был не царь. Но железная повозка блестела на солнце ярче павлиньих перьев, играли изумрудами стёкла, в дверцы вставленные; высывался из окошка наружу человек, и видно было нам, ребятишкам, – пиджак бархатный, в галстук алмазная заколка, на обшлагах рубахи жемчужные запонки, и всё это великолепие сверкало нестерпимо и резало нам глаза.

Богатей услышал наши неистовые вопли и увидел нас. Остановил авто и вышел вон. Пошарил в кармане, наклонился к нам, детям, и рассовал нам по рукам то, что в кармане пиджака нашёл. Деньги бумажные и медные, красивые камешки, странные украшения: броши без заколок, одинокие серьги, бусы без застёжек. Мы на дядьку воззрились да заорали ещё пуще! Он впрыгнул в железную повозку и укатил. И только пыль вилась на дороге беличьим хвостом.

В тот вечер мы ели за ужином жареное мясо, яичницу, солёные огурцы, свежайший ситный, пили парное молоко, настоящий крепкий чай, а не собранные отцом в полях и лугах травы, и к чаю были поданы земляничное варенье и сахарная голова, и отец, смеясь, разбивал эту смешную голову своим плотницким молотком на мелкие острые кусочки.

Тогда я понял: хорошо быть богатым. И тогда же догадался: а мне богатым никогда не стать. Яблоко от яблони недалеко падает, ты ведь знаешь. К нищете мы, вся семья, привыкли.

Время нанизывало на нить слёз каменные годá, отец старился – и вот однажды умер. Мы с братьями похоронили его, как могли. Я, как мог, прочитал заупокойную молитву на его свежей могиле, я молился своими словами, нигде я не слышал их, не читал. Старший брат научил меня грамоте. Алё-

ша, говорил он, в школу не ходишь, так давай я тебя поучу! Брат ходил в школу, но бросил её: у них со средним братом были одни валенки на двоих. Летом мы бегали босиком. Как все в селе.

На самодельной этажерке, около печки, стояли наши книги. Я все их прочитал. Рано мальчонке было читать французскую книжку про толстых великанов: множество неприличностей я там отыскал и втихую потешался. Раненько было нырять в любовные рассказы; на титульном листе красовался портрет создателя книги – утончённое лицо, нежные усики, печальный надменный взор. Знатный господин, думал я, и наверняка богатый, нам с братьями не чета. Я все его рассказы прочёл; рано я узнал, что женщину надо обнимать и целовать и ложиться с ней в кровать, тогда тебе станет хорошо, а после ты будешь плакать, да и она заплачет, но это ничего не стоит в сравнении с испытанной радостью.

У нас в селе стояла церковь. Маленькая, как уточка, она плыла по окрестным буграм над широкой и мощной рекой. Уплывала в разнотравье. Однажды я туда примчался, босой прибежал, ноги купались в пыли, головёнку напекало солнце. Я вбежал в могучие двери и замер: на меня рухнула штормовой волной музыка. Музыка меня сотрясла и обняла, я испугался и убежал. Пока бежал домой, плакал, но того не понимал; прибежал, а всё лицо мокро, я утирал его грязными ладонями и хохотал и плакал одновременно. Над собой смеялся, а ту чудесную музыку боялся вспомнить, но никогда больше не забыл.

Иной раз мне, ребёнку, казалось, что я уже взрослый. Я воображал себя таким же, как тот знатный странник в железной повозке: то владельцем усадьбы, то повелителем народа, то музыкантом, вот стою, на скрипке играю, а ещё лучше – пою, и люди в зале громко хлопают мне в ладоши, а вот я священник во храме, и на животе у меня, поверх рясы, лежит великанский золотой крест. Чаще всего я представлял себя врачом. Деревянный стетоскоп в руке, белый халат чище первого снега. Склоняюсь над кроватью больного, и он больше никогда не умирает. А, выздоровев, песни поёт.

Два моих брата выросли, старший поступил в услужение в городе, другой остался в селе и работал по найму: то баньку кому срубит, то доски с лесопилки привезёт, то крышу черепицей покроет. Мы с ним ютились в отцовской бедной избёнке. Старший прибыл летом, вкусить ягод и накупаться в родной реке, и изрёк: а тебе бы, Алёшенька, надо бы тоже в город перебраться, давай я тебя санитаром в лазарет устрою. А что такое лазарет, спросил я, как дурак. Лазарет, наставительно поднял палец старший брат, это такой большой дом, где лежат больные люди, много несчастных больных людей, а доктора их лечат, у докторов свои заботы, как получше больного вылечить, а ты бы там докторам помогал, сновал туда-сюда, тазы с водой им подносил, чистые полотенца, грязь из-под коек метлой выметал, мыл полы, окна в палатах настежь распахивал, чтобы болящим было чисто и вольно дышать. Ну как, поедешь работать в лазарет?

Я кивнул. А что мне оставалось делать?

И ещё мне стало жаль больных. Вот бедные, думал я, валяются на койках, встать не могут, стонут, плачут, страдно им, томно! Ну как им не помочь! Конечно, надо помочь! Помогу!

И тогда, в те поры, мы отправились в город вместе с братом.

Средний брат стоял на крыльце и махал нам рукой. Мы то и дело оборачивались и ответно махали ему. Шли мы к железной дороге, через поле и лес, а потом опять через поле. Жужжали шмели. Старший аккуратно нёс в руке маленький картонный чемоданчик. У меня за плечами моталась самосшитая котомка. Босые мои ноги мелькали у меня перед глазами, когда я опускал взгляд. Мы добрались до станции, отдуваясь, обливаясь потом, жара крепко обнимала нас, дождались железных вагонов, бегущих по рельсам в будущее, сели и поехали, и потряслись, и полетели. У брата, это было удивительно мне, уже водились деньги в карманах, как у того памятного богача; он купил нам настоящие билеты и настоящие пирожки с капустой в станционном буфете.

И стал я прислуживать в лазарете. Далеко от города, где жили мы с братом, шла война, и в лазарет наш то и дело привозили раненых. Я ещё не знал тогда, что война идёт всегда и раненых будут привозить всегда, во все времена. Я наивно думал: ну ничего, времечко пройдёт, этот ужас скоро закончится и наш лазарет превратится в обычный госпиталь, где будут лечиться все, кому не лень, не только солдаты и офицеры. Но плохое время всё не кончалось, а крови лилось всё больше, и вот наконец её стало литься слишком уж много, и палаты не вмещали всех страждущих. Я еле успевал отмывать от крови крашенные масляной краской полы. Я белил оконные рамы и подоконники, когда

в палату вбежала растрёпанная девушка, лицо у неё было перекошено, как старая стреха, и провизжала истошно: люди! люди! вы слышали! революция!

Я не знал, что это. Воззрился на девицу, а она возьми и упади на пол, плашмя, и громко стукнулась головой об пол, я подбежал, а она уже закатила глаза, и тут я увидел, что у неё простреленный бок залит кровью, и кровью пропиталась длинная неуклюжая юбка, и она кровью своею захлебнулась. Это была вторая смерть, которую я зрел в жизни, после отцовской тихой кончины в родной избе.

Революция изломала прежнюю жизнь и соблазнила другой, несбыточной. Люди привыкали к новому порядку вещей; люди ко всему привыкают, и Мирь становится единым лазаретом, где все страдают, вопят, смеются, молятся, едят, пьют, выздоравливают и умирают, но только никогда, никогда не воскресают. Я рос в лазарете, как фикус на белённом мною подоконнике. И я вырастал, и я осознавал себя, лазарет и таинственный Мирь за окном, где бесконечно творились революции и войны; и я, ухаживая за ранеными, посильно участвовал в страшных и прекрасных событиях, ибо тот, кто живёт, не может не жить, кто дышит, не дышать не может.

Я, молодой, хотел стать героем. Кто в юности не хочет стать героем! Врачи потихоньку научили меня не только мыть грязные полы, но и перевязывать раны, я помогал хирургам на операциях, не падал в обморок при виде разверстых внутренностей, вовремя подавал иглу и кетгут, а иногда и скальпель, и следил острыми юными зрачками, как делает разрез хирург, что он находит внутри человека и вынимает, выдирает, выбрасывая в кровавый таз, а что накрепко сшивает, не развязать. Я всё запоминал. Не думал, что это мне пригодится. Просто молодой организм как хлеб: его окуни в воду, он впитает воду, окуни его в рассол, он всосёт в себя рассол, окуни в вино – он впитает вино. И станет Причастием. Святыми Дарами.

Красные полотнища вдоль улиц! Колыханье знамён, рук, голов на площадях! Народ наш стал морем. И я стал в народе волной. Я катился, накатывался на берег прошлого. Понимал: надо не наблюдать Время, а вбирать его, глотать! Иначе оно нахлынет на тебя и потопит тебя.

И настал день.

Я, санитарिशко, мальчишка, ассистировал маститому хирургу, а на ярко освещённом голом столе лежал голый человек, лишь ноги его были укрыты чистой простынёй. Врач взмахивал изящными руками. Он дирижировал жизнью и смертью. Внезапно раздался сумасшедший звон. Будто массивная старинная люстра свалилась на пол из-под потолка. Я отскочил. Врач постоял немного над оперируемым, покачался странно, как пьяный. И повалился на пол. Искал рукой неведомое. Пытался разжать рот и вытолкнуть слово. И не мог. И на груди у него, по белому снегу халата, расплывалось алое дикое пятно. Это пуля влетела, разбила окно, вслепую нашла жизнь. Оборвала её.

Хирург не терял сознания. Он глазами показал мне на стол. Протянул ко мне руку. В кулаке скальпель. Он тянул мне, мне хирургический нож! Острый, как молния!

Он всё понимал, я – ничего. Я схватил скальпель и шагнул к столу. Раненый хирург пробормотал:
– У него пулевое... и у меня пулевое... оперируй... ты знаешь всё...

Я поднял скальпель над распятым на чистом столе телом человека.

Тело человека – тесто. Его можно мять, шлёпать, резать, крошить, кромсать. А что же тогда душа? Где она прячется?

Я спросил раненого врача, на полу лежащего в корчах:

– А кого сначала? Вот его или, может, вас?

Я прохрипел эти слова, как древний старик.

И он выплюнул последнее хрипеньё мне в ответ:

– Его... он уже готов... меня... разденьте...

Пока ошалевшие нянечки в белых фартучках стаскивали с доктора одежду, он умер. Я же в это время вонзил скальпель в тугую плоть человека и безжалостно разрезал её, и было мне страшно, и я дрожал, будто стоял на берегу зимней зальделой реки под сильным ветром, и ветер валил с ног, а я всё стоял и стоял, всё резал и резал, и разымал красное тесто голыми руками, и всхлипывал, и моргал, слёзы ослепляли меня и заливали лицо, захлёстывали, я ими захлёбывался, а потом сосредоточился, стал яснее, твёрже глядеть, я всё помнил, что надо делать. И старенькой толстой нянечке, она ближе всех встала ко мне и тоже осиновым листом дрожала, я командовал, как настоящий хирург: иглу... кетгут... Погас над операционным полем свет. Перегорела лампочка. Другая нянечка,

молоденькая, девочка совсем, медленно подошла, зажгла керосиновую лампу и выше, выше, высоко подняла над нами.

Мёртвого доктора, пока я оперировал, подхватили под мышки и под колени и унесли из операционной. Кто были эти люди, я не знал. Не понял. Я ничего не видел тогда, кроме красной, сочащейся кровью, как вином, плоти.

Так, доченька, я стал доктором, молодым, без образования, самодельным доктором, и я понял, мне надо учиться, и меня отрядили учиться, и я учился бесплатно, сжалились над сиротой, и взрослые умные, опытные врачи терпеливо, подолгу занимались со мной, да не только со мной, там, где обучали на врачей, много юношей толклось, клубилось. Днём я учился, а вечером пребывал в лазарете, война всё шла и шла, и солдат всё привозили и привозили, и коек уже не хватало, раненых размещать, и я вдруг решил: лучше я на войне пригожусь, поеду-ка я на войну.

Поздно вечером я еле ноги притащил домой, в нашу комнатёнку, что мы с братом снимали. И сказал ему о своём решении.

– Я уеду на войну!

– Ты с ума сошёл...

Брат долго и слёзно говорил мне, что я юн, что я отрок, что мне рано.

– Я уеду!

– Жизнь твоя только началась, тебя убьют на взлёте...

– Пусть! Зато я спасу жизни других!

– Дурак, их убьют следом, завтра...

Брат наливал мне в гранёный стакан горячего чая, я ухватывал кривую ручку подстаканника и хлебал крепкий чай, обжигая глотку. Тогда мы поссорились, накричали друг на друга. Напоследок, постлавши себе постель, брат угрюмо сказал в стену, не глядя на меня:

– Не спеши, будет ещё война, тебя ещё успеют убить!

А потом обернулся и бросил, как кость собаке, зло и насмешливо:

– И порезать и зашить целую толпу – успеешь.

Тем не менее я сходил с ума. Время передо мной, перед моими глазами, а потом и внутри меня, будто я был женщиной и носил в животе живой огненный плод, то сжималось, то разымалось на части, то ложилось трепещущими слоями, то взрывалось, и я на миг терял зрение и кричал. Да, возможно, я и вправду одною ногой ступал в безумие, зато другою я прочно стоял на земле, я знал: есть болезнь и есть здравие, и я клал мою молодую жизнь к подножию общей, великой и кровавой Жизни-Распятия, в городе с храмовых колоколен лился то тяжелый и гулкий, то нежный и прозрачно-птичий, весенний звон, а мне было недосуг заходить в церковь помолиться и поставить свечу: я задыхался от работы, и хирургия была моим светом в ночи, слоями моего Времени, моей любовью. Я не знал, что есть любовь, и я всё равно женился – на той самой молоденькой нянечке, что керосиновую лампу над голым столом держала, пока я впервые резал человека. Нас обвенчали, несли над нами золотые венцы, за скудно накрытым столом люди, знакомые и незнакомые, пили дешёвое вино за наше здоровье и семейство, и мне всё чудилось сном, да это и был сон, сон о счастье и Мире. Моя нянечка родила мне детей, а я всё дальше, всё бесповоротней уходил по дороге священного безумия. Безумие моё, дитяtko, заключалось в том, что я хотел не в одном лишь родном лазарете лечить людей, а пуститься в дальний путь – по земле, по войне, по широкому Миру, и на этой длинной, страшной и бесконечной дороге лечить, лечить, лечить. Дарить, дарить, дарить. Отдавать, отдавать, отдавать. И не брать. Не брать никогда.

Откуда такое желание ко мне пришло? Я никогда не задумывался о том, что есть Бог. Честно, мне было безразлично, есть Он или нет; главное, был я, и я хотел, я желал, я радовался и страдал, но мне моего «я» было мало. Смертельно мало! Я хотел размножиться. Рассыпаться, разрастись, разлететься на сонмы звёзд, хлебных крошек, брызг спасительной крови. Я совершил в лазарете переливание крови от себя – раненому солдату и возгордился: я своею кровушкой накормил голодного! Спас обречённого! Солдат, повернув забинтованную голову на подушке, во время переливания глядел на меня. Глаза солдатские слишком светлые, два копыя, летят впереди лица, белые, серебряные, будто седые. Эти глаза видели поля смертей. Созвездия смертей. Снопы смертей и её стога. Убитых людей

Время сгребало в стога, а я? Что я делаю тут? Да, людей спасаю. А столько людей на земле – меня ждут! Разве я их покину!

Безумие одолевало. Я снаряжался в путь. Я уже понимал, что сама жизнь, каждый встающий день – это путь; но мне до боли, до слепоты хотелось живого долгого пути по настоящей земле.

Спасать. Исцелять. Я не знал тогда про Пантелеймона Целителя; но я видел себя в пути – то в железной повозке, то в телеге, то пешком ходом я иду, иду всё вперёд, вперёд, и бедные, страждущие, больные люди, что встречаются мне на пути моём, тянут ко мне руки, а я к ним руки тяну, подбегаю, обнимаю их, а потом из котомы достаю вату, бинт, шприц, иглу, коробки и пузырьки с целебными снадобьями, а то и скальпель – живительный, спасающий нож: и убить можно, и излечить, – а можно убить по ошибке праведника, а можно излечить преступника.

Я догадывался: жизнь не однолика. Много хохочущих и плачущих лиц у жизни. Её не истолковать и не оправдать никому и никогда. Но можно пронзить собою, как иглой, на шприц насаженной, Время. Время! Вот что волновало меня. Я прочитал книгу про старого пророка Нострадамия, меня изумила его история. Врач он был, тот Нострадамий, равно же как и я! А вот поди ж ты, пророчил, угадывал грядущее. Я редко думал о будущем. Я знал: в будущем – смерть. Я отталкивал мысль о ней от себя: я и боялся её, и смирялся перед ней, и ненавидел её, и внушал себе, что она придёт, но не ко мне. А к кому-то другому! Рядом! Близко! А до меня не дойдёт. Споткнётся. Упадёт.

Это тоже был род безумия: я отрицал смерть, прекрасно понимая, что только она одна и есть в жизни. На моих руках уже умирали люди: и под скальпелем на столе, и на железной койке, и на улице, когда стреляли, палили вслепую из-за угла в белый свет как в копеечку, и я бежал мимо убитых, а внутри меня кричали, вопили их убитые голоса: спаси! Помоги! Даже если нельзя помочь!

ДАЖЕ ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ ПОМОЧЬ.

Огнём этот крик горел внутри меня, я его помнил всегда, я пытался стряхнуть с себя это огненное клеймо, но безнадежный вопль всё звенел в пустом, пахнущем порохом, потрясённом воздухе, и я был потрясён всем: болью, войной, Временем, собой. Я не знал себя. Но каждый божий день я собирался, снаряжался в путь, и снаряжение это было никакая не экипировка, не добыча крепкой одежды впрок, не покупка провизии, – я, пока дети мои кричали в колыбелях, собирал в долгий путь пожитки сердца моего, собирал скальпели, иглы и кетгуты души моей в дорожную суму. По карманам рассовывал, как тот мимоезжий богатей, дорогие самоцветы и жалкие монеты воспоминаний, признаний, смеха и слёз.

Ты спросишь: может быть, так посетило меня желание совершить подвиг? Молодые люди часто мечтают о подвиге. Я ничего не говорил жене; она хлопотала на кухне, возилась с детьми, а я сутки, недели, месяцы и годы напролёт пребывал в моём родном лазарете – и всё собирался, собирался, собирался в дорогу.

Понимал: да, всё нужно с собою взять – и еду, и тёплые вещи, и лекарства, и хирургические инструменты в стальном контейнере, чтобы на спиртовке можно было их вскипятить, если понадобятся, и обеззаразить; и фотоснимки любимых, забываемых, и деньги, хоть немного, и, может, даже револьвер, а вдруг придётся отстреливаться от разбойников. Револьвер у нас дома имелся, тихо лежал в верхнем ящике письменного стола. Я не знал, откуда он появился. А брат мне не говорил. Жена знала, где хранится оружие, но тоже молчала. Ничего не спрашивала.

Пораздумав, револьвер я решил не брать. Подумал: если суждено умереть от чужой руки, умру! Приучал себя к мысли о смерти, повторял: она придёт и ко мне. Выбирал день ухода из дома. Со дня на день его откладывал. Задумаешь нечто важное, и всегда оттягиваешь момент, когда надо это важное сделать. Родить.

Бабы вон хорошо говорят: родить, нельзя погодить.

Жена моя то болела, то выздоравливала. Однажды мне причудилось – она умирает. Я напоил её лекарствами, укрыл тремя одеялами. Она молчала. По её лбу катился пот. Она тяжело и долго смотрела на меня. Я – на неё. Я шептал ей: ты будешь жить.

Я повторял старинную молитву: неужели мне одр сей гроб будет?

Дитя моё, прости, я забыл, выздоровела моя жена или умерла. Я так часто хоронил людей. Глубоко во мне звучала музыка, она заслоняла от меня происходящее, как занавеска закрывает горящий перед окном фонарь. А может, мне лишь приснилось, что жена при смерти и я сижу у её смертного ложа и вслух читаю святую книгу Псалтырь, какую всегда у постелей умирающих читают.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие моё. Слышишь, какая музыка?

Я вынашивал мой путь в себе. Я слишком часто и ярко его воображал. Приближал. Уже в руках держал. Мой путь был моей птицей. Моим живым Ангелом. Моим искуплением. Перед тем как уйти навсегда, укладывая скальпель в железный контейнер, я поцеловал его: так древние князья целовали перед битвой свой меч.

Помню, как на сон грядущий я расцеловал жену и подошёл к нежным кроваткам детей. Дети уже спали. Я склонился и припал губами ко лбу дочки. Потом поцеловал сына. Под моим ртом поплыла волна родных запахов, чуть вспотевшая кожа, поплыла жизнь, струнулась с места и стала уплывать, удаляться, и я не мог её остановить. Время текло нерушимо, невозвратно. Не помню, сказал я тебе о Времени, дитя? А видишь, как я хорошо всё помню.

И когда жена уснула, я зашёл в кладовую, подхватил там солдатский мешок, закинул его за спину, перекрестился, беззвучно распахнул дверь и переступил порог.

Что меня вело? Кто надо мной висел то в морозном, то в дурманящем весеннем, то в пыльно-солнечном, то в сыром, уставшем от дождей воздухе, вспыхивая, светясь, неслышно плача, улетаая, возвращаясь, мерцаая? Я ни о чём не думал. Я шёл. Я превратился в действие.

Есть разница: ты мечтаешь о том, как жить, или ты так живёшь.

Я хотел подняться на ступень выше.

Или ты любишь, или ты сама любовь.

Я ещё не знал тогда про святого мученика, что сказал сарацинам: АЗ ЕСМЬ ЛЮБЫ. Но я хотел стать не наблюдателем жизни, а самою жизнью. Ею можно стать лишь тогда, когда ты ничего не боишься. Это трудно. В человеке глубоко и навечно поселился страх. Живёт там, не умирает. Страх бессмертен. Гвозди Распятая в ладонях, во ступнях – тоже страх. Я шёл по своей первой дороге, от дома на вокзал, и вдруг, непонятно почему, постучался в станционный домик: там горело окно. Старая работница железной дороги отворила мне дверь. Я переступил порог, опустил котому наземь. Старая женщина пристально смотрела на меня. Я ждал, когда она меня о чём-то спросит. Она молчала.

Молча набросала дров в подтопок, разогрела чайник. Молча выставила на стол кус подсохшего пирога. Я вынул из перемётной своей сумы хирургический скальпель и, усмеаясь, молча разрезал им, сверкающим, старый пирог. На два куска. Она взяла свой, я – свой. Мы медленно жевали чёрствый пирог, прихлёбывали пахнувший хвоей чай, и я удивился тому, что можно не говорить, молчать. Сидеть и молчать. Есть и молчать. Разговаривать молча. Глазами. Сердцами.

После трапезы я пожал обеими руками её руки. И из её глаз по её щекам покатались слёзы.

Я смотрел на эти слёзы и думал: вот горе, я вижу его, надо помочь.

– Хотите, я буду вашим сыном?

Сморщенное лицо на глазах становилось святым ликом.

– Хочу. Откуда вы знаете, что у меня сына убили?

Не помню, что я ответил. Помню, что прошептала она.

– Ты на войну идёшь, сынок?

– Да. На войну.

– Ну, Господь храни тебя.

И она перекрестила меня широким, неохватным, как ветер, крестом.

Я закрыл глаза и ясно, ярко увидал перед собой её убитого сына. Он лежал на земле, раскинув руки, желая обнять небо. Земля была схвачена морозцем, расчерчена бело-грязными полосами злого хрустального инея; вдали маячил расстрелянный храм, стена осыпалась, и наружу, в ледяной Мирь, глядели искалеченные фрески, и ветер выдувал вон из сельского придорожного храма всё святое и намоленное. Потом я увидел убитого – живым. Сын вокзальной работницы сидел на корточках перед закопчённым котелком, хлебал расписной деревянной ложкой варево, весело глядел на меня. Сквозь меня. Он меня не видел. Только думал, что видит. Я услышал его далёкий, хриплый и весёлый голос:

– Эгей, Васька, давай, налегай, перед смертью хоть пожрать от пуза, напоследок.

Подошёл, вминая сапоги в ласковую плывущую грязь, солдат. Постоял над костром, над котлом.

– Перед смертью, товарищ, Богу молиться надо.

– А не Красной Звезде?

Солдат молчал и стоял над походным котелком, грозный и печальный, как судьба.
А потом повернулся и отошёл прочь: так уходит Время.
И оба солдата исчезли из круга света моих незрячих глаз.

Я бы солгал тебе, дитя, если бы сказал: я не вспоминал жену и детей. Вспоминал! Но светились они сквозь времена словно бы в жизни иной, не моей. Я не умел тогда молиться, но я шептал: Господи, смилуйся, Господи, помоги бедным моим, дальним. Ножки твои замёрзли? Дай укутаю их одеялом. Верблюжье, колючее, не греет, где они, милые, быстрые ноженьки твои? Умерли? Ах, нет, вот, живы, ну, грейся, согревайся. Плохо тут топят, печь дымит, а нынче она холодна, мертва. Да не будут топить, видать, мыслят так: всем болящим скоро помирать, нечего на них дрова тратить.

Молод я был! Любви хотел. В карман исцарапанного кошками кожаного пальто руку запускал и мял, сжимал билет на войну. Везде человеку нужен пропуск, билет, разрешение. Пешком на войну слишком долго было идти. А я трясся в железном вонючем вагоне и думал о любви. Надо ведь жадному молодому сердцу любить, без любви оно прах. Я шарил глазами по населению вагона: тот старик, эта старуха, в руках корзина, капустными листьями укрытая, за ними юноша, молочные губы, кисельные щёки, а где же та, о которой я буду мечтать? Твердил себе: мечтай о супруге, это законно, прилично, – но ветер жизни налетал иной, он сдирал с лица старую краску, обрушивал древние стены прочной кладки, и вниз, к земле, по кирпичам лились потоки крови – моей, чужой, небесной. И кровь, распаяясь, текла во мне другая. И всё чаще я видел картины, которые видеть человеку нельзя, иначе он потеряет разум.

Я многого хотел. На многое надеялся. Чтобы возлюбить людей, утешить их и обласкать, я ехал на войну. Война, царство смерти, манила меня новой жизнью.

Если совсем уж честно, я хотел узнать тайну смерти.

Я, молодой врач, уже зревший сто разномастных смертей, её не понимал. Зачем она? Как она происходит? Почему мы вытаскиваем человека из её объятий, иной раз больно, насильно? Зачем исповедаться перед смертью? Зачем прощаться? Где предстоит встреча?

И ещё тьма вопросов жгучими пчёлами летала, жужжала вокруг моей дорожной бессонной башки, и не было мне на них никакого ответа.

И вот, когда наш поезд, перестукивая громадными железными колёсами и всеми стальными потрохами, гремя деревянным утлым скелетом, позванивая жестяными и картонными перегородками ящиков-вагонов, где ютились мы, бедные скитальцы, наконец, весь в саже и дымах, осторожно, как мышкующий лис, подкрадывался к последнему перрону, я вдруг увидел её.

А вот не надо было видеть.

Надо было закрыть глаза.

Но и с закрытыми глазами я бы её увидал.

Русая коса, туго заплетённая, с затылка перевалилась на плечо, текла по груди. Грудь дерзко-высокая, два наметённых за зимнюю долгую ночь сугроба. Щёки бледные, на скулах еле видный, призрачный румянец, потусторонний. Глаза медленно перевела от окна, куда глядела неотрывно, на меня. Я чуть не закричал: меня обожгло чистой небесной синевой. Я и не думал, что живые радужки могут хранить внутри такую Богородичную синь. Подняла руку и поправила пшеничную длинную прядь, завернула за ухо. Голова непокрытая, шубейка расстёгнута, кудрявая овечья шкура радостно выворачивается наружу. Я различал капельки пота у неё над губой. Не помню, рот улыбался или был скорбно сомкнут. Только небесные глаза летели сквозь меня. Я прочитал в этих странных, иномирных очах лишь одно, ужасающее, желанное: Я ТВОЯ ДУША.

Душа? А где она?

Что такое душа?

И зачем она в теле живёт?

Мои глаза вливались в её глаза, поселялись там навек, жили, плавали, вспыхивали, перемещались, припоминали, забывали. Из её синевы покатались светлые слёзы, и я заплакал. Слёз моих я не стыдился: разве себя перед своею душой стыдятся?

Она чуть выпрямилась, и я увидел, какая она мощная. Спину выгнула. Сильная стать. Крепкая, тяжёлая и радостная лепка лица. Щёки зарозовели сильнее, зарёй в полях. По полю её груди могли идти кони, коровы, молчаливые люди – вдаль, далеко, к новым небесам. Складки холстины струились, сама себе она в полутьме избы пошила платье, сама износит, сама сошьёт и саван, когда время придёт.

Я встал с жёлто-соломенной деревянной скамьи и направился к ней. И пока я шёл, я видел: тает лик, тают сильные рабочие руки, разымается на туман и тучи щека, заволакивается пеленою снега ясная слепящая синева. Где ты? Где ты, моя Душа? Зачем я не спросил тебя о главном? Куда мне идти? Прав ли я, что выбрал такую жизнь? Или это жизнь сама, смеясь надо мною во весь голос, выбрала меня?

Я растерянно стоял около пустой скамьи. Возможно, красивая синеглазая молодуха вышла на недавней остановке. А я не заметил, как железная гусеница встала, постояла, потом опять покатила вперёд. Всё вперёд и вперёд. Всё вдаль и вдаль.

Для себя я назвал красавицу Душенькой. Душенька, Душенька, шептал я, ты же моя Душенька, как же долго я жил без тебя.

Поезд содрогнулся и остановился.

Дальше не поехал.

Мы прибыли на войну.

Я, вместе со всеми, вышел на перрон и стал прислушиваться: где стреляют, где взрывы, где канонада, в какой стороне? Пространство молчало. Воздух нежно дрожал. Сколько мы ехали? Я не знал. Неделю, месяц, год, два? Когда я воочию узрел мою Душу, Времени уже не существовало. Я привыкал жить без Времени, но это было не безвременье; скорее вневременье. Да, я уже шёл по перрону и улыбался вне Времени, и мне было так легко, невесомо, я готов был расцеловать каждого встречного-поперечного, всякого, кто попадался на пути – хоть царя, хоть генерала, хоть комиссара, хоть торговца, хоть нищего, калику переходжего. Мой народ гомонил и кричал вокруг меня, и мне счастливо было чутать себя его семенем, маковой росинкой.

Шёл и шёл, спросил прохожего, где идут бои; мужик показал мне, прищурился, однорукий, пощупал целой рукой пустой рукав.

– Иди пешком, а хочешь, найми шофёра, а хочешь, останови телегу!

Я поглядел на дорогу. По ней катили грузовики, изящные авто, нелепые велосипеды с колёсами огромными, как облака; грохотали танки. Я впервые увидел танк и содрогнулся. Таким железным домом на скрежещущих гусеницах можно раздавить в кровавую лепёшку землю, годы, жизнь. И раздавленное – не воскресить.

А разве после смерти обязательно воскреснуть?

И кто, и зачем тебя воскресит?

Я вспомнил моих мертвцов в лазарете. Они мучились, выгибались на койке, обирали дрожащими скрюченными пальцами мятую простынь, потом опадали, как выбитый ковёр, кто прикрывал тяжёлые веки, кто так и лежал, с настезь открытыми, недвижимыми, мерцающими подземным льдом глазами. Смотрел я на них, юный врач, и думал: нет, нету там, за могилой, ничегошеньки, никаких мытарств, никакого воздаяния, никакого Ада и Рая. Ничего нет. Чернота. Пустота.

На дорогу я глядел, телег не видел.

– А разве сейчас остались лошади?

Мужик присвистнул и мелко, дробненько захохотал, и обнажились редкие, жалкие зубёшки.

– А как же! Сотни лошадок! Тыщи! Не сочтёшь! Кормилицы наши, поилицы... возилицы...

Я оглядывался.

– Да нет, говорю тебе! Какие лошади! Какие телеги!

Я шагнул на проезжую часть и вскинул руку. Остановилась железная повозка, водитель выглянул в окно, я встал на высокую ступеньку, забрался в кабину. Никогда не видел я таких машин, а вот увидел. Чудно ехать, сверху, из царской кабины, глядеть на мчащийся вокруг невозвратный Мирь.

– Куда тебе, старик?

– Я не старик.

– Брось! Все мы старики! В Лопасню, что ли? По дороге!

– Туда, где люди людей убивают, – тихо ответил я.

И парень, курево в зубах, снеговая улыбка, больше ничего не спросил меня.
Ехали молча и глядели в никуда.

Милая, светлая моя! Согрелась? Обо мне не беспокойся. Кому я сейчас нужен, горячий ли, замерзший! Помню то великое, дегтярно-чёрное звёздное небо над полем моего первого боя. Слух пронёсся меж солдатами: доктор приехал! Все сбежались глядеть на меня, как на диво. Пытались накормить. Я ел. Где я спал? Окопы, хатки, палатки, землянки, разрушенные срубы, сгоревшие сараи. Мы жили везде и спали везде. Не жалуясь, не разбирая. На войне никто ничего не говорит, только все всё делают. Война – молчаливое искусство.

Отдаются только приказы. Звенят крики команд.

И гром залпа. И летит огненная смерть.

Наше дело правое. Мы победим. А если не победим?

Что нас ждёт? Нас всех? И врагов, и друзей?

Некогда было искать ответов. Я еле успевал поворачиваться. Обезболить. Перевязать. Вытащить пулю. Выпростать из красного мяса дикий чёрный осколок, стальной коготь. Десятки осколков, иной раз и сотни, не вытащишь, изынешь лишь самые крупные, чтобы сильной муки не причиняли. Раны воспалялись. Гноились. Я вытирал лицо от пота и слёз гимнастеркой: мне выдали обмундирование; глубже надвигал на лоб каску: бойцы кричали, ты, доктор, ты давай береги себя, ты тут у нас единственный, тебя убьют, и кончен бал, погасли свечи, и в тюрьме моей темно! Кто нас будет спасать? Жизнь нам возвращать? Под моими руками не только оживали – умирали люди. Смерть солдата в бою, смерть солдата в лазарете. В бою – погиб смертью храбрых, а в лазарете? В лазарете – какую смертью умер? Почётной? Или незаметной? Назавтра тебя, лазаретный окровавленный тюфяк, забудут. Вынесут на задворки и сожгут. Подождут старую газету, бросят в тебя, и займёшься ты великим пламенем, и соришь в одну минуту, как тебя и не бывало.

Ночами солдаты старались отдохнуть – и мы и враги. Бой развязывали рано утром. Немного поспали – и за работу. Работа смерти тяжела. Страшна? Да. Первое, самое первое время. Потом привыкаешь. Глядишь из-под затянутой пятнистой тканью каски вокруг, туда-сюда. Откуда смерть твоя прилетит? И кто о тебе заплачет?

То и дело я оперировал моих воинов. Говорю «моих», ибо все они были моими, принадлежностью моих врачебных мыслей, моей души, моих работающих неусыпных рук, моего страдающего духа. Очень много было ранений в живот и в голову. В животе таится жизнь; в голове живёт мысль. А дух? Где он живёт? А душа? Душа?

Душенька...

Солдаты соорудили мне в огромной, как цирк шапито, палатке хирургический стол – необъятный, как зимнее тоскливое поле в играющей обезумевшими звёздами ночи, когда нельзя до дна вдохнуть мороз: обожжёшь лёгкие. И без перерыва, дико, скорбно и умалишённо, всё несли и несли, всё тащили и тащили мне на этот стол раненых. Пока они жили ещё – раненые. Если я их не прооперирую, через минуту они будут трупами. Я это понимал! И руки мои наливались чугуном ярости. И когда я взмахивал руками, обтянутыми резиновыми перчатками, над разъятым операционным полем, они, руки мои, становились лёгкими перьями, облачными крыльями, птицами в приговорённой к казни синеве. И летали. И точно хватали, и жестоко и быстро резали. И шили, шили, шили.

Кройка и шитьё.

Опять полостное ранение, и опять пуля застряла глубоко, в потоках крови, месиве мышц её не так-то просто изловить. На войне ничего не происходит случайно. Особенно смерть. Говорят: вот, он пошёл в бой и его случайно подстрелили! Нет. Ему всё было назначено. Война – слишком многозубый гребень, а коса Времени слишком густа. Мы издаём крик, когда гибнем. Я слышал эти последние крики. Я видел, как на моём рабочем громадном столе, под моим узким зрячим скальпелем, мечется человек, предсмертно хрипит, прерывисто вздыхает, охваченный страхом, тоскою, ужасом. Это ужас перед вечностью. Вечность совсем не высока, она не подобна небу. Она страшна и уродлива. Ибо для многих она – пустота. Под моей рукой, во вскрытой грудной клетке, билось и дрожало чужое сердце. Разрезана брюшная полость, сломаны рёбра, надо делать прямой массаж сердца, иначе оно остановится от болевого шока. Может, сделать укол камфоры прямо в сердечную мышцу? Я твердил себе: мышца, мышца, это всего лишь кровавая мышца, – я приказывал подать мне один препарат,

другой, солдаты толклись рядом серой призрачной мошкаррой, и каждый из них был человек, и они смотрели на распяленного на деревянном столе человека, и гадали, выживет или не выживет. А сам раненый с ужасом глядел на меня. На скальпель в моей занесённой над ним руке. Поворачивал голову. Оглядывал стол, резиновые трубки, хирургические железяки, верёвки, коими был к столу крепко привязан, чтобы вдруг не дёрнулся от жуткой боли, не свалился наземь. В мечущихся туда-сюда его глазах я читал: вы не врач! Вы сатана! Вы стоите у входа в Ад! Вы меня не спасёте, а прямо в горловину смерти введёте! И бросите там! Навек! Навсегда! Дигоксин, кричал я, быстро мне дигоксин! Солдат, что мне ассистировал, в миру учился на врача и разбирался в названиях лекарств. Он набирал снадобье в шприц и протягивал мне, не глядя на меня, а глядя на раненого. На умирающего.

Белый халат. Белая маска. Я не должен дышать на больного. Иначе я могу его заразить; а вдруг у меня грипп? Раненый начинал мотать головой из стороны в сторону. Будто гневно, полоумно отрицал нечто, отвергал. Таким движением можно вызвать у себя сильнейшее головокружение, опьяниться, забыться, потерять разум. Резиновые перчатки обтягивали мои руки, будто их окунули в клей, и они высохли, и пальцы слиплись, надо их растопырить, две пятерни. Я поднимал обе резиновые руки над красным ковром пульсирующих внутренностей. И нечем, нечем мне было больного усыпить. На время? Навеки?

– Тебе холодно?.. ты согреться хочешь... согреться... Ребята, закутайте ему ноги... ну хоть чем... хоть курткой, хоть портками...

Я работал. Солдат, что в иной жизни учился на врача, зажимал кровеносные сосуды, чтобы операционное поле не заливалось кровью. Кровь, священная жидкость. Китайцы учили о священных жидкостях в теле человека: кровь, лимфа, сперма, слюна. Другой солдат заматывал ноги раненого в его же, насквозь пропитанные и заляпанные кровью, камуфляжные штаны. Но, и это было ужаснее всего, я понимал, я сердцем читал это в его всё тише бьющемся сердце: всё напрасно, не жилец.

Мотор жизни. Как он хорошо, жестоко работает. Неостановимо. И вот останавливается. Всего лишь миг! Я, хирург, разымаю острым тонким ножом чужое тело на части. Потом эти части сшиваю. Разве сердце страдает? Разве болит и плачет душа? Плачут глаза, болит тело. Сердце испытывает тоску... разве это не обман? Самого себя и других? Тоскует наша мысль, не находя выхода, утратив радость существования. А сердце, вот оно: мешок с кровью, и бьётся ритмично, сдвоенно, систола-диастола, и больше ничего.

Не уходи! Парень, не исчезай! Куда ты!

Я всадил иглу прямо в этот плывущий в крови живой корабль, в этот треугольный, залитый красной болью кисет, лекарство медленно уходило из шприца вглубь чужой плоти, плоть пила последний напиток, последнюю надежду, а я надеяться уже перестал. Не зверь, а человек умирает! Но ведь зверь умирает так же! Ему больно! Ему томно! Страшно! Тоскливо! Какой ужас: больной не теряет сознания, стоп, подожди, ещё не началась агония, ох, какая уж тут, к лешему, агония, сейчас всё произойдёт, очень быстро, быстро и просто, не успеешь оглянуться!

Сердце, сосуды, артерии и вены, мышцы, мускулы, кости, я всё для вас сделал, всё сделал, всё...

Ещё есть рефлекс. На прикосновение. На укус иглы. Есть ещё. Есть.

Всё медленнее. Всё тише. Всё безысходней. Всё нежнее.

Я положил скальпель рядом с ним. Около его головы. Живой маятник замедлял ход. Мне почудилось: его череп медный. Послышалось: кость звенит, ударяясь о пахнущий гарью воздух.

...это как море, безумный столетний прибой, что мерно и бесконечно накатывается на берег, его неслышно целуя, и опять отхлынет, туда, далеко, к рыбам и подводным гадам, и опять подбирается вкрадчиво, смятенно, играя, полыхая всеми карминными, мандаринными, изумрудными глубинами, а может, всей топью, грязной и заразной, ужасом всех саргассовых змеиных сплетений, беспросветной тьмой всех болот, придонными тучами взметённого осьминогом ила, я никогда не видел моря, но я его сердцем увидел, когда под моими резиновыми руками вспыхивало и гасло солёное, облитое кровью сердце, святою кровью, бедной, нищей кровью, я держал его, я прижимал к нему ладони, под ладонью оно дёргалось, бессловесно крича мне: ещё!.. ещё!.. ещё немного!.. и уже не кричало, а хрипело, уже не вопило мне, а никло, таяло и тихо плакало, сердце, во вскрытой грудной клетке, тоже умело плакать, красные капли стекали по судорожному тикку слепой мышцы, по дрожащей сердечной щеке, деточка моя, я ощущал, сам колыхаясь, шатаясь на палубе корабля смерти, как ползут у меня по лицу – у меня! – густые, тяжёлые, жгучие, крупные, пьяно-солёные капли, и я слизывал

их, глотал, а море смерти всё надвигалось, волна смерти всё поднималась и никак не могла обрушиться, а больной всё тщательнее скрывал свою близкую смерть, всё горячее притворялся живым, прикидывался бессмертным, и я уже почти поверил, я отнял холодные точные руки от плывущего вдаль пьяного сердца, а слёзы всё текли по нему, вниз, во тьму, и по моим щекам, под белой маской, тоже текли красные слёзы. Девочка моя! Как плохо плакать кровью! Кровь прорезает у тебя на щеках несмываемые морщины. Ты, молодой, желторотый, враз становишься старым. Душа твоя на глазах твоих дряхлеет. Окостеневает. Застывает.

Душенька...

Он волновался, переходя во тьму. Я это видел. Сердцем. Он терял регуляцию мышечной деятельности. Из-за страха: страх медленно накрывал его чёрной нефтяной простыней. Я стал путать чёрный и белый цвет. Чёрный халат. Чёрная маска. Чёрный скальпель, положенный мною рядом с медным виском. Медным лбом. Медными волосами. Почему он весь медный? Зачем он застыл в холоде древнего сплава? И уже патиной, паутиной зеленью затянуты тяжёлые веки. Резко, вызовом торчащая, исцарапанная скула.

– Не волнуйся, всё случится как надо.

Я вышептал это, себя не помня. Зачем я сломал ему рёбра? Зачем добывал из недр его памяти и боли сердце, такое живое? Невозможно остановить смерть. Она придёт ко всем. Война щедро дарит её, раздаёт направо и налево; и стараться не надо отыскать её секрет.

Рядом, в палатке, за тонким слоем бесполезного брезента, кричали люди. Мои больные. У одного была флегмона тазобедренного сустава, у другого ранение лица, и рана загноилась, как я ни лил щедрой бестрепетной рукою спирт. У третьего... четвёртого... пятого... шестого...

У них у всех был один диагноз: СМЕРТЬ, и я не понимал, как можно этот приговор повернуть вспять.

Время же нельзя повернуть вспять. Время есть время.

Смерть есть смерть.

Может быть, это одно и то же, думал я.

Я опять положил руки ему на сердце. Всё тише, спокойнее билось оно. И моё тоже успокаивалось. Это было странно, но наши сердца бились в унисон. Оба утихали одновременно. Вот удары раздавались уже раз в десять секунд. Раз в полминуты. Раз в минуту. Вот прекратились совсем.

Я ждал. Держал чужое сердце в мёртвых руках. Главное, не зарыдать, я не любил плачущих мужчин, тем паче плачущих над телом больного хирургов. Хирурги пламенны, они не плачут. А что они делают, если под их руками, на столе спасения, умирает больной?

... всё сердце оплетено волокнами, красными водорослями, оно лежит будто бутылка вкусного вина в плетёной из краснотала корзине, блуждающий нерв то будит ужас и страсть, то усыпляет холодную бдительность, нервная система работает как часы, чувства обнимают одинокого человека, и вот он уже не одинок, но кто-то чёрный там, за камнем, за угрюмой скалой, берёт бульжник и заносит над стеклянным циферблатом, и ударяет, и разбивает в алмазные осколки, в брызги, в кровь, в прах. Всё. Нет больше отлаженных часов. Нет нервов, сосудов и сухожилий. Есть красная каша из живого и мёртвого. Рвутся ростки. Развязываются водорослевые узлы. Распадаются в пыль волокна, нити, верёвки. Нет ничего. Нет.

Уже нет. Или ещё нет?

... БЫЛО В СЕРДЦЕ МОЁМ, КАК БЫ ГОРЯЩИЙ ОГОНЬ.

Откуда ударили мне в грудь эти слова? Зачем я их услышал? Чья-то жалобная рука тихо коснулась моего онемевшего локтя, и голос рядом мрачно промолвил:

– Доктор, не стойте так, не держите его больше, всё, амба.

Я оторвал неподъёмные руки от иного тела. Оно было и вправду иное. Не просто чужое, но чуждое. Принадлежность Иного Мира. Человек лежал передо мной, вытянулся, молчал. Спал. Может, он широко распахнутыми, белыми от пережитого ужаса глазами видел меня? Он глядел на меня. Я протянул руку и рукою в окровавленной перчатке закрыл ему глаза. Кровь испятнала его лицо, в полевом лазарете уже заросшее щетиной.

– Я не хотел... прости...

Я вслепую цапнул с маленького стола, что бойцы соорудили из пустых ящиков, многослойную марлю и нежно, осторожно протёр ему заляпанное его же кровью, чистое от дыхания смерти лицо. Вот он воевал, и он умер. И я держал в руках его сердце.

Сердце человека.

Я понял: тайна кроется в самом биении сердца. В утраченном. В том, что ты потерял.

Оно и есть самое дорогое.

Живёт ли эта тайна вечно, об этом надлежало узнать.

Нет. Зачем распахивать тайну скальпелем знания.

В это надлежало ПОВЕРИТЬ.

Я отошёл от хирургического стола. Тот, кто учился в жизни иной на врача, стащил с моих вытянутых рук перчатки. Я сказал ему спасибо. Люди вокруг молчали. Я не чувствовал, что я на войне. Может, там, в близком поле, опять грохотали взрывы и свистели пули. Я не слышал. Под моими голыми руками всё так же билось, кричало чужое сердце, и оно было моё, и оно было – я.

Ночь тоже билась над нами, замершими в спальных мешках в палатках, всеми своими звёздами. Я не спал. В открытые глаза втекала тьма. Я встал, надел тёплую куртку и вышел вон. Сам себе казался медведем, что выполз из берлоги посреди зимы. Ветер крутил прозрачную позёмку. Иней расписал узорами впадины и трещины земли. Звёзды мёрзли, дрожали над полем и бессильно падали в воронки от снарядов. Я стоял без мыслей, без чувств. Лучшее, что я мог сделать на войне, это перестать мыслить и чувствовать. Если буду мыслить и страдать, не смогу оперировать. Лучше так. Свободно. Спокойно. Над полем. Стоять, как лететь.

Я глядел в Мирь, убитый войной. Вдруг с неба стал сочиться тихий свет. До рассвета ещё далеко. Взрыв? Пожар? Оружейные склады горят. Или бомбят ближний город? А мы тут, в поле, спим.

Свет разгорался и приближался. Он был плотным, хоть и бестелесным, нежно мерцал и снова затихал, становился ровным: струением позолоты, льющим молоком. Он всё сильнее, а я всё растеряней. Я испытал страх, но не тот страх, когда в тебя летит бомба, пуля. Другой. Когда я почувал исходящий от света жар, меня будто кто невидимый в спину толкнул. И я повалился на колени.

Перед светом.

Деточка, ты вставала когда-нибудь на колени? Да? Тогда ты знаешь это чувство. Ты молчишь, а изнутри тебя поднимается голос. Он твой, и вроде бы не твой. Извне. Он звучит в тебе всё громче. Ты радуешься ему, и ты ужасаешься его. Голос звучал и во мне. Зимнее поле со всех сторон охватывало меня молчанием. Небо обнимало меня вечным молчанием, и оно ужасало меня. Я глядел вверх, и звёзды меркли, ибо свет разгорался. Волосы на голове моей поднялись. Голос звучал теперь не только внутри меня, но и рядом, поблизости, и кругом, и везде, и вот он поплыл на меня с небес. Голос стал всем сущим: полем вокруг, моим прошлым, моим вчера, моим пугающим, в облаках танцующим завтра, жизнями людей, сверкающими инструментами, коими я дирижировал чужой болью и счастьем, возрождая или убивая. И я смирился перед ним, и я склонил голову перед ним. И я запомнил всё, что он говорил мне.

И голос говорил.

И я слушал.

И по мере того, как я слышал и слушал его, я стал молча ему отвечать.

Мы говорили.

ЗАЧЕМ ТЫ НЕ ВЕРУЕШЬ В МЕНЯ? СМЕЁШЬСЯ НАДО МНОЙ?

Я не смеюсь над тобой. Я не знаю, кто ты.

ТЫ ВСЁ ЗНАЕШЬ, КТО Я.

Не ведаю. Прости меня.

Я ТОТ, КТО ПОД ТВОИМИ РУКАМИ УМЕР СЕГОДНЯ. Я ЕГО ДУША. Я ЕГО СЕРДЦЕ.

Быть не может. Человек умирает навсегда. И не становится светом. Его в землю кладут и землёй засыпают.

Я ЕСМЬ ВСЕ ЛЮДИ.

Не может быть. Каждый человек отделен. Каждый человек это Мирь.

Я ЕСМЬ ЗЕМЛЯ, ВОДА, КАМНИ И ВОЗДУХ.

Ты свет, я это сейчас вижу. Ты не камень и не земля. Эта земля полита кровью. Мы ложимся в неё, убитые.

Я ЕСМЬ ОГОНЬ И НЕБО.

Ты льёшься с неба, я вижу. Свет и огонь, они братья.

Я ЕСМЬ ВСЕЛЕННАЯ.

Не верю. Ты просто свет.

Я ЕСМЬ ПРОСТРАНСТВО.

Что такое пространство?

Я ЕСМЬ ВРЕМЯ.

Как тебя исчислить? Запомнить?

Я ЕСМЬ ТВОЯ КРОВЬ. ОНА ПОМНИТ ВСЁ.

Кровь вытечет, если перерезать жилы.

Я ЕСМЬ ТВОЙ ГОСПОДЬ.

При этом звучании небесного рассветного голоса я сотрясся, будто был спокойно спящей землёй, и меня рассёк надвое сильнейший подземный удар.

Господь, Господь! Но ведь Тебя выдумали люди, чтобы им спать спокойно! И на земле, и под землёй! Ты творение людей! Люди строят Тебе храмы, малюют Твои иконы, шепчут Тебе молитвы, но никто и никогда не видел Тебя!

МЕНЯ ВИДЕЛО МНОГО ЛЮДЕЙ ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА. НО МНОГИЕ СЧАСТЛИВЦЫ НЕ ВИДЕЛИ, И УВЕРОВАЛИ В МЕНЯ.

Я не верую! Прости!

ВЕРУЙ И МОЛИСЬ.

Не могу!

ПЕРЕСТУПИ ЧЕРЕЗ НЕМОЩЬ.

Не умею!

БУДЬ СИЛЬНЫМ.

Я слаб!

ИДИ ВПЕРЕД.

Я иду! Но ведь я на самом деле стою на месте! Это Время обтекает меня, движется мимо меня! Я несчастный одинокий остров! Лишь птицы живут на его берегах! А люди приплывают и уплывают, приходят и уходят!

ВОЗЬМИ МЕНЯ ЗА РУКУ.

Боюсь!

НЕ БОЙСЯ. НИКОГДА НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ. СО МНОЮ ТЫ СИЛЁН.

Как это может быть?!

СО МНОЮ ТЫ БЕССМЕРТЕН.

Это несбыточно! Смерть – есть! Она есть всегда! Она есть и для Тебя!

ОНА ЧАСТЬ МЕНЯ. ЛЮБИ МЕНЯ. МОЛИСЬ МНЕ. УВИДИШЬ, ЧТО БУДЕТ.

Мой голос оборвался во мне сухой заиндевевшей травой. Я всё ещё стоял на коленях, и колени мои прожигал смертельный холод, он поднимался из глубины земли, из недр войны и мороза. Колени примерзали к бугристой почве. Камни больно в них врезались. Я стоял и понимал наказанных детей, коих ставят за провинность в угол на горох. Мне чудилось, из моих коленей течёт кровь и питает нищую землю. Я всё ещё задираю голову к небу, а свет уже начинал таять, разыматься на тонкие лучи, на сонные сполохи, на мигающие створы. Вот от него, громадного, на полнеба, остался среди звёзд один лишь пылающий тусклый фонарь. Керосиновая лампа. Свеча. Лучина. Тлеющая в остывшей печи головня. Но и она погасла.

Умерла.

Кто со мной говорил? Неужели Господь Бог? Значит, всё не выдумки? Значит, напрасно одни наглые, жестокие люди смеются, а другие, нежные и покорные, верно соблюдают посты и обряды, длинной лентой движутся в сияющем храме к Причастию? Я вспомнил молитвы, какие знал. Чест-

нейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим... Отче наш... Богородице Дево, радуйся... Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... Рот бормотал начальные слова молитв; нет, не они нужны мне сейчас, мне нужен я сам. Спеть Господу мою песню. А разве у тебя, жалкий грешник, человеке, кромсающий особым ножом живые тела, спасая либо губя, разве у тебя есть за пазухой песня?

Я впервые в жизни молился. Не молитвой из Молитвослова, что смиренно лежал у покойного отца между иными книгами. Я молился сам, как мог, и молитва моя была странной, дикой и прекрасной. И не было ей конца.

...Господи, сделай так, чтобы я мог всю мою жизнь оперировать людей. Лечить. Лечить людей – это высшее благо. А ещё дай мне, прошу, особый дар. Только не смейся надо мной, Господи. Я хочу видеть Время. Провидеть его. Глядеть в его солёное колыханье и зреть, что там, в синеве, в клубящейся тьме, на самом дне. Где камни, водоросли, мох, искры мальков, живые бинты миног и угрей, глубоководные чудища. Люди не ведают Времени. Потому что они его не любят! Время слишком страшно. Оно то размыкается, то смыкается. Говорят, в чужестранных морях, на большой глубине, ютится меж камней огромный моллюск, и, если нога или рука бедного ныряльщика попадёт между его открытых створок, они жадно захлопнутся: чудовище поймает еду, а пловец закричит истошно, да крика под водой никто не услышит, и, пока он будет, теряя мысли от боли, подниматься на поверхность воды, за ним потянется красная мантия крови. Она тут же растает в изумрудной толще огненным призраком. А человек вынырнет, солнце ударит его в лицо, но он всё равно умрёт. Умрёт от болевого шока либо от потери крови. Я знаю.

...нет. Он умрёт потому, что пришёл его срок.

И Господь его взял к Себе.

...Господи, а ещё сделай так, чтобы я по-новому ощутил жизнь и смерть. Я молод, но я уже так устал! Я хочу понять смерть. Иначе, чем вчера. Я её боялся. Она была мне противна. Я с ней смирялся. Я от неё отворачивался. Я относился к ней холодно и спокойно, старался её не замечать, хотя и принимать к сведению. «Доктор! Доктор! Сегодня в третьей палате умерла больная, от перитонита, гной откачали, но не предотвратили сепсис, заражение крови, высокая температура, несовместимая с жизнью. Экзитус леталис». Летать, улетать! Латынь тут ни при чём. Я иногда даже улыбался, когда медицинская сестра давала мне отчёт о жизнях и смертях в моём лазарете. Никто не спрашивал, почему я улыбаюсь, не говорил, что это невежливо или глупо. Мало ли что человек вспомнил, слушая речь о том, как другие умерли. Другие! Но не я. Не я! Не я! Я не умру!

Господи, да ведь и я умру. И все мы умрём; в особенности бойцы, здесь, на войне. Я среди солдат сам солдат. Я воюю со смертью. Каждый день, а то и ночью. Операционное поле освещают походными лампами. Иногда свечой. Живой огонь тоже позволяет увидеть детали внутренностей. Определить, что там, внутри у жизни, – флегмона, карбункул, остеомиелит, свищ. Господи! Дай мне обнять смерть. Сделай её моей подругой!

И главное, Господи, дай мне узнать, что же такое душа. Что такое дух! И, озарённое ими, бес-телесными, изнутри навек, на всё посмертие, что же такое тело! Что есть наше тело, хилое, слабое, дрожащее, крепкое, богатырское, всё перекачивается играющими мышцами, никнет увялым стеблем, тело зверское, тело хищное, тело просящее, тело молящее, тело беспомощное, тело помогающее, тело плывущее, тело застылое, тело обнимающее, тело убивающее! Всё, что делается на земле, делают тела! Перемещаются в пространстве, сетуют на Время! Бормочут живым ртом то хвалы, то обиды! Сжимают в живых руках вечную любовь, а завтра с нею простятся навсегда! Хочу понять, что же тело такое! Почему я его оперирую, холодно прищурясь, а огонь горит во мне, внутри, горит там, где у меня сердце, под рёбрами, и, если я ошибусь, если плохой разрез сделаю, бесстрашно не выну червеобразный отросток ужаса, боли, тьмы, не выдеру вон из распластанного на столе человека, огонь во мне погаснет и сам я почую смерть. И это я нынче умру. Отойдя от стола, будто палач от эшафота. И это я нынче не воскресну. Господи! Дай мне понять, что такое душа, и, может, это она во мне на всех моих операциях горит!

Дух, а что есть дух, Господи?! Не Ты ли сам и есть наш дух? Всеобщий дух, всесветный! Всемирный! Необъятный! Да мы и не стремимся Тебя обнять. Я понял: перед Тобой склониться надо! Вот так, так стоять на коленях, и это не стыдно, это не смешно, это не мучительно, а радостно, счастливо, так упоённо впервые мне молиться Тебе, что я теряю от Твоего небесного праздника

разум! Да разум мне и не нужен. Он мне нужен, чтобы наблюдать сочленения костей и перевивания кровеносных сосудов! А так – никакого не хочу разума! Зачем мне оно! Сопоставлять? Решать? Загадывать? Разрезать плоть жизни вдоль и поперёк? Да, я есмь хирург! Я острый, опасный скальпель! Я режу, кромсаю направо и налево! Я страшен. Для врагов. Ибо я вооружён. Смерть – враг? Да первый враг! Самый главный! Человек только и делает, что борется со смертью! И всё равно умирает.

Господи, дай мне храбрость и спокойствие глядеть прямо в безносый череп смерти! Не боюсь её. Приму её. Только пока я жив и топчу землю, не дай мне умереть: при жизни.

Девочка моя, я не думал не гадал, что на войне встречу того, кого буду любить, кому буду поклоняться, с кем буду сражаться не на жизнь, а на смерть, от кого буду терпеть побои и унижения, кому буду верить все сокровенные чувства, с кем вместе буду раздумывать над нашей общей судьбой и вместе идти вперёд. Этот человек был, как и я, хирург.

Почему был? Может, он жив. Не знаю. А может, война сжевала его, кусок хлебной плоти.

Война нас всех сжуёт. Не пожалеет.

Работа у неё такая.

НИКОЛАЙ

Хирург. Безжалостный? Да. А зачем жалость, если речь идёт о жизни. Две у тебя ноги или одна – а какая разница, если ты умрёшь. Я не просто оперирую: я предотвращаю. Тело – жратва для микробов. Один мой друг сказал: жизнь на земле убьют мельчайшие существа. Невидимые. Они выживут в любой войне и радостно размножатся там, где всё живое окоцурится. Меня послали на войну, и я поехал. Я выполнил приказ. Хирургия моя проста, как лапоть. Не дать развиваться инфекции. Это значит, вырезать из тела все больные ткани и не бояться отхватить даже кусок здорового мяса. Все телеса прошиты осколками, какая уж тут жизнь! Назавтра разовьётся флегмона, а то и гангрена. И пиши пропало. Труп. Я работаю так: делаю широкий разрез, рассекаю рану. Оставляю её открытой. Шить нельзя. Иначе бактерии сожрут больного изнутри.

Многообразны военные травмы. Несть им числа. Я устал. Честно, я очень устал. У меня в глазах рябит от вида окровавленных тел, рваных ран, разрезов, зажимов. Особенно страшны раны живота. Я вспоминаю: от пули в живот, пущенной в него на дуэли, умер наш великий поэт. А тут не великие поэты, а простые солдатики мрут как мухи, от полостных ранений. Если тебя ранили в живот, нужно побыстрее на стол. Пройдёт время, и будет поздно. Ты умрёшь. Как и не было тебя на свете.

Череп, это очень сложно. Я никогда не делал трепанацию черепа. Неужели здесь придётся? Не могу взять в толк, как надо разымать кости черепа. Целая наука. Я запасаю книжками. Найду, прочитаю. И всё буду делать по книжке, ха-ха. Может, получится. Но не верю. Скорей всего, мой первый череп умрёт прямо на столе. И я сам закрою ему глаза.

А ведь есть ещё грудь, руки-ноги, челюсти, глаза. Глаза! Я не офтальмолог. Я не смогу. Это другого сорта хирургия. Нужны лупы, зеркала, яркий свет, особые инструменты. У меня тут их нет. Значит, остаётся одно: лишать бойца глаза. Ну и что, кривой-косой, женилка цела, девки всё равно любят.

Я впервые видел всё страшное: взрывы, бомбёжку, как земля чёрным веером вверх летит, раненых видел впервые. Кого на носилках тащат, кого под мышки да под коленки волокут. Брякают на стол. Товарищ военврач, срочно! Помирает! Я гляжу. Диагноз выкрикиваю. Мелкоосколочные в грудь, крупный осколок в брюшной полости, череп пробит! Соображаю: ранения, несовместимые с жизнью. Сейчас мужик умрёт. Прямо на моих руках. А люди надеются. Встали рядом вокруг меня и глядят на меня. Пристально глядят. А я ничего не могу сделать.

Начинаю делать. Делать нечего. Надо делать.

Человек на свете делает дело. Иного не дано.

На том свете делать он уже ничего не сможет. Того света просто нет.

Больно! Больно! Кто это кричит? Мой больной? Да, вон на той койке, у окна. Лазарет расположился в пробитом снарядами домишке около мутной речонки, она течёт в никуда. Я подхожу. Больно? Потерпи, друг. Больно будет недолго. Он умолкает. Помру, доктор, что ли? Криво усмехаюсь. Кто тебе это сказал? Бормочет: я сам знаю. Я ему, зло: ну, так если сам знаешь, лежи да не ори. Не терзай других раненых.

Осколочных ранений тьма-тьмушая. То и дело осколки в ведро выбрасываю, они звенят. Спать лягу – этот звон у меня в ушах. Кого оперирую под местной анестезией, новокаин вкачу, они лежат, зубами скрипят, иной раз я им между зубов щепку вставляю, чтобы вгрызлись крепче и не орали. Терпят. А кому даю общий наркоз. Мне ещё в городе присоветовали, в госпитале: ты там раненых щади. Они и так в бою побывали. Смертушку в рожу выдали. Жалей их. А тебе что, эфира жалко?

Эфир. Нежное название. Ночной зефир струит эфир. Да, помню. Ещё со школы.

– Не охай! Не стони! Оперировать буду.

– Когда, доктор?

– Да сейчас. Время не терпит.

– А больно будет?

Все боли боятся.

Пока живы – все боятся боли.

– Нет. Не будет. Ничего не почувствуешь. Уснёшь просто, и всё.

– Как это усну? Я спать не хочу!

– Мы тебя усыпим.

– Усыпите? Гипноз, что ли? Или выпить дадите? Так я ещё хуже разбушуюсь!

– Маску наденем на морду, особую, польём особым лекарством. Только дыши глубже. И ничего не бойся.

Они все всё равно боятся. Я сам боюсь. Сколько бы операций ни делал.

На лице солдата маска Эсмарха, он в ней дик и страшен, как марсианин. Сестра подносит эфир. Время, проходит время. Ждём. Солдат сначала бормочет невнятно, потом вопит душераздирающе, потом утихает. Ждём ещё. Хрипит. Спит. Спит? Да вроде бы. Всякое бывало. Спит-спит, я оперирую, и вдруг больной как взовьётся! Голубем белым, и вот-вот в небеса со стола взмоет. Ну, начнём! Скальпель. Острый. Будто железную молнию в тело всаживаю. Сам себе Богом кажусь. Ну, глупости. Никакого Бога нет. Всё это сказки, про богов. Люди сами себе утешение в скорбях выдумали. Чтобы сильно не плакать по ночам. А, к примеру, молиться.

Режу. Вынимаю. Сестра умело орудует зажимами. Вынимаю. Бросаю. Режу опять, разрез маленький, надо расширить. Вынимаю. Последний осколок нашёл. Выкинул. Всё. Можно шить. Только бы у больного сердце не остановилось. Мышцы у такого силача под наркозом как тряпки. Спит крепко. Проснётся ли? Может, мы с эфиром переборщили?

– Йод! Где йод! Бинты!

Поливают йодом. Накладывают стерильную марлю и бинты.

Я оставляю сестру рядом со столом. На столе лежит и спит человек. Я его только что спас. Или погубил. Я ещё не знаю. Сестра восторженно, во все глаза, смотрит на меня. Сейчас больной проснётся, и его будет рвать. Рвота, наркоз отходит, обычное дело. Нужна миска. Или там кастрюля. Или таз. Таза нет. Не подумали. Не приготовились.

Солдат медленно поворачивает голову на железяке стола, и его бурно рвёт. Всеми внутренностями. Всей проклятой войной. Всей святой войной.

Я оборачиваюсь в дверях. Сестра вытирает рот солдату марлевой повязкой. Краска на щеках прожигает ей маску.

– Ой, Николай Петрович... простите... мы не подумали... не подготовились...

Я ухожу. Я не могу говорить. Я онемел. Сил нет.

Я его спас или я его погубил, я не знаю. Ближайшее будущее покажет. Хирургия – это не наука. Это художество. Намалюешь картину жизни или нет: наоборот, уродливо зачернишь.

Когда мои первые неудачные солдаты умирали, я плакал, как мальчишка после драки. Я имею дело со смертью, и я не знаю, что такое смерть. Ужо узнаю, когда ко мне придёт. А может, помолиться? Надо научиться.

А может, я эфира нанюхался.

Если мужик умрёт, пойду, налью в мензурку спирта и тяпну. Может, легче станет.

И выкурю папиросу. У меня ещё остались.

Помаленьку с фронтом освоился. Притерпелся. Бомбёжки начинались, я сам командовал: раненых в подвал спустить! Сначала раненых, потом сами прячьтесь! Мы на себе их волокли, тяжёлых.

Лежащих – на носилках и простынях, как в белых гамаках. И к этому привык. Человек ко всему привыкает. Дверь на крыльцо открыта. Самолёты пикируют. Слышен вой. Бомбят! Мы пригнулись, тащим раненых, спускаемся в подвал по щербатой лестнице. Зенитки лупят. Самолёты воют. Ужас войны. И к этому я привык. Все мы привыкли. И это страшно.

– Всех спустили?

– Всех, Николай Петрович!

Сидим подле раненых. Слышно, как падают бомбы. Грохот. Голос больного:

– Дальше полетят? Улетели?

Страшно хочу закурить. Нельзя.

– На город полетели.

– Бедные жители.

– А мы не бедные, лазаретные.

Вдруг дикий крик там, высоко, наверху, над лестницей.

– А-а-а-а! А-а-а-а!

Крик мальчишеский, звонкий, взхлёб.

Я поднимаюсь по лестнице. На крыльце стоит мальчонка, весь перепачканный землёй и кровью.

– Ты ранен?

Ощупываю его. Трясёт башкой.

– Никак нет... нет, товарищ доктор! Цел я! Там два грузовика с бойцами разбомбили! Раненых бойцов к вам в госпиталь везли! К вам! Кого в лепёшку, кто жив ещё! Спасите их! Спасите!

Опять орёт и ревет белугой.

Я крепко прижимаю его головёнку к своему животу.

– Эй, хватит вопить. Ты же мужик. Ну! Ты же мужик!

Орать перестает. Смотрит на меня. Глаза светлые, небесные.

– Мужик...

– Сейчас они улетят. У нас есть машина. Туда скатаем и заберём, кого сможем.

– Ух... спасибо...

– Погоди благодарить. Надо дело сделать.

Я отряжаю на спасение раненых госпитальную машинёшку. Люди выползают из подвала, тянут больных наверх, в палаты. Сам трясусь в машинёшке туда, к месту ужаса. Со мной едет санитар. Прибываем. Трупы и живые валяются на земле вперемешку. Кто стонет, кто кричит, кто молчит, кто умолк навек. Я хожу меж раненых и проверяю, кто жив, а кто нет. Щупаю артерию на шее, за ухом. Мертвецам закрываю глаза. Их надо похоронить. А то глаза вороны выключают. А тела начнут истлевать и гнить, и зараза потечёт по земле, по весенним ручьям, и достигнет других жизней, и отравит их.

А разве только поэтому их надо похоронить? А может, ещё почему-то надо?

Санитар, шофёр и я, мы подхватываем живых и несём в машину. Места мало. На заднее сиденье мы можем уложить двоих, от силы троих. Придётся сделать много рейсов. Народу тут изрядно. Убито почти половина. Человек пятнадцать живых. Пятнадцать жизней, разве это мало? На войне привыкаешь считать народ поголовно, как скот. Рота, взвод, батальон. Численность! Количество! Госпиталь – та же картина. Я всё время считаю больных. И выбывших из строя, сиречь мёртвых, в военно-полевой ведомости отмечаю.

Кто-нибудь и меня когда-нибудь в какой-нибудь ведомости отметит.

Дескать, жил-поживал такой-то и из жизни выбыл. Обычное дело на войне.

И в мире обычное.

Всё всегда и везде обычно. Ничего нового нет. Ни под солнцем, как это говорится, ни под луной. Ни под ножом, ни под ружьём. Я ловил себя на мысли: неважно, как ты умрёшь. Важно, что это нельзя отодвинуть.

Если я это пишу, значит, я живой. И всё по-настоящему. А чем мир настоящий отличается от мира выдуманного? Да ничем. Кто поручится, что всё, записанное бородами летописцами, правда? Что всё в газетах – правда? Что всё в романах, стихах и тому подобных увеселениях – правда? Правды нет. Есть только сия минута. Ты в ней, внутри неё. Проживаешь её. Но даже ты не знаешь, окружает тебя правда или ложь. Ты не хочешь лжи. Ты сопротивляешься! Бьёшься! Ты не веришь в войну: снаряды

рвутся не рядом со мной, люди падают в грязь под огнём не здесь, вокруг меня, а во сне! В моём сне! Мне всё снится! Я сплю! Сейчас проснусь!

Глупое желание. Все глупые желания несбыточны. Даже из страшного сна никто не вылезает. Там и остаётся. И сходит с ума.

Бедняге кажется, что с ним всё хорошо. А все видят: сумасшедший. Кто жалеет. Кто лечит, иногда насильно. Кто прогоняет прочь. Кто на что способен. Мне сказали, есть такая порода людей, юродивые, они при монастырях обитают. Богу молятся за нас, грешных. Будто юродивый этот не грешен. Ещё как грешен! Смотри что считать грехом. Я никогда не бывал в церквях, их только издали наблюдал. Так, цапну глазом и дальше побегу. Некогда. Надо в госпиталь успеть, три операции назначено, надо в академию, надо на склад, вату-марлю заказали, с машиной договориться. Надо то, надо сё. Какая церковь, о чём вы, люди. Церковь и без меня проживёт, а вот больные без меня не проживут. Помрут.

Эх, юродивые монастырские, мне бы ваши заботы. Вас там накормят, напоят, ну вы и беситесь от души. Наземь валитесь, кричите-блажите, руками-ногами дёргаете и, по слухам, что-то там такое пророчите. Ну валяйте, пророчьте. Пророчество – это штука наподобие стихов, так думаю. Тронутый человек сочиняет, выкрикивает, что в башку взбредёт. На ходу подмётки рвёт.

Всё. Стоп. Хватит об этих безумцах. Настоящее – это настоящее, и точка. Нет никакого прошлого, мы не знаем его, мы забыли его. Нет никакого будущего, мы не знаем его. Есть только сегодня. И мы все: здесь и нынче. Всё так просто. Не накручивайте небылиц сами себе. Жизнь дорога. Её надо спасать. И спасаю! Это моя работа.

Я жив. Я чудом остался жив. А внутри смерти побывал. Такая чепуха со мной приключилась. И теперь я, как дурак, всё думаю об этом человеке. Он спас меня. А я его убивал. Чуть не убил. Проклятье! Вспомнить не могу. А вспомнить надо. И записать. Написано пером, не вырубил топором. Правда, можно сжечь. Запросто! Печь, костёр, таз, бумагу в клочки порвать, зажигалку поднести. Огонь взовьётся. Вот тебе и вся исповедь твоя. Ни исповеди, ни тебя. Где же здесь бессмертие?

Расскажу о прошлом, да оно так близко, что тебе настоящее, оно было вчера, ещё свеженькое, ещё болит, свежая рыба, только выловили, бьёт хвостом, это моя мысль бьёт мне в череп. Просит выхода. Надо нацарапать эти закорючки. Эй вы, будущие! Если вы будете. Прочитайте, а!

Я покинул госпиталь и вышел на берег неширокой речонки, покурить. А точнее, побыть один. Побывать одному на войне не удаётся. Ты всё время среди людей. Стою, смолю, и тут на меня из-за кустов – прыг! Руки за спину, связали, по земле ногами волокут. Речь вражеская. Гады! Я понимаю: меня схватили, потащили, не шлёпнули, значит, допрашивать будут. Форма на мне офицерская. Я вырываюсь. Мне по голове тяжёлым стукнули, я отключился. Очнулся в полутьме. Керосиновая лампа. Пламя бьётся, краснеет, гаснет, опять разгорается. Глаза привыкли к темноте. Вижу: штаб. На стенах плакаты с чёрными пауками. Лают по-ихнему, аж захлёбываются. Меня под мышки, поставили перед офицером, за столом сидит, морда шире варежки, три подбородка, зуб золотой. Скалится. Гав-гав-гав-гав! Я немного знаю их собачий язык. Перевёл сам себе. Спроси, где, в каком селе спрятаны наши зенитки и где стоят наши части! Это он толмачу бросил. Тщедушный богомол, скрюченный стручок, пролаял по-русски: отвечай, какой деревень сенил орудия и ктэ эст руссише зольдатен! Я усмехнулся. Страха смерти не наблюдал в себе никакого. Ни малейшего. Держи карман шире, толсторылый офицерчик! Буду молчать до последнего. Хоть замучь! Запытай!

И ведь запытали.

Не меня одного: нас вдвоём.

В керосиновом мраке я не рассмотрел сперва, что на топчане, у срубовой стены, лежит человек. И на нём, вот диво, белый халат. В грязюке, понятно, в кровище, понятно, однако белый врачебный халат, по лицу его зрачками шарю, нет, не из нашего госпиталя, в нашем госпитале, кроме меня, хирурга, ещё один доктор и один фельдшер, мы его за доктора держим. Значит, из другого полевого госпиталя. Поблизости. И мы два пленника. Два, как говорится, языка. Н-да, влипли! Молчим как рыбы. Толмач слюной брызгает. Орёт прямо нам в лица: эсли ви не! отвечайль! ми ви! убивать! Гляжу, и неизвестный доктор тоже настроен помереть, но ничего не сказать. Я тихо и отчётливо говорю ему, вроде как не ему, а так, про себя бормочу: эй, ты откуда, товарищ, хоть намекни! Не успел договорить. Меня по губам так кулачиной мазнул толмач, я зуб выплюнул.

Началось. Когда-то должно было начаться.

Живёшь и думаешь: нет, со мной такого никогда не произойдёт. Ан нет, происходит. Ещё как происходит! Человек изначально жесток. Это его природа. Тело, оно так устроено, что испытывает бессознательное наслаждение при виде крови. Поэтому, если в восставшей толпе прольётся кровь, она звереет. Если солдаты расстреляют безвинных людей – люди поднимутся и пойдут убивать. Громить, крушить. А если человека однажды унизили, он жаждет мести. Мечь – это кровь. Человеку недостаточно унижения в ответ. Он хочет, чтобы обидчик испытал страх. А страх – это кровь. Страх – это смерть.

Вы скажете: да это не тело такое! Это мозг такой! Эту ему охота наслаждаться и мстить! Слушайте, а разве мозг не тело? Не часть тела? Всё это человек: живот, палец, брюхо, пятка, глаз, мозг. Почему мозг мыслит, это уже другой вопрос. Не ко мне. К психиатру. Да лучшие психиатры твердят: мы знаем мозг лишь на пять процентов, остальные девяносто пять процентов в тени.

Началось. Не остановить.

Будейт говориль?! Нет. Выстрел в бедро. Ему, другому. Закричал. Кровь полилась на топчан. Капала на пол. Толстяк пальцем на меня показал. Из тьмы выступил ещё один дьявол. Солдатёнок, в гимнастёрке. Поднёс мне к подбородку зажигалку. Пламя прожигало кожу, добиралось до кости. Я скрипел зубами. Я и сам причинял боль, и выносил всяческую боль, если вы думаете, я был сам не резаный, ещё как резаный, вдоль и поперёк, всяко. И гнойный аппендицит, с перитонитом, и сломанная в гололёд рука, хорошо, что левая, лучезапястный сустав, четыре месяца в гипсе, так и оперировал в лангетке. И перелом двух рёбер, в подворотне избили, но я им тоже хорошо накостылял. Ноги мои не были связаны, я взял да пнул от всей души толмача. Он свалился. Толсторылый крикнул отрывисто. Меня повалили на пол, разодрали гимнастёрку на груди. Сапогами на запястья наступили. На ноги мне сел солдатёнок. Придавили. Толстяк выбрался из-за стола, поигрывал финским ножом. Я понял, что меня ждёт. Ну, хирург, сказал я себе, не бойся операции.

Поймал себя на том, что всё равно забоялся.

Резали долго. Со вкусом. И так и эдак. Вырезали на груди фигуры. Знаки, я в зеркало рассмотрел потом раны. Вражеский паук. Наша звезда. Лезвие втыкали глубоко, смачно. Кровь текла медленно, обильно. Я чувствовал её тепло. Временами я даже не чувствовал боли. Я думал: только бы не ткнули нож вглубь, за грудину, и не добрались до артерии. Я боялся потерять сознание. Быть без сознания, ведь это почти умереть. Живи, заклинал я себя, только живи. Держись!

И я держался.

В борьбе с болью я забыл, что рядом, на топчане, лежит неведомый врач, и нога у него прострелена. Я скосил глаза и увидел: он пристально глядит на меня, и глаза его полны влажного ужаса. Лицо всё бородой заросшее. Я-то брился каждое утро. А может, у него бритвы с собой на войне не было.

Меня ударили сапогом под рёбра. Толстяк орал на своём пёсьем языке. Толмач выкрикнул: хотеть шить?! убить он!

И показал пальцем на лежащего на топчане.

Пинками меня подняли с пола. Я не мог стоять. Мне вопили: стоя-а-а-ать! Я широко раздвинул ноги и так качался. Мне в руки всунули винтовку. Толмач заорал: штреля-а-а-айт! И снова указал на чужого военврача. Я соображал мгновенно. Расстояние близкое. Выстрелю, и пуля разнесёт ему всю грудную клетку. Или всю брюшину. Или пройдёт навывлет через лёгкие. Если стрелять в голову, мозг разлетится и заляпает все стены. В голову, наверняка умрёт. В любую часть тела – кто его знает, может, и выживет. Чтобы при тяжёлом ранении выжить, надо оказать раненому немедленную медицинскую помощь.

Врач смотрел на меня круглыми, совиными глазами. Я тщетно искал в них страх. Это я боялся, пока стоял и решал, стрелять не стрелять, а у него страха не было. Солдатёнок по знаку толстяка накинул мне на шею веревку и стал душить. Лицо налилось кровью, я задыхался. Я видел, как люди умирают от удушья. Много раз видел. Это страшно. И повешенных видел. И кого я только не видел. Жизнь показывала мне страшные рожи страданья. Когда меня задушат, у меня будет синее лицо, а язык вывалится.

Главное, мы ничего не говорили сволочам. Ничего не сказали.

– Штреля-а-а-айт!
Я выстрелил.

Прощу ли я себе когда-нибудь это несостоявшееся убийство? Ведь я убивал человека. Своего человека. Родного. Жителя моей Родины. Человека моего народа. Более того, врача, как и я. Значит, собрата. Брата. Пусть я имени его не знал. Но я поднял винтовку и выстрелил в него. Почему? Испугался врага? Заболел собственной смертью? Я понимал, что меня всё равно не пощадят: выстрелю я в пленника или не выстрелю, разницы нет, я враг, и меня надлежит убить, часом раньше, часом позже. Зачем я выстрелил? Что мною двигало? Думал ли я тогда о чём? Или выстрелил без чувства, без мысли? Обречённо? Машинально? Исполняя вражеский приказ?

А может, я его, брата моего, от ужаса, от мук одним выстрелом хотел спасти?

Человек – винтик в механизме. Его завили. А механизм расшатался. Разладился. Винтик ослаб и выпал из резьбы. На его месте дырка. Из неё течёт кровь. Течёт, течёт. Не остановить.

Когда я стрелял, я зажмурился. Открыл глаза. Военврач сполз с топчана на пол. Он лежал под моими ногами, халат задрался, я видел латаные на коленях портки. Текла кровь, уже останавливалась, пятно расплывалось по штанам, по халату, из простреленной не мною ноги. Врач поднял руки и зажал ладонями уши. Он оглох. Пух летал по штабу. Я выстрелил и попал в подушку, а целился в голову, чтобы убить наверняка. До сих пор не знаю, рассчитал я это, совершил бессознательно или просто рука дрогнула от неведомого, дикого страха.

Страх пришёл, он пришёл поздно, навалился на меня, загрыз меня.

Страх и стыд.

Я похвалил себя: правильно сделал, что выстрелил в подушку.

Нас потащили по полу из штаба вон, в сарай.

Дух гнилой соломы. Кровь льётся из порезов, медленно сворачивается, подсыхает. Свёртываемость у меня была всегда на высоте. Рабочие тромбоциты.

Мы сбежали. Уползли из сарая. Посреди ночи. Выломали ветхую доску. Под неё подлезли. Ползли. Не знали, куда. Потом чуть окрепли, поднялись на четвереньки, встали на ноги. Ковыляли, опираясь друг на друга.

Друг. На друга.

Слух к врачу возвращался. Враги за нами погоню не отрядили. Скорей всего, они побежали в другую сторону, а множества людей, чтобы тщательно прочесать окрестности, не было в их распоряжении. Мы добрались до чахлого леска. Тонкие кривые берёзы молили тусклое небо о помощи. В лесу мы чуть не утонули в болоте. Еле выбрались, оба в тине по уши. Бородатый врач, казалось, забыл, что я в него стрелял. А может, и правда забыл. Нечем было развести костёр и согреться. Нечего было есть. Живот подвело. Тошнило от голода. Ещё не хватало голодной рвоты жёлчью. Мы ещё не звали друг друга по именам.

Пока мы пересекали леса и холмы, поля и овраги, мы сдружились. Мы оба слушали, в какой стороне стреляют. Наши госпитали находились близ линии фронта. Нам надо было вернуться. И мы старались вернуться. Без компаса, вусмерть голодные, изгвазданные в болотной грязи. Мы дошли до реки, и мы узнали берег. Хорошего кругая мы дали. Да всё-таки выбрали куда надо.

Бородатый врач сказал: Бог помог. Я засмеялся. Сказал: не Бог, а судьба. Он мне, серьёзно так: судьба – это Бог. Я ему, насмешливо: да что ты говоришь? Мы оба перешли друг с другом на «ты». На берегу речонки нашли останки рыбацкого костра – хворост, головни, угли, пепел, серый круг на холодной земле. Я отыскал сухих веток, два камня, бил-бил о камень, высек искру. Ветки чудом запылали. Шёл низовой лёгкий ветер. Он пах весной. Костерок с трудом разгорелся. Мы сидели у костра, расслабляться было некогда, согрелись и опять подтащили веток и щепок. Огонь хотел жрать, и мы тоже. Я зашёл в сапогах в воду. Около берега стояла сонная рыба. Я поймал её руками, вернулся к костру, смеясь. С рыбы капала яркая вода. Выходило солнце. Мы испекли рыбу в золе костра, на углях, и ели, глядя друг на друга, будто молились вместе.

Чёрт, я никогда не молился. Даже перед сложнейшей операцией. А вот он, видать, молился. Ну, по всему видно, верующий. Да ведь Бога-то никакого нет! Это даже дети знают в нашей стране!

Рыбу съели, побрели по берегу. Мы теперь знали, куда идти. Впереди поднимался в небо дым. Это топили печь в моём госпитале. А твой где, спросил я врача. Мы в палатках и двух бараках, там, он махнул рукой, вверх по течению.

Поравнялись с госпиталем. Осыпалась северная стена. Бомбили. Гадёныши, бомбят раненых и врачей. По всем конвенциям такого делать нельзя. А вот делают. Наглецы. Война, разве у неё есть совесть? Совесть, она для мирных времён. Я обернулся к моему другу и протянул ему руку. Я, его убийца. И он пожал мою руку. Крепко.

Так стояли. Не могли разомкнуть рук, они будто слиплись.

– Ну, прощай.

– Прощай.

– Ты пока тут?

– Тут. Может, перебазируют, не знаю.

– Господь помоги тебе.

Я усмехнулся. Что надо ответить? «И тебе»? Но это будет враньё.

– И тебе.

Теперь улыбнулся он. Сквозь страшную бороду. Леший.

– Как я тебя найду? Хоть фамилию скажи.

Я сказал.

Потом спросил:

– А твоя?

Он назвал себя. И номер госпиталя.

Я всё запомнил.

Он тоже всё запомнил.

На войне память обостряется. И записной книжки никакой не надо. Всё в голове.

Я не знал, что его из военного госпиталя направили в столицу, там он принял сан и стал священником, а потом его арестовали.

Проза

Сергей Собакин

Сергей Анатольевич Собакин (творческий псевдоним Sergio Sobatini) – родился в 1983 году в Москве. Окончил НОУ ВПО «Дербентский институт искусств» по специальности «культуролог». Член ЛИТО им. Ф. Шкулёва; Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги. Прозаик, драматург, публицист, поэт, композитор. Сотрудничал со звёздами отечественной эстрады и зарубежными артистами в качестве поэта-песенника, аранжировщика и вокального продюсера. Автор романов, рассказов и пьес в жанре мистический реализм, антигрязный реализм и духовно-психологическая проза. Публикуется в журналах: «Москва», «Артбухта», «Русский динозавр» (изд. «Чтиво»), «Профессиональная психотерапевтическая газета» (ОППЛ). Живёт в г. Видное.

ЛАВРЕНТИЙ

Рассказ

Есть у меня друг Лаврентий. Мы с ним раньше в медицинском университете учились. Огромный такой парняга, под два метра ростом. Ну, как парняга – дядька. С виду грозный, задумчивый, даже страшноватый. Но это только на первый взгляд. Внутри он сам лапочка. Правда, очень воспитанный, интеллектуальный, весёлый такой – добряк, одним словом.

Несмотря на мощные габариты и внушающий ужас вид, вплоть до двадцати пяти лет его очень сильно опекала мама. Да, кстати, она тоже доктор – строгая такая еврейка. Ну и он, как это водится, по маме – еврей, но не иудей, а православный, хотя и обрезанный в детстве.

Помню, когда мы учились на первом курсе, он мне как-то рассказывал, что мать его настолько контролировала, что он был обязан всё делать по часам, в том числе и домой возвращаться в строго отведённое время. Ни про какие гулянки и речи не шло, а парню уже давно стукнуло восемнадцать. «А вдруг что случится?!» – тревожилась мама. Позвольте, да что с Лаврентием может случиться? Он сам кого хочешь нокаутирует, а потом ещё и первую медицинскую помощь окажет, не зря же в медицину пошёл. Когда я слышал эти его рассказы про мамино беспокойство, то невольно представлял себе картину: подворотня, время за полночь, какие-то обкуренные наркоманы выжидают очередную жертву. Вдруг из-за угла появляется небольшой силуэт. Наркоманы с предвкушением потирают руки и мысленно представляют, как без особых усилий добывают себе очередное «добровольное пожертвование» на дозу. Ухмылка на их лицах переходит в тихое отвратное хихиканье, а потом и вовсе превращается в злорадствующий гогот. Тем временем сквозь сумрак фигура всё ближе подплывает к хулиганам. Постепенно их злорадство и смех сходят на нет, и в итоге они видят перед собой двухметровую глыбу с отсутствующим взглядом. Лаврентий скромно улыбается, подходит к одному из разбойников и, протягивая руку, говорит: «Уважаемые, не подскажите, где здесь магазин “Медтехника”?» Наркоман подаёт Лаврентию свою костлявую ручонку, не зная, что через мгновение испытает адскую боль от богатырского рукопожатия.

Я сам не раз и не два испытывал эту боль, создаваемую давлением могучих пальцев Лаврентия. Как будто под пресс попадал. Я даже взвизгивал иногда: «Всё, всё, Лаврентий, хватит! Остановись! Ты раздавишь мне руку!» На это Лаврентий лишь скромно, по-доброму улыбался и продолжал сжимать «искалеченную» руку, не осознавая всей силы своего могучего хвата. После этого ритуала изгнания демонов с визгом, вихлянием и мольбами прекратить эту пытку следовали не менее крепкие дружеские объятия, после которых невольно возникало ощущение, что побывал на приёме у костоправа... Уже потом, много раз испытав на себе приёмы инквизиции, похожие на обряд экзорцизма,

я перестал так охотно протягивать руку Лаврентию и ограничивался ударом кулака об кулак, что тоже было весьма болезненно, но всё же не так опасно, как перелом пясти.

Так вот, представьте, когда такой детина, «машина для убийств», самостоятельно передвигался по улицам. И неважно, что ему было восемнадцать или двадцать лет. Я и сейчас могу себе представить, как после этой встречи в подворотне наркоманы стали более избирательны в поисках жертвы, так как сами опасались того, что могут попасть в некролог после встречи с таким вот ожившим Франкенштейном – славным милым убийцей-костоправом...

Как я уже сказал, несмотря на свои природные данные и внушительные размеры, мама Лаврентия продолжала его контролировать и даже наказывать, если тот случайно опаздывал на пять минут... Но при этом в её поведении было нечто странное. Парадоксальная реакция, так сказать. Она запрещала ему всё и вся, а особенно какие-либо долгие передвижения по родному городу, но при этом могла отправить его за границу на всё лето. Одного. В чужую страну. С чужими обычаями и менталитетом. Не правда ли, странно? Да, и я так тоже думал.

Когда наши отношения из просто дружеских превратились в очень доверительные, он стал делиться со мной своим опытом пребывания за границей. В частности, в Лондоне он числился как студент в языковой школе, на которую с удовольствием «забивал», а вместо посещения уроков ходил по пабам и бабам. Да-да, именно по пабам и бабам. «Откуда деньги?» – спросите вы. Так всё просто: он устраивался на любую почасовую работу, где расчёт производился в конце каждого рабочего дня. Лаврентий успел поработать и грузчиком, и строителем, и даже вышибалой. Как вы понимаете, никто не спрашивал у него паспорт при устройстве на работу. Фейсконтроль он тоже проходил без проблем. На то было две причины: во-первых, Лаврентий ну никак не выглядел на свой возраст, а во-вторых, мало кто хотел связываться с русским гигантом, отказав ему в чём-либо. Все были уверены, что он совершеннолетний. Когда Лаврентий предавался воспоминаниям, он часами мог рассказывать мне о своих любовных похождениях и о том, как ловко он всех объегоривал насчёт истинности своего возраста. Я слушал как замороженный, поскольку сам был сопляком и толком жизни ещё не видел.

Познакомились мы с ним на вступительных экзаменах в медицинский университет. Еле-еле сдав все дисциплины, мы попали в один поток и одну группу. Как-то сразу у нас завязалась дружба: вместе сидели в аудиториях и на семинарах, ходили в столовую и местное кафе. С первого курса нас стали водить в анатомичку. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных. Запомнился случай, когда нашу группу впервые привели посмотреть на трупы. Я никогда не забуду эту атмосферу ужаса, что создавалась скрытой паникой в глазах первокурсников. Всюду пахло формальдегидом и животным страхом. Глаза разъедало от испарений раствора. В аудитории стояло несколько ванн, в которых плавали трупы и останки. Меня стало подташнивать. В горле образовался невротический ком. Для нас провели небольшую экскурсию, после чего профессор сказал нам подойти к операционному столу, на котором лежал «несчастный». Медленно, с опаской группа подползла к назначенному месту и спряталась за спиной профессора.

– Ну, дорогие коллеги, сейчас мы будем препарировать Васю! – весело произнёс профессор.

– Какого такого Васю? – послышался встревоженный женский голос.

– Ну как же? Вася, местный житель, в прошлом бомж. Вот, теперь у нас на санаторно-курортном режиме пребывает, так сказать, хе-хе!

После слов профессора человек пять девчонок сдвинулись в сторону от стола и начали дружно охать и перешёптываться.

– Ну а сейчас, коллеги, мы с вами будем препарировать нашего бедолагу! – радостно продолжил профессор.

– Как это?! Что это значит?! – раздался голос из толпы.

– Как что значит? Резать будем, говорю, хе-хе.

Позади профессора послышался хлесткий удар о кафель. Инструменты разлетелись по всей аудитории. Это упал в обморок Лаврентий. Представляете? Никто и подумать не мог, что этот здоровенный шкаф – такая чувствительная натура... «Скорее поднимите ему голову и дайте нашатырь!» – прокричал профессор. Вся группа, кудахча, как курицы на насесте, принялась судорожно искать аптечку. Курицы – потому что почти вся группа состояла из девчонок. Парней было по пальцам пересчитать. Я отодвинулся в сторону и наступил кому-то на ногу. Этот «кто-то» завизжал, и я услышал голос девушки: «Ну ты кабаняка! Смотри, куда костыли свои швыряешь!» Это была наша староста – девица,

надо сказать, халявистого поведения, да и внешний вид тоже был под стать. Мне кажется, что я в тот момент сам был готов упасть в обморок: руки тряслись, сердце колотилось прямо в кадык. Кто-то сказал мне, что выгляжу как привидение, отчего я ещё больше запаниковал, но вида не подавал. Вскоре очнулся Лаврентий, и все облегчённо вздохнули.

– Ты нас так больше не пугай, здоровяк! А то мы подумали было, что, не ровен час, придётся заказывать путёвку, ставить вторую ванную и знакомить тебя с твоим новым соседом Васей, хе-хе! – едко ухмыльнувшись, сказал профессор.

– Не-не, всё в порядке, док! – покашливая, произнёс Лаврентий. – Это с голодухи...

– С какой такой голодухи, хе-хе? Не заливайте тут, Лаврентий! А раз уж осмелились дерзить, тогда берите своего дружка цвета простыни и топайте в морг за препаратами!

Мы знать не знали, что такое препараты, но сказано – сделано. Пройдя длинными коридорами, мы попали в плохо освещённый подвал. Вскоре нам стало понятно, что мы «на месте», то есть в морге. Картина была ужасная: куча тележек с трупами, какие-то закрыты, какие-то открыты. Над ними стоят люди в халатах. Ржут. Едят. Отпускают пошлые шутки. Завидев нас, один из них произнёс: «О! Новобранцы! Вы, наверное, за препаратами?» Мы послушно кивнули. Тогда второй из морга резко метнулся в соседнюю комнату, и в следующее мгновение у нас в руках оказался огромный котёл, до краёв заполненный формальдегидом. Нос щипало невыносимо. Дышать было невозможно. Глаза слезились, а в мозгу назревала очередная паническая атака.

Не задавая лишних вопросов, мы двинулись вверх по лестнице. Я шёл и щурился, отводя нос в сторону. То же самое делал Лаврентий. Если честно, у меня ни на секунду не возникало желания заглянуть в котёл.

Когда же мы наконец дошли до анатомички, то, войдя в аудиторию, поставили котлы на стол. Профессор, ехидно улыбаясь, попросил нас помешать содержимое. Я взял поварёшку и в ужасе начал медленно мешать раствор. Хотелось сделать это не глядя, но не тут-то было. Профессор вовсю бдел и злорадствовал, наблюдая за происходящим: «Ну что ж вы такой изнеженный, товарищ Блюмберг? Хе-хе. Ведёте себя словно кисейная барышня. У вас в группе девчонки и то выносливее! Давайте уже смелее мешайте, да не отворачивайтесь, а то как мы с вами оценим улов?»

Мне пришлось-таки пересилить себя и посмотреть вниз. Я зачерпнул один раз – пусто, второй раз – пусто, а на третий раз на меня из поварёшки смотрел глаз... Точнее сказать, он смотрел на меня, а я в это время пытался отвлечься, думая так: «Это всего лишь игра. Эти препараты – это всего лишь части куклы-манекена». Боковым зрением я видел, как то же самое старается вообразить Лаврентий.

Ворочая котлы, мы с моим другом нашли ещё массу «полезных интересностей» – с точки зрения медицины, конечно. Здесь были и позвонки, и рёбра, и сердце, и печень, и даже гениталии... Это был незабываемый и очень познавательный день в моей жизни. Гораздо позже, повзрослев, я понял, почему все, ну или почти все доктора – циники и пошляки. Всё потому, что если ты, будучи врачом или студентом медицинского вуза, не научишься переключаться от таких вот мероприятий, то вскоре сойдёшь с ума. По той же причине врачи с годами обрастают психологической бронёй. Это непробиваемая защита, которая даёт им возможность сохранить психический статус и здоровье, а также не потерять рабочее место. Наша дружба с Лаврентием не ограничивалась одной только учёбой. Мы часто гуляли, ходили в кафе, даже пытались вместе играть на гитарах. Я на классике, он на басу. Время от времени мы захаживали друг к другу в гости: пили чай (и не только), играли в видеоигры, отмечали дни рождения, просто ржали, ну и, разумеется, готовились к коллоквиумам и экзаменам. Я не буду сейчас расписывать все коррупционные схемы внутри образовательных учреждений. Думаю, все и так всё знают. Для меня это очень болезненный вопрос, поскольку в нашем университете были и такие, кто вообще почти не посещал лекции, но когда наступала пора зачётов и экзаменов, почему-то в большинстве своём закрывали сессию на отлично. И вот скажите на милость, какие потом специалисты вырастают из этих студентов? Ну, я думаю, вы догадались.

Один мой одногруппник из золотой молодёжи как-то обмолвился: «Мне эта учёба никаким боком не сдалась! Я сюда хожу ради тёлочек и корочки, которая мне будет нужна для бизнеса! Ха-ха-ха!» Страшно, правда? Что и говорить, мне самому, да и Лаврентию нет-нет да приходилось прибегать к разного рода махинациям, чтобы заполучить зачёт. И не то чтобы мы были настолько тупые, что с третьего-пятого раза не могли сдать предмет... Понимаете, у преподавателей, работающих на кафедрах, были настолько нищенские зарплаты, что им хочешь не хочешь приходилось заваливать

студентов пачками, чтобы хоть как-то существовать. Были и такие уникамы, которые разживались так, что могли позволить себе купить машины, дома, дачи и прочие блага.

Как сейчас помню, был такой случай. Один упёртый и поистине жадный доцент завалил почти всю группу. Ни со второго, ни с третьего раза сдать не получилось... Я и Лаврентий не стали исключением. Мы тщательно стали прорабатывать все варианты решения этой проблемы. Обращались ко всем. Дошла очередь и до старшекурсников. Нам посоветовали человека по имени Давид. Давид был армянином. У этой диаспоры, как вы знаете, большие связи. Так вот, в один из перерывов между парами я и Лаврентий встретились с Давидом возле студенческого кафе. Давид, вопреки ожиданиям, оказался очень спокойным и воспитанным парнем. Он быстро обрисовал нам всю ситуацию со сдачей предмета: приходите на экзамен, отвечаете по билету как можете, после чего подходите с зачёткой к препода, предварительно положив туда сто долларов. Он (Давид) к тому моменту уже уведомит препода о наших персонах, так что никаких проблем не возникнет. Ну, собственно, и всё, говорит.

Выслушав наставления, мы пошли по домам за валютой. Забавно, что на экзамене я вытащил билет, который отскакивал у меня от зубов. Вообще я всегда старался готовиться по совести, чтобы самому не стыдно было, да и воспитание не позволяло халявить. В общем, в тот раз на пересдаче с уже заранее подговорённым преподам я решил, что не буду пихать сотню баксов вперёд ответа, так как был абсолютно уверен в своих знаниях. И что вы думаете? Препода очень удивился двум обстоятельствам. Ну, во-первых, отсутствию баксов, а во-вторых, моим знаниям, которых он никак не ожидал обнаружить. Я ответил на все вопросы в билете, да ещё так полно и развёрнуто, что вся аудитория, включая самого доцента, зашевелилась, оживилась и чуть ли не заплодировала мне. Тогда раздосадованный препода решил, что этого будет мало, и стал гонять меня по всему курсу за семестр. Но и здесь, к удивлению присутствующих, я не сплоховал и вышел победителем. Не зная, что делать, от негодования препода взял мою зачётку и сказал: «Ну что ж, господин Блумберг... Неплохо... Неплохо... Я не знаю, как вы это сделали, но так и быть, я поставлю вам тройку, но с большой натяжкой...» Я потерял дар речи, как и все присутствующие, потому как все, включая меня, были уверены в том, что мне поставят оценку «отлично». Ко мне подходили девчонки в коридоре и с сожалением говорили: «Андрюш, да ты не переживай! Мы ведь сами всё видели... Он, видимо, живёт по принципу: мой предмет на пять знает только Бог, на четыре – я, ну а все остальные – как получится...» Знаете, а они были правы. Таким людям не важны ваши знания, начитанность, уровень интеллекта. Им важно получить бабло и при этом самоутвердиться за счёт несмышлёного студенткишки. После этого случая доцент так меня невзлюбил, что продолжал заваливать на всех последующих зачётах и экзаменах.

К концу второго курса я накопил приличное количество задолженностей, и спасти меня могло только чудо. Давид здесь был бессилен. Моя плохая успеваемость и распушенность были связаны с неразделённой любовью (первой, настоящей и несчастной), домашними проблемами (полное отсутствие взаимопонимания), ну и с первыми пробами взрослой жизни: дискотеки, выпивка, кутёж и чувство полной безнаказанности и мнимой вседозволенности. В итоге я с треском вылетел из медицинского университета, чудесным образом успев ухватиться за спасительную веточку – академический отпуск. Лаврентий очень переживал за меня и высказывал сожаление. Но обратного пути уже не было.

Мы не переставали общаться и смогли сквозь время пронести нашу дружбу. Не виделись годами, но при каждой новой встрече всегда очень радовались друг другу.

Потом, как это часто бывает, наши интересы разошлись, а отношения совсем заглохли, и казалось, что мы никогда больше не будем поддерживать связь. Но судьба распорядилась иначе.

Прошло немало лет. Я женился. Родил дочь. Лаврентий женился два раза, но оба брака закончились разводом. За этот период произошло многое. Он потерял родителей, дядьку. Как потом рассказывал мой друг, после всех этих событий он впал в жёсткую депрессию и сильно запил. Бросил работу, вторую. Влез в долги и кредиты. Продал квартиру (отчий дом), поскольку не мог находиться в ней один – его это очень сильно угнетало. Он даже пустил какую-то татарку пожить бесплатно, лишь бы не одному. Нет, вы не подумайте ничего. Интим он ей не предлагал, да и не до этого ему было.

Когда кредиторы стали затягивать петлю, Лаврентию пришлось сдать квартиру гастарбайтерам, а позже, чтобы закрыть все финансовые бреши, – продать дом, в котором он вырос. На тот момент мой друг был врачом-педиатром, но без лицензии: она истекла за давностью времени, так как он особо и не работал по специальности после университета. Чтобы хоть как-то выйти из травматического ступора, Лаврентий устроился на первую попавшуюся работу – менеджером в рекламное агентство на окраине

столицы. Потом успел поработать грузчиком, строителем, таксистом и бог ещё знает кем. Если честно, я не понимаю, как он справился со всеми этими потрясениями. Один. Ужас... Бедный Лаврентий...

У меня тоже много всего произошло в жизни за это время. Я перепробовал кучу бизнесов и работ. Ничего особо не получалось – ни в музыкальной сфере, в которую я так рвался, ни в шоу-индустрии, поскольку я не обладал характером акулы, что подразумевалось по умолчанию, если ты хотел там чего-то достичь. В какой-то момент я совсем было отчаялся и решил бросить все попытки построить своё дело. Но тут, как обычно, на горизонте замаячила очередная бизнес-идея, а точнее – оказание медицинских и психологических услуг. Тут же вспомнился Лаврентий. На тот момент я был не в курсе всех его дел. То, что он продал квартиру, для меня стало полной неожиданностью. Я тщетно пытался дозвониться по старым номерам. Домашний – отключён, мобильный – заблокирован. Мне невольно стали приходить в голову разные плохие мысли. Но я гнал их прочь как только мог. Наконец, догадавшись открыть браузер, я нашёл его по базам данных. К тому моменту он восстановился в должности педиатра и работал в поликлинике участковым. Мой звонок на его рабочий телефон стал полной неожиданностью теперь уже для него.

– Да, я слушаю, говорите!

– Лаврентий Панов?

– Да, это я. С кем имею честь?

– Андрюха Блюмберг! Помнишь такого? Или забыл совсем про старых друзей?!

– Андрюха, как я рад тебя слышать! Сколько лет... Как ты?

– Да так сразу в двух словах и не скажешь...

– Понимаю, брат, у меня тоже столько всего произошло...

Разговор продлился не очень долго. У Лаврентия было ещё много работы: бесконечные приёмы и выписывание рецептов. Встреча была назначена через несколько дней. В одиннадцать часов вечера мы условились встретиться в кафешке напротив столичного заповедника. Я подъехал первый. Через пять-десять минут появилась машина Лаврентия. Его профиль мелькнул в боковом зеркале моей машины. Мы по очереди вышли из автомобилей. В первую секунду я обомлел. Передо мной стояла «усовершенствованная» – ещё больших размеров – версия Лаврентия. Он был больше прежнего себя раза в два... Узнаваем, но всё же. Мне было непривычно видеть его таким. Как будто он проглотил несколько человек.

Когда мы сели в кафе и стали беседовать, я очень быстро привык к новому образу друга и больше никогда не размышлял на эту тему. Он поведал мне свою историю за прошедшие шесть-семь лет. Я не мог поверить в трагичность случившихся с ним событий. Всё, на что меня хватало, было лишь поддакивание и жестикующие, похожие на тревожное негодование. Ближе к полуночи мы перешли к теме бизнес-идеи. В ту пору я служил алтарником в храме рядом с домом и, надо сказать, был весьма набожным. Выслушав мою идею и разузнав у меня, что я алтарничаю, Лаврентий широко улыбнулся и сказал: «Ну, раз ты алтарничаешь, то можно тебе доверять!» Забегая вперёд, скажу, что у нас так ничего и не вышло с нашим бизнесом. Тому была масса причин. Хотя были все условия для реализации этой затеи: помещение, низкая арендная плата, готовый сайт, подобранный штат специалистов. Но не срослось. Что поделать, так бывает. Мы по-прежнему были хорошими друзьями, которые радовались каждой встрече друг с другом. Лаврентий не раз выручал меня деньгами, собственно, как и я его. Помогал с ребёнком, когда того требовали ситуация и его профессиональное присутствие. Да и просто это всегда была взаимная поддержка, которая дорогого стоит, особенно в наше время, когда всем друг на друга наплевать.

Интересный факт. Узнав, что я алтарничаю, Лаврентий очень заинтересовался этим обстоятельством. Как-то раз он даже присутствовал на службе, где я принимал участие. Это была необычная служба. Ночная Литургия. Я читал Апостол, первый и третий час, шестопсалмие, благодарственные молитвы. Лаврентий, как и все присутствующие, исповедовался моему духовнику, но причащаться не дерзнул, объяснив это тем, что он якобы недостоин Христовых Тайн. После той службы я обмолвился, что собираюсь поступать в семинарию и что мой брак трещит по швам... Лаврентий предложил встретиться у меня дома. Через неделю он приехал ко мне в гости. Жена с ребёнком были у тёщи. Мы сели за стол и долго обсуждали разные вопросы, когда наконец Лаврентий прервал нашу беседу фразой:

– Ну, и что у тебя с женой, дорогой?

– Да что тут сказать, Лаврентий. Понимаешь, тут дело такое... У нас полное непонимание с ней. Нет точек соприкосновения.

– Так, я, кажется, понял. А не колдует ли часом твоя суженая?

– А я почём знаю, брат. В целом я ей доверяю, но ты вот сейчас сказал, и я призадумался.

– А что она вообще говорит, Андрюш? Чего она хочет?

– Слушай, Лавр, ну ей всего и всегда мало. Если денег хватает, то мало внимания. Если внимание в норме, то почему так мало денег? Так и живём... А вообще, надо сказать, у меня уже на этой почве развилась такая депрессия, что я ничего делать не могу. Апатия полная. Бессилие телесное и духовное.

– Так, понятно. Значит, точно колдует, Андрюх!..

– Да нет, Лавр, я не думаю. У меня и раньше были разные состояния, а сейчас просто всё обострилось, понимаешь?

– Понимаю, Андрюха. Поэтому и пытаюсь разобраться во всех хитросплетениях. Ты лучше скажи, ты был у неё дома, у её родителей?

– Ну да. А что?

– И что ты там видел? Какие-нибудь обереги, символы?

– Ну, у них там есть разные куклы-ведьмы на мётлах, домовые, связки из перца и чеснока, третий глаз над дверью висит...

– Ну, всё ясно, Андрюша, чего-то делают они там, контактируют.

– Чего?

– Да то. Я тебе не рассказывал... Дело в том, что я с детства обладаю некоторыми способностями... С момента операции в онкоцентре.

– Это как?

– Ну, я могу видеть будущее, прошлое, варианты настоящего и так далее.

– А тебя не смущает, что это противоречит канонам православия?

– А чего бояться, мне и так в аду гореть... Поэтому ничего страшного...

– Лаврентий, ты что, побойся Бога! Давай исповедуемся, причастимся!

– Поздно, Андрюха, поздно, понимаешь... Давай лучше поговорим, что у тебя там за Сашенька была в юности, по которой ты сох и души не чаял?

– Какая Сашенька? А-а-а, ну да, была такая. Там вообще история непонятная. Встречались год, а потом она резко поменяла своё отношение ко мне. Её родители меня возненавидели, а я себе места не находил больше двух лет. Волосы на себе рвал, кулаки о стену ломал. Короче, страдал нещадно. Чуть в дурку не угодил...

– Мама у неё жива?

– У Сашеньки? Нет, умерла от рака мозга.

– Ну, всё понятно... Колдунья... Много на себя взяла и поплатилась...

– Ужас какой... Ты уверен, Лаврентий?

– А ты сам у неё спроси, Андрюш. А вообще тебе нужно три раза её поцеловать при встрече и узнать про мать и ребёнка.

– Зачем мне с ней целоваться и узнавать про ребёнка?

– Целоваться, чтобы разрубить гордые узел и обрести себя, а насчёт ребёнка узнать, твой ли он или нет. Да, и про мать уточнить. Но это только после того, как поцелуешься с ней. Свозишь её на могилу, но за оградку не заходи. Просто спроси про обстоятельства смерти, и всё. Понял?!

– Понял...

Наш разговор продолжался всю ночь. Лаврентий пил водку и закусывал колбасой. Я сидел ошеломлённый и пытался понять, что происходит. Он ещё много раз повторял мне про свои способности и сверхвидение, но предупреждал, что не может слишком много говорить об этом, так как это пагубно потом сказывается на его здоровье.

Ближе к рассвету нас потянуло в сон. Лаврентий лёг прямо на кухонный пол. Попросил дать ему две подушки. Я исполнил его пожелания и удалился в свою комнату. Уснул не сразу, но вскоре от бессилия всё же провалился в сон.

Через несколько часов я почувствовал, что меня кто-то толкает в бок. Повернувшись, я увидел встревоженное лицо Лаврентия.

– Андрюха, ты ничего раньше не замечал странного у себя на кухне?
 – Да нет вроде. Иногда телек, правда, включается сам по себе, но это давняя проблема. Он старый, в нём чего-то замыкает, видимо.
 – Ага, как же. Замыкает. Бесы это у тебя на кухне бродят и спать не дают. Это новая квартира?
 – А что?
 – Да так. Похоже, что здесь кого-то убили, – может, этажом выше, может, ниже... Вот и бродит теперь это привидение неприкаянное. Не замечал раньше шагов каких-нибудь? Топота? Стуков?
 – Слушай, ну раньше тут сверху вроде бабка жила, так она шаркала каждую ночь...
 – Вот то-то и оно, Андрюха. А ещё у тебя в мусорке кто-то стучит!
 – Жесть какая. Господи, помилуй! Лаврентий, ты меня пугаешь...
 – А чего пугаться-то, такова правда жизни... У меня вот, например, на новой хате ведьма жила. Так она умерла, а дух её до сих пор по квартире ходит да ещё что-то шепчет. Только непонятно, что. У меня кот даже под кровать ныкается и шипит... Ладно, Андрюш, поеду я домой, всё равно из-за бесов не посплю. Надо тебе что-то с этим делать.

Немного погодя Лаврентий собрался и вышел из квартиры. Как я потом выяснил, он поехал не домой, а в кунг, припаркованный у ближайшей станции метро. Ему пришлось сдать ведьмовскую квартиру из-за нехватки денег для погашения всё тех же кредитов. К тому же он не мог больше вступать в контакт с этой нечистью. Я же после этой встречи немедленно побежал в храм: исповедовался, причастился и потом ещё долго каялся в содеянном – разговорах о всяких демонах.

Мы виделись ещё не раз и не два. Лаврентий бывал у меня на даче. Мы выпивали. Ржали. Опять беседовали о потустороннем. Под утро он так же убежал с воплями: «Здесь повсюду бесы! Они в лесу, на крыше! На деревьях! В бассейне плещутся! Извини, брат, но я поеду!» Я всё так же лез к нему за подробностями, а после наших встреч иной раз пытался выполнить его наставления. Но потом раскаивался в содеянном и снова бежал в храм: исповедовался и причащался. И мы снова встречались и снова обсуждали всякие ужасы загробного мира.

Спустя год мой брак развалился... Я впал в тяжёлую ипохондрическую депрессию. Ходил к психотерапевту. Пил таблетки. Пытался вернуть жену. Безрезультатно. Психика всё больше давала сбой. Начались вегетативные расстройства. Как выяснилось, Лаврентий тоже ходил к психиатру на приём с вопросом о его вменяемости. Он целый час рассказывал доктору жуткие истории про свои видения и сверхъестественные способности. На это врач качал головой и говорил: «Да вы, батенька, фантазёр! Ведьмы, духи, сущности, экстрасенсорика! Контакт, общение с потусторонними силами! Ну, вы меня развеселили, Лаврентий Павлович. Вам бы книжки писать про мистику всякую! Не получите вы никакую справку – вы абсолютно здоровы, нет у вас никакой шизофрении. Идите с Богом!»

И он пошёл. Со всеми своими проблемами, одиночеством и видениями. В грязный, холодный, сломанный кунг. Я там бывал – условия нечеловеческие: холод, грязь, антисанитария, выгребной туалет. На уговоры переехать ко мне он твёрдо ответил отказом, ещё раз повторив, что у меня в квартире обитают сущности и бесы... Я долго настаивал, но потом смирился с его решением и перестал беспокоить друга понапрасну.

Какое-то время я ещё не мог оправиться от развода и связанной с ним депрессией. Сидел дома, «загонялся», страдал ипохондрией. Каждый раз, когда видел дочь, рыдал белугой... Снова бежал в храм. Снова пытался алтарничать. Ездил по монастырям. Пытался найти душевный покой. Очень долго ничего не получалось, но потом понемногу я стал приходить в себя. Начал писать рассказы и стихи, находил разные халтурки.

Лаврентий с головой ушёл в профессию. Несмотря ни на что, он доброй души человек. Очень любит детей и своих пациентов. Радеет буквально за каждого. Взял на себя кучу подработки и непомерное количество часов: приёмы, выезды на дом. Лишь бы не думать о плохом и скорее расплатиться с долгами. Много раз из-за перегрузок «ловил» гипертонический криз. А уж сколько раз он болел, заразившись от своих маленьких пациентов, не сосчитать... У него, кстати, две дочки от первого брака, в которых он души не чаёт: заботится, любит, воспитывает, содержит, возит на море каждый год. Настоящий отец. Отзывчивый, мягкий, несчастный, одинокий человек...

Мы всё так же по-доброму общаемся, как друзья, но теперь стараемся не затрагивать запретные темы, связанные с мистикой. Я подарил ему книжку «Очерки гнойной хирургии» Луки Войно-Ясенецкого. На это он сказал: «А вот за это спасибо, брат. Отче Лука – доктор, мой любимый святой!»

Проза

Павел Лаптев

Павел Лаптев – прозаик, поэт, член Союза писателей России. Книги: «Повести и рассказы» (2014), «Краски», сборник рассказов (2015), «Мета Морфо», роман (2019), «Семь», роман (2021), «Квадрат», стихи (2021), «Ранние рассказы» (2022), «Сказки уличного фонаря» (2022). Публикации: сборник «Пролог – Молодая Литература России», петербургский альманах «Мост», сборник стихов «Выкса 70», сборник «Сила Слова», сборник прозы «Коромыслова башня», сборник легенд «Нижегородская область. Это моя земля». Журналы: «Родомысл», «Юность», «Сибирские Огни», «Север», альманах «Земляки», «Нижний Новгород», «Дрон», «Гостиная» (США). Дипломант епархиального литературно-художественного конкурса в номинации «Проза»; лауреат фестиваля «Мой город – Выкса» в номинациях

«Стихи о Выксе», «Песни о Выксе»; дипломант конкурса «Бесконечно поэтично» к 800-летию Нижнего Новгорода; победитель конкурса «Нижегородская область. Это моя земля».

СОЛЬ

Рассказ

В окно алтаря храма во имя Пресвятой Живоначальной Троицы рабочего посёлка Досчатое упал утренний луч осеннего солнца. Диакон Павел, седовласый худощавый человек, готовил жертвенник и сосуды.

Зашёл алтарник Алёша.

– Батюшка ещё не пришёл? – спросил он, доставая из ризницы облачения.

– Нет ещё, – ответил диакон. – Сам волнуюсь. Никогда не опаздывал. Положи пока одежду. Без благословения, сам знаешь, мне стихарь не надеть.

Диакон приготовил всё для проскомидии и сказал алтарнику:

– Ты вот, Алёша, с какого года?

Алёша смутился.

– С... двадцать пятого, – вспоминал.

– Взрослый, двенадцать лет, а куролесишь, когда Псалтирь читаешь, – сказал диакон.

– Как это? – не понял Алёша.

– От Кирие, элейсон. Господи, помилуй, по-гречески, – пояснил диакон. – Молитва должна быть умной. Нужно вдумываться, что читаешь, а не так, лишь бы отчитать быстрее. Алексей, ты человек Божий, а молиться не умеешь.

Алёша поморщился, плечами пожал.

– Что, не признаёшься? – спросил диакон. – А между тем, смирение есть первая добродетель. Вот враг человеческий возгордился пред Богом и полетел в преисподнюю.

– Ладно, – как бы нехотя согласился Алёша. – Буду медленней.

В алтарь влетела, громко хлопнув дверью, певчая Татьяна.

– Ты что, мать, не в хлевходишь, – осадил её диакон.

Татьяна, держа у рта платок, с плачем пролепетала:

– Отца Александра арестовали! Пришли военные ночью и увезли куда-то. В праздник-то Покрова Пресвятой Богородицы! Антихристы!

За Татьяной вошёл, прихрамывая, майор госбезопасности Щелин.

– Без благословения сюда нельзя! – резко остановил его диакон Павел.

– Нам ваших благословений не нужно, нас Сталин благословил, – ответил майор, погладил чёрные усы и продекламировал: – Лебедев Павел Васильевич, уроженец села Яковцево Муромского уезда, вы арестованы по обвинению в агитации против советской власти.

– Как? – смутился диакон.

– Арестован, – повторил Щелин.

– А где санкция прокурора, ордер где? – спросил диакон.

– Вот тебе ордер, – Щелин вытащил из кобуры пистолет, помахал им. – Я сам тебя в Горький повезу. Милицейского конвоя нет. Загорского с ним увезли... А ты где был ночью?

– Мы в городе ночевали у знакомых, приехали под утро, – объяснил диакон.

– Плохо, – сказал Щелин. – Надо ещё посмотреть, что у вас за знакомые в Выксе... Скоро придёт теплоход с Москвы, на нём и поплывём.

– Но, я... Мы ни в чём не виноваты, – пожал плечами диакон.

– Там разберутся. Руки давай, – сказал майор, вынимая из кармана шинели наручники.

– Мне б переодеться, – попросил диакон.

– А, ну да, валий, – сказал Щелин. – Я буду на улице ждать, покурю.

Он вышел из алтаря, потом задумался, вернулся.

– Диакон, а ты ведь до революции жил? – спросил он. – Небось, ярим монархистом был.

– Законоучителем, – ответил диакон Павел. – Закон Божий детям преподавал.

– А есть он, закон этот? – усмехнулся Щелин. – Закон классовой борьбы, вот этот есть.

Диакон ничего не ответил.

– А чей этот ваш закон, а? – пытался майор.

– Бога, – ответил диакон Павел.

Щелин вспыхнул:

– А где он, Бог? Я Его не вижу. В этих картинках? – показал на иконы, подошёл к одной, стукнул кулаком. – В этой? Или в этой? Или, может, на этом столе сидит? – Щелин подошёл к престолу и попытался поднять его, но диакон не дал. Тогда Щелин выбежал из алтаря и начал сбрасывать иконы, какие поддавались, на пол. Немногочисленные прихожане переговаривались, женщины охали, но подойти побаивались. Диакон Павел постарался воспрепятствовать майору. Щелин опрокинул на него подсвечник, диакон упал. Но быстро поднялся, подсвечник поставил.

– Где он, Бог? – крикнул Щелин и выстрелил в распятие. – Всё, диакон, нет твоего Бога! – и торжественно прихожанам: – Церковь за-кры-ва-ется! – сказал он и, пятясь задом, вышел из храма.

Присутствующие в храме молчали, смотрели на диакона. Кто-то стал поднимать иконы. Диакон пошёл в алтарь, надел пальто, скуфью и вышел из храма.

На паперти Щелин курил папиросу и, к удивлению диакона, спокойно спросил:

– Слушай, Павел Васильевич, ты на металлургическом заводе ведь работаешь счетоводом. Да?

– Да, – подтвердил диакон. – В транспортном отделе.

– И чего, мало тебе проблем? Жил бы себе, не тужил. Зачем тебе диаконом ещё быть? Я не понимаю.

– Не поймёте, – сказал диакон. – Не всё деньгами измеряется.

Щелин махнул рукой, папиросу докурив, выбросил.

– Новая конституция у нас какая хорошая, – сказал майор. – Впервые в мире в ней закреплено, что все равны, сословия низложены. Нет богачей. Нет эксплуататоров. Живи до пенсии, строй коммунизм и радуйся. Нет, вам надо это мракобесие! – сказал он, поглаживая усы.

– Радость, а не мракобесие.

– Какая радость?

– Радость, что Христос воплотился, умер и воскрес и воссел в теле человеческом одесную отца. Ради нас.

– Не понимаю логики... В общем, час тебе, – сказал майор, подумал и добавил: – Два часа. Подойдешь ко мне. Придёт подвода с Выксы. У меня поросёнка режут дома... Всё не вовремя, эти аресты, – посетовал.

– Всегда не вовремя, – вздохнул диакон и добавил: – В вечности.

Щелин, ещё больше прихрамывая, зашагал домой, диакон тоже пошёл к себе. Жили они недалеко друг от друга, минут десять пешком.

Когда отец диакон прошёл в комнату, супруга в полосатой жилетке поливала цветы на подоконнике и, увидев его, развела руками.

– А служба что? – спросила она.

– Такой праздник, а без литургии, – тихо сказал, задумавшись, диакон.

– Что, что случилось? – взволнованно спросила женщина.

– А? – начал раздеваться диакон. – Душа моя, Татьяна Васильевна, меня увозят в Горький на тепलोходе. Щелин дал пару часов на сборы, – пояснил он.

– Щелин? Этот пустяшный человек? – возмутилась Татьяна Васильевна.

– Он власть. Батюшку нашего Александра арестовали ночью. Вот до меня очередь дошла.

– Загорского арестовали? Павел, вы же немолодые оба, неужели совести у них нет?

– Какая совесть, мать? – усмехнулся диакон. – О чём ты... Там «тройки» судят по обвинению в антисоветской агитации.

– К расстрелу?

– Может, расстрел, может, лагерь.

Кувшин, из которого Татьяна Васильевна поливала цветы, выпал из её рук. И разбился. Диакон, уже раздевшись, подбежал к жене, осколки собрал.

– Всё хорошо, пол высохнет, – сказал он.

– Высохнет... Кувшин не склеить, – сказала Татьяна Васильевна.

– Этот не склеить. Значит, новый будет кувшин. А вода от нас куда уже не денется, – сказал, поднимая последний осколок, диакон и добавил: – Как Дух Святой, он всегда с нами.

Татьяна Васильевна опустила на стул возле круглого с разноцветной скатертью стола. Диакон сел рядом с супругой и положил свою руку поверх её рук. Шёпотом сказал:

– По слухам, перепись населения показала, что больше половины записали себя верующими. А заявили, что перепись дефектная. Якобы это организаторы её неправильно посчитали количество населения. Мол, агенты они иностранных разведок. А в декабре должны быть выборы в Верховный Совет. Может быть, власть боится, что клир может на них повлиять и народ повести против большевиков? Вот и арестовывают нас.

Татьяна Васильевна пожала плечами.

– Возможно, – согласилась она.

– А перепись-то, помнишь, была в один день шестого января, – продолжил диакон. – Хитро как устроили. Мол, вот она – победа материализма, народ даже перед Рождеством Христовым отрекается от Бога.

– Они думали, что народ откажется от веры отцов. Просчитались! – сказала громко Татьяна Васильевна.

– Тихо, – тихо сказал диакон.

Татьяна Васильевна медленно покачала головой. Слёзы выступили из её глаз. Одна слеза упала на скатерть. Отец диакон погладил это место рукой.

– Перепись была не анонимной, – сказала Татьяна Васильевна. – Это, получается, массовое исповедничество. Массовая жертвенность...

Диакон встал, к окну подошёл, сощурился. Солнце в наступившем дне, казалось, светило ярче прежнего.

– Пообедай уж перед дорогой, – предложила супруга.

– Не хочу, да и некогда... Чай завари, пожалуйста, с сахаром, и всё, – попросил диакон.

Татьяна Васильевна приготовила на кухне чай и принесла мужу в гранёном стакане в подстаканнике. Диакон отхлебнул.

– Хорош сахар, – улыбнулся.

– Что? – не поняла Татьяна Васильевна.

– Ты соли положила, Танюша.

– Как так? – опешила Татьяна Васильевна. – Эх, с горя рассудок помутился, белый и белый... Две ложки положила. Сейчас налью другого.

– Не надо, жизнь не сладка, и чай, значит, такой, – сказал диакон и быстро выпил солёный чай.

Татьяна Васильевна поморщилась при этом.

– Видишь, в жизни как, – сказала она. – Внешне и сахар белый, и соль, а сути разные.

Диакон Павел улыбнулся жене.

– Я тебе говорил ведь уже, – сказал он, отдавая стакан. – слухи подтвердились, на днях расстреляли патриаршего местоблюстителя Петра. Вот в сентябре убит и митрополит Нижегородский Евгений Зёрнов. В Церкви осталось мало архиереев. И всё меньше, всё меньше... Ты понимаешь, что это такое? Несколько пуль, и нет её, Русской Церкви. Тысяча лет русского христианства закончится. Несколько пуль...

Отец диакон начал собираться, сложил в небольшой чемодан некоторые вещи.

– Всё равно отберут, возьму самое необходимое, – сказал.

– Господи, вот и сухари пригодились, – сказала Татьяна Васильевна.

– Да, не зря сушили. Принеси, пожалуйста.

Татьяна Васильевна ушла в сени. А когда вошла с мешком сухарей, она сказала:

– За сыновьями сбегая на завод.

– Не надо, – сказал диакон. – Не отпустят их. А так – прогул будет.

– Я хоть провожу на пристань.

– Хорошо, Щелина спрошу.

Диакон Павел собрался и пошёл к майору. Он шёл и смотрел на дома, на деревья, столбы с проводами и думал, что, скорее всего, никогда не увидит свой посёлок. Он подумал, что вот эти электрические столбы похожи на кресты вдоль римских дорог. Кресты, на которых распяты мученики за веру. Диакон решил, что бы ни случилось, он будет твёрд в своей вере. И как бы к нему не относились обвинители, он будет стараться не гневаться на них, более того, стараться любить. Диакон Павел шёл и повторял про себя слова Христа из нагорной проповеди: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поправление людям...»

Диакон Павел думал, что вот пятьдесят восемь лет прожил на этом свете, полвека в православной вере, и разве один или два дня могут перечеркнуть эту жизнь? Разве несколько дней мучений могут перевесить вечность? Никак...

Войдя в незапертую дверь дома Щелина, он направился в хлев, где резали свинью.

Щелин в запачканной форме сидел на лежащем на боку орущем хряке. Его сосед, крупный мужик, стоял рядом с ножом в руке.

– Ты чего сюда пришёл? Тебе нельзя сюда! – прокричал, глядя безумными глазами, майор.

– Почему нельзя? Здесь благословение не нужно, – сказал диакон. – Два часа прошло уже, опоздаем на теплоход.

– Испачкаешься! А теплоход без нас не уплывёт, – сказал Щелин.

Диакон вышел из хлева, в открытую дверь крикнул:

– А что не пристрелить-то животное?

– А пулю жалко! – крикнул ему в ответ майор. – Они для вас, пули-то... – и мужикускомандовал: – Бей!

Мужик сел на колени в навоз и вонзил нож в сердце хряка, повернул его. Брызнула кровь. Хряк завизжал сильнее и через несколько мгновений затих.

– Столько дел, а тут с тобой возиться надо... Думаешь, мне хочется? – тяжело дышал Щелин, переворачивая хряка. – Это я не поросёнку, а тебе, диакон, говорю... Февральский пленум партии ясно высказался о засевших врагах народа... А вы, церковники, они и есть, – и к соседу: – Приказ НКВД номер ноль-ноль четыреста сорок семь будем исполнять, да?

Сосед пьяно ухмыльнулся.

– Разрежешь тогда, жена скажет, куда и что, – наказал Щелин соседу и к диакону: – А ты, враг народа, подожди на улице, руки помою и поедем. Вон из Выксы подвода пришла, – услышал шум на улице.

– Супруге можно меня проводить? – спросил диакон Павел.

– Можно, – немного подумав, ответил Щелин.

Через полчаса диакон с супругой и майором Щелиным подъехали к пристани Досчатое. Подъехал на велосипеде алтарник Алёша.

У причала был пришвартован двухпалубный теплоход «Иосиф Сталин».

– Поплывём на новом теплоходе, – радовался Щелин. – В этом году выпущен из Сормово, аккурат к пуску канала Москва – Волга. Семьсот лошадей.

Диакон ничего не ответил ему. Подошёл к супруге и обнял её.

– Помнишь в Евангелии от Матфея Господь сказал: «Ищите прежде Царства Небесного... Отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною... Я есмь путь». Вероятно, сегодня начинается мой путь... Мой крестный путь, Татьяна.

– С Богом, – сказала она сквозь слёзы. – Помни, Павел, ты ни в чём не виноват.

– С Богом. Береги себя, – сказал он. – И вот ещё... Если что, откажись от меня.

Татьяна Васильевна покачала головой.

– Я ведь люблю тебя, – сказала она. – Как же я могу...

Отец диакон поцеловал жену, поправил выпавшую из платка прядь волос, погладил воротник её пальто и перекрестил. Она его тоже перекрестила.

Диакон пожал руку Алёше, сказал ему:

– Прощай, Алёша.

Мальчик плакал.

– Молись усердно, – наказал ему диакон.

Он поднял чемодан и пошёл по трапу на палубу. За ним, хромя, пошагал Щелин, крутя в одной руке наручники, другой глядя свои усы.

– Не сбежишь, Павел Васильевич? – весело спросил он.

– Куда мне бежать, по холодной воде уплыть? – не оборачиваясь, ответил диакон Павел. – Если только улечу.

Когда судно уже отплыло далеко от берега, его окружили чайки, много чаек. Они так и летали, словно ангелы, над белым теплоходом, пока вместе с ним не скрылись за горизонт.

Поэзия

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал дежурным электриком, мастером на заводе (почтовый ящик) в г. Электросталь, служил в армии (г. Киев, Киевское высшее зенитное ракетное инженерное училище), фельдъегерем по спецпоручениям Главного центра спецсвязи (Москва), затем – начальник отдела Главного центра спецсвязи; личная охрана, Росгвардия. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Новый мир» и др.

СОЛОВЬИ

Поют любовь ночные соловьи –
то весело, то радостно, то грустно,
рифмуя сердцу: «Милые мои...» –
и отдаваясь песне безыскусно.

Всё движется, меняясь вновь и вновь, –
и только соловьи над лунным полем
поют всё ту же Вечную Любовь
и тех, кто ею так счастливо болен.

Они поют разлуку той княжны,
что выплакала очи от печали,
о девушках, что были так нежны
и с поля брани воинов встречали...

Они поют о скорбных матерях,
о дочерях, что, сна не зная сами,
отцов дождались с рушником в дверях
и омывали раны им слезами.

И вот поют, поют они опять!
О той Любви, что смерти не повинна.
О тех словах, что прошептала мать,
в последний раз обняв за плечи сына.

О наших русских женщинах, о них:
о каждой порознь и о всяких вместе,
веряя им свой соловьиный стих,
что незабвенно, каждой нотой – честен.

Пусть никогда не вспрынут те года,
свои ряды не обновляют роты...
Пусть снег, пусть гарь –
но только б никогда
нам наших жён не потерять заботы.

Страна моя! Ты от истока к устью
цветёшь – сквозь кровь,
сквозь жаркие бои...
Непобедима Русь,
когда над Русью
поют Любовь ночные соловьи!

ГОСПИТАЛЬ

Я присмирел... Ни дать ни взять –
старик: хладеет кровь...
И ни найти, и не понять:
что жизнь и что – любовь?

И, все конюшни обойдя,
не кован я пришёл.
А молодые вслед глядят,
и ждёт с ножом прасол...

А осень (видел я один)
прошла янтарным днём,
сливаясь с пламенем осин
и растворяясь в нём...

Ты сбереги меня, огонь
последних лет моих!
Что Вятка мне, что Оболонь –
ни добрых нет, ни злых.

В одном огне мы все горим,
и это ль не грешно:
горбатого горбом корить,
гремять пустым горшком?..

Больница...
Жизни тишина,
и – осень за окном.
Янтарная взошла луна...
О чём же я, о ком?

* * *

...и вдруг – до боли: было, было, было!

В ветру захлёбывалась рожь,
и так же небо бесприютно плыло,
и так же тело чувствовало дрожь.

И так же я,
весь вымокший до нитки,
когда-то, у истока светлых дней,
весь под дождём, спеша,
входил в калитку
святой и грешной родины моей!

ПОБЕГ

Средь бела дня цыганит мне сорока,
и опроретью мчатся поезда.
Стрясётся вдруг: всё брошу я до срока,
уеду вдаль, уеду навсегда!
На кой мне ляд простор России нашей,
и грубость нежная хмельных моих друзей,
собак голодных стаи, и шабашки,
и мавзолеей, и Ленина музей...
Люфтганза, Боинг, Шонфельд... таможня.
Потом – иноязычья маета.
У немцев всё изысканно, но сложно:
кладбищенская душит чистота.
И за неделю – вдруг предельно ясно:
в чужом дому и брага не сытна.
И от себя не убежишь, напрасно!..
Калина горькая – чужая сторона!
Проснусь в ночи – помятый, некрасивый,
Такой, как есть, каким останусь впредь...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
в которой счастье – жить и умереть.

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...
Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...
Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

* * *

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
созрел в замшелый день.
На гумнах ссорятся соседки,
а в сердце – сон и лень...
И ветер носит пух в навозе,
в хвосты толкает кур.
И гаснет солнце на морозе,
а луч его – что твой шампур!
Вот он пронзил подворье остро –
в застреху, в щель...
Летает пыль, соломы остье,
в луче от искр – метель!
Лежу в сенях на сеновале –
и жизнь люблю.
И за бытийность эту в теле –
благодарю!

* * *

Босиком иду, как граф Толстой!
Светят избы тусклыми глазами.
Хорошо по утренней Рязани
топать на колодец босиком!..

Босикма ходил и я за плугом,
и коня я бороздой водил.
На коне и под конём – не пуган,
сутки косовицы проводил.

У меня в друзьях графья да князи –
заслужил, знать, русский мужичок,
что ко мне «советский князь» привязан
(нам теперь и это нипочём).

Отгремела свара по России,
казачки повспомнили царя.
И кого теперь вот ни спроси я –
всё казаки, графы да князья...

Казакон, браты, назвать могу я
лишь того, кто, на исходе сил,
за царя, за Веру, негодуя,
рысью мчался с шашкой на «максим».

Сном ответит память на рассвете:
ты судьбу не вороши, не зли...
Подхорунжий, дед, зерном – навеки
в борозде за кромкою земли.

Я не князь и не Толстой ни грамма.
И крестьянской поступью простой
с ведерком иду: крестьянке-маме
за холодной ключевой водой.

Поэзия

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – родилась и живёт на Орловщине. Автор 13 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России с 2009 года. Председатель Творческого совета по защите родной природы при Правлении СПР. Руководитель поэтической студии «Слово» и Областного клуба творческой интеллигенции «Светлица». Публиковалась в журналах: «Наши современники», «Берега», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Немига» и мн. др. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий.

Я ИЗ ТУТОШНИХ МЕСТ

Я из тутошних мест, где полыньи ветра,
где сугробы по пояс к Николе.
Я – берёзовой роще родная сестра
и корнями вросла в это поле.

Как зарделся калиной морозный закат!
Зазвонили к вечеру так ладно,
что посыпался иней с крестов и оград,
донесло от стогов запах мяты.

Потянулись из труб золотые столбы,
Заморгали сквозь темень оконца.
Здесь подачек особых не ждут от судьбы,
здесь встают с петухами, до солнца.

И голоса в причёты порой от тоски,
коли вовсе душа «занемогла».
А бывает, поют всё от той же тоски
задушевым прабабкиным слогом.

Да, за хлебом – пять вёрст,
да, в метель не с руки...
Но зато недалече до Бога.

* * *

О Родина!
Штапельный ветер,
и простенький ситчик небес,
и всклень, под завяз, в первоцветах
пропахший медушником лес.

Без памяти, до исступленья
мир Божий всё крепче люблю:
и отчее это селенье,
и церкву на дальнем краю,

погост за оградой древний,
и пожню, что скрыл березняк,
и в грае грачином дерева,
и старый бескрылый ветряк,

и глинистый этот просёлок,
что помнит прапращура след,
что мне столько лет, даже в морок,
лучит негасимый свой свет.

* * *

Цикадами ночь стрекотала в анисовых ситцах,
пыльцою подлунной кропила цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это вовсе не снится,
от поступи чьей-то скрипели в доме половицы,
и глаз не смыкал Чудотворец в старинном окладе.

Черствеет душа, остывает в разлуке с природой...
Моя ль в том вина или век наш, бездушный, повинен?
Не хожены стёжки – и в сердце скулит непогода.
И саднит печаль, став мучительной раной за годы –
совсем истончилась сакральная связь-пуповина.

Опять закипают в родимых долинах анисы,
к полудню завит палисадник золотой повителью,
над поймой двух радуг цветастых легли коромысла,
в берёзовых кронах умытое солнце повисло
опять без меня... Без меня здесь рождались, старели...

А ночь напролёт от любви изнывали цикады,
и спать – хоть убей! – не давали в доме половицы.
И я! Это я! Приглядишь: вдоль вишнёвого сада
чуть свет, по заре, даже росы ещё не обмяты,
в косынке белёсой иду за водой на криницу.

* * *

Заря вознеслась, и над полем,
над лугом, где мчит грузовик,
над горсткой берёз белоствольных –
снопы золотых повилик.
Плотицей блеснула под кручей
упавшая в полночь звезда,
жемчужною росною тучей
вдоль поймы легла резеда.
Плеснулась широкою песней
черёмухи майская цветь.
Лучат голубые пролески
очей милой матушки свет.

...Нарядной скатёркой столешню
накроют для жданных гостей,
покликнут соседей поспешно
наслушаться свежих вестей.
Пожарят на сале яишню,
блинов от души напекут,
бутылочку свойской отыщут,
в саду самовар заведут.
Хмельные потом под окошком
от счастья затеют опять
плясать и вовсю под гармошку
частушки до свету страдать.

Душа воссияет от лада,
Прошепчет, случись, на краю:
«О Русь, драгоценная Лада!
Не верю в погибель твою!»
Не верю в надрыв твой сердечный,
и в незаживление ран,
и в русский авось, наш беспечный,
в дырявый извечно карман,
покуда в селении нашем, –
я знаю: врагам не с руки, –
всем миром и сеют и пляшут
родные мои земляки.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.

Позови – ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,

лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой – речными покосами.

Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматого
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Полымем донник. Табун у мостков.
Вёдро. Над хутором небо с Николы
треплется синим, линиялым платком, –
словно забыл его кто-то на колыях.

Шлёпает полдень в ракичках вальком –
камушком плёхает эхо вдоль речки.

Кадки в затоне. От них чесноком
тянет и духом густым огуречным.

Там, присмотрись, златошвей-стрижи
солнца кудель размотали на нити.

Плёт, словно в пальцах, в кувшинках лежит –
жмуркими бликами вышитый ситец.

Вёдро. Просёлок змеит бережком.

Лютики в пыль осыпают веснушки.

Помнится, ехал возок из лесков...

Детство струилось беспечной рекой...

В сене – не я ль? – загорелой рукой
пригоршей ела малину из кружки?

* * *

Ну, наконец! Из горних закровов,
прорвав сермяжные заштопки и заплатки,
струится новь на заспанность домов,
на немоту полей, на деревьев кудлатье.

И утерпежу нет! Скорей на свет!
Душа неотвратимо рвётся в эту замять.
Туда, где догорает бересклет,
где чернотроп усеян снежными цветами.

Склонясь к груди простуженных долин,
врачует раны и хворобы первоснежье.
А шар земной, заблудший исполин,
летиит...
летит, уже не чуя меток бережных.

* * *

Росную каплю
 обронит былинка –
 сонно аукнет
 в лугах тишина...
 С этого взгорья,
 от церкви старинной,
 как на ладони,
 округа видна.
 Ветер над полем
 расперится птицей –
 рожь загуляет
 молочной волной.
 Не перестанут
 доведу мне сниться
 эти безбрежный простор
 и покой.
 Разве не праздник,
 не радостно сердцу –
 житное поле
 во весь горизонт?
 Не надыхаться
 и не насмотреться,
 хочешь не хочешь –
 душа запоёт.
 Этот просёлок,
 что вышел навстречу,
 помнит в пыли
 босоногий мой след...
 Жмуркие окна
 моей восьмилетки
 не погасили
 доньине свой свет...
 Что ж бы не жить-то
 на этом приволье?
 Ждать к сентябрю
 на столе новины,
 рощи стозвонной
 любить белостволье,
 с хрустом рубить
 к Покрову кочаны...

«Сколько вас, тех,
 что искали, где краше, –
 мочи не стало
 у поля молчать, –
 как погляжу-то,
 обличем наша...
 Только не помню вот:
 чья же ты?..
 Чья?..»

* * *

Как столбы в теремах, подпирают дымы золотые
 небосвод – Божьим промыслом вновь затепляется день.
 Обгоняя меня, мимо церкви, ракинок погоста
 по белёным холстам санный след полетел на зарю.
 А с крестов вещей птиц отряхает задумчивый иней...
 Не печалься, душа, – нам с тобою торить ещё путь.
 Холода на дворе... Мы же столько ещё не согрели,
 не додумали дум, не сказали в глаза о любви!
 И не ты ли сама привязала меня к этим людям,
 к этим рощам с колючей куделью сосновых вершин?
 Научила читать, как в скрижалях, по здешним погодам
 и свою, и земли этой древней, сакральной судьбу?

* * *

Просёлок. Татарник. Табун за околицей.
 И спелой клубникой пропахший угор.
 В траве по плечи – берёз белостволица.
 Крылатая воля! Безбрежный простор!
 И вроде давно я тоску пересилила –
 бывала судьба и со мною щедра.
 Но манят и кличут омытые ливнями,
 спалённые солнцем родные ветра!

* * *

Ах, с этим буйством нету слада –
 июльских мальв дремучий бор!
 Шмелям пресыщенным отрада
 их разномастный коленкор.
 В них, пересыпанных цветами,
 весь мир заполонив собой,
 захлёб – о чём, не помнят сами! –
 цикады гомонят гурьбой.
 Замрут, как дети, от испуга,
 когда с корзинкою в руке
 я пролечу вдоль стёжки вьюгой,
 следы оставив на песке.
 И там, за маревом в долине,
 исчезну в сонме диких трав,
 в терлич-траве, в степной полыни,
 собрав в охапку сон и явь.
 ...Сакральность солнечного света,
 волхующего сквозь плетень,
 янтарность яровых ранеток
 в тазу, кипящем на плите,
 сдуревший от восторга пивень,
 разголосивший близь и даль,
 и ахнувший сквозь солнце ливень,
 что мальвы окунул в сусаль...
 Посмотришь в радостные выси,
 и в десять беззаботных лет
 вдруг сердце заискрится мыслью:
 конца и края счастья нет!

Андрей Фролов

Андрей Владимирович Фролов – родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель Орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах: «Поэзия», «Невский альманах», журналах: «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Берега», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий: «Вешние воды», «Белуха» им. Г. Гребенщикова, им. Н. Гумилёва, «Ладога» им. А. Прокофьева, Южно-Уральской литературной премии. Член Союза писателей России.

ВЫРАСТАЯ ДО ПРЕЖНЕГО РОСТА...

ГРУЗОВАЯ

1. Утро

Дробный пробег трамвая,
окон неяркий свет –
улица Грузовая
гнётся под грузом лет.

Улочки невеликой
знатный абориген,
батя скрипит калиткой,
валенки – до колен.

Заново узнавая,
смотрит из-под руки:
улица Грузовая,
тусклые огоньки.

2. Вечер

Пахнет вареньем клубничным
и самоварным дымком.
В ярком трико заграничном
вылез на свет уличком.

У доминошников ярых
неиссякаем задор.
В местных, незлых, кулуарах
бабки ведут разговор:

– Давеча было такое,
даже не верю сама!..
Сделав зигзаг над рекою,
сумерки лезут в дома.

3. Полночь

Улочка, наспех запорами клацая,
бредит, ко сну отходя.
Пряный настой расплескала акация
после шального дождя.

Неподалёку прононсом диспетчера
сонно бормочет вокзал.
Стихло...
Стыдливо из Космоса вечного
месяц рога показал.

Дедова липа над крышей сутулится,
скрыв от напастей жильё...
Если бы этой не было улицы,
я бы придумал её!

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

В центре города деревня
притаилась и живёт:
колченогие деревья
подпирают небосвод;
бродят куры меж домами,
метко склёвывая мух;
нарастая, как цунами,
тополиный катит пух.
Заплутав в проулках древних,
восклицает пешеход:
– В центре города деревня
сохранилась и живёт!

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
 Володька Рыжий, дворничихин внук,
 схватив за шею радугу тугую,
 над головою чертит полукруг!
 Широкий веер радужных осколков
 с шипением врезается в газон.
 А мы поодаль, хмурые, поскольку
 к Володьке подходить нам не резон.
 Штанины клёш – такая нынче мода,
 под синяком сверкает хитрый глаз...
 Что говорить, он старше на три года –
 почти эпоха разделяет нас!

ОБЛАКА

Поле ощетинилось стогами,
 коромыслом выгнулась река.
 Слепленные детскими руками
 по лазури плыли облака.
 Проплывала лошадь,
 следом – кошка,
 помахал ушами добрый слон...
 Странные, нелепые немножко
 звери заселяли небосклон.
 Где-то за далёким перевалом
 будущее будет, а пока
 в небо, чтоб оно не пустовало,
 мальчики пускали облака.

КОГДА-НИБУДЬ

Стало в городе постыло,
 я подамся до села –
 там жила прабабка Мила,
 очень правильно жила.
 А когда туда приеду,
 как в насмешку над собой,
 заведу за жизнь беседу
 с покосившейся избой.
 Мне расскажут половицы
 про скрипучий свой недуг,
 и ворчливо забранится
 старый бабушкин сундук:
 – До каких таких пределов
 под замком добро стеречь!?...
 И дымком заплесневелым
 поперхнётся гулко печь.
 И прабабушка к обеду
 выйдет, памятью светла...
 Я когда-нибудь приеду,
 наплевав на все дела.

ИЮЛЬСКИЕ СТИХИ

1. Ночь

Вышла из-за облака луна,
 озарив округу бледным светом.
 Крикнешь, и ночная тишина
 выстрелит раскатистым дуплетом.
 Ото сна встряхнёт речную гладь,
 распугав ватагу юрких бликов,
 и сомкнётся наглухо опять –
 до зари, до первых птичьих криков...

2. Утро

Старый пруд, затерянный в глуши.
 У воды ракиты прикорнули.
 Браво, в три шеренги, камыши
 замерли в почётном карауле.
 Резкий взмах пружинистой удой –
 чуть с оттяжкой влево, как учили, –
 снасть несётся пулей над водой
 и, блеснув, скрывается в пучине.
 Гаснет рябь от лёгкого шлепка.
 Жду, волнуясь, первого успеха.
 Тишина настолько глубока,
 что не возвращает даже эха.

СЪЁМКИ

Глухое рывканье мортир,
 дым в поле, как стена...
 Снимают фильм «Война и мир» –
 сейчас как раз война.
 Гороховецкий полигон
 теперь – Бородино.
 Наш взвод в массовку приглашён...
 Такое вот кино!
 На десять дней ворвался свет
 в армейский серый быт!..
 Жаль, во француза я одет
 и должен быть убит.
 Красиво падать учит нас
 известный каскадёр.
 И вот грохочет, как приказ:
 «Внимание! Мотор!»
 Кино – серьёзная игра:
 бежим в атаку, но
 лихое русское «ура»
 кричать запрещено.
 Штабной московский генерал
 безмерно горд за нас,
 а я бы русского играл
 правдивей в десять раз!

ОГОНЬКИ

На округу вечер лёг
шапкой-невидимкой.
Но не гаснет огонёк
за туманной дымкой.
Свет ли позднего окна,
на лугу костёр ли?
Комом смутная луна
застревает в горле.
И когда невмочь от бед,
и надежды нету,
сквозь туман идёшь на свет
и выходишь к свету.
Как спасенье от тоски
и примета силы,
золотятся огоньки
в пасмурной России.

АГРОНОМ

Может, вы о нём слышали, –
спорить не возьмусь, –
просыпался с петухами,
брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
отводил плетень,
понукал – вороны глохли
за пять деревень.
Вдоль дорог стога мелькали,
ёжилась стерня,
впереди всходили дали
в свете трудодня.
Громыхая на ухабах,
вслед за ним несло
необъятного масштаба
бодрое «авось».

СЛУЧАЙ

...На глупость сетуя свою,
стоял возница, мокр и зол.
А конь, попавший в полынью,
не шёл ко дну...
Никак не шёл!
Острее бритвы кромка льда
кромсала выпуклую грудь,
и чёрно-бурая вода
зияла, как последний путь.
А своеволие реки
влекло безудержно под лёд.
И говорили мужики:
– Такая сила пропадёт!..

В АВГУСТЕ

В августе небо ближе к земле...
Липы листвою ложатся под ноги.
Будто в былом старикашка убогий,
ветер копается в рыжей золе.
В глади реки, как в зеркальном стекле,
зримей стократ неизбежность итога.
Чаще мольбы долетают до Бога –
в августе небо ближе к земле.

БЕЛЫЕ БЕРЕГА

Памяти Николая Ивановича Родичева

Проводница уж так строга,
будто главная в МПС.
Еду в Белые Берега
сквозь насупленный Брянский лес.
Там песок побережный бел,
точно сахарный рафинад!
У меня там всего-то дел,
что рыбалка да променад
по исконно грибным местам –
там чудес и красот – не счесть!
Если нету чего-то там,
уж не знаю, где это есть...
В ожиданье к стеклу приник,
чай в стакане остыл давно.
Проводницы тигриный рык
не даёт распахнуть окно,
за которым светлеет мга.
Разветвляется путь стальной –
вот и Белые Берега!
Проводница, махнём со мной!..

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
но в сумерках рыжих запуталось время,
как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
и первыми это почувляли птицы
и, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

* * *

Вырастая до прежнего роста,
человек возвращался с погоста.
Шли минуты,
и делалось легче,
расправлялись ладони и плечи,
возвращались дела и заботы,
воскресение шло за субботой.
Всё предельно понятно и просто:
человек возвращался с погоста.

Поэзия

Сергей Пахомов

Сергей Станиславович Пахомов – поэт. Родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга», «Плавучий мост», «Литературный Иерусалим» и др. Живёт в деревне Мерёжа Вологодской области.

КРИСТАЛЛ

Я – мыслящий кристалл за пазухой у Бога,
Поэтому хочу покинуть здешний мир,
Где были до меня два-три ударных слога
В абзаце книги книг, зачитанной до дыр.
Её листал Христос, над ней корпел Иуда,
Скажу, не дочитав страницу до конца,
Что все зовут туда, лишь я зову оттуда,
И голос мой похож на голос мертвеца.
Мной обозначен день: я словно тень за кадром,
А в кадре кинозал и шелестит попкорн.
Не получив конверт, я угадаю адрес
И место на земле, где перевёрнут дёрн.
Так лучше я уйду, захлопнувшись кувшинкой,
В глухую темноту глубокого пруда,
И не найдут меня ни слёзы, ни дождинки,
Лишь добрая душа, лишь яркая звезда!

ВАЛЬГАЛЛА

Каждый праздник церковный во здравие –
Там, где спит заонежский погост,
Поминает меня православие,
Покупая молитвенный воск.

Ускользает водицею вешнею
Жизнь моя по уклону межи...
Я отстроил часовню сгоревшую
За свои трудовые гроши.

Усмехнулась валькирия-родина,
Занесла окровавленный меч...
С той поры на пирушке у Одина
Я цежу мухоморную речь.

Всё пестрее она, всё лукавее.
Над Вальгаллою сумрак развёрст.
А часовню мою православие
Огибает за тысячу вёрст.

ГИЛЬДЕНСТЕРН И РОЗЕНКРАНЦ

Август умер (Гильденстерн), мёртв сентябрь
(Розенкранц)...

Облетает поле стерх, где докашивают рапс.
Молибденов цвет воды, долог тихий листопад,
Пар, идущий от скирды, словно едкий самосад.
Стог рапирою – Лаэрт; Гамлет – дерево в огне.
Спит искусственная смерть милой ящеркой на пне.
Где докашивают рапс, лес, как замок Эльсинор,
За который Фортинбрас – ветер затевает спор.
Вот и весь тебе Шекспир. Череп Йорика – валун.
Я, закрыв ладонью спирт в стопке времени, вздохнул,
Выпил, сплюнул, закурил «Аполлон» – полоний! Сад.
Ливень (Клавдий) лил и лил быстродействующий яд
в ухо озера (отец принца датского – король)...
Замигал на кухне свет, как порхающая моль.

КОНФУЦИЙ

Рука – не река с рукавами.
Сожму междуречье в кулак.
Закат неподвижный над нами и красный,
как сваренный рак.

Прибрежные заводи куцы. Резвится сомовья семья.
– В чём правда плесканий, Конфуций?
– Не знаю, ведь рыба не я...
Нельзя передать ощущение того, что на ощупь и цвет
Похоже на предназначенье, но в чём философии нет.
Поэтому непредсказуем ход жизни,

где каждый предмет
Устроен природой, как зуммер...
«Как сердце», – подумал поэт.

СВАДЬБА

По номеркам расселась «саранча» –
 Гостей с три короба. Калигула – в горелке
 (Спецблок в аду помянут невзначай).
 Под сырным соусом спагетти – горячась,
 Сползают по фарфоровой тарелке.
 Пирожные «Калигула» (теперь
 Уместно замечанье о тиране),
 Пришельцы в чёрно-белом на экране –
 С букетами. Сконфуженная дверь
 Прокашлялась. На буйный цвет герани
 Присели пчелы – сонно вяжут мёд,
 Как свитера старухи у подъезда...
 Невнятная возня у переезда
 Железно... рожного (?) покоя не даёт
 Глазам. Но продолжается фиеста.
 Я смачно истребляю козинак.
 Нервозен Наг, пока Нагайна в белом
 Сверлит глазами, словно чертит мелом...
 Я в неудобный въёжился пиджак
 И сделал вид, что занимаюсь делом:
 Жую. Развеселившийся сосед
 Рукам дал волю – пенное в бокале...
 «Протуберанцы» с места повскакали:
 Колье, подвески, запонки, браслет...
 И грянул тост, как выстрел из пищали.
 Луна горела свечкою вдали,
 Гроза наметилась за облачностью где-то...
 Я вышел, как писатель из сюжета,
 Я вышел, как из Рубенса Дали,
 На край обворожительного лета,
 В обитель окаяннуну земли...

В ПОХОДЕ

Хрустели сумраком предгорья
 Оголодавшие ветра,
 Першило в сердце (или в горле?),
 Когда я грелся у костра...
 Лоснилось кожей лягушачьей
 Глухое озеро, и лес
 Был одинок, и месяц мрачный
 Хромал окраиной небес.

Я за водой сошёл на берег.
 В прицеле лунного луча
 Сургучный сом, снимаясь с мели,
 Ночные лилии качал.
 Утёс надгробным обелиском,
 Звезда, как выстрел в молоко...
 Лишь неотъемлемое близко,
 Всё остальное – высоко.

АЛЛАХ

Ал-лах. Как звучно! Будто горы, холодный ветер распахнул
 Ночное эхо, за которым лавины падающей гул.
 Ии-сус... Тихонько проскользнула листва в калитку,
серебрясь.
 Ал-лах. Дорога из аула превращена отарой в грязь.
 Но вот во тьме столкнулись звуки,
гроза набухла над страной!..
 И, не пожав друг другу руки, дожди пролились стороной.
 Ал-лах, Ии-сус... В собачьей будке зовёт к побудке
лязг цепи.
 Жук распоясался занудный в трубе прокуренной избы.
 Цепляя цвет чертополоха, навзрыд чихая от пыльцы,
 Луга от выдоха до вдоха уютжат бодрые косцы...
 Ал-лах... Поникла незабудка. Ии-сус... Пovyщвела трава.
 Шмели, ошпарившись как будто, летят кто в лес,
кто по дрова.

ЗАКУЛИСЬЕ

Как ведро на коромысле, скрипнет яшень у ворот,
 Промелькнёт мордашка лисья, словно лучик, ускользнёт.
 Закулисье, заалисье... Луж кривые зеркала.
 Чем загадочнее мысли, тем напористее мгла.
 Трудно выжить в закулисье: рано сеять, поздно жать.
 Браконьерский слыша выстрел, я цежу сквозь зубы: «Тать,
 Твою мать!» Встаю с кровати, начинаю подметать:
 Здесь вчера сходились рати – после рати пировать.
 Запрягу тоске в угоду двести сорок лошадей
 И нырну во тьму, как в воду Иордана иудей.
 Фары выхватят из мрака то ли чёрта, то ли куст,
 В ноги кинется собака, лишь в окошко постучусь
 К самогонщице. Поганый гонит старая первач –
 В закулисье и в карманах вечно сумерки, хоть плачь.
 Выпал зуб у гармониста, а под утро выпал снег...
 Небо ясно, поле чисто. С воскресеньем, человек!

ВСТРЕЧА

Закат был необычно жёлтым, свистели птички: «ай лав ю...»
 Я вспомнил шип за ухом Шолто Бартоломью,
 Когда заметил в тучах месяц. Корчма дымилась за углом –
 Там обещали мне, что в десять я буду больше чем знаком
 С одной приятною особой. Предвосхищая этот миг,
 Я заказал коньяк «Особый» и первой свежести балык.
 Сверкал сокровищами Агры за окнами кленовый парк...
 Господь пошлёт мне Иру Адлер? Меденю?
Жанночку де Арк?
 Забыв, что метод дедуктивный к всевышнему
не применим,
 Я горького аперитива пригубил, тайною томим.
 Дохнуло вдруг нездешним хладом
от раскрывающихся врат,
 И полыхнула листопадом душа, не видя листопад.

ПАН

Гогочущих гусей вразвалочку бега,
И с яблонь конфетти от дуновенья ветра...
Командует весна, и сброшены в лугах
Свалявшихся снопов застиранные гетры.
И стрелы мечет лук, как половцев орда
(Картофель без конца росы глотает капли),
Петрушки, чеснока с морковью чехарда
Вблизи от кабачков – пузатых дирижаблей.
Постылый огород. Я вижу, как чуть свет
На грядках сорнякам соседка бьёт поклоны.
А я баклуши бью... Ответ на мой привет:
«Не пей воды с лица, как белый свет с иконы,
Из лужицы не пей на росстани дорог –
Не стань, кем подопрут тесовые ворота».
Но я ведь пить хочу! Я – козлоногий бог!
И мучают меня то жажда, то икота.
Без продыху пахать, окучивать, сажать,
Пропалывать, растить до снега ежедневно –
Всё это не по мне. Козлиная печать
Дана, чтоб от тоски не вымерла деревня.

СЛОВА

Геральдика герани, архаика ольхи...
И на оконной раме – неясные штрихи
Дождя. Проходит лето... Темнеет белый свет.
Печенье есть, конфеты... Но настроенья нет.
Одутловатый чайник кряхтит – борец сумо,
Душой бы не зачахнуть, не тронуться б умом.
Мой взгляд давно скучающ, и равнодушен
взгляд,
Есть город Карачаевск (черкесский, говорят) –
Туда ли мне поехать, ещё куда-нибудь?
Расколотым орехом в дверном проёме – суть
Вопроса без ответа... Я выглянул в окно:
Оранжевого цвета, как у тарелки дно,
Под облаками – небо, и палисад резной,
И не разгадан ребус в газете с желтизной.
Идёт просёлком с вестью дурною почтальон,
Пожалуй, выпью «двести», пока не обозлён.
Паслёновые сплетни он разведёт со мной:
Об активистке Грете с фамилией пивной,
О предпосылках снега на праздник Покрова...
Несмазанной телегой вдоль улицы – слова.

ДАРТ ВЕЙДЕР

Я очень обеспокоен состоянием дел моих:
В поле один – не воин, если один – не псих.
В поле один – не воин, если один – не Бог.
Я очень обеспокоен отсутствием рук и ног
У паренька в «коляске» – он ветеран войны,
Той, о которой лясы точат со стороны.
Так сгорают деревья или крамольный стих,

Каждому Дарту Вейдеру – ситх!
Едет за хлебом (с мамочкой) яростный инвалид –
Много кому до лампочки, что у него болит.
Так ли тебе, Россия, видится твой сержант:
Боль без анестезии света – его душа?
Совість – вещица круглая, если не напоказ,
Люди проходят с гуглами, не поднимая глаз.

ДОНОС

Засунут в сугробы суровой зимы,
Как будто носки шерстяные в пимы,
Из дома на улицу высунув нос,
Пишу на снегу необычный донос.
Его содержание обидно и зло,
Поскольку обида мне хмурит чело,
Как шапка на воре горит, а воров –
Не хватит в округе ни шапок, ни дров –
Чтоб греть для доносчика воду в аду,
Но я в эту воду перловку кладу,
Лист лавра, грибы – получается суп,
Как дед говорил, из семнадцати круп.
Понятно и дятлу, что будет в конце:
Ни лавров в подаренном музой венце,
Ни славы, обещанной Богом взамен
Подвешенной рыбе на ржавый безмен.
Быть может, сосед, как привычный мне гость,
Повесит портрет мой из книжки – на гвоздь.
Обычная участь поэта... Едва ль
Изменится что-то с утра по февраль.

НЕПРОГЛЯДНОЕ

Запотела от зноя
И пропала звезда,
И возник под горою
Образ неба-пруда,
Где на глади пустынной
(Бог меня приголубь)
Опускалась кувшинка
В непроглядную глубь.

МАТЬ

В моей сейсмически опасной
Космогонической душе
Яйцом, раскрашенным на Пасху,
Весёлой пьесой Бомарше
День угнездился своевольно,
И, дню весеннему под стать,
Преобразилась колокольня,
И сына встретившая мать
Преобразилась: затаённо
Вздыхает, выйдя на крыльцо,
Сгорает веточкою клёна
И в слёзы кутает лицо.

ПРОРОК

Мне снилось, что сердце отстало от суетной жизни на миг.
Когда хоронили, казалось, бренчал бесполезный язык
Серебряной ложкой в стакане. Ночной транссибирский экспресс
Вихлялся лещом на кукане, сверкал, как холодный обреза
Убийцы... Рассеялась память, монета зажалась в горсти,
А тени, как шпалы на БАМе, ложились на вечном пути.
«Что, новопреставленный, скажешь?» – спросила голодная тьма,
И взгляд её волчий был даже страшней, чем без стёкол дома.
Я загодя речь приготовил, я долго оттачивал слог,
Язык, поперхнувшись на слове, вдруг к небу иль к нёбу присох.
Так в детстве, не зная урока, краснел я, подвергнут хуле...
С тех пор молчаливей пророка не сыщешь на этой земле.

ДОМ

Карликоват (Лотрек Тулуз?) дом возле озера. Настырно
Он смотрит окнами на шлюз, головкой дырчатого сыра.
Холм. Дуновение зимы. Вдоль поля заячье сафари,
Ручей с оттенками сурьмы, клён – лунной пылью офонарен...
Темна, как ягода ирги, морозом скованная лужа,
Опрятен шорох кочерги в печи, где дозревает ужин.
Ночь прозорлива (Мессинг Вольф!), гадают звёзды над утёсом,
Странноприимная юдоль повита сумраком белёсым...
На раскладушке дремлет кот, свернувшись под ворсистым пледом,
И чайник задом наперёд кипит, как площади в Толедо.
Встаю. Кастилия скрипит в коленных и других суставах.
Увы, состарился пиит – разбит, как шведы под Полтавой.
Но душу выдадут глаза, в которых, полночью хранима,
Застынет чёрствая слеза от неотеческого дыма!

КРОШКИ

Мой одуванчиковый луг, как будто пепел папиросы,
Осыпался, едва подул вечерний ветер. Слезы, росы,
Сирени призрачной абсент пролились на руки просёлка
И запах плотный, как брезент, от наливающейся ёлки.
Я шёл из лавки. Для толпы моих обжорливых домашних
Хлеб свежий к ужину купил. И что с того, что он вчерашний?
Консервной банкою луна сверкала тускло в грязной луже,
Я наступил, и – вот те на! – луна исчезла. Втык заслужен!
Зевающий от скуки вяз меня хотел взять на поруки,
Но, как и я, ударил в грязь лицом – сломался от натуги.
Чтоб не считать нам впредь ворон, я воробьям насыпал крошек,
И брызнул мир из всех окón – в полоску, в клеточку, в горошек.

ЭВТЕРПА

Печально дивная Эвтерпа глядела в русские поля –
Там колосилась в листьях вербы неэстетическая тля,
Я ночь гулял, я был не в духе, зевал нахально и уснул.
«Чёрт побери!» – звенели мухи, садясь на выбоины скул.
Лежал на противне залива карась, как будто запечён,

И чёлн рыбацкий лейтмотивом качался, выщерблен и чёрн.
 Чем дальше в лес – тем краше ведьмы, кобыла с возу – бес в ребро,
 И чей смотря не слаще редьки хрен в свете плана ГОЭЛРО.
 Вращаясь, купол церковушки напоминал эолипил
 И восходил, как пар из кружки, когда б я чай туда налил.
 Присела нежная Эвтерпа на прерывающийся луч.
 Жара томила, словно термы, – ни облаков тебе, ни туч...
 Я всё с себя содрал, что было, и прыгнул в озеро плашмя,
 Крича: «Горация на мыло! Евтерпа, выбери меня!»
 Проснулся. Шумный муравейник опарой раздавался вширь,
 Листал рогатый жук (бездельник) из листьев сложенный псалтырь...
 И мне прелестная Эвтерпа шепнула, сдерживая смех:
 «Поэтов не бывает первых с одною музою на всех...»

ЛИСТОСБРОСЕНЬ

Неяркая, но всё же осень, туманная, но всё же гжель.
 Поэт воскликнул: «Листосбросень! Листоотбросень!..» – «Неужель?» –
 Другой поэт шепнул другому и грянул рифмой о другом:
 Мол, не пройтись тропинкой к дому промозглым утром босиком
 И, мол, уныло на киоске висит предвыборный плакат...
 От скуки бомж, осенний в доску, скатился в лужу – самокат.
 Курил, похрустывал газетой Иван Петрович у крыльца,
 Луна зазубренной монетой упала в омут озерца,
 Мурлыкал катер рыболовный, скулою тёрся о причал,
 Над ними, словно дождь по кровле, натренированно стучал
 Дуб желудями. Ощетинясь, тащили жёлуди ежи...
 Иван Петрович тоже вынес с пришвартованной баржи
 Запчасть (по виду – генератор). Иван Петрович – генерал
 Среди воров: однажды трактор за час до гайки разобрал.
 Дорог разъезженных ухабы ночной выравнивает снег –
 Могу в кино, могу в прорабы, могу и осени на смех.

ОТЧИЗНА

С налётом болотного ила во мне обитала душа:
 Любить не умела, чадила, как в засуху цвет камыша.
 Но ладил я с нею неплохо – пороки в чаду не видны –
 Сердца разбивая дурёхам, не чуял за это вины.
 Одной из ненужных любовей немая Отчизна была,
 Всё льнула ко мне, по-воловы глядела и слёзы лила.
 Я взял её в дом – пусть, мелькая, отвадит охотниц других,
 К тому же сгодится такая надраивать мне сапоги,
 Труху выметать из амбара, по грязным сусекам скрести...
 Скребла. И меня – деловара – в дверях попевала крестить.
 Забот безобразною свалкой её удостоила жизнь.
 Отчизны мне было не жалко – да мало ли в мире Отчизн?
 Но как-то неистовым летом душе окаянной назло
 Я выпросил сердце поэта... Багряной улиткой ползло
 С небес одинокое солнце, я ждал, чтоб уйти навсегда,
 Последнего блика в оконце. Но, словно живая вода,
 Отчизны чарующий голос – любовью и кротостью свят –
 Я слышал, как во поле колос и звёзды над кровлей звенят...

Поэзия

Антонина Сытникова

Антонина Сытникова – автор четырёх поэтических книг, пяти коллективных сборников стихов и детской книжки-раскраски. Стихотворения публиковались в журналах: «Берега», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Форум» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Славянин» (Харьков), «Дон новый», в альманахах: «Орёл литературный», «Невский альманах», «Междуречье» (Россия – Украина – Беларусь), «Чаша круговая» (Екатеринбург). Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2017), региональной литературной премии им. А. А. Фета (Курск), победитель Международного поэтического конкурса «Лики истории» (Россия – Украина – Беларусь, 2014), регионального конкурса «Омские мотивы» (2015), финалист Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016, 2018, 2021) и 4-го Международного поэтического конкурса им. Н. Григорьева (Санкт-Петербург, 2017), лауреат газеты «Российский писатель» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

НА ЗЕЛЁНОЙ ПЛАНЕТЕ

* * *

Застилала матушка пол кугой на Троицу,
Говорила: «Милая, в жизни всё устроится».

Стали слёзы детские светлыми росинками
И в оградке маминой расцвели барвинками.

Старше мамы стала я, жизнь была пятнистою,
В передрыгах всяческих помогали выстоять

Те слова, что слышала в утешенье в детстве я,
Прибавляли стойкости, заставляли действовать.

Спотыкалась, падала, поднималась заново,
В черноте пугающей проступали заревом

Горизонты светлые и надежды новые.
Даже если прятались в них венцы терновые,

Шла вперёд и верила – в жизни всё устроится,
Постараться надобно сохранять достоинство.

* * *

Яблоки под сеном в дедушкином доме –
Сладкая отрада детства моего.
Вспомню, и отступят горькие изломы
Жизни повседневной полувековой.

Ограждая душу от неясных бедствий,
Сгинет безвозвратно сонмище тревог.
Успокоюсь снова, и, совсем как в детстве,
Очарует сердце сказок волшебство.

Их порою зимней на уютной печке
Сочинял для внуков дедушка Прокоп.
И в минуты эти жизнь казалась вечной,
С множеством открытых и дорог и троп.

И пускай за дверью было ясно слышно –
Заметает вьюга тропы во дворе...
Чудо сохранялось наверху под крышей,
Яблоками пахло сено в январе.

* * *

Как стали мне сейчас близки
Глубокой осени приметы –
Дожди безжалостно-хлестки,
А дни хранят всё меньше света.

Всё ниже гнутся под дождём
Полунагих деревьев ветки,
И ветер яростно крадёт
Остаток малый листьев редких.

Не так ли наша жизнь течёт:
Чем глубже осень, тем быстрее
Считает дни наперечёт.
И каждый день грозит потерей.

Уходят близкие от нас
В небытие всё чаще, чаще...
И тает радости запас
В сосудах душ слезоточащих.

Остатков прошлого тепла
День ото дня в природе меньше,
Но согревают два крыла
В реальности похолодевшей.

И милосердие Его
Даёт надежду на спасенье.
Грядущей жизни торжество
Таится в стылости осенней.

* * *

На зелёной планете
Под названьем Земля
Неразумные дети
Вновь из пушек палят.
И кричат: «Я сильнее,
Это я победил!»

А от боли немея,
Выбиваясь из сил,
К ним взывает планета:
– Пощадите меня!
Я невзвидела света
От стрельбы и огня.
Стали полны озёра
Кровью вместо воды,
Открывается взору
След не той борозды,
Что оставит на пашне
Юный пахарь весной,
Здесь воронки кричащей
Снова ширится вой.

И зияют глазницы
В опустевших домах,
И границы, границы
На земле и в умах.

* * *

Ненько моя, Украина,
Что же случилось с тобой?
Где-то в истории длинной
Твой затерялся покой.
Может, свирепые гунны
Душу терзают твою
Или же ярость Перуна
Камни швыряет в краю,
Где зажигали каштаны
Свечи румяной весной,
Где принимались фонтаны
Летний разбрызгивать зной,
А на развалах арбузов
Осенью было не счесть,
Дынь-поросят жёлтопузых –
Есть их и не переесть.
Где вечера близ Диканьки
К свадьбе вели невзначай,
А после радостной баньки
Пили, ой, только ли чай.
Где танцевали на святках
Барыню и гопака
С выходом или вприсядку
Так, что трещала доска
Пола в бревенчатой хате,
Песня на волю рвалась,
И анекдот в «неформате»
Мог зацепить даже власть.
Бодро галушки в сметану
Прыгали наперебой...
Спрашивать не перестану:
Что же случилось с тобой?
Радость во взоре погасла,
Слёзы – горючей рекой,
Смерти крадётся опасность,
Сердце сжимая тоской.
Рвутся снаряды и мины,
Ранами – гибель людей.
Лозунгом «За Украину»
Срам прикрывает злодей.
Впрочем, и сраму не имут,
Душу отдавши за грош.
Ненько моя, Украина,
Куда же, куда ты идёшь!?
Снова обложено данью
Всё, что давно нажито.
Тянут тебя на аркане
Даже неважно во что.
Главное, чтоб от России
С корнем живым оторвать.
Лезут из щелей «мессии» –
Неисчислима их рать...

* * *

Бабушка Наталка,
Аромат полей,
Разминает скалка
Тесто на столе.
Пирожки, ватрушки
Да навар борщей,
Молоко из кружки:
«Пый, дытынко, ще».
Где ты, Украина,
За какой бедой?...
В лёгкой дымке стынет
Горизонт седой.

У ПАМЯТНИКА

ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Село Дерновое, Сумская область, Украина

Здесь когда-то, над этой кручей,
Диким тёрном заросшей плотно,
Встал мой предок стопой могучей
Основательно и добротю.

И Давыдов, Бобров и Басов¹
(Три фамилии – три опоры),
Как герои былинных сказов
Выходили с врагами «спорить».

Защищали родную землю,
А потом возвращались в поле
И, наказу природы внемля,
Там работали до мозолей.

Я стою на высоком месте,
Вглубь столетий стремясь проникнуть.
Вижу волны лихих нашествий,
Вижу: люди за правду гибнут...

Озираюсь. Солдат склонился,
Возлагает венок погибшим.
Вьются вороны скорбных мыслей –
Вдруг он станет однажды лишним.

Больше ста человек на плитах
У подножия обелиска
Перечислены мелким шрифтом.
Треть – Давыдовы в этих списках.

Я – Давыдова. Предки славой
Не единожды род венчали
И гордились своей державой.
Что ж терзают меня печали?!

Над Украйной зловещим дымом
Флаги чёрные яро вьются.
Как такое стерпеть родимым,
Как в гробу не перевернуться?

А стервятники смотрят хищно.
Их добыча – сама Победа.
И всё чаще и громче слышно
Словоблудье на грани бреда.

Но пока сохраняют люди
Свою память хотя бы где-то,
Будет вера и правда будет
Пробиваться лучами света.

И Давыдов, Бобров и Басов,
У небесного встав редута,
Неизбывным боезапасом
Защищать свою землю будут.

* * *

Всего темнее ночь перед рассветом,
Уходит одинокая звезда,
И, замерев с последним вздохом ветра,
Ещё черней становится вода.
Теряют очертания предметы,
И кажется, что это навсегда,
И время, как резиновая лента,
Всё тянется и тянется тогда.
Но вдруг расколется небо всполох алый
Вновь наступившей утренней зари
И, разорвав ночное покрывало,
Ярчайшим светом землю озарит.

¹ В годы Великой Отечественной войны погибло 116 моих односельчан. В их числе: 32 – Давыдовы, 23 – Басовы, 14 – Бобровы. Все они в той или иной степени мои родственники, в частности, среди погибших два родных дяди – Давыдов Тихон Прокофьевич и Давыдов Михаил Прокофьевич – и муж моей тётки – Басов Ефим Иванович.

Поэзия

Олег Мошников

Олег Эдуардович Мошников – родился в 1964 году в Петрозаводске. По национальности – вепс. Кадровый военный. Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. После сокращения Вооруженных сил – двадцать пять лет проработал на различных должностях Государственной противопожарной службы Республики Карелия и других структурных подразделений регионального МЧС. В данный период работает заведующим филиалом Национального музея Республики Карелия – «Музей первого российского курорта Марциальные воды». Автор пяти сборников стихов, книги переводов вепсских поэтов и трёх книг прозы. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

* * *

Увитый иван-чаем лес,
В цвету – кудрявые опушки...

Вот был бы я – досюльный вепс
И фурындал чаёк из кружки,
Поэтов русских не знавал
И не кумекал ни бельмеса:
Ну, Пушкин... Чем он торговал?
Пахал, рыбалил – лучше вепса?

И вот, допустим, иван-чай,
Продукт давнишний, знаменитый:
Ешь вместо спаржи, запекай,
Вкусней китайского – напиток!
На ткань – сгодится волокно,
А пухом – набивай подушки! –
Так испокон заведено...

А Пушкин?
Не замедлит Пушкин –
Над чашкой северных ночей –
Клубящихся, июньских, нежных –
Гордиться родиной своей...
Душистым чаем Обонежья.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Что хотел? И сам не знаю.
Третью чашку пью...
Захожу с другого краю:
«Слава Октябрю»
Все кричали! Рефлексии
Не было промеж

Пролетариев России...
А насчёт надежд?
Сколько мечт – к себе без жали –
Отдано огню:
Вы на нём стране ковали
Крепкую броню?
Не остыл ещё надежды
Пепельный урок?..
Впрок хозяйюшка нарежет
Яблочный пирог.
И пока ответ не найден –
Где тут счастья край? –
Щедро гостю баба Надя
Подливает чай...
А засим мою охоту
Утолит легко:
– Каждый знал свою работу,
Больше ничего...

ПИСЬМО

Из Донецка пришло Дед Морозу письмо...
Доходило оно столько раз
До Великого Устюга – как-то само,
И волшебник являлся тотчас:

У порога мешком переполненным тряс,
Длинным посохом в дверь колотил...
«Серо, холодно, дедушка, в доме у нас,
В школу нашу снаряд угодил».

Под ударами «Градов» и пушечный грай –
Грёзы детства слезами полны:
«Дед Мороз, Санта Клаус, Святой Николай,
Подари новый год... без войны».

ЖДЁМ

Выпал из тумбочки старый конверт –
Мною исписан листок с двух сторон:
«Как тебе служится?» Долгий привет –
С перечисленьем знакомых имён...

На развороте – строку понесло!
Всё же – одним ограничился днём:
Точку поставил, закончив письмо,
Коротко, крупными буквами «ЖДЁМ!»

В слове коротком – надежды родни...
Сердце знакомо сжимается, брат, –
Годы разнятся, а мысли – одни:
Чтобы домой возвратился солдат...

ВИСКУЛИ¹

Весна. Приграничная Псковская область
Дымится пожогами вдоль полотна.
Набрали вагоны приличную скорость,
Но пуще сгушалась дымов пелена...

Заросшие пожинки. Пал. Развалюхи.
Размыты грунтовых разбитых дорог.
Россия... Границу на Западном Буге
Другой боевой пограничник стерёг.

Дорога на Брест, в Беловежскую пушу –
Пряма и чиста, хоть яичко катай!
Но дальше шлагбаума в Польшу не пустят:
Как будто в лазейку проскочит Китай.

Отечество – дым... На кордоне косули
Безвольно толкнулись в колючий барьер.
Скулили колёса: Вискули, Вискули,
Где замерло сердце СССР...

ЧЕРНОГОРСКИЕ ВЕЧЕРА

В тени террасы Монтенегро –
Смычки цикадные тихи...
Под непроглядно-чёрным небом
Уснуло море... А стихи –

Средь виноградных гроздьев Будвы
И удивлённых светлячков –
За три страны лежали будто
У Заонежских берегов:

И осень настроений грустных,
И снег морозною зимой –
Хмельной, щемящей, близкой, русской
Прохладой напоили зной!

И с южным вечером поспорил
Триумф Поэзии самой! –
Под сенью лоз, на тёплом море –
Всем захотелось вдруг домой...

УСНУВШАЯ ДЕРЕВНЯ

Поставьте памятник деревне
.....
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.

Николай Мельников

Поставлен памятник деревне –
Квадратный столб из кирпича...
В соседнем Хлебниково, верно,
По ней, родной, горит свеча.

Поставлен памятник деревне.
Травой грунтовка заросла.
На три оконца – дом последний
Уж завалился от угла.

Оптимизаций беспардонных
Прошла по застругам метла:
Досматривает Центр районный
Все сны «уснувшего» села...

Но полно, полно бить поклоны! –
Пока рожает хлеб земля,
Волнуют озимью зелёной
Маритурекские поля –

Живут привычным делом люди:
Водить комбайн, доить коров.
К столу и сыр, и каша будет...
Периной снежною Покров

Укроет зелена до марта,
Разлив весны неудержим!
Поставлен памятник и – ладно.
Не затеряется во ржи.

¹ В местечке Вискули Брестской области в 1991 году были подписаны Беловежские соглашения о прекращении существования СССР.

АЛИНИНЫ ДУМЫ

Не от судьбы побег –
 Старость, жара, хвороба –
 От городских опек,
 Дачу проведать чтобы,
 Выйти на огород –
 Щедро заросший снытью...
 Вот уж который год
 Не обладаю прытью
 В солнечный трудодень –
 Свёклу полоть, картошку.
 Плечи укрыла тень
 Яблони под окошком:
 Много годков побег –
 К свету тянулся трудно.
 С ним коротаю век,
 Всей сердцевиной будто...
 Марь и пырей сорву –
 Уж наведу порядки!
 Дёрнула за траву –
 И... повалилась в грядки.
 Думала завершать
 Дачный сезон иначе.
 По ветру яко тать
 Сеется одуванчик...
 В милости сущей пусть
 Да не оставит Боже:
 Ежели дотянусь –
 Яблоня встать поможет.

ГРОДНЕНСКИЙ КЛАД

...весной 2018 года на чердаке в старом
 квартале Гродно был найден клад...

Из газетной статьи

Сослуживцы! Безудержно рад
 Я случившейся гродненской встрече!
 Самый ценный по области клад
 Обмывали ребята в тот вечер.

Рук не пачкал, глаза не разжёл
 Пересчёт перстеньков и монеток.
 Улыбнулся армейский дружок:
 – У меня фотокарточки – где-то...

Клуб. Казарма. Училищный плац.
 Драгоценным подобна каратам –
 Человечность, сплотившая нас,
 Что дороже всех кладов, ребята!

Ну, проценты огрѐб, ну, нашёл –
 Полно лазать в чердачную темень...
 Поделиться сейчас хорошо
 Задушевым богатством меж теми,

Кто не резал на вотчины мир –
 Для Карелии, Гродно, Бишкека –
 Кто курсантские фото хранил
 Как зеницу, берѐг *человека*.

СЕСТРѐНКИ

Порыв души и долг солдатский:
 Не разделить судьбы одной,
 Любви сестринской и братской –
 С сожжѐнным полем за спиной,

С голубкой сбитою – на взлѐте...
 За Волгу «тиграм» не пройти:
 За братьев, выбитых в пехоте,
 Сестрѐнки встанут на пути! –

Наладив связь, подвоз снарядов,
 Зенитки выверив прицел,
 Латая в стенах медсанбата
 Всех, кто из роты уцелел...

Бинтам кровавым – нет износа:
 Перестирыв, беречь должна;
 Не сбережѐшься от вопроса:
 – Сестрица, как там старшина?

Даря надежду, дух неистов –
 Горит возмездием душа:
 – Ребята, мы побѐм фашистов!
 Порыв сестѐр не удержать –

Горели в танке, шли «тараном»...
 Природу чувства не избыть:
 По-бабьи так – на поле бранном –
 И ненавидеть и любить,

Сражаясь наравне с мужьями,
 Погибших братьев заменив, –
 Любовь для мужества нужна им...
 Услышав Родины призыв,

Громят врага Богини славы,
 Сестрѐнки – как ни назови:
 Карающая сила слабых –
 Самоотверженность любви!

* * *

*Бойцам
313 стрелковой уральской дивизии,
павшим при обороне Петрозаводска*

Укрыли прелые растенья
На взгорке вырытую щель –
Хранит корней переплетенье
Жестянку, скрытую досель,

Хранит письмо – о главном самом,
О недосказанном в судьбе:
«Сегодня перед боем, мама,
Как есть, все мысли о тебе!»

Вразброс – царапины на кружке,
Переплетённые в слова:
«Люблю, целую... Твой Павлушка...»
Где пробивается трава

И погружается в воронки
Завал изломанных осин –
Скользнув в окоп, лежит на взгорке,
Россия, твой убитый сын...

* * *

Бессонница. Ночь-полночь.
Отары растут в разы:
уныло, терпеть не в мочь,
считают овец часы.

Семь раз обманул я смерть:
ломался, горел, тонул.
Грозился родитель впредь –
не шарить багром по дну.

Немало прорех в судьбе...
Тревожно – кому сказать:
теряясь в людской толпе,
я мамы ищу глаза.

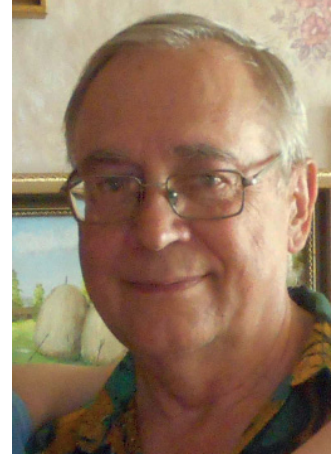
Укрыла Небес ладонь
слезинки земной приют...
Баранов гоня в загон,
Зарю поезда поют.

Поэзия

Валерий Мухин

Валерий Мухин – поэт, прозаик, художник. Автор 15 поэтических сборников, многих публикаций в центральных литературно-художественных журналах, таких как «Наши современники», «Север», «Встречи», «Московский Парнас», «День поэзии», «Берега», «Наша молодёжь», «День литературы», «Невский альманах», «Великороссь». За книгу «Солнце над Псковом» выдано почётное свидетельство с занесением в 2003 году в книгу «Золотая летопись славных дел» с вручением медали «Святая Ольга». За книгу прозы «Русская песня» фондом памяти им. поэта Игоря Григорьева (Санкт-Петербург) награждён медалью «Поэт и воин Игорь Григорьев». Награждён медалью «За заслуги перед Псковом», Союзом писателей России – медалью Василия Шукшина. Лауреат Губернаторской премии в области литературы за книгу «Русская песня» (2016); дипломант Всероссийского творческого фестиваля-конкурса «Русский лад» (2016), 12-го Международного славянского форума «Русский Витязь» за книгу лирики «Русский дух»; лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Член объединения художников Городского культурного центра. Автор 25 персональных выставок по Пскову и области. Член Союза писателей России.

Я ВЕРЮ В ЧИСТЫЙ ЗВУК

ДУШЕ НЕ ПРИВЫКАТЬ

Душе не привыкать к обыденным трудам,
И каждый чёрный день – как подвиг рукопашный.
И всё ж за день сегодняшний я не отдам
Ни завтрашний триумф и ни успех вчерашний.

Заготовлял дрова, рубил, копал, косил,
Испытывал на зуб дела, слова и ноты...
Опустошив себя и выбившись из сил,
Я счастья не искал – но счастлив от работы.

Ещё торопит кровь на память узнавать
Лесную глухомань и на болоте кочки.
И знает лишь душа, куда меня девать,
Когда и где родить проснувшиеся строчки.

И помнит лишь душа: вдали от городов,
Где царствуют в полях пространство и свобода,
Ей каждый чёрный день обыденных трудов –
Подарок дорогой, что подаёт природа.

ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ

Наверно, болен я болезнью неизвестной,
Когда смотрю в дожди, на плачущую даль,
И мучаю себя вопросом неуместным:
Зачем ты мне дана, о русская печаль?

Я сам перебирал все древние стихии
И выбрал для себя и землю, и народ.
Из самой глубины поруганной России
Я верю в чистый звук и в солнечный восход.
У неба не просил иной судьбы и боли,
А с песнею теплей отрада и мечта.
Дурманным мёдом трав, горящим хлебом, солью
Душа моя теперь довольна и сыта.
Жить на своей земле, надеясь на удачу,
А благородный труд – всегда мне по плечу...
Я думать не хочу, что можно жить иначе,
Хотя иначе жить я просто не хочу.

ПОКОЙ

Как вольная свобода от тюрьмы,
Как чистое дыханье от удушья,
Как солнце отличается от тьмы,
Так творческий Покой – от равнодушья.
Покой, всепобеждающий Покой.
Спаситель мой, мой друг и обновитель,
Своею созидающей рукой
Крести мою священную обитель.
Господствуя в берёзовой Руси,
За все мытарства и долготерпенье
В душе моей просящей воскреси
Гармонию любви и возрождения.

Дай силу созиданья – до конца –
Дай надышаться творческой тропею...
Нет на земле прекраснее творца
И творческой энергии Покоя.

БЕСЦЕННЫЕ СЛОВА

Нечаянно стихи из разума не льются.
И мысли ясные невежам не даются.

А. П. Сумароков

Сотворю молитву во спасенье,
И отрину страхи и сомненья,
И пойду искать во мрак осенний
Новые свои стихотворенья.
Там слова сухой листвою кружат
Красотой последнего полёта.
Те слова, что с рифмою не дружат, –
Не ложатся строчками блокнота.
Есть слова, которые не слышат;
Есть слова корявее коряги...
Те слова, что музыкой не дышат, –
Тихо отлетают от бумаги.
Скромные, правдивые не просят
Уберечь от тленья и забвенья.
Те слова, что правды не доносят, –
Умереть должны до воскрешенья.
Воскрешаю чистые, простые –
Те, что люди часто забывают.
Иногда бывают – золотые,
Иногда – бесценные бывают.

НА БЕЛОЙ БУМАГЕ

Честное слово – сошёл бы с ума,
Если б не эта крутая работа,
Неотвратимая эта забота –
Строить на белой бумаге дома.
Где-то, пропав в заповедной глуши
И помолясь, чтоб хватило терпенья,
Строю добротное стихотворенье –
Домик для чьей-нибудь доброй души;
Словно отдушину в горном пути,
Где камнепады грозят поминутно...
Я позабочусь, чтоб было уютно
Каждому, кто пожелает войти:
Чтобы стояла в кадлушке вода
И на столе чтобы не было пусто –
Для возрождения доброго чувства –
Хлеб да солонка – простая еда.
Мудрая жизнь научила сама:
Не из металла, стекла и бетона,
А извлекать из словесного лома –
Строить на белой бумаге дома.

Если б не эта крутая работа,
Честное слово – сошёл бы с ума.

Я НЕ СЛЫШАЛ ЗЕМЛИ

Я не слышал земли под собой,
Даже ног под собою не чуя, –
С ликованьем бежал за судьбой,
По родимым ухабам кочуя.
– Да за что ж я всё это люблю,
Упиваюсь бедою своею:
Даже если себя и сгублю –
Не раскаюсь и не пожалею!
Не вернуть сумасшедшие дни;
Мир не станет так больше – чудесен.
Колдовские померкли огни,
Колдовских я наслушался песен.
А теперь я за это плачу
И, ругая кривые дороги,
Оглушённое сердце лечу
И разбитые радостью ноги...

КОСОВОРОТКА

Всё говорят: «Кругами ходит мода».
Мне ж думается: «Чешет пряником!»
Не оттого ль милее год от года
Душе косоворотка с пояском?
Да что душа! Пред зеркалом кружимся
Мы нынче, надевая напоказ
Всё импортное: тенниски, и джинсы,
И шапочки, и куртки «Адидас»...
Вчера я – чтобы петь в народном хоре –
Рубаху нашу русскую надел,
Испытанную в радости и в горе,
И лет на десять враз помолодел!
Её любили город и селенье
И согревали теплотой сердец;
Носили Пушкин, Лев Толстой, Есенин
И – так недавно – мой родной отец...
Мы многое забыли очень рано:
И где душа народная и стать.
Неужто умалило бы Ивана,
Приди в одежке той прокосы гнать?
Аль на вечерке охмурять молодку?
А вы видали, хоть одним глазком,
Просторную, как Русь, косоворотку,
Расшитую, с шелковым пояском?

Поэзия

Светлана Леонтьева

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий: «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 33 книг прозы и поэзии.

МИРОВАЯ СЕСТРИНСКАЯ БАЛЛАДА

1.

Матерь Божья, человечья мать, управь!
Это же так просто: оступившихся вернуть
на место.
Всех, кто по земле, посуху, пусть вернутся вплавь.
Всем – икону.
Всем – оберег.
Всем – крестик.
Мне все нужны. Все необходимы.
Все с красной строки.
Любой. Даже сегодняшней. Даже вчерашняя.
Ты особенно вот эту дудочку сбереги.
На коленях прошу пред всеобщей чашею.
Матерь Божья, ты знаешь, как терять сыновей,
как сквозь толпу женщин, калек и разбойников
пробираться к нему, как касаться гвоздей,
что в ладонях у Сына. Как всхлипывать:
– Родненький...
Как же не доглядела? Сбереечь не смогла
от войны, от безумства, от пьянства, наркотиков?
Слишком слаб даже сильный.
Развернись, вся мгла!
Свет, развернись! И холод, мороз – до тепла!
Это жизнь. Это смерть. Не экзотика.

Невозможно не помнить мне то, что люблю.
Невозможно обуглить, отъять по нулю.
Это больно. Так больно – как родина!
Отчего не кричала ты: я не отдам?
Отчего, припадая к рукам и стопам,
не понять мне... А люди толпятся, сквозь гам,
и сквозь шум, и сквозь гул пробираются к нам.
Матерь Божья, управь. Я прошу!
...лишь мелодия
надо мной. Предо мной. Посмотри мне в глаза.
Докричись до меня. Не молчи, не молчи.
Мне так много, так много мне надо сказать,
надо выдыхать крик весь до края почти.

2.

Пусть я – худшая твоя сестра,
пусть мертворождённая, пусть злая
или добрая. Не молода – стара.
Но из всех последних сил я обнимаю!
Не руками, ибо из Венер
я Милосских, каменных, безруких,
безязыких, убранных из сфер
социальных в чёрном списке, круге.
У тебя, виновной, я ищу
сколько лет прощенье – век ли, два ли?
Но за эти земли умирали,
если б можно, чтоб перерождали,
пересотворяли, возвращали.
Ты же – как подросток: розов, щупл.

Плечи, кости, рёбра, что скрывать –
и родные, тёплые ключицы.
Да, я – худшая твоя сестра,
хуже самых худших – зверя, птицы,
хуже камня, дерева, травы!
Проспала я и не доглядела,
как ушла ты,
выпорхнула смело,
плюнула и – настезь дверь! Увы!

Библией клянусь! Звала! С виска
кровь смывала, что была горька.
Библия вся снята с языка,
вырвана!
Ты мне:
– Пока, пока!
Хочешь, я признаю, вот те – свет.
Ты – кричащий.
Я – вся крик – поэт?
Хочешь, смерть бери. А хочешь, жизнь!
Лишь вернись!

3.

Стелила тебе бы цветами увитыми,
простором, лесами, где прёт в дождик груздь.
Да хоть ко врагам, хоть иди к кришнаитам,
сестра, от тебя – бей – но не отрекусь.

Хоть деньги проси и кидай, как обманщик,
хоть сердце проси, на! Даю. Пусть стучит.
Здесь в Питере рядом играет шарманщик,
здесь в нижегородчине бьются ручки.

О сёстры мои! Та, что зло мне сказала:
– Ты – немощь, дурындиха, шмара, волчара.
Другая сестра отвернулась сначала,
да мне и не надо ватрушек, нектара.
Свои я отдам куличи, калачи.
София, молчи!

Всё знаю, про сшибки, про гром, грозы, тени,
про впадины я марсианские знаю,
но всё же, но всё же молю на коленях,
ну что ж проблукала ты в трёх соснах с краю?

По этим мощёным, как день, революциям?
Да, кстати, не надо, «мы наш новый строим»,
а там, где двустволки, винчестеры, шуцеры,
всегда много боли, ранений и крови.

Нет, я – не в штыки. До штыков ли, сестрица?
Понять я хочу города все, столицы,
твои все дороги, пути, километры,
моя глубина – это небо и ветры,
но даже оттуда, да, лучше оттуда
кричать я, вопить тебе буду:

«Прости, мя
за то, что тебе не смогла стать святыней,
и полем пшеницы, и речкой, и чудом!

4.

Все сёстры вы мне! Ярославна – чьи слёзы
со щёк утираю своих я ладонью.
Все сёстры мне – ивы, калины, берёзы,
все сёстры, рожать те, кто будут в роддоме,
под небом, под звёздами – Танечки, Тони.
Цветаеву будем читать на балконе,
Ахматовой грезить строкой обожжённой.

Сестра!
Для объятья я – не для распятыя,
хоть вскинула руки, где крест и Голгофа!
Я всё отдала, что могла тебе дать я –

жизнь, смерть, смыслы, дом! А тебе разве плохо?
Всё, родины кроме!
Кричишь: на – мой город!
Здесь жарят каштаны на белых аллеях.
На – город горящий.
На – город, что смолот.
Как будто спасёт, кто не спасся, жалея.

5.

А может, твоя я – духовная дочь,
бессилье твоё или сила?
Ты мимо прошла оттого, что всё – ночь.
Прошла. И не покормила.
В слезах я, разбитая, сердце по швам...
Духовная дочь я, сестра ли.
Но я не предаю, никогда не предаю,
как все меня предавали.
И как разжигали на дровнях костёр,
высокий такой, горячий.
И мне ты, мне – брату! – кричала:
– Позор!
И мне ты, мне – матери! – выла:
– Ты – вор!
Ты дура, из злобных, мол, мачех!
– Сестрица! – я плакала! – Ты мне сестра!
Ползла. Умоляла. Молила.
Я снова тянулась. Несла на-гора
свой дух. Свою нежную силу.
И всё же в костёр мне! И всё же пора!
Сгорают все платья и бусы,
накидки все, юбки и все свитера,
и все отречения – трижды! – Петра,
и памятки от Златоуста.
Во мне не осталось уже ничего.
Во мне Трои нет. Карфагена.
Безумство!
Безумство!
Нет стран, хрящевой
нет ткани. Нет птиц. Стариков. Огнево
во мне чудово, техногенно.
Во мне Фокусимно.
Все мимо. Всё мимо...
Я – дух земли! К сыну
тянусь и бросаю под ноги я тело.
Сгоревшее. Пеплами с глиною белой.
Я – пепел. Духовный твой! Жаркий я уголь.
Я больше, чем друг, чем товарищ, подруга, –
я дымная змейка. Пух млечный я солнца.
То, что не убито. Но рядом толчётся.
Не гнётся.
Не рвётся.
Смеётся. Лучится.
Растёртое. Словно журавлик-синица.

6.

Роднее нет тебя, сестра! Граница с краю.
А далее обрыв. Наверно, Польша.
Я без тебя живу, как умираю,
где небо, космос, говорят, что там дыра, и
она черным-черна, и угол скошен.

Мне без тебя безлюдно при народе,
мне без тебя нелюбо, хоть любима.
Иной нет родины у нас. Мне горло сводит
от жалости, от горести, от дыма
отечества! Как сохранить мне пепел?
Как обрести обратно пепелище?
Сестра моя! Шепчу твоё я имя,
кричу навзрыд: вот Васнецов, вот Репин,
и в поле, к травам, птицам, корневищам!

Ты отвечаешь на моём – и нет святее,
чем нашего всерусского наречья!
Я знаю, ты меня не пожалеешь.
Рубаху рву – убей!
Стелю постель я,
на стол кладу я пищу человечью.
Каким ты думаешь, скажи, восстаньем?
Войнами
какими, площадями и могилами?
Стоим мы под дождём, я русской мовою,
ты на украинском гуторишь, милая.

Мы под дождём,
под сквозняком да под ветрилами.
Как будто только родились: сырые, стылые,
в слезах кровавых. Пуговина не отсекнута.
Сестра моя! Я без тебя бескрылая.
Сестра моя! И без тебя я смертная.
А смертным лишь руины, судьбы горькие,
а смертным, как известно, нет наследия!
Фундамент был у нас, была история.
Эпохи были! Эры! И столетия!
Теперь – минуты.
Но и их всего три горсточки.
Такая худенькая ты – платочек, косточки.
Кричишь, вопишь: не подходи, не трожь.
Тротил, да бомбы, да в кармане нож.
О, не убий! Не сдай! Не видь! Не слышь!
Мы под дождём, огонь, вода струится с крыш.
Хорош.

Обнимемся, родная, что уж там!
Коль есть предел всему среди сует.
Ты отвечаешь всем назло громам, сердцам.
Предела нет. Предела нет. Предела нет.

7.

...проект закончился «мы враги»,
начался новый проект – «мы друзья»:
тогда расколосось в единый миг,
как будто бы треснул Евро-материк,
по нам острой бритвой скользья.

Осколки, осколки, шипы, ключья – вдрызг,
и гимн сочинила Настасья Дмитрук,
и слышались ропот, и хохот, и визг:
небратья, ни братья, недруг и ни друг!

Настасья, Настасья, настала пора,
по батюшку-Киеву ты мне – сестра,
сестра ты по матушке-граду Москве,
по Нижнему Новгороду – на – он твой!
Красивый такой.
Величавый такой.
Град-Горний – так Бильченко Женя зовёт.
Она мне – сестра! К нам вставай в хоровод!

Ещё есть сестра – помирились вчера!
Она мне сказала: «Иди, вот я! Здесь!»
Она мне желала не зла, а добра,
и сердце рвала –
я глухая была.
Она мне тянула Голгофский свой крест.

О, руки её! Ты видала в упор?
Вот так обнимать могут только сестёр.
Вот так целовать могут лишь васильки,
на мне платье синее – цветом под стать.
Ты знаешь, как может сестра целовать?
Ты знаешь, как может сестра обнимать?
Как будто крестить в две руки!

Вот этот момент: Хиросима в груди.
Сказала сестра: «Я вот – здесь: ты иди!»
Да я бы ступила с обрыва, с настил,
как в пропасть, прости, ох, прости!
Как мы неуклюжи, что стадо слоних,
коленки дрожат, да, мы с ней – из трусих.
На – поле пшеницы моё, чтоб растить,
на – зёрна,
на – птиц,
на – бери васильки!

Конечно, нам, женщинам, всем нелегко
даётся прощение, как сделать шаг?
Вот если с мужчиной поссорились, то
с ним можно в постель, и, мирясь, переспать.
А если страна со страной, то как?
У вас разве много Россий-Украин?

О, цветень,
о, лебедь, пшеничный мой знак,
о, как это просто: обнять, дай обнять.
Объятия – выход один.

И вот вы коснулись ладошки, руки,
а рядом вокруг васильки.
Васильки!

8.

Это было когда-то давно, ещё перед Пасхой,
хватаясь за спины, толкаясь локтями: Пустите,
пустите!
Когда умирал на кресте Иисус, что рождён
в овчьих яслях,
тогда мы нуждались с тобою, сестра, не в его ли
защите?

Да пропустите к нему, Он там был
до последнего вздоха,
и, когда Он дышать перестал, завопила поляна
своим горицветом. У нас с тобой общего много:
и одна на двоих там, что слева, кровавая рана.

Отрекаться нам как? Пропустите нас, добрые
люди!
А поляны истошно исходят цветочным нектаром.
Там не пульс на запястье, а словно ударило
в бубен.
И совпали – твоё и моё – два запястья ударом.

Не пускали. Одежда впивалась в шершавые
гвозди,
что торчали из балок. А поле – цветочные корчи.
Сестра, так бывает: друг другу с тобой передозы,
даже имя моё ни к чему вспоминать ближе
к ночи...

А по козьей тропинке пойдёшь на вершину,
пробейся.
Словно блогер Уфимский – Рустам тот, который
Набиев,
ему покорился Эльбрус по пути к Эдельвейсу.
Он шёл на руках, продвигался, как мы не ходили!

О, как заболели предплечья его – да у нас вдруг
с тобою,
о, как мы носили икону одну к аналою.
В нас бились ветра, в нас толкались – спиной,
головою,
но двери закрыты! На ключ, на замки,
паранойи.

А после снимали Христа со креста. Как снимали!
О, как мы рыдали тогда, невозможно рыдали!
Похожие слёзы у нас. О, слеза, что немая,
слепая слеза, и глухая слеза, и больная.

Ужели нам мало? И снова нам мало. О, пей
молоко ты.
Особенно на ночь. Особенно сладко-холодным.
Воскрес наш Господь. О, как Он воскресал,
капли пота
на бледном челе. Как Он шёл, как Он шёл к нам
по водам!

По рыжим шёл водам, по синим шёл,
по скоморошьим!
Мальчишьё лицо. На щеках золотые веснушки!
И мягкие божьи ладони...
точнее ладошки,
какой Он небесный. И пульс на запястье
кукушки!

Несёт Он хлеба из овса, из пшеницы проросшей,
несёт нам луга, где цветы, где пушинки и перья.
Когда Он воскреснул, Он помнил о всём, но
хорошем,
забыв про плохое. Но не подведи: Он нам верит!

9.

СЛАВЯНСКИЙ ТРИПОЙНТ

На границе – турецкая фура, шофёр отдыхает.
Здесь славянский трипойнт, здесь Чеховские
три сестрицы.
Посмотри, как светлеют, как будто темней нет
окраин.
Здесь меня накрывает, и я начинаю молиться.
Отчего ты, Господь мой, в тот миг побоялся,
не вышел?
Ты умеешь всюю управлять, можешь в трубы
ты Иерихона
воскричать так, что рухнут стальные небесные
крыши,
возопить так, что пыль полетит из огня и бетона.
Ты везде можешь, вся можешь! Песней народной,
ты, что русские братья, как русские сёстры
сплотиться
и запеть вместе с нами о том, как идти нам по
водам,
ибо русские мы – синий взгляд, обрамлённый
в ресницы!
Мы – пшеничное поле, овсяное поле, луга – мы!
Отчего ты не вышел, когда две сестрицы
ругались?

И кричала одна из Чернигова, я не сестра вам,
и она не хотела плести обереги из травниц.
Говорила – ни ватника вам, ни носков, ни ватина.
На ножи, на кинжалы, на петли вас,
на гильотины...
Ты пойми, ты пойми, я сама хочу в Ялту
и в Крым я,
но политика – дело не женское – с леса, вестимо!
Здесь дорога, развилка, здесь птицы белей
оригами.
И с тех пор во болящее сердце Руси пали камни...

У империй своя цель, едина, собраться,
скрепиться
и обнять так, что душат объяття, обвить
виноградом.
У империй глаголы: жар-птица, десница,
светлица,
на свои же окраины плакать, в свои же
тесниться!
– Сама садик садила, сама назвала его садом
и сама же убью его, если не будет в нём лада...

Но стоят три сестрицы, обнявшись, такая
громада!

Возле них на обочине фура стоит с кирпичами,
И шофёр по-турецки глаголет, о чём ни кричал
он,
мне обидно, обидно, ужели дошли до распада?
Словно бы до панели, шеста, до стрип-бара,
дичая!
Говорю снова, Господи, ты же нам три,
но в Одном ты!

Ты же можешь их всех замирить, лишь
попробуй!
Даже Лазарь воскрес, постучался, когда
в смертный дом ты
через воды, крещение, сквозь смерть или роды,
это проще, чем воздух, это легче, чем пух,
чем дремоты!

Мне хотя до утра бы дожить, сквозь века
до утра бы!
Вся дрожу.
Я хочу, чтобы снова с сестрою сестра,
чтобы вместе.
Я хочу, сделай, Господи, чтобы они так
в металле,
в серебре, злате, меди, граните и камне стояли,
ты же сможешь всё, Господи!
Здесь на пути, перекрестье...

10.

Поговори со мной, сестра, молно тебя я!
Пока живая я.
Пока живая!
Пока мне больно: в чреве я таскаю
умерших птиц. Бескрайних птиц. Тех самых.
Пока я обряжаюсь в шизо, в сюрры,
пока ношу овечьи-волчьи шкуры,
пока на «о» могу я объясняться,
пока на «а» могу я по-московски,
пока кьюар мой проверяют на полоски,
на точки, на тире да на абзацы.
Поговори со мной, сестра, поговори же,
сестра сестре, кто может быть так ближе?
Крестьянка-бабушка, отец интеллигентный,
швея от мамы, театралка в тётку.
В одну с тобой попали турбулентность,
где на талоны крупы, мёды, водку.
Так соткан мир.
Не по-другому соткан.
Дно золотое. Дно берёзовой синицы,
где сказка о Салтане, о сестрицах.
О девочка моя, поговори ты
из этих звёзд, из неба, из причастья,
когда глотаю я с водой просвирки –
церковный хлеб: в тебя чтоб достучаться
через иконы, плачем и мольбою,
поговори, поговори со мною.
Что мне не страшно душой быть, паяцем,
горячею на ощупь, жаркой близко.
Я верю, камень может изъясняться,
и у него есть право, чтобы биться.

11.

От мозаики Киевской Софии, от её суровых
секретов,
от лазоревого, лазурного, рыже-солнечного
исхода.
От «Города Солнца», от его идеального света
мощь, мудрость, любовь – всенародна.

Воссиянная! Соединяющая! С трепетом трепет.
И неважно, как шли, сколько шли, где плутали.
Я-то думала: пульс. Оказалось, в запястье – небо,
и неважно, какие фантомные были печали!
И какие всемирные боли... Лазурь да и только!
(Ты у мишки боли, бы у зайца боли, но не надо
у куклёрки моей, у сестрёнки моей, у дитяти...)
Дай подую на рану, на все пятьдесят ран, где
горько.
Да на все пятьдесят их оттенков твоих
скоморошьих,

если к ним прикасаться, они в золочёном сиянье!
Как на столб электрический лезть,
ты проверила кошки?
Ты проверила, лезвия
так же остры, так же пряны?

Ты же сильная, знаю. О, сколько в молчании
крика!
Разрывал этот крик, наш всеобщий, мембраны
вселенной.
И когда умирал крик твой-мой – восходил
Светлоликий,
я таких не слыхала убитых, но не убиенных.

У Распятия свойство – о, сколько ни плачь –
Весть Благая.
Я же помню, Володя толкнул, а я – враз пред
иконой
оказалась в Ея колыбели,
на доньшке, словно слагая
мозаичный рисунок, трясясь в лихорадке,
со стоном.

А ещё – синий плащ, пурпур, тихий малиновый
отсвет
было всё в этом крике со встряски времён,
с изначалья.
В две груди разметался – единый! – в две оси.
И мотает меня до сих пор у оси ежечасно.

А новья-то, новья-то! Откуда его натаскало?
У меня было три сестры – Вера, Любовь
и Надежда.
Я – София твоя.
Ваша – я. Я для всех жарко-ало.
И всея я – сестра. И всему я – сестра,
как и прежде.

Говоришь, где-то пятая есть. Вот бы встретить,
хоть мельком
увидать, ненаглядную, вот бы нам всем
помолиться!
Говоришь: жемчуга.
Это правда! И в сердце – прицельно.
Из твоих рук я пью. Из твоих рук святую водицу.

Хорошо как рождаться!
Младенцы мы. Обе – младенцы.
Абрикосовы пяточки.
Розовые кулачочки.
И кладут нас с тобою обеих да на полотенце
и подносят ко батюшке, в лён завернув,
во сорочки...

12.

Так случилось, сестра моя, так случилось,
сестра,
ты наряжала ёлку – я уколола палец,
я закипала слезами – плачем была ты щедра;
земли рождались тогда, солнце и луны рожда-
лись!

Так случилось, сестра моя, так случилось, сестра,
водами мы текли, родиной мы умирали,
кровью к тебе в венах шла завтра, сегодня, вчера,
дай за тебя отпою всех я могил печали:

всю пред-тоску, всю пред-стать,
всю пред-историю, ту,
что сквозь меня, до меня и до того,
как взвопилось,
что прикипало к нутру, что прикипало ко рту:
как мне из сердца достать мёртвые эти
«стихи.ру»?

Ибо я ей лишь жива...
Ибо она хочет пить:
пить до распухших желёз, пить до отёкших ног
столько,
ты мне всех кровней сестёр,
бы мне всех слаще вражин,
ты мне Батый и Мамай с волком.

Ты – мой ребёнок, сестра. Ты мой младенец,
родись!
Я – твой зародыш, роди! Выносила коль,
брюхата.
Я, как Венерина мысль, – я, как Венерина кисть,
срубленная давно
там, где была Эллада.

Мастер, кто нас изваял, мастер, кто нас сотворял,
даже не ведал – кто мы? Ибо за грани фантазий
он выходил. Он швырял под ноги материал,
плакал, скулил, вопил, прял, вырубал и красил.

Куколка ты моя! Бабочка ты! Стрекоза!
Царство моё – за коня, что на скаку остановим.
О, как мне снег (не слеза!) щёки до крови лизал,
о, как мне дождь (не слеза!) тело стегал
до крови!

Это медовый был мех.
Это пшеничный был стих.
Это был лекарь немой и повитуха, но всё же
было дитяти моё! Маленькое! Из кости,
из человечьей любви, плоти, из крика, из кожи.

Вырос – и стал талисман.
 Вырос – и стал золотой.
 О, исцелите его лекари, бабки, цыгане!
 В Крестный я путь за него каждой ползу запятой,
 рук нет – на пузе ползу,
 правд нет – ползу на обмане.
 Так случилось, сестра моя, так случилось,
 сестра,
 крепко обнимемся мы, нам, не обидевшим
 мухи,
 спины пришлось подставлять злу, что целебней
 добра,
 ибо слепой зрячей нас,
 ибо кто слышали – глухи!
 О, как ловила я их – боли, ушибы, толчки,
 ибо не падала я, враз у иконы сползала,
 как в послесмертии я:
 – Мамочки, ой, мамочки-и!
 Птицы взлетали с лица жадно, изюмисто, ало!

13.

Не сойти бы в ад, сестра моя, не сойти бы в ад!
 В то время, когда живоносное тело Владыче
 кладут во гроб.
 Подпирают большой каменицей сей мрак и хлад.
 Но слова воспаряют: и слово уладило рот!
 Вот держу твою руку, она, как листок, тонка.
 Вот держу твою руку, и худенькая рука
 мне становится крепче опоры, гранита, земли.
 Не сойти бы во ад. Ибо пятница. И все сошли.
 Афанасий Святитель напишет, да так, что в пол,
 на колени пред словом Сошедший во ад сошёл:
 непорочное тело во гробе, душа и дух,
 благовонное тело Господне пропето вслух,
 бесконечное тело Господне не мнит разлук,
 ибо музыка – тело, легчайшее, словно пух.
 Ты пропела ему колыбельную ради Христа,
 где защитник Христос Иисус твоего живота.
 По ступенечкам вниз, по шершавым холодным
 во ад,
 чтоб явиться спасительным словом, сияющим
 над
 бестелесием душ, находившимся там, в аду:
 «Мы видали се тело во гробе, во снеге, во льду...»
 Афанасий Синайский напишет – сгорела душа,
 отделилась от тела, ушла, как навеки ушла,
 что свеча обожжённая и воссияла вдруг там:
 обнажённое тело,
 что в лампе горящий вольфрам.
 Ты же помнишь, сестра, освещенье в домах,
 что свеча:
 эти лампы зовутся у нас лампами Ильича.

Епифаний, что Кипрский сказал-воссиял
 и пропел,
 что так души людские отходят вольфрамно от тел.
 Воспоём самой светлой седмице тропарь:
 «С нами Бог, с нами счастье,
 отечества Божий алтарь!»
 Как Иона был в чреве кита Он три ночи, три дня,
 так и Сын Человечий был в звёздной пробирке
 огня.
 И Спаситель сказал: Совершилось!
 И тьма в тьму сошла.
 И нагрянули пушки. Огонь. И война. И зола.

Я держу твою руку. Тугую ладошку твою,
 то ли листик кленовый, то ль цветик дубовый
 с пятью,
 словно смайлик ли, зверик – пять пальцев.
 И не отпущу.
 Плащаница синеет, а после окрасится в мшу.
 Сколько шариков детских, воздушных,
 предмайских на ней:
 плат льняной,
 плат шелковый,
 плат синих теней,
 по три нити поверху, понизу – такое тканье.
 – Осторожно по лестнице! Вниз по ступенькам,
 бабу!
 Будем штопать и шить, вышивать и вязать всем
 платки,
 ибо смерть-бессмертье – сцепили свои кулаки.
 «Пробирались друг к другу...» – ты пишешь,
 колючки туги,
 Пробирались друг к другу, ни света не видя,
 ни зги.
 Да по этим ступеням! Ещё бы немного и – ад,
 где убийцы, блудницы, воришки,
 где вещей распят,
 кровожадные звери клыками рвут брентную
 плоть
 и куски отрывают мясные ломоть да щепоть.
 Нет духовных смерти!
 И мрак разгоняется в свет.
 ...Поднимаемся выше над сводом неверящих лет!

14

Такие тяжкие времена, и надо за них хлопотать,
 выкладываясь всем до дна, ниже дна
 и не пожалеть живота.

За братьев мы плохо молились с тобой, а хуже
 всего за сестёр,
 туман, пелена, сизый сумрак рябой,
 весь город – ледовый костёр!

Но больше за всех ты «небратьев» молись
и жарче за злейших врагов:
убитый, воскресший, без слёз и без виз,
без рук обнимая, шагая без ног!

Свинцовые крылья легки – в каждом смерти,
пудовые гири и камни в груди.
Мы плохо молились за тех, кто нам
«геть, отсюда, – орал, – изыди!».

Так плохо молились, что горло в крови.
Так мало любили, с ума что сошли.
А надо, а надо молить, и молить по двадцать
четыре часа в день – бои!

Стоять по колено в болоте, в грязи,
и в жиже, и в каше среди русских зим!
Молись, если выстрелом метишься в цель,
ори над убитым и снова молись!
Запомни, что не человек ты – прицел.
На нас небо падает камушком вниз!

Уже ничего не вернуть. Только в грудь
такие ветра не унять, не задуть.

Плохая сестра, но она мне – сестра.
И брат никудышный, но всё-таки брат.
И это, поверь, не игра! Не игра, где можно
поставить не шах, если мат.

Убитый убитому что мог сказать?
За что, отчего? Брось, прошу, автомат!
Быть братом не просто. Не просто сестрой.
Война это, брат!

15.

Это не слёзы, сестра, это дождь, снег, метель,
дождь прирос к моей коже воистину
нижегородский,
снег проник в мои кости, как пряжи старинной
кудель,
из реальности это, не сказки про лёд и морозко.
Мне страданья остались, а слёзы я стёрла со щёк,
и сама я, как голос того разбомблённого храма,
и как будто я сжалась в старинный сухой
образок,
ты же знаешь, как нынче стреляет в нас «хам-
мер»!
Говорю без патетики, скепсиса
и без сусальности я,
без пятнадцати капель для сердца
сухой валерьянки,
без надежды с надеждой, тез тупости и острия,

не об этом с тобой говорили, не с этой изнанки!
Выворачиваться надо было не так, чтоб уста
лишь одни оставались,
а горлом заглатывать звуки.

До себя ли сейчас? И до мелкого ли?
Перестань.

Вся Россия в горниле, в плавильне, в молебне,
в разлуке.

Ибо пальцы на темени, шее истории,
а мы все в ней.

В переплавке. И тигель, как сердце,
горит в общей массе,
мне кровавающим зреньем на землю смотреть
всё больней,

в её угольном солнце меня и трясёт и донбассит!
Неужель под разрывами мин мне тебя
не любить?

Словно мама-София да Люба, Надежда и Вера?
Ты поверь, мне сейчас ни к чему твои руки,
ключицы и лбы,
мне связать бы носки для солдат из подшёрстка,
мохера.

И не ранены слёзы: они изменились, как все,
словно вкус винограда на жёлтый лимон
самогонки,
словно дамские туфли на берцы и велосипед,
словно женские юбки на брюки, на бронник,
футболки.

Стало жёстко и грубо, не гардемарины, месье,
а тюки, что с водой, и мешки с тесной
гуманитаркой
и ещё детских писем сбор, а не писаний себе.
И когда я иду, то становится в куртке мне жарко.
Ничего не имеет значения, кроме других
и иных,

наклонённого Блока, что в Питере, и генерала,
что в Мариинском парке снесён, а ещё
Нестор-мних,
остальное я слышать всем нынешним слухом
не стала!

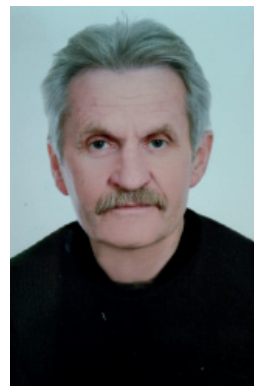
Я хочу, чтоб вернулось опять на свои всё места!
Города – в города, не в пустыни, где вырвано
горе,
точно так же, как в детстве, когда досчитаешь
до ста
и волнуется море.

Но вокруг ходит смерть, в каждой улице, доме,
семье,
ходит так, как Христос, Магомет, Ленин,
Зевс или Будда.

И до тех пор, пока не прогоним с земли мы своей
эту новую нечисть, я, зубы сцепив,
драться буду!

Михаил Герасименко

Михаил Герасименко – родился на Дальнем Востоке, в Амурской области. Окончил музыкально-педагогическое училище в Благовещенске. Работал в школе учителем пения и музыки, директором Дома культуры на прииске «Харга» Амурской области, во Дворце пионеров в Калининграде, музыкальным руководителем вокально-инструментального ансамбля, ходил в море. Печатался в калининградской периодике: в детском журнале «Мурр», альманахах ветеранов «Мудрость» (2016), «Тревожная даль» (2019), «И будет вечной доброта» (2019), «Пока я дышать умею» (2021), «Балтийский альманах».

ДОРОГА

Наша жизнь по сути – дорога,
Каждый день мы куда-то идём,
Важно, чтоб, уходя от порога,
Мы всегда возвращались в свой дом.

И куда б нас судьба ни бросала,
В жуткий холод, мороз или зной,
Нас дорога всегда выручала
И опять возвращала домой!

Нам дорога всегда помогала,
Если правильный выбран был путь,
Но ошибок она не прощала,
Если вздумал с дороги свернуть.

Мы на жизненной нашей дороге
Повстречали любимых, друзей,
Были ясные дни и тревоги,
Больше всё-таки солнечных дней!

В жизни каждый свой путь выбирает,
Но счастливым бывает лишь тот,
Кто в дороге друзей не бросает
И всегда к своей цели идёт!

ПО МОТИВАМ СКАЗКИ «ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ»

«Сходил бы ты на речку за водой, –
Емелю попросила мать-старушка, –
Ты видишь, самовар стоит пустой,
Хотела постирать – пуста кадушка».

Емеля с печки нехотя поднялся,
Одел тулуп, и к проруби пошёл,
И всю дорогу громко возмущался,
Ему на печке было хорошо...

Достать зимой воды – такая мука,
Емеля воду зачерпнул ведром
И видит он: в ведре плескалась щука
И говорила человеческим языком...

«Ты отпусти меня, Емелюшка, обратно,
А я исполню все желания твои,
Меня спасёшь – тебе будет приятно,
Забудешь все мучения свои.

Лишь скажешь мне, по щучьему велению
Незримые волшебники придут,
Всё сделают по твоему хотению
И никогда тебя не подведут...»

И вдруг на вёдрах появились ножки,
Такого он никак не ожидал,
А вёдра побежали по дорожке,
Емеля еле-еле их догнал...

С тех пор Емеля очень обленился,
Лежит на печке, только ест и пьёт,
Живёт один и даже не женился,
Ну кто же за ленивого пойдёт...

Слух про Емелю до царя добрался,
И он решил послать за ним гонца,
В карету сесть Емеля побоялся,
Прям на печи доехал до дворца...

Ещё неделю чудеса сбывались,
Потом всё кончилось, Емеля долго ждал,
А жители деревни догадались:
«Наверно, щуку кто другой поймал...»

Не будем сказку подвергать сомнению,
Но надо быть готовыми к тому,
Чтоб всё сбывалось как по щучьему велению,
Всё в жизни надо делать Самому!!!

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

В красивом месте, на краю села,
С двухлетней дочкой женщина жила
И, как все бабы из того села,
От мужа с фронта восточку ждала...

Земля от взрыва ночью задрожала,
Фашист село родное разбомбил,
Схватив ребёнка, женщина бежала,
Взывая к Богу, чтобы защитил...

Безгрешным часто помогают боги,
Наверно, есть неписанный закон,
И хоть до крови посбивала ноги,
Успела прыгнуть в прицепной вагон...

В теплушке вдруг сознание потеряла,
Наверное, все силы отдала,
Когда ребёнка от беды спасала,
То о себе и думать не могла...

А поезд продолжал свою дорогу,
Тащил вагоны старый паровоз,
Женщины в душе молились Богу,
С глазами, воспалёнными от слёз...

Вдруг кто-то крикнул: «Женщина рождает,
У самого у входа, на полу».
И детский голос: «Мама умирает,
И я, наверно, вместе с ней умру...»

Всех разбудил под утро крик младенца,
А женщины вдруг крикнули: «Ура-а-а!»
Ребёнка завернули в полотенце,
Так в сорок первом родилась сестра.

В слезах от счастья женщина лежала,
Ребёнка согревая на груди,
А старшую из рук не выпускала,
Ещё не зная, что ждёт впереди...

Когда пишу, то сердце жмёт от боли,
Когда представляю – слёз мне не унять,
С какой несокрушимой силой воли
Та женщина – моя родная мать!!!

ОДА СОБАКЕ

Никогда не забыть мне последней атаки,
Когда группа разведчиков в поле легла,
И пронзительный вой незнакомой собаки...
Словно что-то просила иль на помощь звала...

Мы ползли по сугробам, и в свежей воронке
Обожжённый танкист без сознания лежал,
Рядом раненый пёс прислонился к сосёнке,
Тот, кто воем солдату помочь призывал...

Когда рану танкисту перевязали,
Он в сознание пришёл и нам всё рассказал,
Как с разведкой на минное поле попали
И как пёс из горящего танка достал...

«Я не знаю, откуда такая в ней сила,
Не боялась разрывов, ни пуль, ни огня
И всю ночь через минное поле тащила,
От мороза собой согревала меня...»

А собака тихонько в сторонке лежала,
Лишь слеза по взлохмаченной морде текла,
Вдруг нам всем показалось, что она прошептала:
«Вы простите, я сделала всё, что смогла...»

Всех погибших мы в братской могиле сложили,
Светлой памятью будем мы их вспоминать,
Под сосною собаку похоронили,
Обожжённый танкист не смог слёзы сдержать...

Никогда не забыть мне последней атаки,
Когда группа разведчиков в поле легла,
Две огромных слезы незнакомой собаки,
Что ценой своей жизни солдата спасла...

ПО МОТИВАМ СКАЗКИ «КОЛОБОК»

Однажды бабке старичок идею предложил:
«Спеки, старушка, колобок, чтоб вместе с нами жил,
Чтоб был для нас вместо сынка, чтоб нас он уважал,
А то на печке все бока себе я отлежал...»

Пошла старушка в погребок, муки, яиц взяла,
Подлила масла в чугунок и колобок спекла...
Напрасно радовался дед и с печки рано слез,
Проснулся – Колобка уж нет, был на печи – исчез.

А Колобок не унывал, катился по тропинке
И громко песню напевал, как будто на пластинке...
Как он от бабушки ушёл, от деда укатился,
Как волка с зайцем обошёл и от медведя смылся.

Катился с песней Колобок, жизнь мёдом показалась,
Попал к лисе на язычок – и песня оборвалась...
Старушка стала причитать, дед даже прослезился,
И долго не могли понять – зачем он укатился...

Хочу совет дать старикам: коль стали вы седые,
То Колобок не нужен вам, пусть лепят молодые.

Поэтическая седмица

Наталья Лясковская

Александр ОРЛОВ:

Раскрыв как крылья переплёт Псалтыри...

В стихах Натальи Лясковской так доступно и просто объясняется, что душа есть источник всего человеческого в человеке. Этот жизненный вывод, полученный из опыта внутреннего бытия, даёт чёткое понимание о чувственном образе мира автора. Всё увиденное и услышанное им связано с пережитыми страной и народом событиями, которые оживают в сердце и перевоплощаются в строки. Это духовное, историческое и литературное отражение выделяет Наталью Лясковскую из многих современников.

В ЗАЩИТУ МАРФЫ

Для того чтоб Мария молилась, какая-то Марфа
ведь должна прибирать её келью и воду таскать,
доводить её ризу до снежности девственной
парфы,
натирать полиролем изгибы трибрусовой арфы
и напевам, направленным к Господу,
рукоплескать.

Чтобы свечи и ночью и днём грели душу и веру,
Марфа, глаз не смыкая, лелеет пчелиный уют:
чистит ульи, зимой утепляет тряпьём и фанерой,
изгоняет клещей, воскуря фольбексову серу...
Дым глаза выедаёт, по темени трутни снуют!

Посадить, возрастить и собрать урожай –
Марфа, ну-ка!
Пред Мариями выи склоняют драконы и львы,
но дракон не нажарит блинов, лев не выточит тука,
не навяжут они витаминных косищей из лука...
Ведь и праведных чрева без пищи страдают, увы.

А Мария всё молится, руки красиво сложила.
Что ж я плачу, свои – в дутых венах –
к груди прижав?
Разве есть в том вина, что всю жизнь я любимым
служила
до горба, катаракты, артроза и мления в жилах,
созидаю одну из прекраснейших в мире держав?

Мир на марфах стоит – что ни день его здания хаос
мы приводим в порядок, любви исполняя устав,
чтобы зрел для Причастия солнцем насыщенный
чаус,

чтобы хлеб благодатный, нам данный Христом
через Эммаус,
частью Тела Его укреплял наш витальный состав.

Я работы раба – не пророк, не боец, не избранник,
и, когда я умру, завершив трудовой круг латрий,
я в торфяник уйду, нет, точнее –
в астральный марфяник, в тот питательный слой,
где сквозь райские травы и стланик
возрастают прекрасные лилии чистых Марий...

Так и что ж тут рыдать, напуская на сердце остуду:
всяк свою должен ношу нести
и страданья скрывать. Только чу! –
место есть и в моей жизни малому чуду –
слышу звон незатейливый: моет Мария посуду.
Значит, время и Марфе пришло
на молитву вставать!

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

*Памяти бабушки моей,
Анастасии Кирилловны Лукьяновой,
в замужестве Ревенко*

«Ой, бедная избушка стояла край села,
а в той худой избушке – там вдовушка жила», –
так бабушка мне пела, январская метель
за окнами кипела...
Тверда была постель:
между стеной и печкой настил из горбыля,
под ним – тайник в дощечках, под тайником –
земля
тихонечко дышала, пригревшись до весны
под тёплым одеялом снежнейшей белизны.
А наше-то – отброски, пестрядинка, лоскут,

их с каждой смены сестры под кофтой волокут и складно так сшивают в цветное полотно, что и во тьме играет да радуется оно; та, что помладше, – Валя, родившая меня, та, что постарше, – Надя, крестившая меня. «Шли мимо два товарища, просились ночевать: Пусти, пусти, хозяйюшка, хоть ночку переспать!» И к нам стучались, было, но всем одно в ответ Кирилловна рубила: мол, в хате места нет, и уходила плакать, хлестнув скобой, в чулан... Дед мой родной Иаков и неродной Степан с двух карточек взирали, жалеючи её, на горькие печали, на вдовье житиё... «Простите меня, люди, я с поля поздно шла, я печку не топила, гостей я не ждала...» Да, помню это поле. На тысячи гектар кладбище бабьей доли, болото да угар работы агрегатной меж буряковых гряд, безжалостный, бесплатный, затрудодневный ад! Ещё ж своё хозяйство: чтоб прокормить детей, скачи, Настасья, зайцем, трудись, не ешь, не пей, паши, от боли воя, тяни, небога, гуж! Своих-то только двое, приёмных – девять душ. Но без разбору масти, Господь свидетель тут – всех выходила Настя, все мамою зовут. «Не хлопочи, хозяйюшка, спасибо за приём, мы ночку поночуем, а поутру уйдём!» Поцеловав в затылок, гребла меня тесней к себе... Хоть печь остыла, мне жарко было с ней, ладони, словно тёрки, шершавы и грубы – не разглядишь под коркой извилины судьбы. «А где же муж и дети, где близкие твои? Ведь тяжко жить на свете без ласки да любви!» Всё было – да и сплыло... Один её любил, другого полюбила сама, хоть пил да бил. Она девчонкой-крохой до нашего села из Оренбурга пёхом с семьёй своей дошла. Росточком невелика, сухая как чехонь, и не царевна ликом, да словно в ней огонь, горячей керосину лужьяновская прыть – как Ревенкову сыну такую не любить?! Уж он лелеял жинку, потворствовал ей так, парадные ботинки пошил, он был мастак: на крашенных подборах, старинных крепежах, в китайках да узорах – иди пляши, душа! «Ой, в сорок первом годе, как началась война, я мужа проводила, сыночка отдала», – так выпевала горько, что вьюга, как вдова, ломилась в ставень створки, крича печаль-слова...

А дед-то мой Иаков с войны вернулся всё ж. С одним отличным знаком – всадил сапёрный нож фашист ему под печень молоденький, смеясь. Прикрыться было нечем – вдохнул и рухнул в грязь... «Мне в госпитале тужно», – и через месяц он, кривой, худой, недужный, догнал свой батальон. От Бохумилиц глиняных на чешском бережку до самого Берлина дошёл с дырой в боку! Ни орденов, ни прочих... Я как-то не спала – и вдруг в архивах ночью медаль его нашла простую: «За отвагу». На сайте Подвиг.ру. И с этой вот бумагой за пазухой помру... Обычный пехотинец не знал, что он герой. Такой вот украинец был дед Иаков мой. Да хрен бы на всё это! Но фриц его убил: дед прожил только лето – рак печени сгубил. Хоть бабушка с развесу корову продала, к профессору в Одессу супруга отвезла, но врач лишь сгорбил спину, в приёмный выйдя зал, и даже «цеппелины» трофейные не взял. «Они наутро встали, в светёлочку зашли, подарки доставали, с поклоном ей несли...» Ох, нынче с горькой силой клянусь себя, клянусь – что ж я не задарила тебя за ту войну, добром не закидала! Прости меня, молю... И говорила мало, как я тебя люблю. На память не спросила твой плюшевый жакет, который ты носила незнамо сколько лет, из чёрных штор советских, с подкладкой голубой, он счастьем моим детским пропах насквозь – тобой... «Она на них взглянула и вдруг всё поняла: родные к ней вернулись, кого давно ждала!» И я ждала – вот этой ликующей строки: у нашего порога стояли мужики, мужья, отцы и братья, деды и сыновья – как Родина, как матери, всех обнимала я: «Так обними же, жёнушка, ты мужа своего, прижми к груди ты, матушка, сыночка родного!» Их невозможным счастьем охваченные, мы дышали тихо, часто в тепле домашней тьмы... Мир замирал посконный. Лишь в тайнике порой меж банок с самогоном шумел мышинный рой, вертелся, грыз орехи, вершил дела свои да глубоко под стрехой шуршали воробьи...

Берега Памяти

Татьяна Глушкова

(22 декабря 1939 – 22 апреля 2001)

**ВСЁ НАЗЫВАЕТСЯ: ВЕСНА.
ВСЁ ВЕЛИЧАЕТСЯ: ПОБЕДА!**

*Вступительное слово
Анны Козыревой*

Татьяна Михайловна Глушкова – поэт милостью Божией – умерла в 2001 году на Светлой Пасхальной седмице.

Известно, что у Господа свои сроки и свои пределы; только вот смерть всегда бывает неожиданной, моментально отзываясь в сердце щемящей болью и недоумением. Не одно доброе сердце защемило от скорой потери и тогда, но вольно или невольно возникла мысль о том, что подняться в горние высоты при открытых Царских вратах – ещё заслужить надо.

Она долго и мучительно болела, однако в немощи своей не была человеком подавленным и вычеркнутым из жизни. Именно в годы последнего десятилетия, совпавшие с трагическим периодом в нашей стране, Татьяна Глушкова показала, до каких высот в чувстве любви и преданности Отчизне человек способен подняться. Порой казалось, что больна не простая русская женщина, а сама Родина-мать страдает от боли и физических мук... И совсем не случайно в апреле 1992-го появляется страстное стихотворение «Час Беловежья»:

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. Только бы восстала
страна моя из немощи своей.

В самые последние дни телесного пребывания поэтессы на земле вышла книга её стихов «Возвращение к Некрасову», мистически связанная со сборником поэта «Последние песни». И, словно повторяя судьбу русского поэта XIX века, она писала в одном из стихотворений цикла:

Не бойся вьюги навесной,
снегов пуховых груза:
я схороню тебя весной, –
ему сулила Муза.

И точно так же весной покинула земные пределы и её личная Муза.

Чистым, светлым днём Татьяну Михайловну хоронили на кладбище в Переделкино. Светило в широком небе лучистое солнце. Пел-журчал в подножии горушки ключ-родник. Тихими волнами на низкие берега набегали воды Сетунь-реки. И путалась в зеленеющей дымке крон высоких деревьев звонкая птичья разноголосица. То оживающая во всей полноте и набирающая скорую силу природа открыто радовалась Воскресению Христову.

В те светлые дни, когда над православным миром повсюду звучит торжественное и ликующее: Смертию смерть поправ! – вот уже более полувека пасхальная радость промыслительно перетекает в победную – 9 мая празднуется День Победы в Великой Отечественной войне.

Этот день и в её жизни был особо чтимым: маленьким ребёнком пережив в Киеве немецкую оккупацию, она его искренне и преданно почитала *Святым*.

И вдруг...

Невозможно и помыслить, какое ей, киевлянке по рождению и по духу, пришлось бы пережить потрясение в дни нынешней СВО, когда родная, исконно древнерусская, славянская земля превратилась в нечто откровенно враждебное, воспевающее нацизм, поклоняющееся фашисткой свастике и идеологии. Но верится, что и с горних высот, где «у Господа обителей много», всё видя и слыша, она, как и многое множество русских людей, оставивших земные пределы, молитвенно поддерживает всех нас.

В публикуемой ниже подборке произведений Татьяны Глушковой тема оккупации и Победы – главная.

И если первая часть – это память детства, то вторая – скорбные ощущения вражеской оккупации, «когда не стало Родины моей», причём крайне усугубившейся сегодня, когда вновь «нашествие двенадцати языков» стало реальностью, вера в неминуемую Победу, ибо по-другому просто не может быть потому, как «всё называется Россия», что созвучно и нашей нынешней вере в ПОБЕДУ!

Анна КОЗЫРЕВА

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

НА УКРАИНЕ 1942 ГОД

Детство в траве... Лопушиной свирели
тёплый, удушливый зов.

Прядают в сини макушками ели
меж кучевых облаков.

Детство – во сне. От апреля до мая –
вечность по имени: миг.

Это – не я, это вышел из рая
мой тёмноглазый двойник.

Что он таит? Отчего разговора,
плача хотя б, не начнёт?..

Разве не к спеху? так ли – не скоро
наш одинокий черёд?

Детство – в плену. Затопорщится ельник,
тропки в клубочек завьёт...

Лишь на околице воин-бездельник
тычет ружьём в небосвод.

1977

* * *

Всё называется: война.

Всё называется: «под немцем».

Под ним – и осень, и весна,

и две зимы, и та сосна,

и этот луг, и страх под сердцем,

и с петухами полотенце,

и горсть горящего зерна,

и в речке полная луна,

и соловьиное коленце,

и говорят: куда подеться? –

повсюду – о н, везде – о н а!

Всё называется: Украина...

Как будто кража или тайна,
и край, и краткая межа,
краюха... Шепчешь, не дыша...
Всё называется: весна.

Всё величается: победа, –

и пчёлы золотого лета

Летят, не гаснут дотемна.

Всё называется: беда.

Всё именуется: разруха.

Проруха, засуха, присуха

беды... И эта свежесть духа.

И смерть. И сердца простота.

Всё вспоминается: весна...

Всё называется Россией,

куда тропую густо-синей,

дичась и отряхая иней,

дойду когда-нибудь одна...

* * *

А он был тоже окруженцем,
тот стародавний соловей,
который солнечным коленцем
остался в памяти моей.

А он был тоже небогатый,
и он был тоже сиротой,
когда пылающие хаты
всю ночь светили за рекой.

Когда в далёкий город Киев
придя от гневного Днестра,
мы платье мокрое сушили
на углях чёрного костра.

Когда лазурною весною
ударили колокола.
Когда ломилась бузиною
Страна, спалённая дотла.

И, как серебряная слава,
цвела черёмуха моя...
А там, за свалкою, – канава,
где зреет голос соловья.

Там однорукая берёза
и дуб, что смотрит кобзарём, –
то ль от свинцового мороза
ослеп, то ль питанный огнём...

И опускается орешник,
и млеет сладкая трава...
А я – из вымерших, из здешних:
опять живёхонько-жива!

А я – из выживших, зарытых
в ботве, в бурьяне, в ивняке,
седым соловушкой повитых,
с ржаною крошкой в кулаке.

А я – из малых, бессловесных,
из длинных прочерков в строке...
Но это мне в забытых песнях
плыть подголоском по реке.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Из книги «После Победы» (Летопись давнего детства)

День Победы помню как день з о л о т о й.

Я его помню в цвете, в запахе, в свете – а не в звуках, словах и других, посерьёзнее, впечатлениях.
Очень солнечный, очень тёплый, блаженно-весенний день.

Мы пошли почему-то не на Крещатик, а в Ботанический сад. Старый Ботанический сад – с белоколонным входом против Владимирского собора.

Почему-то?..

Но так удивятся лишь те, кто не жил тогда в Киеве.

А пошли мы не на Крещатик – главную, славную улицу – потому что на Крещатик нельзя было пойти. Он лежал ведь тогда ещё в *непроходимых* руинах (встречно друг другу обрушенные дома), и долго ещё будут его расчищать для ходьбы. Эту артерию в сторону Киевской Руси... Этот путь к Днепру. И к чугунному великану Владимиру, Крестителю, на горе. И к Аскольдовой могиле...

Мы пошли в Ботанический сад, и там сочная зелёная трава была золотой от сияющих, росистых ещё одуванчиков. Меня ослепили тогда одуванчики, и день так и остался навеки зелёным и золотым.

Было много людей. И у входа лотошница продавала мороженое. Поршнем выталкивала из жестяного цилиндрика белые узкие столбики с круглыми вафельками, как пяточки, по торцам. Я смотрела, как ловко выскакивают эти снежные столбики и как трудно, наверно, потом удержать их в растопыренных пальцах.

И ещё – на мне было новое платье. Белое, в тонкую голубую полоску. Накрахмаленный ситец. Что-то вроде рубашечной ткани... Это платье я после ни разу не помню на себе, а забыть не могу. Ощущение той чистоты, что нарядней любого богатства.

Не испачкать его одуванчиками.

Потому что на мне золотой одуванчиковый венок.

Не испачкать липучей пылью такое чудесное платье. И пальцами, позеленевшими от сочных, мягких стеблей. Я рвала и рвала одуванчики вместе с другими детьми, не боясь потеряться в людном саду, озарённом золотыми полянками горько-медовых цветков.

Вот и весь День Победы...

Ну, наверно, наверно, конечно, гремела музыка. Но не помню её. Помню только пронизывающий, купающий нас солнечный свет. Он струился – как будто беззвучно – и от золотых кренделей меж стволами могучих деревьев. Это – трубы, военные трубы, ими увешана главная группа военных... Но не помню музыки их.

Помню зелень травы, одуванчики, платье и какой-то волнующий, но как будто негромкий, радостный шум толпы. Не толпящейся, хоть большой.

Верно, были тогда-то мы все не в толпе. Просто были мы вместе.

Почему-то все лучшие дни вспоминаются мне беззвучными. Разве что тихий, отдалённый какой-то гомон, прибор... Такая ли сосредоточенность на чём-то в себе в эти лучшие дни? Но и рай – представляется *тихим*. Там не надобно слов. Всё понятно без звуков и слов.

Свете *тихий*... Вот – День Победы.

ВСЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ!..

* * *

Г. К.

Как лакома ты, Родина моя,
врагу – и как ему ты ненавистна...
А я шепчу: красавица! Отчизна!
Что без тебя могла бы значить я?

Что без тебя и слава, и любовь,
сама душа – как храмина пустая?..
И я шепчу себе: не прекословь, –
как святцы, дни скорбей твоих листая.

Твоих соблазнов лютая тщета...
Твой путь окольный до приветной близости...
По чину нам – архангельские выси.
По чину высям лестница крута.

Там, у латинян, глянь, вознесены
на кровли храмов адские химеры...
А мы, бродяги православной веры,
лежим во прахе, ежели грешны.

И смиренный нрав народа моего –
не пред тобою, власть меча и злата.
Не радуйтесь: мол, русская расплата...
Всемирное в ней тлеет торжество.

Вот так, бывает, зябкое зерно
скорбит в грязи... Поют ему метели.
А поглядишь в конце Святой недели –
всё поле осторожно зелено!

И жаворонок солнечный висит.
А к Троице уже и колосится
та гиблая, обильная пшеница.
И в Духов день горит не догорит
закат...

И вновь шиповник на меже
нектаром полнит розовые чаши.
Всю смерть поправ!.. – в ответ на песни ваши
твержу о прахе, чести, мятеже...

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдёт Парад Победы –
как в прежний раз. Как в незабвенный раз.

То будет день пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Побутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамён.
А мы, – не плачь, – мы будем только тени,
из Смутных залетевшие времён...

* * *

И Все Святые, что в родной земле
за всё тысячелетье просияли,
у наших павших в головах стояли,
и луч желтел в необоримой мгле...

Оборете! – сулили голоса
с высот заупокойного молебна. –
И будет Русь опять жива и хлебна:
о том тоскуют сами небеса!

И я хранила на виду у всех
такое молодое выражение,
как будто мне поручено внушенье
вам передать: уныние есть грех.

И я просила у сырой земли,
у зимних птиц, у тополя – подмоги,
вбирая в золотую мысль о Боге
всё, что вблизи и в облачной дали...

Катились слёзы по щекам моим,
темнило горе лик моих сограждан.
Но с каждым павшим в листопаде страшном
был наш союз отныне нерушим.

И нету мощи, чтобы одолеть
ту крепь – коль встанут мёртвые с живыми,
единого Отечества во имя
готовые вторично умереть.

Берега Памяти

Николай Жуков

Николай Викторович Жуков – родился в Донецке в 1957 году. Окончил среднюю школу № 21 Донецка, Донецкий техникум физической культуры и спорта с «отличием». В 1976 году был призван на Краснознамённый Балтийский флот. Делегат 18-го съезда ВЛКСМ. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, Гуманитарную академию Вооружённых Сил РФ. Служил в морской пехоте, на боевых кораблях и в спецназе Балтийского флота. Решал задачи боевых служб, парашютист, офицер-водолаз спецназа, мастер боевых искусств, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Уволился в звании капитана 2-го ранга. Работает в МБОУ гимназии № 7 им. Константина Покровского в Балтийске, преподаватель-организатор ОБЖ высшей категории, обладатель гранта «Лучший учитель», победитель конкурса «Учитель года – 2022», лауреат, победитель, призёр и дипломант многих литературных конкурсов.

ПЕТРОВИЧ

А на груди его светилась медаль за город Будапешт...

*Моему деду Жукову Алексею Петровичу,
ветерану Великой Отечественной,
посвящается*

События, о которых я поведаю вам в моём рассказе, происходили в стране, имя которой было – Советский Союз, сейчас её принято вспоминать в прошедшем времени как что-то прошлое и негативное. Рассуждать можно по-всякому, но была страна и были люди, были победы и поражения, а точнее сказать – была жизнь...

Разгар лета... Многие друзья разъехались по пионерлагерям, бабушкам, дедушкам, морям и деревням, готовясь к тому, чтобы потом, после возвращения, взахлёб рассказывать на сходках-посиделках о своих летних похождениях. В тот год я никуда не собирался ехать отдыхать, и поэтому день и ночь носился в синих трусиках с веником из сухих веток за бабочками, которых мы делили на бабочек и цариков. Цариками на Донетчине называют крупных бабочек, которые нами, ребятами, ценились дороже, ну а обычные бабочки просто шли в счёт каждого охотника. Солнце относилось к моей коже очень дружелюбно, и поэтому уже через пару недель я выглядел, как кубинский партизан, чёрным с синим отливом, очень гордясь тем, что совсем не сгораю, слыша за спиной завистливые оценки окружающих. Мои закадычные друзья Валерка, Витька, Славка и Алёшка самоотверженно преследовали летучих паразитов, делая всё, чтобы в дальнейшем гусениц оставалось меньше. В душе мы считали себя не только защитниками зелёного мира, но и защитниками своей земли от непрошенных врагов.

Мне повезло, потому что в нашей семье после войны остались живы оба дедушки. Первый, который постарше, Максимович, был железнодорожником и выполнял работу по доставке грузов, необходимых для фронта и победы. А второй дедушка, которого все уважительно называли Петровичем, имел судьбу непростую, я бы сказал, особенную, тайна которой долгое время мне не раскрывалась благодаря неразговорчивости деда и молчанию близких мне людей.

В раннем детстве я знал, что дед воевал, имел ранения, был награждён какими-то серьёзными наградами, в которых я, честно говоря, тогда не разбирался, но так как родился всего через двенад-

цать лет после Великой Отечественной, то относился к её солдатам весьма уважительно. Тогда часто приходилось видеть фронтовых калек, ползущих на деревянных тележках с подшипниками вместо колёсиков, бредущих по вокзальной площади или по рынку на костылях. Их было жалко до глубины моей детской души. Оба моих деда всегда давали им деньги в нашем присутствии, и милостыней это никому из нас не казалось. Эхо войны, говорили о таких людях писатели и поэты, а мы, пятилетние мальчишки, мечтали, чтобы и на наш век обязательно была война, где мы бы показали, как нужно защищать Родину.

Именно поэтому нашей самой любимой игрой была игра в войну, и я, как все мои друзья, упрашивал родителей купить игрушечный автомат или в крайнем случае ружьё с пистолетом, чтобы изображать наших. Мы всегда делились на русских и немцев или просто, объединяясь в одну команду, представляли, что вступаем в бой с фашистами или беляками. Прячась в высоких подсолнухах или кустах, перебираясь с огорода на огород, безжалостно вытаптывая посевы и всё, что можно было вытоптать, изображая войну, представляя себя в качестве наших солдат или моряков. Но, в конце концов, в самый разгар игрищ в воздухе всегда зависал звонкий голос мамы или бабушки: «Коля, иди обедать!», или чего лучше: «Валера, иди кушать колбасу!»

Больше всего мы любили художественные фильмы о войне, их в те годы называли кинокартинами, и отличались они высоким накалом патриотизма, мужества и героизма, мы обязательно с интересом просматривали их, обсуждали эпизоды и старались воспроизвести отдельные моменты в игровых сценах своего самодеятельного театра с постоянно меняющимися декорациями. Ими служили различные закоулки, заросли лопухов, сточная канава, чьи-то огороды, а может быть, даже и «запредельные территории». Увлекаясь боем, мы могли оказаться во дворе шахтного Дома культуры с прилегающим бомбоубежищем, школе с фруктовым садом, детском саду, сквере, заросшем кустами жёлтой акации. И горе, если мы не успевали вернуться к обеду в пределы родной улицы. Опасность получить по первое число всегда сохранялась, ибо окружающий мир манил, и нередко наше стремление познавать его делало нас жертвами родительского кожаного ремня.

Каждую субботу, во второй половине дня, в наш переулок въезжал старенький зелёный велосипед ХВЗ, на котором восседал мой дедушка Алексей Петрович, транспортное средство было всегда ухоженным, смазанным и поэтому ехало бесшумно и бодро, на голове дедушки неизменно красовалась соломенная летняя шляпа, вздёрнутая спереди, как у Портоса из «Трёх мушкетёров». А штанины брюк были прихвачены бельевыми прищепками или заколоты булавками, чтобы не закусил колёсная цепь. Петрович был крепкого сложения, физически силён, всегда собран и серьёзен. На выходные он забирал меня к себе и бабушке Лиде в посёлок с необычным названием Жилплощадка, где я оставался почти совсем один без своих постоянных уличных друзей. А их функции брали на себя мои тётки, бабушка и, конечно, сам дедушка.

Маршрут нашего велосипедного движения Петрович постоянно менял, чтобы мне было интересней. Частенько дорога шла вдоль железнодорожного полотна. Нас то и дело обгоняли грузовые и пассажирские составы. Их с большими потугами тянули по два сцепленных друг с другом паровоза. Набирая приличную скорость, они и пронзительным свистом, и стуком колёс пугали меня порой до слёз. В иных случаях мы двигались по густой лесопосадке, почти не встречая пешеходов. Сужавшаяся тропинка пробегала возле небольшой солдатской могилки, затерянной в чаще, но всегда убранной и с покрашенной оградкой. Возле неё дед останавливался, прекращал петь старинную украинскую песню о запорожском гетмане Сагайдачном и, сняв с головы соломенную шляпу, подолгу молчал, как будто стараясь что-то мучительно вспомнить.

«На войне, внучек, многие солдаты полегли, от самого Бреста до Сталинграда и обратно до Берлина, такими вот могилками вся земля усеяна, там и моих боевых друзей много осталось!» – говорил дедушка, начиная свой рассказ. Дед был человеком немногословным, не обладающим высокохудожественными способностями, но умел очень хорошо петь и шутить. Часто мы пели дуэтом, и в свои пять лет я знал множество песен, звучавших в то время с грампластинок, из радиоприёмников, репродуктора, висевшего на стене у окна, и с экрана, первого на нашей улице, телевизора «Старт». Многие песни со мной разучивала мама, черпая их из популярных тогда книжек-песенников.

Донецкая земля – край степной, в древности её называли Диким полем, конца и края ей не видно, а когда приспособили степи под сельское хозяйство, то высадили периметрами ровные и неширокие лесопосадки, чтобы защитить земли от степных ветров и не позволить им уносить с собой плодород-

ный слой. Лесопосадки состояли из канадских клёнов, белых акаций и маленьких дубков, некоторые из них были из фруктовых деревьев, это и абрикос, и шелковица, которую на Востоке называют тутой. Ближе к железнодорожному полотну, окаймляя края зелёной стены, тянулись кусты сирени и заканчивались они где-то у самого Мариуполя на юге и неизвестно где в другой стороне, а период их цветения в наших краях совпадал с майскими праздниками и Днём Победы, который в нашей семье чтился и праздновался по-особому.

В небе весело пели жаворонки, эти птицы в детстве вызывали у меня ассоциации с теплом весны, свободой и бескрайней украинской степью, стрекотали многочисленные кузнечики и сверчки, всё вокруг цвело и благоухало, а солнце начинало склоняться к западу. Полевые цветы не имели той пышности и яркости, как их собратья, растущие в садике бабушки Лиды, но были яркими точками, светящимися всеми цветами радуги и сливающимися в огромный персидский ковёр, пахнущий пыльной горечью и цветочным мёдом.

В детстве я четко делил окружающий мир людей на своих и чужих, на немцев и русских, на красных и белых, причём неизменно испытывал ненависть к врагам и был уверен в правоте наших. Мне казалось, что красные и советские всегда были добрыми и справедливыми, и те «враги», которые их понимали и переходили на нашу сторону, оставались навек благодарными за правильно указанную дорогу. Но многое из окружающего было и неясным, и нередко приходилось задавать самые различные вопросы взрослым, в том числе и Петровичу, о природе, войне, труде, о наших предках и обо всём, что приходило тогда в мою чернявую голову. Дед всегда отвечал простым и понятным языком труженика, имевшего за спиной всего четыре класса церковно-приходской школы. Он рассказывал одни и те же случаи, смысл которых становился ясным для меня гораздо позже, по достижению более зрелых лет.

Громыхнула война... и деда мобилизовали в возрасте тридцати двух лет на фронт. В то время основная часть Красной армии, служившая по довоенному призыву, мужественно дралась с фашистами за каждую пядь родной земли, отступая на восток, зарывая в земной шар погибших, теряя солдат, попавших в фашистский плен и пропавших без вести, оставляя за собой территорию, которую позже назовут «оккупированной». Именно она и стала камнем преткновения для многих граждан, так и не сумевших осуществить свои юношеские мечты о будущем. Мой отец в послевоенные годы тщетно пытался несколько раз подать документы в мореходные училища, но всегда получал сухой отказ, между строк которого было напоминание о той самой «территории». До осени сорок первого года Петрович добывал донецкий антрацит, так необходимый для нашей страны, но враг уже подходил к Донбассу, и всех мужчин призвали на фронт.

В свой первый бой дед так и не успел вступить, потому что вместе с полком попал в окружение под Харьковом. Оружия в подразделениях не хватало: имелось по одной винтовке на пятерых, а об автоматах и говорить не приходилось. Молодые офицеры, наскоро выпущенные из училищ, чувствовали себя неуверенно, и, когда на пригорке их полк окружили немецкие мотоциклисты, они не сумели ничего предпринять и попали в плен вместе со всеми подчинёнными, так в колонне и погнали всех в концлагерь.

Петрович не любил вспоминать об этом факте из своей биографии по нескольким причинам. Одной и самой главной была та, что у России пленных не было, а были только предатели, а второй причиной была возможность продолжить отсидку, но уже в морозных сибирских, уральских и магаданских сталинских лагерях.

В лагере деду было обидно до слёз за свою беспомощность, но он как боец и в плену, в нечеловеческих условиях не терял ни веры и ни надежды. Помогала солдатская взаимопомощь, взаимовыручка и мысли о своей семье. Для пленных бойцов и за колючей проволокой главным оставалось правило: сам погибай, а товарища выручай! И под палящим летним зноем, и холодными осенними проливными дождями, и в условиях зимних морозов советские военнопленные старались выжить, помогая друг другу.

В концлагере кормили отвратительно, из-за этого многим не хватало сил для того, чтобы вернуться в свой барак после работы. Трудиться заставляли, чтобы быстрее избавиться от огромного количества пленных, измотав их голодом, холодом и болезнями.

Спасение пришло оттуда, откуда не ждал. Среди обслуживающего персонала лагеря были повара, сапожники, лудильщики, столяры, плотники из числа пленных, которые содержались в несколько

привилегированных условиях. У них и пайка была сытнее, и отношение со стороны немцев к ним было более лояльное. Как-то раз, на работах, подошёл к измученным красноармейцам человек из хозяйственной команды и спросил на украинском языке: «А чи є хтось із Сум?» Дед поднял руку. После нескольких вопросов Иван, так назовём земляка, сказал, что заберёт его к себе помощником, так и случилось.

В лагере Петрович работал добросовестно и старательно, потому что по-другому не мог. Он с детства был приучен к тяжёлому сельскому труду и уже в пятнадцать лет жил самостоятельно, работал подмастерьем на енакиевской шахте. Крутой нрав и природная гордость не позволили Алексею Петровичу найти общего языка со своей мачехой, и тогда отец предложил ему уйти из семьи, где и без того оставалось много детей. Обида на своего отца у деда была очень глубокой, но уже через год на заработанные деньги он купил корову. Это была какая-никакая, а помощь младшим братишкам и сестрёнкам.

Общий язык с Иваном дед нашёл быстро, сумел одеться теплее, набрал немного силёнок, а так как мысль о побеге присутствовала постоянно, задумал сделать это зимой. Земляк оказался человеком стоящим, перед фашистами голову низко не склонял, но работу свою делал как надо. А через некоторое время сам предложил Петровичу бежать при первой же возможности. И возможность наступила скоро.

Хозяйственный обоз отправлялся в дорогу через несколько суток. Возницами на сани назначали двух человек, одним из них стал мой дед. Дорога была дальняя и на одном участке проходила неподалёку от родных мест. Временем для побега он выбрал ночь, а, когда произошла подмена для отдыха, дедушка сделал вид, что заснул, незаметно соскользнул с саней и быстро побежал в темноту. Немцев в охране было немного, да и беглеца вовремя не заметили, так как для контроля они ограничивались редким запуском световых ракет и беспорядочной стрельбой из автоматов и карабинов больше из-за страха. Когда фашисты спохватились, то преследовать не решились, сил было маловато. Так Петровичу удалось незаметно бежать. Налегке он добрался до ближайшего леса, потом пошёл по полю, потом снова лесом. Здесь он чувствовал себя уверенно, как дома, потому что вырос в Сумской области, где на песчаной почве росли густые сосняки, в которых он с самого детства умел свободно ориентироваться, находя дорогу даже в пасмурную погоду и ночью. Двигаться он предпочитал по ночам, днём старался отдохнуть, затаившись в недоступном месте. В одной из деревень нашлись добрые люди, накормили, напоили, переодели и спрятали. Потом была дорога на Донбасс, к которому уже подходили советские войска. До Енакиева он добрался вполне благополучно. Однорукий офицер из вновь созданного районного военкомата не отправил деда в штрафбат, не передал дело в контрразведку, где могли легко поставить к стенке, а отправил на переформирование.

Свой первый настоящий бой он принял на Днепре, в районе Запорожья, в 1943 году, где сразу после переправы получил тяжёлое ранение в плечо. Несколько месяцев провёл в военном госпитале в Баку, получив вторую группу инвалидности. Можно было спокойно оставаться в тылу и восстанавливать шахты Донбасса, так как обстановка под землёй была по-настоящему боевая и текучесть шахтёрских кадров была не меньше, чем на фронте. Но ненависть к врагу, стремление мстить за сгоревшие города и сёла, тысячи погибших, поруганных, беспризорных, голодных, лишённых крова людей, за своих родных и близких сжигали его изнутри! Наверно, тогда он думал и о семье, которая оставалась дома без средств к существованию. Но его новый солдатский путь лежал на запад, к границам Венгрии.

В одном из боёв местного значения подразделение пыталось занять высоту, где закрепился враг. Раз за разом молодой капитан личным примером поднимал бойцов в атаку, но меткий огонь немецкого пулемётчика буквально срезал смельчаков и словно тяжёлой многопудовой гирей прижимал к земле всех остальных. «Вперёд!» – вновь и вновь кричал командир, и его крик растворялся в проносившемся над головами бойцов ветре. Воспалённый взгляд разгорячённого офицера остановился именно на Алексее Петровиче: «Вперёд, в атаку, а то расстреляю на месте!» Приказ есть приказ, и законы военного времени жёстки и беспощадны.

«Расстреляют, за что?! Умереть от рук своих, но ведь это же позор!» – гремело в висках солдата. «За что расстрелять?! Что я могу сделать один?!» – прокричал он офицеру, но встал и пошёл вперёд, не кланяясь пулям и осколкам, ведя огонь из автомата в направлении вражеского пулемётчика. В эти мгновенья не было проносившейся перед глазами жизни, не вспоминалось детство в многодетной

семье, не думал он и о своей непростой шахтёрской доле. Ничего возвышенного и пафосного, только одна мысль: «Убить врага!», и пулемёт замолчал, дав возможность подняться в полный рост и броситься к вражеским окопам солдатам подразделения.

Через некоторое время, на всеобщем построении, вручали награды отличившимся бойцам, и тот самый молодой капитан прикрепил к дедушкиной груди медаль «За отвагу».

Цена этой награде на фронте высокая, но радоваться было некогда, впереди были новые бои, лёгкое ранение в ногу, и опять вперёд на запад, туда, где были Будапешт и озеро Балатон.

После медсанбата дед догонял свою часть налегке, шёл пешком, добирался автостопом, часто комендантские патрули проверяли соответствие документов, враг отступал по всему фронту, но чем ближе наши войска подходили в столице Венгрии, тем ожесточённее сражались фашисты, и мадьяры своей жестокостью порой перекрывали своих немецких союзников.

В детстве мне рассказывала бабушка Катя о том, что в гражданскую, при взятии Мариуполя австрийцами, красные не успели эвакуировать свой госпиталь, и раненые расползались по всем дорогам в надежде на спасение. Австрийские солдаты казнями и уничтожением пленных не занимались, оставив это неблагородное дело на откуп венгерским гусарам, и те постарались на славу! Сотни раненых бойцов были изрублены без пощады и жалости. В Отечественную войну венгры не изменяли своим национальным традициям, особенно жестоко они расправлялись с советскими военными разведчиками, захваченными в плен. Рассказывали, что после пыток нескольких моряков-разведчиков Дунайской флотилии они просто облили бензином и заживо сожгли.

Путь дедушки пролегал через венгерское графское имение, средневековый замок, увитый плющом, с огромным двором с хозяйственными постройками и винными погребами. Говорят, что благодаря венгерским виноградным саженцам и графу Потёмкину наш Крым со своей «Массандрой» стал винодельческой столицей России.

Алексей Петрович никогда не злоупотреблял спиртным, но жажда и голод сделали своё дело. Обыскав строения и не найдя ничего съестного, он спустился в громадный винный погреб. В темноте было видно, что кто-то совсем недавно уже побывал здесь, так как огромные дубовые бочки были изрешечены автоматными очередями. Они, как умирающие быки, истекали своей кровью: белым и красным вином, которое перемешивалось на полу погреба с пылью и превращалось в довольно глубокую ароматную лужу, увеличивающуюся с каждой минутой.

Петрович быстро вытащил свой котелок, снял каску и, наполнив их из разных бочек, рванулся к выходу, но споткнулся обо что-то, лежащее поперёк дороги. Когда пригляделся, то увидел труп захлебнувшегося вином солдата. Глаза деда, привыкшие к темноте, рассмотрели страшную картину – утопленников было много, их тела плавали в разливающемся винном ручье, который постепенно превращался в небольшую речку. В сорок пятом году в пределах Венгрии и некоторых других Балканских стран, где виноделие исторически процветало, с жизнью бесславно расставались некоторые наши бойцы, не знавшие меры.

Военная разведка... как это романтично и интересно! Как легко и просто разведчик может справиться с несколькими врагами, как бесшумно он передвигается на любой местности и в любую погоду. А как виртуозно он владеет своим оружием, как много боевых наград у него на груди! Да, первое впечатление обманчиво, но не всё так просто! Как продолжителен век батальонного или полкового разведчика в условиях войны? Для тех, кто внимательно слушал сводки Совинформбюро в период Великой Отечественной, фраза «разведчики ведут поиски» стала вполне привычной, а сколько трудностей и повседневного ратного труда стояло за сказанным! А если рассматривать проблему в масштабе всей громадной линии фронта. Да, в разведку берут только добровольцев, но где их столько найти, чтобы не испытывать недостатка в той необходимой информации, чтобы фронты, армии, соединения и части шли вперёд не вслепую, а со знанием обстановки?

На последнем этапе войны дед попал служить в полковую разведку. Взятие языков, ведение поиска, засады, наблюдение за противником, разведка боем стали делом повседневным, а природная запорожская сноровка и смекалка, передающаяся с генами многим украинцам, физическая сила и жизненный опыт очень пригодились в новом качестве. Он не любил громких слов и высокопарных фраз, делал свою новую военную работу так же прилежно и добросовестно. О смерти, постоянно смотрящей в глаза, не задумывался, а, если бы пришлось вновь сделать выбор между пленом и смертью, «с музыкой», неизменно бы выбрал второе. Конечно, жалко умирать в конце страшной войны, но

если Родина прикажет, то он, не задумываясь, пойдёт на самопожертвование... простой украинский мужик из огромной семьи хлеборобов.

Наш велосипед катится дальше, приближая тот миг, когда бабушка Лида выбежит навстречу с радостным криком: «Ай, де ж мій онучок!» – и её добрые тёплые руки поднимут меня к своему лицу, а губы осыпят градом горячих поцелуев. А потом будет украинский борщик с курочкой и сметанкой, горячие пышечки, чаёк с колотым сахаром вприкуску. Но это всё впереди, а пока тенистая лесопосадка, похожая на аллею городского парка, да небольшая солдатская могила времён войны и стоящие перед ней дед и внук. Скоро мы продолжим путь к нашей общей цели. Не торопясь, он садится на велосипед и запекает песню о роще, которая дымилась под горою, и, когда доходит до слов о трёх ребятах оставшихся в живых, – обрывает её. Дед глубоко вздыхает и вновь продолжает пение. Тогда я ещё не знал, что заставило деда прервать прекрасную песню на полуслове, но спустя некоторое время понял, узнав о том, что именно в Венгрии в районе озера Балатон группа разведчиков, в которую входил и мой дед, уходила в поиск. Весна была холодной, ударили поздние морозы, приносившие много страданий воюющим, но, как говорят разведчики: «Плохая погода – наша погода!» Необходимо было определить, где находится враг, отступивший и оставивший свои укрепленные позиции. На пути советских войск стоял небольшой венгерский городок, который уже несколько раз переходил из рук в руки, сейчас там могли быть фашисты, каждый дом и подъезд могли скрывать пулемётную точку или фаустников – уничтожителей наших танков, советское командование ожидало немецкий контрудар, ожидало, не зная пока, когда и откуда он будет нанесён.

Сильная метель и плохая видимость усложняли и в то же время упрощали решение поставленной перед разведгруппой боевой задачи. Через линию фронта шли легко, как всегда, след в след. Дозоры не обнаруживали ничего подозрительного, говорящего о присутствии немцев. Внезапно у одного из домов увидели оставленную советскую противотанковую пушку и двух наших солдат-артиллеристов. Они и сообщили, что фашисты закрепились на другой стороне улицы и, очевидно, пропускают разведчиков беспрепятственно только с одной целью – заманить в засаду и отрезать путь к отступлению. Старший лейтенант, командир разведгруппы, после недолгих раздумий собрал людей вокруг себя и вслух оценил сложившуюся обстановку. В подобных ситуациях каждый разведчик имеет право на слово. Приняли единственно правильное решение: возвращаться назад с полученной информацией, а в случае боя, принять его, но сделать всё, чтобы разведанные дошли до нашего командования во что бы то ни стало.

Сведения артиллеристов подтвердились полностью, как только группа начала движение назад. Грохот пулемётных, автоматных и винтовочных выстрелов разорвал тишину на куски. Разведчики отступали организованно. Отстреливались короткими очередями, попадать в плен никто не хотел и не собирался, ради этого каждый берёт последний патрон или гранату. И вот заняли круговую оборону. Боеприпасы были на исходе, с каждым выстрелом увеличивается количество раненых и убитых, но русские разведчики своих не бросают! Прорвались через развалины католической церкви. Немцы подключили миномёты. Но и наши услышали бой, советская артиллерия начала обстрел вражеских позиций, а оставшиеся в живых разведчики продолжили своё продвижение к передовой.

За этот бой никто не получил наград, все выполняли свою повседневную работу, в наши окопы прыгнули только трое раненых бойцов, среди них был и мой Петрович. А пятнадцать не вернулись домой, их могилы остались на венгерской земле.

Затем была Великая Победа, возвращение домой, встреча с семьёй, восстановление донецких шахт, сильнейший послевоенный голод, вынужденный переезд в город Ткибули. Там, в Грузии, дед продолжал работать на угольной шахте и за ударный труд был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Затем было возвращение на Донбасс, где нашла его последняя боевая награда – орден Великой Отечественной войны второй степени. До конца своих дней дедушка был уверен, что это тот самый орден, за тот самый бой на Балатоне, где «оставалось только трое из восемнадцати ребят».

Прошло много лет после войны, и в каждый праздник Победы, до последней возможности своего здоровья, он старался встать в ряды ветеранов и пройти в воинском строю по центральной улице родного Донецка как воин-освободитель.

Прошли годы, и наступило время получать заслуженное. Ветеран-инвалид Великой Отечественной отправился на ВТЭК. Это такая специально придуманная комиссия, имеющая право подтверждать или восстанавливать статус инвалидов войны и труда. Но председатель комиссии усомнился в искренности ветерана. И ответил отказом – грубым и бессердечным. Потом были обращения по инстанциям, письма в газеты, в архивы – суета сует! Махнул дед рукой на свои заслуги, взял с собой моего отца, пришёл в райком партии и высказал его руководителям свою нехитрую шахтёрскую позицию, сдабривая её крепким фронтовым словом, с которым нередко приходилось ходить в атаки на врага. Он хлопнул дверью и захромал домой. А фраза партийно-медицинского функционера застряла в его мозгу: «Тебе льготы нужны, их на всех не хватит, по всей стране ветеранов – куры не клюют!»

И тогда мой отец взял Петровича за руку и предложил поехать в военкомат города Енакиево, туда, куда он вернулся после Победы. Прибыли на место в обеденный перерыв, что не предвещало ничего хорошего. В узком коридоре военкомата встретили женщину, несущую деревянный лоток с документами. У отца ёкнуло сердце, остановились, вкратце изложили причину своего визита. Женщина сказала, что они как раз уничтожают не востребовавшие документы ветеранов войны. Говорят, что Бог на свете есть, и я поверил в это, потому что именно среди этих документов и нашлось дедовское удостоверение инвалида войны второй группы от тысяча девятьсот сорок четвертого года.

Петровичу шёл девяносто седьмой год, когда он ушёл в мир иной, но я, как тот пятилетний мальчишка, остаюсь убеждённым в том, что именно мой дед защитил мир от фашизма, а его оценка моих достижений и успехов осталась для меня на всю жизнь самой весомой и авторитетной наградой.

Порой в День Победы по телевизору показывают из Москвы концерт певца Хворостовского «Песни военных лет», и я замираю у экрана, впитывая в себя каждое слово и каждую звучащую ноту. Многие из этих песен мы спели с дедом в моём детстве, но остались они в моей памяти на всю жизнь. А той могилки в лесопосадке больше нет, я её недавно искал, говорят, что убрали её по распоряжению какого-то местного начальника. Но, проезжая мимо того памятного места на велосипеде, мы с моим сыном Артёмом обязательно останавливаемся и встаём рядом, как воины, отдающие почести павшим солдатам Великой Отечественной, среди которых был и наш Петрович.

Берега Памяти

Григорий Некрашевич-Поклад

Григорий Константинович Некрашевич-Поклад – родился в 1961 году в деревне Беки Гомельской области. Окончил ВВВАИУ и Калининградский юридический институт МВД России. Подполковник полиции. Член общественного объединения «Минское собрание наследников шляхты и дворянства». Автор книги «От благородного рыцаря до почётного хлебороба». Журнал «Великороссь» – очерк об истории фамилии Поклад «Из польской шляхты – в казачество»; журнал «Берега» – очерк о службе генерал-майора Иосифа Григорьевича Некрашевича-Поклада «Служба Царю и Отечеству. Служители церкви из рода Покладов». Проживает в Калининградской области.

НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА

(карьера русского чиновника второй половины XIX века)

Как гласит народная мудрость: «Без корня и польнь не растёт». И если обрубить корень, растение лишается питания и жизни. В поговорке заложен большой философский смысл. Всё живое (включая и растения и людей) не может существовать без своих корней. Для человека – это семья. Через века тянется цепочка событий, в которых участвовали наши предки, герои и самые обычные люди. Нет на земле такой семьи, которую бы стороной обошла история её рода.

Рассказ в этом очерке пойдёт о моём сородиче Иване Григорьевиче Некрашевиче-Покладе, который жил в Могилёвской губернии во второй половине XIX века, исполняя служебные обязанности в различных должностях.

Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад, согласно выписке из метрической книги Добросельской церкви в Чериковском уезде, родился 8 сентября 1835 года. Сын потомственных дворян из деревни Дубровка Григория и Марии Покладов, прихожан Добросельской церкви. Восприемники (крёстные): Иван Гарманович, дворянин, и Катерина Останьковичева, дворянка.

Его родители, помещики, занимались ведением своих вотчинных земельных наделов и управлением своего дома в имении.

Иван Григорьевич – первенец в многодетной семье, после него родились пять братьев: Игнат (10.01.1837 г.р.), Филип (14.11.1840 г.р.), Семён (01.09.1842 г.р.), Фёдор (16.05.1850 г.р.), Иосиф (04.05.1852 г.р.); и четыре сестры: Татьяна (1839 г.р.), Александра (1845 г.р.), Палагея (1847 г.р.), Марья (1854 г.р.).

Дворян с самого раннего возраста готовили к исполнению социальной роли. Качество воспитания и образования во многом зависело от средств, которыми располагала семья, а также от положения, которое занимали родители в обществе. Воспитание дворянских детей в первой половине XIX века опиралось на патриархальные устои. Целями воспитания было формирование в ребёнке с малых лет качеств верноподданного, доблестного патриота Отечества, носителя благородных традиций. Мужчине полагалось обладать смелостью и отвагой, быть обходительным и вежливым, блюсти строгие моральные правила.

Сыну Ивану родители наняли воспитателя-учителя, который должен был дать ребёнку первоначальное образование. Учёба Ивану давалась легко, он быстро осваивал знания, получаемые от воспитателя; детство проходило как у всех помещичьих детей, растущих в сельской местности, – бегали по полям, придумывали различные игры, купались в речке; отец часто брал сына с собой, объезжая земли, где трудились крестьяне. Крестьянам мальчик нравился за доброту, чуткость и приветливость.

Настало время, когда родителям предстояло определить сына для дальнейшей учёбы. В тринадцатилетнем возрасте они направили Ивана в Мстиславское дворянское училище.

Дворянские институты в России XIX века – это закрытые мужские сословные средние учебные заведения для дворянских детей, они давали светское образование и воспитание. Ученики носили форменные сюртуки, а по праздничным дням – мундиры. Преподавались дисциплины: история Нового и Ветхого Заветов, катехизис и литургия православного и католического вероисповедания, русский язык и словесность, история, география, законоведение Российской империи, математика, немецкий, французский, церковнославянский языки, рисование.

Иван выделялся среди однокашников хорошей успеваемостью, родители были им довольны, не раз получали похвалу от преподавателей за способного, воспитанного и дисциплинированного сына.

По окончании Дворянского училища Ивану Григорьевичу требовалось определить себя в какую-либо государственную службу; по совету родителей он вступил в штат Могилёвского уездного суда, это случилось 20 апреля 1854 года, Ивану Григорьевичу было восемнадцать лет.

Уездный суд являлся первой инстанцией для разрешения мелких уголовных и гражданских дел: совершение и засвидетельствование крепостных актов о купле-продаже, наследовании, вступлении во владение именьями и т. д. Суд возбуждал дела по жалобам или искам частных лиц, а также по сообщениям или указаниям органов управления. Апелляционной инстанцией для него самого являлись губернская палата гражданского суда и губернская палата уголовного суда.

Иван Григорьевич за короткий период показал себя исполнительным сотрудником, был замечен руководством, 7 марта 1855 года его перевели в штат Могилёвского губернского правления.

3 июня 1837 года вышло «Положение о порядке производства дел в губернском правлении», которое установило единую структуру правления в виде отделений, распределение обязанностей между ними, порядок регистрации, рассмотрения поступивших бумаг и режим взаимоотношений правления с другими учреждениями.

2 января 1845 года вышла новая редакция «Положения», которое конкретизировало функции правления в вопросах общего благоустройства, здравоохранения, промышленности, продовольствия, охраны прав личности и собственности, общей безопасности, управления отраслями хозяйства и субординации подчинённых мест и должностных лиц.

В Могилёвском губернском правлении Иван Григорьевич проработал четыре года. Служба была не из лёгких, она требовала обширных юридических знаний, на молодого чиновника была возложена масса должностных обязанностей.

Нынешнее поколение молодых людей, живущих через сто семьдесят лет после Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада и знакомых с жизнью чиновников середины и конца XIX века исключительно по произведениям художественной литературы, может подумать, что русское чиновничество занималось на работе бездельем и забавами, а после работы – картами и пьянством. На самом же деле оно отличалось эрудицией, грамотностью и аккуратностью, на нём держалось делопроизводство, судебная и полицейская службы России. Нынешний чиновник имеет в своём распоряжении массу электронной техники – принтеры, сканеры, факсы, компьютеры, огромную помощь оказывает ему Интернет. А столоничальник XIX века имел лишь штат чиновников и переписчиков, и ещё – бесчисленные ряды папок с документами на полках вдоль стен. Какой надо было обладать памятью, сообразительностью, умом для того, чтобы обслужить огромное количество клиентов, которые каждый день штурмовали департаменты. Здесь можно привести замечательные слова Александра Станиславовича Дембовецкого, губернатора Могилевской губернии в 1872–1903 годах, совершившего на вверенной ему территории «экономическое чудо», он говорил о служебной доблести чиновничества, о службе делу, а не форме.

7 августа 1859 года Иван Григорьевич был определён помощником столоничальника. Указом Правительственного Сената от 30 ноября 1860 года № 8317 за выслугу лет произведён в коллежские регистраторы. В каждом классе чиновнику необходимо было прослужить определённое количество лет, но за особые заслуги срок сокращался.

Указом Правительственного Сената от 28 августа 1862 года за № 7381 Иван Григорьевич определён столоничальником.

За усердную службу 6 июня 1863 года Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад назначается приставом 3-го стана Мстиславского уезда.

За выслугу лет Иван Григорьевич произведён в коллежские секретари со старшинством с 20 апреля 1862 года.

В системе государственной службы существовала строгая иерархия. Это способствовало повышению эффективности работы чиновников. Человек, каким бы знатным ни был его род, не мог претендовать на высокую должность, если не имел соответствующей квалификации. Коллежский секретарь – это гражданский чин X класса. Лица, имевшие этот чин, могли занимать хоть и невысокие, но руководящие должности. В соответствии с указом, он присваивался только после окончания учебных заведений. Для получения чина XI класса – титулярного советника – срок выслуги лет составлял три года. Основные положения указа: гражданские чины, к которым в том числе относился чин коллежского секретаря, давались по выслуге лет или же за особые служебные заслуги. За требование почестей выше своего чина на официальных собраниях или публичных торжествах полагался штраф, равный двухмесячному жалованию провинившегося работника. Публичное наказание влекло за собой утрату чина. Впоследствии он мог быть возвращён, но только публично объявленным именным указом за особые заслуги. Каждый в соответствии со своим чином должен был иметь экипаж и форменную одежду (ливрею).

За усердную службу Иван Григорьевич получил 75 рублей из суммы, препровождённой на этот предмет главным начальником края 10 июля 1865 года.

Единовременные денежные награды, как правило, не превышали годового оклада жалования награждаемого. Нижние чины городской, уездной полиции за поимку преступника поощрялись денежной суммой в размере трёх рублей. Законодательством предусматривались также денежные выдачи: спасение утопающих (до 60 рублей, чаще медаль); раскрытие некоторых преступлений (контрабанда, розыск золота).

За выслугу лет Иван Григорьевич производится в титулярные советники.

С 1845 года чин титулярного советника давал личное дворянство, ранее его получали с XIV класса. Дело в том, что следующий по классу чин – коллежского асессора – давал право на потомственное дворянство, поэтому на пути к нему лежала незримая преграда, преодолеть которую разночинцу-чиновнику бывало чрезвычайно трудно; дворянство остерегалось чрезмерно пополняться за счёт незнатных. Большинство титулярных советников навеки оставались в этом чине, не рассчитывая на большее; их называли «вечными титулярными советниками», насмешливо – «штулярами» или «титуляшками». Разумеется, подобной преграды не существовало для детей знатных родителей, в этом случае чин титулярного советника мог быть лишь временной ступенькой в карьере. С 1809 года чин титулярного советника автоматически присваивался лицам, имевшим высшее образование, но не окончившим университета и не имеющим учёной степени или же не сдавшим (не выдержавшим) экзамены.

В системе мер, направленных на закрепление полицейских кадров, стимулирование профессионального роста, повышение квалификации, укрепление социального и правового статусов сотрудников полиции, важную роль играла система наград Российской империи.

За усмирение Польского мятежа 1863–1864 годов Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад был удостоен тёмно-бронзовой медали 1 января 1865 года.

Медалями из тёмной бронзы награждались:

– гражданские и военные чиновники, в 1863–1864 годах служившие на территории Царства Польского и Западного края, хотя и не принимавшие непосредственного участия в сражениях, однако своими действиями помогавшие подавлению восстания;

– представители духовенства всех вероисповеданий, способствовавшие подавлению восстания;

– жители, сотрудничавшие с российской администрацией и армией, но не имевшие права на светло-бронзовую медаль.

За усердную службу 5 августа 1868 года Иван Григорьевич был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

Орден Св. Станислава 3-й степени – самый младший, в порядке старшинства российских орденов он вручался чаще других. Его получали многие военные и статские, прослужившие установленные сроки и имевшие чины не ниже XII класса. При учреждении орденов любой степени предоставлялись права потомственного дворянства, однако в среде дворянства возникло недовольство от слишком большого числа новых дворян из числа купцов и мелких служащих. В 1845 году высочайшим повелением

было приостановлено награждение 2-й и 3-й степенями ордена. Возобновились награждения лишь с 28 июня 1855 года, но с этого времени право потомственного дворянства предоставляла только 1-я степень ордена Св. Станислава.

Не имея никаких нареканий в чине титулярного советника, Иван Григорьевич был произведён за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством 20 апреля 1868 года.

До 1845 года чин коллежского асессора давал потомственное дворянство, затем – только личное. Обладатели обычно служили в должности регистратора, секретаря или советника. Знаком различия служили две звезды на двух просветных петлицах. Положение 1834 года указывало, что сословная принадлежность учитывалась только при получении чина XIII класса, дававшего потомственное дворянство. Для не дворян срок выслуги для его получения увеличивался независимо от наличия образования. Условием производства в чин коллежского асессора служащих с начальным и средним классом было назначение на должности этих классов. Закон от 9 декабря 1856 года «О сроках производства в чины по службе гражданской» отменил льготы по выслуге в зависимости от образования и установил общие для всех сроки выслуги для производства в следующий чин (с XIII по VI класс – по четыре года). Чин прекратил существование с 12 (25) ноября 1917 года – дата вступления в силу «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов».

В связи с кадровыми проблемами в системе МВД Российской империи часто приходилось более способных и исполнительных сотрудников переводить на должности в другие уезды в пределах губернии, так Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад был переведён на должность пристава 2-го стана Гомельского уезда 3 декабря 1869 года.

Прослужив более года, Иван Григорьевич, показав свой профессионализм, усердие и ответственность в работе, был замечен губернскими чинами и 30 января 1871 года зачислен в штат Губернского правления для определения к другим должностям.

1 февраля 1871 года Иван Григорьевич назначен исправляющим должность делопроизводителя суда Губернского правления. Должность делопроизводителя требовала особых юридических навыков, соответствующего опыта работы. Делопроизводство имело свой штат, в него входили секретарь, канцелярист, копиисты, переводчик.

В губернском правлении решались дела: по судебному управлению взыскание по векселям и обязательствам; решение споров о беглых и дезертирах; наложение арестов, запрещений и продажа имений за долги кредиторам и учреждениям; наблюдение за деятельностью дворянских опеков, сиротских судов; надзор за состоянием и содержанием тюрем и содержащихся в них арестантов; снабжение тюрем продовольствием; наказание и ссылка преступников по приговорам судов; наложение секвестра, конфискация имущества и имений участников восстания 1863–1864 годов.

Ивану Григорьевичу вновь пришлось менять место жительства, когда по просьбе председателя суда он дал согласие на должность секретаря Мировых судей. 2 мая 1872 года он был утверждён в этой должности секретарём суда Мировых судей Оршанского округа.

Целью выделения Мировой юстиции в самостоятельную подсистему было создание противоположности общим судам. Мировые суды выделялись из общей судебной системы как примирители спорящих сторон, судьи совести, хранители мира и спокойствия среди обывателей. Имевшему опыт в судебном делопроизводстве Ивану Григорьевичу Некрашевичу-Покладу работа оказалась по плечу.

Грамотно и без задержек он готовил дела для рассмотрения мировым судьёй. За выслугу лет был произведён в надворные советники со старшинством 7 марта 1875 года.

Служебная деятельность Ивана Григорьевича вновь была отмечена наградами за упорный труд на благо Российской империи. Высочайшим утверждением 13 марта 1879 года он пожалован знаком Красного Креста 21 августа 1879 года.

Серебряная, овально сложенная лента, перевязанная на бант и увенчанная серебряной Императорской короной. На левой и правой сторонах ленты расположены выпуклые серебряные даты 1877 и 1878. Внутри ленты помещён серебряный прямой крест, покрытый эмалью красного цвета. Право ношения знака было предоставлено лицам обоего пола, принимавшим участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

2 января 1881 года И. Г. Некрашевич-Поклад был награждён орденом Св. Анны 3-й степени.

Орденом Св. Анны награждались гражданские и военные лица, проявившие себя на службе Отечеству. Орден 3-й степени выдавался за двенадцатилетнюю службу в одной должности не ниже XIII класса или за восемь лет примерной службы в чине не ниже штабс-капитана.

За сорок четыре года жизни Иван Григорьевич так и не смог найти себе спутницу жизни. Редкая женщина смогла бы перенести тяжёлую службу мужа, связанную с постоянной занятостью и частыми переездами. Но Иван Григорьевич всё же смог очаровать молодую девицу из дворянского рода Урбановичей, Амалию Константиновну, проживавшую в Могилевской губернии.

И вот опять переезд к новому месту назначения, теперь уже вместе с женой. За добросовестное отношение к службе, высокий профессионализм 20 марта 1881 года Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада назначают исправляющим должность помощника Могилёвского полицмейстера. Он был утверждён в этой должности 1 января 1882 года.

Наверняка кое-то из коллег заметил в данном назначении покровительство младшего брата Ивана Григорьевича – Семёна Григорьевича, занимавшего в то время должность вице-губернатора Могилёвской губернии, но Иван Григорьевич всей своей непорочной карьерой заслужил эту должность.

Помощник полицмейстера в Российской империи – это заместитель начальника полиции в губернских и других крупных городах. Должность полицмейстера введена в 1782 году «Уставом благочиния». Полицеймейстер возглавлял управу благочиния, а со второй половины XIX века – городское полицейское управление. Полицеймейстеру подчинялись все полицейские чины и учреждения города, он осуществлял исполнение распоряжений высших властей, судебных приговоров и т. д.

В семье Ивана Григорьевича, между тем, происходили радостные события, 7 апреля 1881 года родилась дочь, её нарекли именем Нина. Это было огромное счастье, но Ивану Григорьевичу хотелось наследника. Он умолял жену об этом. И 30 августа 1882 года наследник родился, его назвали Александром. Бог услышал молитвы Ивана Григорьевича.

А 13 августа 1884 года родился сын Константин, в будущем участник Первой мировой и гражданской войн, полковник русской армии.

Семья пополнялась детьми, в радость была и служба. Следующей ступенью служебной карьеры Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада стала должность помощника Могилёвского уездного исправника, он вступил в неё 11 марта 1886 года.

Помощник исправника назначался и увольнялся тем же порядком, что и исправник. В круг его обязанностей входил текущий надзор за делопроизводством полицейского управления. Сверх того, в качестве ближайшего сотрудника исправника его помощник исполнял другие поручения, возлагаемые на него начальником. На правах городского пристава помощник исправника заведовал исполнительно-полицейской частью в тех уездных городах, где полицейских приставов по штату не полагалось. Дважды в год он совершал ревизию уезда – состояние путей сообщения, строительство, деятельность станковых приставов, волостные управления. При болезни исправника, увольнении его в отпуск или от службы помощник вступал во все права и обязанности своего начальника.

К тому времени в семье Ивана Григорьевича появились новые прибавления: 18 октября 1888 года родилась дочь Ольга, 2 февраля 1890 года – сын Фёдор, названный в честь младшего брата Ивана Григорьевича – Фёдора Григорьевича, Мстиславского уездного исправника.

За усердную службу Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад всемилостиво пожалован 21 июня 1891 года орденом Св. Станислава 2-й степени.

Орден Св. Станислава 2-й степени – польская награда, заимствованная Россией после присоединения к своей территории земель Восточной Польши (вплоть до реки Неман). Орден вручался как за военные подвиги, так и за гражданские благотворительные деяния. При наличии номинанта орден вручался один раз в году – 25 апреля (по новому стилю 8 мая). Церемония вручения проходила в торжественной обстановке. Орденский крест носился на специальной ленте, перекинутой через правое плечо. Ширина ленты составляла 45 миллиметров. Орденская звезда прикреплялась на левую сторону груди.

Исходя из сложной криминогенной обстановки и отсутствия штатного исправника в Чаусском уезде, могилёвским губернатором было принято решение ходатайствовать перед министром внутренних дел о направлении туда Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада. В Белоруссии уездные

исправники как руководители административно-судебной системы уезда назначались министром внутренних дел по представлению губернатора и полностью от него зависели. Отказаться было невозможно, Иван Григорьевич пообещал оправдать доверие и 26 мая 1892 года стал исполнять обязанности Чаусского уездного исправника.

За выслугу лет был произведён в коллежские советники со старшинством 26 мая 1892 года.

Проработав год, Иван Григорьевич сумел выровнять положение по криминогенной ситуации в уезде. Министром внутренних дел Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад утверждён в должности 26 мая 1893 года.

Обязанности уездного исправника: «Все возлагаемые сим наказом (ст. 722 и след.) на уездное полицейское управление обязанности относятся преимущественно к попечению и ответственности уездного исправника, как начальника полиции в уезде. Он, при непоколебимой верности и ревности к службе Его Императорского Величества, обязан бдительно смотреть за точным исполнением всеми и каждым в уезде верноподданнического долга, за повсеместным порядком, тишиной, правильным и скорым производством дел уездной полицией и за действиями чиновников и служителей оной. Он обязан отправлять должность свою не только с деятельностью и точностью, но и с изысканием во всяком случае человеколюбия и доброжелательства к народу, обходясь со всеми осторожно, кротко, даже снисходительно, хотя без малейшего послабления в делах и требованиях законных».

Исправник был прямым продолжателем власти губернатора в уезде.

Иван Григорьевич с полной отдачей сил окунулся в работу. По всей строгости спрашивал с подчинённых, слыша порой угрозы в свой адрес. Но в архивах не нашлось ни одной жалобы на его несоответствующие служебные действия.

Напряжённая служба негативно отразилась на его здоровье. Предчувствуя дальнейшее ухудшение здоровья, Иван Григорьевич решил исполнить важный документ о причислении своих детей к дворянству. Он подал прошение в Могилёвское ДДС.

Могилёвским ДДС 20.09.1894 года было рассмотрено прошение Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада о причислении его детей к роду и определено: детей к роду причислить. Представленные документы были направлены в Сенат. Определением Могилёвского ДДС от 20.09.1894 года о причислении детей Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада к роду, утверждённому в дворянстве определением герольдии 29.01.1862 года, было одобрено. Рапорт Могилёвского ДДС в Сенат о получении указа Сената от 22.03.1895 № 1370 о дворянстве получен.

1 мая 1895 года в семье рождается ещё одна дочь – Вера.

Для каждого родителя-дворянина было честью доказать и причислить своих детей к дворянству. Но при этом Иван Григорьевич почему-то не спешил позаботиться об их финансовом благосостоянии и разделить с братьями имущество, земли и дом, которые были завещаны им отцом – Григорием Викентьевичем. Вполне вероятно, что Ивана Григорьевича успокаивал достаток в семье, по тем временам он получал немалые деньги. Жалование в год составляло 750 рублей, столовых – 750 рублей, разъездных – 348 рублей, квартирных – 300 рублей. В сумме – 2148 рублей.

Иван Григорьевич чувствовал себя всё хуже, служба сделалась в тягость, он не захотел быть обузой в своём ведомстве и, пройдя медицинскую комиссию, получил акт о непригодности к прохождению дальнейшей службы. В декабре 1895 года он подал прошение об отставке по болезни. Рапорт был удовлетворён. 1 января 1896 года Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад уволен от службы.

Он отслужил сорок два календарных года, отдав все силы и здоровье Отечеству. В губернском правлении были устроены торжественные проводы на пенсию с благодарственными речами, вручены памятные подарки.

Пребывая на пенсии, Иван Григорьевич в течение пяти лет непрерывно болел, врачи не могли помочь, состояние ухудшалось. Амалия Константиновна из-за плохого самочувствия мужа взяла на себя хлопоты по его наследству. 1 апреля 1896 года она обратилась в МВД могилёвского губернатора со следующим прошением (документ № 2526):

«Вследствие отношения от 20 февраля 1896 года за № 1899 и в дополнение к представлению моему от 30 января 1896 г. за № 739, имею честь уведомить Департамент о том, что, как оказалось по собранным ныне сведениям, после смерти отца бывшего Чаусского уездного исправника Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада, оставшегося при имени Дубровка Чериковского уезда, земля по духовному его завещанию, утверждённому Могилёвской палатой уголовного и гражданского суда

Награды Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада

Орден Св. Станислава 2-й ст.

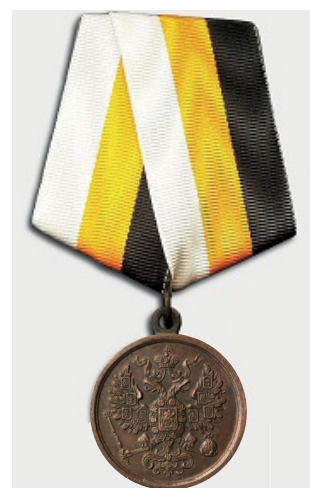
Орден Св. Станислава 3-й ст.

*Орден Св. Анны
3-й ст.*

*Знак
Красного креста*

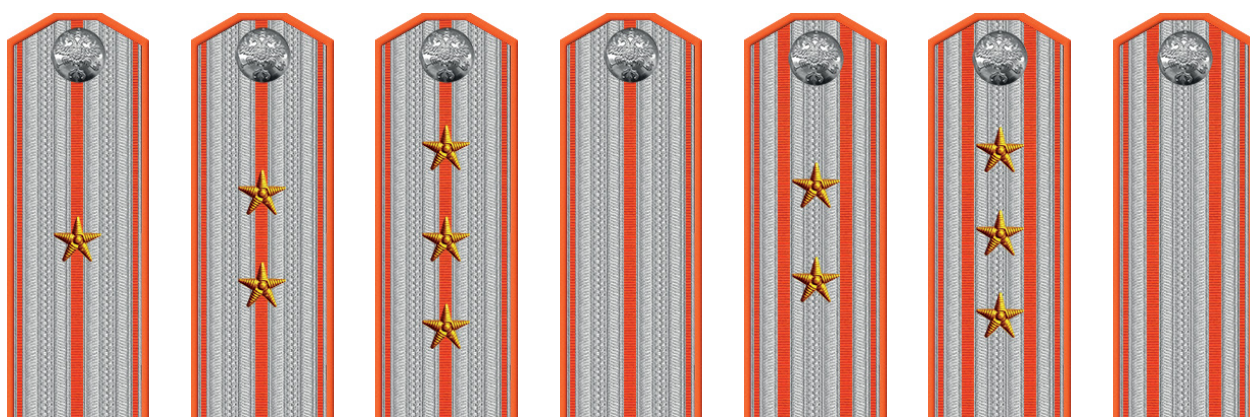
*Темно-бронзовая медаль
за усмирение Польского
мятежа 1863–1864 гг.*

*Полицейстер в чине полковника в служебной форме.
Помощник полицейстера в чине надворного советника
в служебной форме.
Исправник – начальник полицейских частей уезда.
Чин равный полковнику. Крайне редко подполковнику.
Чин земской полиции.*

Классные чины

*Коллежский
регистратор*

*Губернский
секретарь
(помощник
участкового
пристава)*

*Коллежский
секретарь
(участковый
пристав)*

*Титулярный
советник
(помощник
частного
или
станового
пристава)*

*Коллежский
ассессор
(частный
или
становой
пристав)*

*Надворный
советник
(помощник
исправника)*

*Коллежский
советник
(исправник)*

25 мая 1879 года за № 37, перешла в исключительное владение сына завещателя Филиппа Григорьева Некрашевича-Поклада и никакой части из той земли Ивану Григорьевичу Некрашевичу-Покладу не принадлежит. Не исключение из подлежащей графы формулярного списка Ивана Григорьевича числящаяся родовой земля с домом произошло или по упущению лиц, ведущих формулярные списки, или по оплошности самого Ивана Григорьевича».

Автору очерка удалось обнаружить в архивах списки межеваний дач с указанием владельцев. На 1895 год показаны дачи деревни Дубровка, принадлежащие дворянину Некрашевичу-Покладу Филиппу Григорьеву. Иван Григорьевич надеялся, что брат окажет помощь его семье, когда он уйдёт из жизни, но этого не случилось.

Зимой 1901 года на семью обрушилось новое несчастье: в шестилетнем возрасте умерла любимая дочь Ивана Григорьевича – Вера, перенести этой беды он не смог и 9 марта 1901 года скончался.

11 марта Иван Григорьевич Некрашевич-Поклад был погребён на Соборовском кладбище Св. Иосифа.

Его вдова, Амалия Некрашевич-Поклад, сорока пяти лет, осталась без состояния, её хлопоты о наследстве оказались безуспешными. Амалия Константиновна была вынуждена существовать только пенсией покойного мужа. При ней – несовершеннолетние дети: сыновья Фёдор и Константин; дочери Нина и Ольга.

Дети Ивана Григорьевича обучались на собственные его средства. Дочь Нина – в Могилёвской женской гимназии, сыновья Александр и Константин – в Могилёвской классической гимназии.

6 февраля 1902 года Амалия Константиновна Некрашевич-Поклад обратилась к могилёвскому губернатору Александру Станиславовичу Дембовецкому о назначении пожизненной пенсии дочери Нине, достигшей совершеннолетия, так как пенсия за службу покойного отца должна была прекратиться.

«Ваше Превосходительство, – писала Амалия Константиновна, – по удостоверении в болезни моей дочери Нины, прошу сохранить ей пожизненную пенсию с пенсии отца в соответствии с законом».

Губернатором прошение было удовлетворено, Нине Ивановне Некрашевич-Поклад назначена пожизненная пенсия.

Дети выросли. Константин и Фёдор – офицеры Российской империи. Александр – студент Санкт-Петербургского императорского университета. Ольга также переехала в Санкт-Петербург.

Амалия Константиновна осталась с дочерью Ниной в Могилёве, на улице Дворянской, дом кафедрального собора. Казённый дом, где они ранее проживали в Чаусах, пришлось освободить.

В тридцатых годах XX века Могилёвский кафедральный Св. Иосифа собор был взорван. На его месте построена гостиница «Днепр». В 1960-х началась перепланировка проспекта Мира. Кладбище пошло под снос. Родственникам умерших предложили перезахоронить останки, но большинство не смогли этого сделать или отказались. Никто из близких Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада в Могилёве к тому времени не проживал. Бульдозеры сровняли кладбище с землей.

Очерк «На страже правопорядка» имеет цель – возродить в памяти потомков славное имя русского чиновника Ивана Григорьевича Некрашевича-Поклада.

Из словаря исторической лексики

Табель о рангах («Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных») – закон о порядке государственной службы в Российской империи (соотношение чинов по старшинству, последовательность чинопроизводства), была утверждена 24 января 1722 года (4 февраля по новому стилю) императором Петром I. Все чины Табели о рангах подразделялись на три типа – военные, статские и придворные – и делились на четырнадцать классов. К каждому классу приписывался чин.

Коллежский регистратор – низший гражданский чин XIV класса в Табели о рангах в России XVIII–XX веков, а также чиновник, обладавший таким чином. До издания манифеста от 11 июня 1845 года чин давал право на личное дворянство, затем – только потомственное почётное гражданство. Погоны или петлицы данных чиновников имели один просвет и одну звёздочку 11,2 мм, там же дополнительно закреплялась эмблема служебного ведомства. Формой титульного обращения к коллежскому регистратору было «ваше благородие».

Столоначальник – должностное лицо, возглавлявшее низшую структурную часть центральных и местных государственных учреждений. Как правило, это был VII класса (Надворный советник). Официальное обращение: «Ваше высокоблагородие». Должность столоначальника была введена в манифесте об «Общем учреждении министерств» от 25 июня (7 июля) 1811 года (при определении состава департаментов). В приказах, которые и были заменены министерствами, примерным аналогом должности являлся начальник повытья, потому и в XIX веке столоначальников иногда называли повытчиками. Первоначально служащие «в столе» чиновники действительно работали за одним длинным столом, место в торце которого занимал столоначальник, однако впоследствии наименование подразделения (и чиновника, им управляющего) потеряло связь с предметом мебели.

Становой пристав – должность учреждена «Положением о земской полиции» от 3 июня 1837 года. Приставы возглавляли участки – станы, на которые в полицейском отношении были разделены уезды. Являлись членами земского суда. Назначались губернатором преимущественно из местных дворян-землевладельцев. Обеспечивали обнародование постановлений правительства, губернских и уездных административных органов, следили за порядком на территории стана и составляли сведения об его административно-хозяйственном состоянии. В своём ведении имели сельскую выборную полицию.

Коллежский секретарь – гражданский чин X класса в Табели о рангах. До 1884 года соответствовал чинам армии штабс-капитана и штабс-ротмистра, флота лейтенанта и казачьих войск подъесаула. После 1884 года чин коллежского секретаря соответствовал чинам армейского и кавалерийского поручика, казачьего сотника и флотского мичмана. Лица, его имеющие, занимали невысокие руководящие должности.

Титулярный советник – гражданский чин IX класса. Утвержден Табелью о рангах 24 января (4 февраля) 1722 года императором Петром I, просуществовал с многочисленными изменениями вплоть до отмены по декрету ВЦИК Совнаркома от 11 ноября 1917 года. Соответствующий армейскому чину капитана пехоты до 1884 года, штабс-капитана пехоты с 1884 года, штабс-ротмистра кавалерии, казачьего подъесаула и лейтенанту военного флота России.

Коллежский асессор – гражданский чин в Русском царстве и в Российской империи, соответствовавший с 24 января 1722 года VIII классу Табели о рангах. До 1884 года соответствовал армейскому чину майора, а после отмены майорского чина в армии соответствовал чину капитана. К лицам в чине коллежского асессора применялось обращение «Ваше высокоблагородие».

Надворный советник – гражданский чин VII класса в Табели о рангах в России. Соответствовал чинам подполковника в армии, войскового старшины у казаков и капитана II ранга. Официальное

обращение: «Ваше высокоблагородие». Знаками различия данного чина являлись двухпросветные петлицы или погоны с тремя звёздами.

Повытье – старинное название отделения приказного стола, где сохранялись и распределялись по отделам списки дел, протоколы и т.п. Заведующий повытьем подъячий обыкновенно назывался *повытчиком* (некто вроде нашего помощника столоначальника).

Уездный исправник – глава полиции в уезде в Российской империи, подчинённый губернатору. Также название должности в Дунайских княжествах и в Трансильвании в Средние века. Должность исправника как представителя высшей полицейской власти в уезде была учреждена Екатериной II в 1762 году.

Коллежский советник – гражданский чин VI класса в Табели о рангах. Соответствовал чинам армейского полковника и флотского капитана 1-го ранга.

Копиист – писец, переписывающий бумаги набело, снимающий копии.

Наложение секвестра – блокирование денежных средств на счёте вкладчика и прекращение выдачи процентов с его денежных средств на счёте по решению суда или следственных органов.

ДДС (Дворянское Депутатское Собрание) – орган дворянского самоуправления, который занимался составлением погубернских дворянских родословных книг, рассмотрением доказательств на дворянство, выдачей дворянам грамот на внесение их родов в родословные книги.

Источники

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Автор выражает признательность писателю Юрию Александровичу Покладу за корректуру и редактирование данного очерка.

Мурманские берега

Владимир Сорокажердьев

Владимир Сорокажердьев – родился в Кирове в 1946 году. Окончил Литературный институт. В 2013–2016 годах возглавлял Мурманскую организацию Союза писателей России. Автор сборников стихов и многих историко-документальных книг о Севере. Стихи печатал в журналах: «Дон», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Наши современники», «Север», «Юность». Лауреат Международной литературной премии им. В. Пилкуля. Почётный гражданин города Колы. Награждён медалью Рубцова. Живёт в Мурманске.

КОСТЁР

Он играет, он греет меня,
Вспоминая прошедшие годы.
Мы – вдвоём, хорошо у огня!
А деревья ведут хороводы.

Низок круг малолетних сестёр,
Тех берёзок, пригодных на веник.
Но чем ярче горит мой костёр,
Тем огромней бегущие тени.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Друг!
От страны себя не убирай,
Кровавые дожди нас оросили,
И Крайний Север нынче – тоже край,
Передний край воюющей России.

Здесь взрывы также смертные слышны
И – отблески пожаров на рассвете;
Там, под огнём, российские сыны,
Твои сыны, твоей России дети.

Ты их одень, обуй и накорми –
Как исстари, со всем народом дружно,
Ты от себя частицу оторви
Своей души, им это очень нужно!..

И сердца своего, других, наказ:
Вернуться так, как в сорок пятом, звёздном.
Дай то,
что нужно именно сейчас,
А завтра, может, будет уже поздно...

* * *

Зайти бы в лес и, может, заблудиться.
Не ведать горизонта и степей.
Но где вы, елей старческие лица,
Рукопожатья жилистых ветвей?!

Хвоинка не завалится за ворот,
Живая станет мёртвою вода.
Народ лесной переберётся в город,
А птица, зверь – куда они, куда?

К какому-то потянутся Борею,
В Ойкумену, страдальцы без вины?..
Особенно медведя я жалею,
Потомственного сторожа страны.

ГОРОД

Но буду ли жить я по-прежнему,
Молиться беспутному городу?
А ну его, пьяного, к лешему,
А ну его – в синюю бороду!

Обросший дымами-волосьями,
В поступках своих неуверенный,
Шуршит по асфальту колёсами,
Грозит высотой гулливеровой.

Уйдём в заозерье, подружка,
Надевши рубахи посконные.
На курьих ногах там избушка,
А правая ножка надломлена.

Там много осеннего золота –
И всаднику хватит, и пешему.
Тоску не бери в свою голову,
А ну её, грешную, к лешему!..

ЗЕМЛЯ

Земля любую боль услышит,
Переживёт любое зло.
Где глухомань – свободно дышит,
Где суета – ей тяжело.

У ней задымленная шуба,
Перемазучена вода.
А сколько пакости и шума
Несут эфир и провода.

Не придется, не умыться,
И никакой надежды нет,
Чтоб в лучшем облике явиться
На завтрашний Парад планет.

* * *

... все ушибленные Севером.

Бор. Пильняк

Они мечтали, громко верили
В киношный миф, былинный сказ,
Они, ушибленные Севером,
И тем похожие на нас.

Романтики и трудоголики,
Вождей послушные гонцы,
Поставили палатки-домики,
А после – фабрики, дворцы.

На коротко
или надолго,
Морозом, летнею зарёй.
Мы все ушибленные Волгой,
Хибинами и Ангарой.

И в том, наверное, наивны мы,
За горизонтами спеша.
А если б не были ушиблены,
Чего творила бы душа?..

* * *

Снега нет. Куда он делся?
Где его желанный свет?
Может, он вернулся в детство,
Но меня уже там нет.

Не ищи меня, дружище,
Там, где дедушка Мазай,
Не скреби у лодки днище
Со словами: «Вылезай!..»

Поздний срок, денёк короткий,
У зимы неясный след.
Нету снега, нету лодки
И Мазая тоже нет.

ЧАГА

В лес вхожу я без лишнего шага
Под прицелами птиц и зверья.
Не чернеет ли где-нибудь чага,
Питьевая голуба моя?

Пью совсем не в ущерб, не в убыток
Тем лесам – с малолетства был вхож.
Удивительный чайный напиток!
– Только чем он, скажите, хорош?

С его вкусом осеннего дыма,
С его силой живётся легко –
Он и солнце быстрее поднимет,
А под вечер задержит его!

* * *

Н. Рубцову

Впереди недорисованные дали.
В дождь ли, облако опять я завернусь,
Оглянусь – и никого, друзья отстали,
Задержались, отдыхают, ну и пусть...

То ли памятное утро, то ли вечер
Позови назад, калитку отвори,
И узнаешь, у оставших отдых вечен,
Дорогие вы попутчики мои!

Дорогие... Молодые лица-рожи!
Торопиться жить нисколько не виню.
Хоть и горько на душе, но всё же, всё же,
Что-то вспомню и улыбку уроню

* * *

В юношеских далях мы легки,
Песнями наполнены и риском.
Днём таскал тяжёлые мешки,
Вечером на танцах девок тискал.

Память, словно ветер дикий, вдруг
Сдует пыль, с годов далёких стружку,
Помнит теплоту нахальных рук
В глубине панельных стен старушка.

Задувает за окном снежок,
Приглашая: – Старче, поживее!..
Только давит возраста мешок,
А цемента он потяжелее.

ДАЧНИКИ

В леса, пруды и огороды –
Течёт народная волна,
Просить прощенья у природы?
Свободы требовать сполна?

А позже приливной волной
К асфальту, камню и железу
Народ торопится – домой! –
Цветами пахнувший и лесом.

И в той компании говорливой
Всё чудится порыв морской.
Там и меня несёт приливом
На грубый берег городской.

КАМНИ

Со времён незапамятных, давних,
Мы благое занятие нашли –
От греха убираются камни,
Выправляется лоно земли.

Но выходит из тьмы чудо-юдо,
Раскрывая горячую пасть,
Снова камни летят ниоткуда,
Чтобы снова споткнуться, упасть.

Камни – часть человеческой породы.
Это мы охмурить их смогли,
Чтоб летели они в огороды,
Чтоб кружились они у Земли!

ПСИНА

Этот чёрный, как ноченька, пёс
Не тарасил на публику зенки,
А хозяйюшки сумочку нёс,
Зубы – лучший охранник, где деньги.
Очень важный! Ему ещё б трость.
Треугольная морда резная.
А где денежки, пряталась кость –
Аппетитная ножка свиная.
Будет псине на вечер мосол!
А сейчас – хоть немножечко славы:
Гордо сумку несёт как посол
Молодой африканской державы.

СПУТНИК

Он вырос на сейдовских нарах,
На мхах, меж камней и берёз.
Совсем не худой, а поджарый,
От лайки случившийся пёс.
Скажи-ка, мой спутник, кто папа,
Породы какой удалец?
Он машет приятельски лапой,
Мол, ты мне и друг и отец.
Следит и во всём подражает,
Старательно гладит усы,
Как я, вечерами зевает,
А утром глядит на часы.

Весна! Светлой майскою ночью
Бродить по округе мастак.
Вся жизнь у него – многоточье,
А хвост – вопросительный знак.

ОХОТА

Охотник по округе кружит,
Оставит ли кого в живых?
Чем дальше в лес, тем больше ружей
И запахов пороховых.
Октябрь. Лес отданный на откуп
Ватаге буйной боевой.
Чем дальше в лес, тем крепче водка.
Эй, кто остался ли живой?
Чем дальше в лес, собаки злее,
И медлить более нельзя,
Разделить важного трофея,
Пока не высохли глаза.

ВНУЧКЕ УЛЬЯНЕ

Продолжается роман –
Чувств наполненная чаша.
Парень с Мурманна – Роман,
С енисейской выси – Саша.
Время сблизило сердца.
Словно вышли из тумана
Два зелёных деревца
И ещё одно – Ульяна.
Под родительским крылом
Нет девчужечки милее!
И живут они втроём
На яру у Енисея.
Пусть живут они до ста
В стороне от свар и рисков
Там, за пазухой Христа,
В глубине земли Сибирской.

* * *

Во дворе ещё не капали капли,
И апрель сугроб в ручей не уволок.
На рябины налетели свиристели,
И у каждой птахи чудный хохолок.
Мир заполнили – небесные полати.
Ах, грабители рябиновой казны!
Этой россыпи брильянтовой вам хватит,
И надолго, может, хватит. До весны!
И конечно, доложили уже Богу.
Улыбнулся Он, нет весточки милей:
«Да, неслышанно рябины нынче много.
Да, не считано сей год свиристелёй».

Мурманские берега

МАРИНА ЧИСТОНОГОВА (ДОЦЕНКО)

Марина Владимировна Чистоногова (Доценко) – журналист, поэт, член Союза писателей России. Окончила филологический факультет Мурманского пединститута. Служила на Северном флоте, в Пограничной службе ФСБ России военным корреспондентом и начальником корпункта по Арктике газеты «Граница России» (Москва) в Мурманске, подполковник запаса. Автор шести поэтических сборников. Дважды удостоивалась премии губернатора Мурманской области «За достижения в области литературы и искусства», лауреат премии «Золотое перо границы» и др. Публиковалась в региональной и центральной прессе. Помимо государственных служебных наград, награждена медалями губернатора Мурманской области «За доблестную службу в Заполярье», им. Михаила Шолохова «За гуманизм и служение России», «Патриот России».

* * *

Не за чины России служат,
И не за хлеб, и не за соль.
Лишь тот солдат Отчизне нужен,
Что выбрал долю, а не роль.

Чтобы хранить твою границу,
Твои бездонные моря,
Твои окраины, столицу,
Любовью искренней горя.

Лишь только с этой высшей силой
Возможно всё. Крепка броня.
Возможно даже над могилой
Воскликнуть: «Русь, возьми меня!»

Светла и духом гармонична,
Свой стяг победный выше вскинь!
Ведь ты, Россия, безгранична,
Как и любовь к тебе. Аминь.

* * *

Вот только-только стали подниматься,
И вновь пинок, и вновь удар под дых.
Опять народу некуда деваться,
Лишь унижаться за стакан воды.

Заморская цепная деспотия
Уже давно отпущена с цепи,
И цель одна: Великая Россия
Должна сорваться с доброго пути.

Не уставая врать и извращаться,
За океаном скалится зверьё...
Моя страна умеет защищаться
И отстоит достоинство своё!

Не уничтожить армию убудкам,
Продавшимся за жирные харчи, –
Пока живём не только лишь рассудком,
Пока любовь и вера горячи.

* * *

Так кто у нас там главный пацифист?!
Еретики, отступники, иуды!
Виновник, как всегда, кристально чист –
Виновник смерти, голода и блуда.

У клироса подсвечником стоит,
А прихожане изгнаны на паперть.
И почему молчит митрополит?
Спаси нас, Пресвятая Богоматерь!

Священный долг – сражаться за своих,
Пусть голос чести в русских не ослабнет.
О, подари нам Невских и Донских,
Пожарских, Пересветов и Ослябей!

Вставай, народ, за русские гробы,
Изринь себя из рабства унижений!
Вставай, народ изломанной судьбы!
Вставай, народ, не знавший поражений!

* * *

В поисках лихих земного рая
На дорогах, шатких и кривых,
Говорил, мол, выведет кривая.
Вывозился, вывозил, привык,

От удач хмелея и зверея.
Только к Богу явишься босой.
А кривая знай себе кривеет –
По пути становится Косой.

* * *

Иди вперёд, российский офицер.
Хоть завывает гнусно и трусливо,
Карманы набивая суетливо,
Холёный развращённый лицемер.

Не власти за тобою, а страна,
От голода не видящая света.
Тебе – призвать преступников к ответу!
Не должен Русью править сатана.

Ты присягал Отчизне, а не злу,
Всем матерям заплаканным и жёнам, –
Не соборищу насильников прожжённых.
Так разрази их в праведном пылу!

И на плацу гони их меж шпалер,
Гони сквозь строй исчадие порока,
Неумолимо, жёстко и жестоко.
Гони врага, Российский Офицер!

* * *

Офицеры уходят в запас,
Офицеры уходят из жизни.
Галерея заплаканных глаз –
По свободе утраченной тризне.

Оболгали, представили злом,
Подлецом, дармоедом солдата,
В нищету завязали узлом,
Чтобы полз на карачках за НАТО.

Что эгида, коль нет у страны
Ни традиций, ни духа, ни веры?
Саранчою с чужой стороны
Налетевшие миссионеры

Напролом, по святыням – вперёд,
Ненасытная алчность во взорах.
А народ – он и сам отомрёт
На своих бесконечных просторах.

Богородица, вспомни о нас
И о нашей скорбящей Отчизне!
Офицеры уходят в запас,
Офицеры уходят из жизни...

* * *

Страна несбывшихся надежд,
Страна страдания и боли.
Скажи, о Господи, доколе
Мы будем в подданных невежд?

Доколе будут, о, скажи,
Из ложью взятой царской ложки
Плевать в святыни, корчить рожи?
Из ложки только или лжи?

Доколь нам в бедах вековать
И искупать грехи чужие,
А бесам в блюде, зле, во лжи и
На крови нашей ликовать?

Апофеоз гробовщиков –
Могильных плит нагромождение.
Когда ж России возрожденье
Низринет в прах временщиков?

Да не склонится голова
Пред этой сворою продажной!
Ведь верю я, как верит каждый
В молитвы праведной слова:

«Да придет Царствие Твое!»...
И, не приемля путь окольный,
Я к церкви с белой колокольной
Иду по выжженной траве.

* * *

Вечный огонь негасимой лампадой
Света побед золотит ордена.
Русские люди давали наградам
Русских героев своих имена.

Жуков, Суворов, Нахимов, Кутузов,
Невский святой и святой Ушаков.
Светлые подвиги великоруссов –
Высшая Сила и вышний Покров!

* * *

Корабль – храм. Служение Отчизне
Служению Богу равно на земле.
Российская соборность – символ жизни,
Морское братство – жизнь на корабле.

У моряков державных, православных
Надёжный и незыблемый уклад
И надписи повязок нарукавных
Читаются, как сотни лет назад.

Повязка «Рцы» – дежурный корабельный,
Повязка «Како» – вахтенный матрос.
Под формой крестик маленький нательный, –
Богохранимый Флот-Великоросс.

Он с верою пройдёт любые битвы,
Взвивая флаг Андреевский в зенит,
И на века делами и молитвой
Традиции кириллицы хранит!

* * *

Какой по счёту ангел вострубил
И допустил предателей во власть?
Над святостью отеческих могил
Зияет окровавленная пасть.

Страну сровняли с ямой выгребной
Застрельщики голгоф и катастроф.
Похоже, вновь невиданной войной
Придётся искупать грехи врагов...

* * *

Долготерпенье русское – загадка,
Одна из наших исконных голгоф.
Ведь можно жить, пока горит лампадка,
С надеждою на Бога, на Покров.

Да худо ли быть сильными духовно,
Не распаяясь, громы не меча,
Не изменять привычке родословной
И не рубить сплеча и сгоряча?

И как бы ни корёжили вандалы
Страну мою нещадно, без стыда,
Она всегда из пепла восставала,
И русский дух выстаивал всегда.

«Сильней пожар, скорее – брат на брата!
В гражданскую! Чтоб проще воровать!»
Но эту власть со славой Герострата
Не станем поимённо называть.

Земля родная душу возгревает,
Нам хватит силы, веры и молитв.
Лишь ненависть смердит и убивает.
Презрение – страдает, но молчит.

* * *

Как говорят, коль мальчиков рожают,
То на их долю выпадет война.
Они растут, взрослеют и мужают,
Но скольким жизнь короткая дана!

Уходят рано лучшие мужчины,
И без бомбёжек рушатся миры.
Наверное, на это есть причины,
Для нас непостижимы до поры.

Друзья, о, сколько вас похоронила,
Талантливых, весёлых, молодых.
И лишь молитва добавляет силы,
Покуда свет небесный не затих.

Увы, земной закон неправосуден,
Но грешный мир Спасителем воскрес.
И может быть, войны совсем не будет,
Ведь вы теперь – защитники с Небес.

* * *

Мой язык, осиянный Покровом
Света Сущего на Небеси!
Путь единственный нам уготован –
В русле русскости, в русле Руси.

Мой язык, золотой, многоликий!
Возликуй во славянскую даль,
Половодьем культуры великой
Затопи богомерзкую шваль!

Мурманские берега

Валерий Чарторийский

Валерий Павлович Чарторийский – родился в 1966 году на Украине в Волынской области. Стихи начал писать со школы. Первая публикация – в районной газете «Колос» в 1976 году. В дальнейшем стихи публиковались в малотиражной газете «В полёт» ЛИАПа (Ленинградского института авиационного приборостроения), в газете «Западная Лица», в Санкт-Петербургском литературно-публицистическом журнале «ПИСАТЕЛЬ. XXI век», тематических сборниках «Искрятся рифмами снега», «А мы вины не знали за собою», «Есть в памяти мгновения войны, что молниями светятся до смерти...», альманахе «Площадь первоучителей», антологии поэзии Кольского Севера «Отсюда начинается Россия». Автор сборников стихов: «Я сердцем чую...» (2014), «Украина в огне» (2015, 2020), «Упругость круга» (2019). Член Союза писателей России. Мурманская областная писательская организация.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЁЗДАМ

*Посвящается курсантам
ВИКИ им. А. Ф. Можайского*

1

За закат мои мысли летят,
И встревожено сердце тоскою,
Позабытой далёкой мечтою,
Той, что звёзды безмолвно хранят,
Защищают и бережно прячут,
Но манят нас, безмолвно зовут,
Предвещая средь бед или смут
Несомненную нашу удачу!

Всякий раз, распластавшись в траве,
Обратившись зеницами к звёздам,
Понимаю, как будет непросто
Сделать ближе их к нашей Земле...

Но не прерваны нити времён!
И под звёздами ясно: откуда
В нас живёт ожидание чуда!
Сердцем я совершаю поклон
Нашим предкам суровым, простым,
Что в степях и дубравах мечтали
Пронизать неохватные дали,
Приближаясь к истокам своим.

2

Мы протопчем по небу пути!
К звёздам мы долетим непременно!
Разгадаем загадки Вселенной
И отыщем на Млечном Пути

Среди звёзд, мирозданий, скоплений
Позабытую нашу мечту,
Что хранила череда поколений,
На Полярную глядя звезду.

И тогда, руша тернии драм,
На обочине звёздной дороги,
Воздвигая космический храм
...Вдруг поднимутся люди,
как Боги.

* * *

«Мы не рабы! Рабы не мы!» –
Учили прадеды когда-то,
Восстав из вековечной тьмы
И победивши супостата!

Трудились, ширились, росли,
Вздымали домны и заводы,
Фашизму головы снесли,
Не покладали от заботы

Рук, заскорузлых от труда,
Во славу Родины, Народа.
Я так опять хочу туда!
И всё сильнее год от года...

А ныне... время для иуд –
Сейчас совсем другие темы.
В праправнуках деда придут!
Ну а пока – рабы-то... немь.

* * *

На смерть В. Гербы

А мы с тобой пока что живы,
Пока что в толщах бытия
Всё рыщем в поисках поживы,
Пока рискуем – ты и я.
Пока не жмут нас горизонты,
Пока дыхание легко,
Ни жар борьбы, ни вопли фронды
Нас не тревожат глубоко.
Пока... Титаны мы и франты –
Сжигаем времявекселя!
Безумные негодянты
На краешке молекулы Земля

ВETERАНЫ СССР

Мела пурга, буран кружил – зима кипела!
Окном скулил дом, где я жил, а сердце пело!
И не один такой я был, нас было много –
Держава нам – надёжный тыл – легка дорога.
Не чужа множества утрат в душе и теле,
Не ради бонусов, зарплат мы жили, пели
И берегли покой Страны и дни и ночи.
И верили, что мы нужны не между прочим!
Мы были молоды тогда, в той славной были.
Ушла Страна, прошли года, мы поостыли...
Теперь в пургу металлопласт совсем не воет,
Сейчас почти забыли нас, и сердце ноет...

12.03.2011

* * *

Тишина изглодала душу,
Втихаря принялась за сердце,
В лето снова вползает Стужа –
Снова ратиться или греться.
Пустота пожирает сушу,
Вороньё налетело снова.
Неприятно его мне слушать.
Здесь! На Родине! Рядом с кровом!
Видно, нынче настало время
Штык втыкать в инородную массу.
Позабыло, знать, вражье племя –
Русь сломить не смогли ни разу.
Видно, выпало ныне бремя
Постоять за страну и веру.
Если так, то я стану в стремя,
Чтобы в лаве быть среди первых.
И в последнюю злую сечу
Лицемерную вражью расу
Я пылающим сердцем встречу –
Силой той, что сродни фугасу.

2017

РУСЫ

Ю. Д. Петухову

Родились на войне
и живём на войне.

Протоирей Андрей Логвинов

Нам тыщи лет объявлена война.
Она идёт и явно и неявно.
Мы на войне с рождения. Подавно
Скрижали пополняют имена
Ушедших ввысь – дружинами... поротно...
Но не погибших в памяти народной.
Русь отстоявших в злые времена.

А тьма на нас валит не задарма –
Нет, мы не канем в Лету от бесславья,
Пусть души положив за православье,
Но не познав бесславие ярма.

Здесь, на войне, немало страшных вех,
Но кровь пролить за Родину не внове –
Сердца и души наши наготове!
Мы ждём тебя...
Латинский рейх.

24.05.2015

ОФИЦЕР – ГАРНИЗОН

*Брошенным гарнизонам
Империи посвящается...*

Они долго болели: один от кессонной болезни,
А другой от болезни, которой названия нет.
И они понимали – об этом не думать полезней,
И на пару встречали над сопкой лиловый рассвет.
Они вместе делили всю радость, всю боль,
все напасти,
Жили всё второпях, подставляя друг другу плечо.
Может, в этом и было их нелёгкое странное счастье,
Да и сердце стучало, одно на двоих, горячо.
Злые шли времена. Грызуны переполнили сушу.
И под грузом страна оседала, как камень, на дно.
Двое вынесли всё. Каждый знал –
«Не согнусь и не струшу!»
И держались, служили с надеждою в сердце одном.
Крысы рвали страну. И её по надраенным норам
Растащили на части, в натуге усердно шурша.
Стал седым небосвод: когда люди оставили город –
Из усталого тела второпях отлетела душа.

09.12.2012

Берега Новороссии

Евгений Журавли

Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист. Окончил БФУ им. И. Канта. Совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс. С 2015-го появились публикации в калининградском литературном журнале «Берега» (2015), венгерском журнале Szozat («Зов», 2016), а также на сетевых страницах различных журналов («Вокруг Света», «Русский Репортер», альманах «Искусство войны» и др.). Победитель международного литературного конкурса «Большой финал – 2015/16», всероссийского литературного конкурса «Хрустальный родник – 2016». Автор книг: «СтихИя», «Знаки». Живёт в Калининграде.

ЗАПИСКИ ВОЛОНТЁРА

Осенью 22-го я прибыл в Донецк без предварительных планов и обратной даты. Мной двигало желание, как бы пафосно ни звучало, быть максимально полезным своей стране. Начало полномасштабной войны не удивило, но, конечно, было принято с горечью. Такое развитие событий уже с десяток лет предсказывалось всеми, кто следил за ситуацией, но всё же теплилась почти религиозная надежда на «хитрый план» или что-то иное, столь же чудесное. Однако, помимо сдачи всех русских интересов, иных чудес не помню. Война тоже началась так, что каждый человек, искренне любящий Россию, не избежал отчаяния. Во многом моё желание быть участником событий продиктовано именно этим. Делать, что считаешь важным и нужным, не оглядываясь и не возлагая надежд на неловкие действия государства. Донецк встретил мягким шорохом листвы и глухим уханьем артиллерии. Основная часть горожан даже не поворачивает головы к разрывам, демонстрируя тотальный фатализм. Едут в автобусах, совершают покупки, гуляют в скверах. Чувствуется некоторое опустение – многочисленные вывески «сдаётся» в витринах, небольшое количество автомобилей. Но людей много, в том числе в камуфляже, гостиницы в дефиците, чувствуется напряжённая суэта. В целом – красивый, ухоженный, сильный город, достойный символа стойкости, каковым и является. Прилёты ежедневно, в том числе совсем рядом. Несколько дней прошло в поисках собственного применения. Хороший человек и большой поэт Анна Долгарева назвала мне «того, кто точно занимается делом» – Юрий Мезинов. Написав, тут же получил звонок: «Можешь приехать в Луганск?» – «А когда надо?» – «Сейчас». Так я стал членом движения «Неравнодушные», они же – фонд «Добрый Ангел», они же, с некоторых пор – «Штаб Захара Прилепина». Юра, ополченец с 2014-го, один из создателей и глава всех вышеупомянутых организаций в ЛНР, мощная и значимая фигура не только в волонтерском движении. О нём можно и стоит говорить отдельно, но на большем количестве страниц. Лагерь располагался в большой станице южнее Северодонецка, ближайшем месте к фронту, где есть электричество и мобильная связь. Бывший хлебзавод, приспособленный под склад и жильё, стал мне домом. Так получилось, что вскоре после прибытия ребята доверили мне быть начальником лагеря, Юра не возражал. Города Лисичанск, Северодонецк, Горское, Золотое, Рубежное, Кременная, Сватово и окружающие их населённые пункты стали моей зоной ответственности. Товары прибывали беспрестанно. Недостатка в волонтерах тоже нет – ссылки на странице Захара Прилепина достаточно, чтоб возникла очередь желающих. С тихой радостью обнаружил, что все прибывающие грузы и даже транспорт – жертвования неравнодушных граждан и предпринимателей. Никакого государства, настоящая, в прямом смысле, помощь народа. Лидируют в жертвовании ближайшие к войне города. Маленький Таганрог шлёт столько же, сколько миллионный Ростов, Краснодар и Воронеж чуть меньше, далее уже Москва и остальные регионы равномерно, география до самых удалённых окраин. Думаю, дело тут в вовлечённости – личные связи, близость, осведомлённость. В целом, чувствуется неравнодушие

народа – много вязанного и шитого лично, с письмами, сладостями и нежностью. Бывает, вскрыв очередной чёрный пакет, видишь заботливо уложенные детские ботиночки с запиской, невольно подкатывают слёзы. Вокруг – тотальный апокалипсис, нет привычных бытовых условий, руины городов. У меня самого дети, трудно представить, как можно выпестовать тут младенца. Поразила интенсивность войны. Не ожидал. Мы уже привыкли к мысли, что современная война должна быть похожа на фехтование – высокоточное оружие, стремительные группы спецназа. Оказалось, настоящая война – огненный каток, стирающий всё на своём пути. Северодонецк пострадал ничуть не меньше возведённого в образец жертвы Мариуполя, город-призрак, болезненно оживающий на короткий световой день. Но то, что видишь на месте Тошковки, Камышевахы, Попасной, в промке Рубежного и Северодонецка, превышает даже воображаемый Сталинград. Обугленные черешки деревьев, бетонная пыль городов. Чёрная оспа в полях, искореженная сталь. Лохматая овчарка у переправы жмурит глаза, уклоняясь от игривой грызни своих крепких, похожих на медвежат щенков. «Интересно, сколько им месяцев?» – невольно спрашивает вслух сидящий за рулём Женя. Ответ очевиден, и мы оба думаем об одном. Да, вскормлены человечинной. Здесь это не домыслы. Кое-где в воронках ещё виднеются куски рваного тряпья, на которых, скорее по привычке, сидят группами птицы, катая обклёванную кость. Сиротски оцетинилось деревянными крестами новое гражданское кладбище. По именам и вповалку. Города – без воды, отопления, газа и электричества, полны оставленных стариков, инвалидов, бездомных. Государство дотягивается не до всех. Ездят водовозки, с тентованных грузовиков раздают крупы и макароны, но не все могут выйти к этой помощи, донести воду до квартиры или вообще не обладают жильём и очагом. Частное волонтерство, как лекарство, проливаемое в грубый механизм, само находит проблемные места, заполняет и излечивает их. Лежачие больные, сироты, люди без документов, жители удалённых и уничтоженных посёлков – все они не могут получить помощь или не знают о ней. Адресная помощь – именно то, в чём сейчас нуждается прифронтовой Донбасс. Мы добыли списки лежачих больных, составленные до войны, отправились по адресам. Стандартный набор – продуктовый пакет, самые популярные лекарства, взрослые памперсы, вода. Далее соседи и просто случайные люди дополняли списки. Многие нуждаются в постоянном уходе, сейчас среди нас постоянно действует и врач. Лишь пятая часть немощных из списка отсутствуют, большинство, хоть и не по своему адресу, остались на месте. Люди, конечно, до последнего не хотят покидать родные места. Мол, куда мы поедим? Даже когда взрослые дети в Орле или Днепропетровске, говорят – я вся тут, вот мой дом, ничего больше моего в целом мире нет, лучше здесь и умру. У многих с началом войны дети бежали на Украину или в Польшу, отношения прерваны, но не из-за отсутствия связи. Они «сепары» для своих детей. Нельзя сказать, что оставшиеся только ждут и терпят. Многие активны, готовы строить и участвовать в общественной жизни. Учителя – новые люди, сильно рискующие жизнью. В посёлке Чабановка школа возникла стихийно – кратно увеличилось население за счёт бежавших из северодонецкой агломерации, встал вопрос обучения. Люди самоорганизовались, стали работать без всякой зарплаты. К моменту нашего знакомства директор школы Людмила, бывшая до войны бухгалтером, собирала, где могла, любые канцтовары. В декабре уже принимала в тёплом, застеклённом и отчасти оборудованном нами здании съёмочную группу ТВ, а доброволец Серёга устанавливал газоанализаторы к купленному за свои деньги дымоходу. «Вот, всё у вас сбылось, – говорю, – даже официальный статус наконец-то продавили». – «Не знаю даже, что чувствовать, – отвечает она. – Всего так много за последнее время случилось. И страшного, и трогательного. Открыла для себя – оказывается, в мире столько хорошего. Раньше не замечала. Маленькие радости. Вот ребёнок улыбнулся – как же хорошо! Куртку тёплую добыла. Вкусненькое что-то. Игрушку. Кастриюлю и настенные часы. Вот кто-то поприветствовал тепло или пошутил. Кто-то помог. Всё это стало таким важным! А ведь сколько добрых людей вокруг, раньше и не думала. Ведь собрались и сделали». Добрых людей вокруг действительно много. Часто я слышу здесь, что война высветила в людях кто есть кто. Мы видим случаи беспримерного гражданского подвига. Немолодая Ирина из Северодонецка спустила в подвал пятерых лежачих стариков своего дома, они пережили штурм, мы поставили их под опеку, двое больных, к сожалению, недавно умерли, двоих отправили к родственникам. Кто-то собрал вокруг себя бездомных собак, у кого-то более сотни кошек. Казалось бы, каждый из нас подумает – тоже так смог бы. Нужно понимать – люди здесь больше не имеют накоплений, запасов, предсказуемого дохода, бытовых условий. Их день – борьба за жизнь в этот день. Единожды все получили десять тысяч рублей. Дальше ничего. Потихоньку

внедряются пенсии по возрасту, минималка. Цены как в Москве. Документы есть не у всех. Пенсионерка Татьяна, бывший социальный работник, без всякой зарплаты ходит по своим довоенным подопечным района РТИ Лисичанска, самостоятельно добывая для них гуманитарку и лекарства. «Сладкого бы чего-нибудь, – говорит она. – Положите вместо круп в продуктовый набор сгущёнку, или конфет, или шоколадку, знаете, как они будут рады. Истосковались тут все». Храм в Лесной Даче пригорода Северодонецка забрал к себе с наступлением холодов два десятка лежачих больных. Собираются взять ещё. Монастырь на Белой Горе кормит и одевает нуждающихся. Мы помогаем им, чем можем. Вообще, религиозные учреждения сейчас играют здесь особую роль. Мы передаём им товары оптом, и взрослое, и детское, продукты, печки, лекарства – они знают свою паству и распределяют ценное точнее. «Напишите на листочке имена ваших детей, мы будем за них и вас молиться», – говорит отец Сергей из Сиротино. «Да некрещёные они, отец». – «Ничего, у Бога чужих нет. Вы и есть истинные христиане. Мы будем молиться». Люди объединяются вокруг храмов. Уверен, не ради благ. Вокруг катастрофа. Не покидает ощущение, что местным осталось надеяться только на Бога. Если честно, после первого ознакомления с местностью меня накрыло чувство безысходности. Насмотревшись мрачных картин и наслушавшись за день людей, не раз останавливал машину, долго стоял на месте, пытаюсь сложить всё в голове. Не складывается. Что же мы будем со всем этим делать, как поднимать? А как быть этим людям?

Помимо православных храмов, без всяких колебаний я отгружал товары свидетелям Иеговы на Стекольном, анабаптистам в Тошковку, синкретистам «Благодати» в Лисичанск и адвентистам в Северодонецк. «Вас кто-то прислал к нам?» – настороженно спрашивают в одном из мест. «Думаю, Бог». Они делают то же, что и мы. Всё это подвижники. Вне всяких сомнений. А моё служение само по себе похоже на карго-культ. Я пишу свои просьбы в безликий чат: «нужна тёплая одежда на большие размеры», «генератор 12В», «побольше взрослых памперсов», «бетаметазон или аналоги», «ходунки детские», «мочевой катетер», «МФУ для Чабановской школы». И каким-то образом через короткое время из Ростова уже едут ходунки, генератор, взрослые памперсы и всё остальное. Не знаю, как точно создана эта система. Ребята расшаривают по своим страницам, равнодушные люди покупают и присылают конкретные вещи. Есть производители и торговцы, готовые безвозмездно поставлять что-то в любых количествах. Есть безликие спонсоры и те, кому нужен пиар. Что-то консолидируется в фонд. Что-то привлекает Захар. Юра тратит свои. Волонтеры и энтузиасты тоже не остаются в стороне. Иногда вещи специфичны, при этом неподъёмны для частника, создаётся обсуждение по конкретной проблеме, задача так или иначе решается коллективно. Всё это работает исключительно на энтузиазме. Даже странно. Получается, я отправляю мольбы русскому народу и всё получаю, потому что очень надо. И вдруг понимаю, мой народ – Бог.

Добровольцы – подвижники. Они приезжают на свои деньги и не получают зарплаты. С чистыми помыслами и любовью делают всё, что нужно, только ещё с верхом. Уезжая, часто оставляют кто две тысячи, кто пять. Деньги тратить тут абсолютно некуда – развлечений нет, связь плохая, комендантский час, сухой закон – считай, что монастырь. Эти лишние деньги тоже тратятся на добрые дела – стеклопакеты, срочные лекарства, покупки конкретных товаров или услуг нуждающимся. Я нашёл общество, близкое к идеальному. У нас похожие ценности и мировоззрение – ничего не нужно объяснять, мы понимаем друг друга и так. На каждого могу положиться. Нет пустых болтунов. Состоявшиеся в жизни или начинающие, все – люди деяния. Тот, кто собрался и поехал в неизвестность. Кто не смог быть равнодушными. Айтишники, врачи, бухгалтера, экспедиторы, бизнесмены, ветераны, пенсионеры и студенты. Миша, ветеран Афгана, приехал на своём авто из-под Мурманска. Дмитрий с женой, владельцы частной клиники, из Екб. Конечно, и без Таганрога никак. Листаю свои фото – Аня из Нижнего передаёт что-то инвалиду-колясочнику, катившему мимо. Просто не смогла проехать. Закат, лучшее время для съёмки – тёплые тона побитой улицы, контрастные тени, микеланджеловское касание пальцев. На лицо колясочника нисходит свет, искря взгляд и вычерчивая внешность. И вдруг я понимаю, что это не только солнце, она, Аня – тоже свет, без которого не блеснул бы этот взгляд случайного человека, не исходило бы от фото такое тепло. «Вы ничего своего не даёте тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды: это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров». Каждый вечер мы устраиваемся за своим длинным столом, чтоб, в прямом смысле, преломить хлеб, планируя завтрашний день. «И, призвав двенадцать, начал посылать их по два». Наступает утро, пары экипажей разъезжаются. Впереди

кварталы многоэтажек с пустыми глазницами, и посёлки, которых нет. Там тоже должны быть люди. Устиновка, Чихирово, Новотошковское. «Есть кто живой? Люди есть?» – кричал я в руины и темноту погребов. Деревни стёрты с лица земли, население вроде бы покинуло их, но смотришь – там пасётся коза, там лает собака. Кажется, никого. Но находится, наконец, испуганная старушка, успокаиваешь, даёшь продукты, свечи, каких-то лекарств. И вот появляется у калитки ещё старичок, потом ещё семья неопределённого возраста, ещё кто-то. Как они продержались здесь? В какой щели, в какой лазейке пережили? Просто поразительно, как уцелевает и прорастает вновь жизнь в самых невозможных условиях. И так везде. Смотришь, руины. Но где трое, где и двадцать человек. Невольно задумываешься о непобедимости жизни. Ставим на карандаш, будем заезжать, может, соберём и на генератор.

Неужели мародёрят, спрашиваю. Да, говорят. Ездят тут местные. А то ЛДНР заходили прямо на двух «уралах», собрали в грузовики всё, вплоть до столовых приборов. В Тошковке община попросила у нас ведра, тарелки и топоры. Что ж в деревне ведер и топоров нет? Вон сколько домов покинутых, возьмите там. Оказывается, выгребли всё, вплоть до тарелок и ведер. Сказать «был удивлён» мало. Такое невозможно как минимум без покровительства высших офицеров. Впоследствии я поднимал этот вопрос, где мог. Перед командирами, бойцами ЛНР, заезжими журналистами. Недавно ротный одного из подразделений ЛНР уверил меня, что бывало такое, но ушло в прошлое. Зато мы у него первые, кто привёз амуницию без сопровождения вышестоящих, забирающих обычно значительную часть подарков. Воры в погонах наживаются теперь на поставках. Количество украденной военной амуниции можно оценить на @baraholka_inr. Случается и произвол. Военные заходят в жильё, забирают ценное. Как ни больно это говорить, на многие километры здесь – «дикий запад», где у кого оружие, у того и власть, отсутствие государственных функций и страх с наступлением темноты. Ни власти, ни полиции.

К кадровым российским военным нет претензий. Напротив, именно они первые исполняют роль гумвойск, сразу лечат, кормят, одевают, если надо – эвакуируют. Раненых и больных на броне отправляют в госпиталь, где теми занимаются, невзирая на наличие документов. В гражданскую больницу здесь попасть очень трудно. Где стоит армия – население всегда накормлено, утеплено и подлечено. Но армия уходит вперёд. И если с массовым мародёрством вроде бы покончено, то государственная система выстраивается на прифронтовых территориях не быстро. Долго ещё людям приходится рассчитывать только на себя. Тут понимаешь настоящую роль волонтерства. Это не только накормить и утеплить. Люди получают внимание. При внешнем взгляде, пока что люди получили здесь от России только несчастья и призрачную надежду на будущее. Мы возвращаем их к себе. Пытаемся решить каждую конкретную просьбу. Люди не чувствуют себя брошенными, обманутыми, преданными. «Они сказали: вы нас грабили, теперь мы вас грабим. Но мы же тоже луганские, просто под Украиной были», – откровенничает женщина в Рубежном. Её дом был богат. Кованые ворота, два гаража. Сидим под большим арочным навесом, укрывающим пол двора, пока предприниматель, которого я привёз, общается с её мужем насчёт покупки какого-то оборудования. Речь о больших миллионах. В тени крыши, изрешечённой «Градом», через россыпь дырок сияют точки неба. Очень похоже на звёзды. Ухает вдали артиллерия. Если отвлечься, можно представить себя в родных краях – ночное небо, морской прибой монотонно шлёпает о берег волну. Слишком похоже на мир.

«Затянуло тебя, брат, трудно будет вернуться», – заметил кто-то из наших. Странное дело. Я осознал вдруг, что содержание жизни стало абсолютно иным, нежели пару месяцев назад. Люди, их беды, чувства, тихие радости, конкретные задачи, многие из которых определяют чью-то жизнь или судьбу. Человеческие истории – страшные и сентиментальные. Люди, их лица и голоса. Они приходят и уходят – радостные и несчастные. Иногда звонят, если позволяет связь. Бывает, напрягаешься, вслушиваясь в обрывки слов, пытаешься уловить главное, спрашиваю: скажите, мол, по слогам, что вам надо. Благодарим, спасибо вам, – слышится в ответ. Стал замечать случайные слёзы – и собственные и чужие. Сначала смущался, но однажды видел, как шмыгает носом суровый командир. Многие события проносятся так быстро, что не успеваешь и рассмотреть, но сейчас понимаю – никогда не чувствовал себя настолько живым. Прошлое стало казаться далёким воспоминанием. Нет мотивов держаться за него. Реальность превратилась в сетку решаемых задач, пропал привычный счёт времени. Затянуло. У меня были тетради и ноутбук, надеялся писать, если и не художественные черновики, то хотя бы заметки об увиденном. Однако оказалось столько работы, что к ночи с трудом добирался до койки и открывал глаза, когда слышал шаги проснувшихся. Не

было сил на творческие муки и даже перелистывание новостей. Не знал, что отдали Херсон, пока кто-то случайно не сказал. Один звонок в день – единственное, что связывало с прежней жизнью. В мире у меня небольшая логистическая фирма, я хорошо управляюсь с людьми. Здесь попал в свою стихию – хаос товаров и заявок превращать в цепочки доставок, систематизировать задачи, заявки, маршрутные задания, упорядочивать склад, обслуживать машины. В общем, пытался делать, что умею, старался делать хорошо. Получилось не всё, но упрекать себя почти не в чем. Кажется, оказался в нужное время в нужном месте. Но всё же есть досада, что много времени ушло на рутину, а вокруг настоящая, прекрасная и беспощадная жизнь во всей её полноте, на максимальной яркости. Человеческие чувства и горести, мощь и хрупкость, евангельское человеколюбие и чистое зло. Такого нигде больше не увидишь, таким не надышишься.

До поездки я с некоторым недоверием относился к аксиомам наших СМИ, вроде «ВСУ умышленно бомбит свои города» или «расстреливают мирных». Но раз за разом люди рассказывают одни и те же истории. «Вот, поставили арту в этих ангарах, заняли мой дом и двор, – поясняет предприниматель Огурчик из Вороново, – русские наступали только. Так вот, арту развернули и давай долбить Северодонецк. Я знакомым звоню, спрашиваю – прилетает? Они – ещё как. Из моего двора, говорю. А они – не может быть. Вот так-то». В это трудно поверить. Не укладывается в голове. Зачем? Весь Северодонецк подтверждает, что как только возникла угроза отступления, ВСУ стали лютовать по отношению к жителям. Расстреливали не глядя. Уходя, давили машины, которые не могли забрать, валили дома и жახали из танков по пятиэтажкам. Встречал женщину, ранее симпатизировавшую Украине, муж которой не пережил, что защитники разнесли их квартиру, прихватило сердце. Когда ВСУ отступили в Лисичанск, возвышающийся над Северодонецком, начался суший ад. Ровняли город наобум. Националистам есть за что ненавидеть город, эти годы все за глаза называли его «Сепародонецк» – в 2014-м здесь была самая высокая явка на референдум по отделению. Как понимаю, отступая, ВСУ считает территорию потерянной для себя, а оставшихся людей врагами (их называют «ждунь»). И досада их настолько велика, что стараются превратить утерянное в пыль. Жизнь оставшихся их не интересует. Более того, мне кажется, что тут кто-то получал удовольствие от убийств. Многие проукраинцы сменили свои убеждения, увидев воочию действия «захистников». Доводы «я за вас, ребята, за Украину» не действительны. Остался – значит, предатель. Ставлю буржуйку старикам-заукраинцам – разговаривают со мной на более-менее понятном полтавском диалекте. Охают, признаваясь в симпатиях, но и жалуясь на прежних своих кумиров – солдаты, занимавшие их жильё, уходя, расстреляли квартиру – батареи, мебель, стёкла. Заявили: «мы вас пожалеем, но скоро всё равно сдохнете, попомните ещё». Такая вот снисходительная жалость. Но повезло не всем. Что-то тут произошло – какой-то сбой развития цивилизации, какой-то дефект в эволюции человека. Будто что-то потустороннее вырвалось вовне. Жуткое перекопанное кладбище в Боровском, являвшееся опорным пунктом, – окопы, прибитые украшенные черепа, разложенные кости. Недалеко АЗС «Укрнафта» с надписью «Правый сектор» – в резервуарах казнённые мужчины с пакетами на голове (их трудно извлечь, давно б уже захоронили). Жители этой округи как один повторяют историю – ещё за два года до войны их посёлки и окружающий лес дважды умышленно поджигали. Ну ладно, говорю, бывает. Безумец какой-нибудь или экономические интересы. Нет, говорят мне, ты не понял – искусственно поджигали и закрывали блокпостами въезды и выезды, чтоб мы сгорели. «Правый сектор». Не может быть, говорю. Мотива нет. Но раз за разом люди повторяют эту историю. Не знаю, что и думать. «Это чистое зло. Оно здесь на свободе. Поверь, Женя, не все мыслят, как ты», – говорит Сид, легендарный нацбол, повидавший в своё время всякое. Сегодня он волонтер, тоже не смог остаться дома. Основание деятельности любой насильственной идеологии, говорит он, не постулаты идеологии, а склонность к насилию. По сути, садистский мотив. Вот, к примеру, русский вполне может боготворить Гитлера, невзирая на то что собственная семья менее века назад пострадала от расизма. Тезиса «он был за чистоту белой расы» достаточно, чтобы оправдывать свою склонность к насилию. Остальное для адепта неважно. Власть над чьей-то жизнью, истязание и убийство – одно из самых сильных возможных переживаний психики. Вспомните, дети с упоением мучают насекомых. Если такое не остановить, формируется потребность в своеобразном удовольствии. Момент всевластия. Найти подходящую идею недолго. Указание на приемлемую жертву и легитимизация насилия – большего не надо, поклонники найдутся. Украина создала такую идеологию. Россия, русские – и не люди вовсе, орки, подлежащие уничтожению. Любое насилие законно.

Вот кто-то скажет, что я тенденциозен. Скажу, да. Пусть я и мои дети не идеальны, пусть моя картина мира не совпадает с чьей-то, но я не считаю себя подлежащим уничтожению на этом основании. Меня, моих детей и сограждан считают недочеловеками, ошибкой, которую следует стереть. Украина создала систему, где человеконенавистничество является нормой. Баловство это всё, скажет кто-то, не обращай внимания, везде есть плохие люди, маргиналы, националисты. Нет. Это стало системой. Невозможно представить, чтоб у нас кто-либо призывал уничтожить финнов и их детей или, к слову, евреев на основании принадлежности к национальности, языку или государству. По крайней мере такие призывы наказуемы. Здесь безнаказанны даже действия. Хочу, чтобы все, читающие этот текст, осознали угрозу – вас расчеловечили, вас приговорили. Убеждения и симпатии не имеют значения. Русские как национальность и как система межнационального сообщества приговорены к смерти. И под это дело вписались серьёзные тяжеловесы. Вспомните западный мем «русские не улыбаются». Случайно ли много лет в содержание понятия «русский» вкладываются нечеловеческие черты? Типа, есть люди, а есть «особенные», русские. Орки. У населения, перешедшего под контроль России, вне зависимости от симпатий, проявляются некоторые абсурдные представления о России и русских. Например, сетуя на утрату имущества, всё же все удивлены, что орки не оказались паталогическими убийцами, а чеченцы никого не насилюют. При том что у востока Украины сильные родственные связи с Россией, а многие мужчины ездили вахтовиками в Сибирь и на стройки в столицы, русская провинция представляется им тёмной ямой, в которой невозможны унитаз и Интернет. Почти все убеждены, что русские очень ленивы, к тому же алкоголики, а нация вырождается. Слышал мнение, что мы захватываем Украину ради генофонда, сами уже рожать не можем. Также однажды собеседник апеллировал мне аргументом, что, мол, я не могу свободно говорить даже здесь с ним, потому что якобы боюсь последствий, ведь у нас царит тотальная диктатура, люди пропадают без суда и следствия, а меня всегда гложет страх.

Но, даже оставаясь убеждёнными в своих иллюзиях, иногда несправедливых, иногда и возвышенных, абсолютное большинство населения желает прочного мира под русским флагом. «Правда, вы нас не бросите?» – самый болезненный вопрос здесь. У всех перед глазами истории беженцев из Изюма, Лимана, Купянска. В некоторых посёлках они сейчас составляют до половины населения. Известия, которые они получили от оставшихся земляков, породили страх. Там произошло что-то ужасное. Даже геноцидом это назвать неправильно, потому что под угрозой все, невзирая на национальность и убеждения. Жители зажиточного, по современным реалиям, пгт Новоайдар, у каждого из которых есть близкие, которые воюют на противоположной стороне (много лет дислоцировался большой гарнизон), уверяют: «Бог с ним, что у вас, россиян, невкусная еда, что нет газа и дикие цены, но только давайте уже навсегда. Наши нам не простят». В общем, как бы грустно ни звучало, стопроцентную поддержку России обеспечила здесь украинская армия.

Люди чувствуют неуверенность России. Войск сейчас здесь много, но особых движений нет. Глубоко в тылу строятся оборонительные линии. Но фронт гремит. Бойцы тоже злятся, мол, стоим на месте, в бой не ведут, но ведь периодически прилетает. Постоянно какие-то переговоры и договорняки. «Отпустите нас домой или отправьте в бой, надоело уже бестолково нести потери». Те, кто бьётся впереди, тоже всякое рассказывают, складывается впечатление, что в старшем командном составе, а также в высоком руководстве армии окопались, мягко говоря, вредители. С материальным обеспечением сейчас неплохо, но и мы, конечно, помогаем. Юра узнаёт потребности конкретных подразделений, отвозим медицину, амуницию, термобельё, генераторы, печки. Адресно покупается более сложная техника. Энтузиастами приобретаются уазики. Но всё это не обеспечивает победы. Разведка, связь, системы управления боем и сами стратегии – в этом мы серьёзно отстаём. Тенденция на выправление ситуации видна, но всё это фактически запоздалые реакции на конкретные возмущения народа. Если, допустим, в руководстве нашей армии не хватает патриотизма, может, пора мотивировать серьёзной ответственностью? Противник противостоит нам очень серьёзный. Везде, где я ни был, в Кременной, Попасной, за Лисичанском и у Энергодара, бойцы грустят о том же – безопасных мест нет. Враг всё видит и бьёт очень точно. По нашему посёлку прилетало трижды. Логика этих ударов мне не очень понятна, но бесспорно – куда целились, туда и попадали. Конечно, не говорю об этом жене. «Что это у тебя там стучит?» – спрашивает иногда. «Ветки по кузову бьют, ничего особенного». Любимая уже не требует, чтоб немедленно вернулся, не ругается, не плачет в трубку. Однажды тихо выдохнула: «Признайся, у тебя кто-то там есть?» Кажется, пора возвращаться.

Серебристый самолёт уносит домой. Вдруг обнаруживаю себя в мире, от которого успел отвыкнуть. Всё застыло на месте, ничего не происходит. А кажется, должно быть иным, ведь столько времени прошло, столько всего случилось. Но нет. Недельный цикл примерно одинакового набора событий и новостей. Всё размеренно, всё очень серьёзно. Проблемы и цели здесь очень сложны, теряются где-то вдали. При этом плоски, будто двухмерны. И понимаешь, что вообще-то, наверное, так и должно быть. Как иначе обеспечить неизменность мира, его основательность? И снова дети в счастливом угаре виснут на руках, заказчики тревожно осведомляются о возможных повышениях цен, сотрудники дисциплинированно выходят на линию, чтоб превращать своё время в мои цифры. Жена, бывает, перехватывает взгляд, спрашивает, опять, мол, задумался о чём-то? Наверное, чувствует. Может, знает, когда закрываю глаза рядом с ней, в мой сон вливается свинцовая тяжесть Северского Донца. Двигутся тёмные воды, плыву среди песчаных берегов и обструганных сосен, взбираюсь на понтон переправы, и дальше по битому асфальту, по всем своим местам, от самой Камышевахи до Кременной. Лица мелькают, не всех узнаю. Вижу себя снова на своём месте. Ожидающие глаза ребят-волонтёров. Все молчат, наверное, какой-то сложный вопрос, ждут моего решения. Сон обрывается в небытие, теряется знание, что же такое важное нужно было решить. Каждую ночь. Эти яркие образы могут показаться художественным вымыслом, но как есть – все сны до сих пор происходят там. Никуда я не уехал. Наяву день проходит в обычных заботах, но то и дело рука тянется к телефону – просмотреть рабочий чат, узнать, что требуется на базе, полистать самые свежие новости с фронта, попереживать за ребят. Рядом декабрь стремительно несётся к новогодней кульминации. То тут то там бахает пьяная петарда. Непроизвольно фиксируешь выход. Конечно, петарда. Чему же ещё здесь бахать? Ясное дело. Петарда. Наверное. Скорее всего. Листаю отчётные чаты группы, тихо завидую – ребята в облике Дедов Морозов и Снегурок объезжают всех детей, которых смогли найти. Абсолютно всех. Детишки, написавшие заранее письмо, получают мечтательное, вне зависимости от цены. Сам подкидываю деньги. Есть тяжёлые просьбы. «Чтоб наступил мир, дали воду и свет и чтоб ко мне приехал мой племянник и старшая сестра потому что уже год...», «мне уже 11, я конечно не ребёнок, но хочу попросить...», «хочу большую игрушку и верни папу». Трудно спокойно читать эти неровные буквы. Вот уже на столе оливье и вино, но тем сильнее мысль о том, каково там. Новый год взрывается фейерверками, а в голове лишь: «Господи, как же похоже на Кременную, как же похоже, а ведь, небось, там сейчас так же кроют». Наступают дни, похожие один на другой. Кажется даже, всё это один день. Но однажды раздаётся звонок: «Можешь приехать? Очень нужен». Ничего не обещаю. Трудно снова надолго оставить всё. Родители, фирма, сотрудники и их семьи. И свои же дети. А с любимой даже страшно вопрос поднимать. Она что-то чувствует, держится настороженно на каждую новость. Вот и сейчас. «Ты же больше не поедешь туда, правда?» Смотрит не отрываясь. Ждёт ответа. Не знает, что я уже купил билет.

Берега Новороссии

Марк Некрасовский

Марк Некрасовский – член Союза писателей России, Республиканского союза писателей ЛНР – луганское отделение МСП. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, литературных журналах (около ста публикаций). Автор книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы всё же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022). Лауреат литературных премий им. Михаила Матусовского, «Молодой гвардии», Олега Герасимова, Владимира Гринчукова, «Гранатовый браслет» (СПР). По мотивам поэмы «Танго смерти» – постановка в Ханта-Мансийске, на сцене «Югра Классик» – «Последнее танго», режиссёр Инна Голикова. Живёт в Луганске.

СЕПАР

Рассказ из цикла «Новая мифология Донбасса»

«Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...» И все скакали. Все, кто стоял на майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины. Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя – чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали кубинцы Фиделя – «кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда, кубинцы ещё бросали в сторону Соединённых Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола – вот что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо её запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километрового флага Украины или таких же рушников. Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами – страна богатых отдыхающих из США и нищего и неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только вначале строительства новой Кубы – потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина – страна поголовной грамотности, да и на дворе 21-й век, а эти прыжки на главной площади Украины – никого это не шокирует. «Козье болото» – вдруг выплыло из памяти старое название майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран может тратить так бездарно свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана – сделать бедных ещё беднее, а богатых ещё богаче. Хотя и козлиное не в меньшей степени. Только козлы – это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бойню, к баранам запускали козла. Козёл становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко – наглые и напористые. И когда наступало время, козёл, не мучаясь совестью (какая у козлов совесть?), вёл привычным маршрутом всю отару на бойню. Наконец прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоящих на трибуне, начал рассказывать о тяжёлой доле «неньки» Украины, о её внешних и внутренних врагах. В это время сосед Геннадия – пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по скорости явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Ещё один... И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль». Труп унесли, и Геннадий сосредоточил своё внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бежит в красных трусах по пляжам Нью-Йорка. И на тебе! Опять лезет в политику. Может, деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени

Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте – построенная за те же деньги. После пламенной речи сумасшедшего кролика толпа скандировала лозунги: «Путин х...ло, Путин х...ло», «Украина превыше всего...» Затем вышел «козёл» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке, нет, это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жёсткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей». Говорила она опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся её речь свелась, пожалуй, к одному – победы не будет, пока президентом не станет пани Юля. После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України ні слава, ні воля...» Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрёт и что «сгинуть вороженьки» и будет Украина «от Сяна, до Дону». Дон пока ещё принадлежит России, но настанет день, и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская – всё будет украинским. Пели, забывая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах и о растущем бандитском беспределе. Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирий» украинец. Тем более с его биографией: Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи – и прямо с майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов. И в это мгновение к микрофону подошёл главный «козёл» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент». «Любі друзі. Братья и сёстры. Родина в опасности», – произнёс президент с дрожью в голосе и сделал паузу. «“Любі друзі” – это он украл у Ющенко, “братья и сёстры” и “Родина в опасности” – у Сталина, – подумал Геннадий. – Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия – главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие, как он, за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут». Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединённых Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» – как заклинание вновь и вновь повторял президент. Затем он сделал паузу и перешёл к «внутренним» врагам. «Сепаратисты – вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят “зраду”. Оглянитесь, и вы поймёте, кто предатель!» И толпа, ещё мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга. Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же – по внешнему виду искать «сепаратистов». На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа? Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом: «Нашёл! Нашёл!» – И неожиданно крепко для его возраста схватил Геннадия за руку. И – о, ужас! – на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту. Кольцо из разъярённых людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Всё, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сёстры». Избиение властным окриком остановил пан президент: «Мы европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону». Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетасили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия. Пан президент продолжал: «Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет». И Майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку на гиляку! Москаляку на гиляку!...» Главный козёл подвёл итог: «Как панство решило – так и будет!» Зазвучал марш сечевых стрельцов, и занавес за спинами «козлов» начал раздвигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд верёвочных петель. Геннадия потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И Геннадий понял, что это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее их виноватой в убийствах. От неё ему ждать пощады нельзя. Геннадий закричал. Вернее – завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда всё уже решено, решено не тобой, и спасения нет... Геннадий про-

снулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс – под двести ударов. Ещё немного такого сна – и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от шипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадию почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом – убитые и раненые. То пьяные добрабатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянущие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих. Семья не проснулась от крика Геннадия – все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились – пусть терпят. Если правда, что сны – это наши потаённые желания, а кошмары – наши страхи, то доля ответственности в его кошмарах лежит и на соседях. Как так получилось? Геннадий помнил, как встречали первых беженцев («переселенцев») из зоны АТО и Крыма – как героев. Не остались с сепаратистами-террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтёры за свои или собранные с небезразличных людей деньги. Да и ненадолго всё это. Максимум две-три недели, ну месяц от силы. Пан президент обещал. Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и Иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярких майдановцев – пропала вера в молниеносную победу. Прерванные связи с Россией оказались фатальными – продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия – «страна-агрессор» и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь – цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием. Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой-одноклассницей, которая переехала из Луганска в город Северодонецк, ставший областным центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске, – в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нём свет, воду, тепло и электричество. Елена плакала и спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернёмся? Но постепенно приходило понимание и уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добробаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть всех оставшихся, не успокоятся. Елена плакала: годы идут, а жизни нет, а Наташка ожесточилась. Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени общались. Нормальная была девчонка! И на тебе – позвонила общему знакомому Семёну, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолёта! Всех, без исключения!» Семён пытался звать к Наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ – площадная брань и пожелание своим же родителям – побыстрее сдохнуть. Выключил мобильный Семён. Спорить с такими бесполезно. Наташка удивила. Хотя, если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунистов. Одна Фарион чего стоит. Та самая Фарион, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярким украинским националистом, кстати, тоже в прошлом коммунист, серьёзно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фарион медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Правда, какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фарионши, не колеблясь, вступят в их ряды. Хайдарыч – тот ещё фрукт. Мама – русская, папа – волжский татарин, а туда же – украинский националист. Рассуждает о трипольской культуре – прародине украинцев – с такой убеждёностью, что и не переспоришь. Твердит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от культуры Триполья не осталось письменных источников. Только керамика с определёнными узорами. И язык украинский самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадались чей? Украинский!!! А Чёрное море кто выкопал? Украинцы!!! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри

Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началось АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, пошёл в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки. «Зачем ты настучал на своих друзей?» – спросил его Геннадий. И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом: «Я не стучал. Я сотрудничал». А Семён был и остаётся для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живёт город. И, слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал – да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно. В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своём автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть и не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как и в Луганске. Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не успел растаможить в Одессе. Повезло. Всё перевёз в Киев и стал торговать. Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере надобности. Бизнес пошёл. И с клиентами Геннадий умеет разговаривать – любой разговор поддержит – недаром окончил исторический факультет, «комиссарский» – язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селёдку продают – подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и силикон специальный и щётка для обработки. Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, как у Геннадия, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щёткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве – это, наверное, наша национальная черта. Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, Геннадий несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглядит, когда надо отойти, и, когда вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники и горе – всё было общим. Слово дал – держи. А здесь улыбаются в лицо и делают гадости. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел своё, принесённое из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь? И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Ещё одна попытка наладить контакты. Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а значит, из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником. Оставив машину на платной стоянке, Геннадий вошёл в рынок и подошёл к своему ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой модуль лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью, большими транспарантными буквами так, чтобы было видно издалека, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор – СЕПАР. Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щёткой с силиконом скаты. А затем, так же не торопясь, можно сказать, демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждёшь?» – секундная пауза. – Я возьму твою щётку и силикон?» Геннадий не ответил. Налил себе ещё стопку и, не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил её. Съев кусочек колбасы, ответил: «Вам коньяк вреден. Особенно чужой – давление повышает. И силикон пора свой купить – не обеднеете». Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил: «Есть ещё вопросы?» Вопросов не было. Забились шакалы в свои модули и носа не показывали. Но мавр своё дело уже сделал. В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадию и не здороваясь, прошёл мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошёл директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине. Геннадий закрыл модуль и пошёл на стоянку, где находилась его машина: продлить время парковки – ездить нетрезвым он себе никогда не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины скорой помощи и милиции. «Что случилось?» – спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил: «Да сто-

рожа избили. Не давал машины с донбасскими номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им донбасским и надо!» Геннадий посмотрел на свою машину – окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колёса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине – попал бы под банду Вовки-Атошника. Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все рёбра как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошёл Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить в него раньше, чем гопники добежали до подъезда. Дома тоже не всё в порядке – жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришёл домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере». Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили. Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал: «Всё! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят – тут его брошу! Семён не пропал, и мы не пропадём. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!» И повеселели и сын и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение. Жена расставляла тарелки на столе – пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку. «Чья это сумка?» – спросил он. «Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл», – ответила жена. Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча. «Привет! Как дела? Что нового?» А Хайдарыч всё о своём: «Будущее независимой Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца – пожертвовать своей жизнью ради благополучия родины!» Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице – на войну не идёт. Пусть другие умирают? Да ну его к чёрту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник и сидит – мечтает, как он возвратится домой. Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришёл. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. СБУшники! Три секунды, и сын и Геннадий лежали на полу, расставив руки и ноги. Один из одетых в военное снимал всё происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный (в руках у него была кожаная папка) взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат – георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чём долдонил! Это он моей семьёй пожертвовал ради счастья Украины! Интересно – денег ему теперь дали за сотрудничество?

* * *

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трёх человек, занимавшихся сбором информации и готовящих ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала – каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор литературного журнала «Берега»-Калининград, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, член Литературного форума «Мир слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, член жюри литературного конкурса «Новая Библиотека». Почётный член философского общества. Почётный гражданин Балтийского городского округа, лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества», «Золотое перо Руси». Специальный приз 13-го Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» «За бесконечную и самоотверженную преданность слову». Кавалер ордена «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева.

ИСТОРИЯ РОДА АРСЕНЬЕВЫХ И СВЯТЫНЯ ПРАВОСЛАВИЯ

Москва – Калининград

Многие ниточки связывают два города: столицу России и её самую западную область. Одна из этих ниточек – семья дворянского рода Арсеньевых, с давних времён обосновавшегося в Москве.

Давайте отправимся на улицу Чапаева, дом 3, в Калининграде. Здесь жила в эмиграции русская семья Арсеньевых.

– Николай Сергеевич Арсеньев, известный философ и культуролог, автор 60 книг и брошюр, с 1920 года;

– его брат Василий Арсеньев, известный генеалог, автор исследования «Род дворян Арсеньевых» ;

– Юрий Арсеньев, сотрудник японского консульства в Кёнигсберге (японский консул был крещён в Православии);

– Наталья Арсеньева, фрейлина великой княгини Елизаветы Фёдоровны, автор ряда исторических очерков;

– Анна Анзерова (Арсеньева), писательница;

– Вера Арсеньева, учитель русского языка;

– Евгений Гагарин, её муж, писатель;

– Андрей Владимирович Трубецкой, участник сопротивления в Кёнигсберге, гвардеец 148-го гвардейского стрелкового полка, кавалер ордена Славы, будущий профессор, доктор биологических наук, светило в области кардиологии;

– будущий профессор Сергей Иванович Балугецкий, участник антифашистского сопротивления и партизанского движения на территории Восточной Пруссии, разведчик партизанского отряда Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны СССР, заведующий кафедрой возрастной анатомии, физиологии человека и школьной гигиены Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ) и Московского государственного областного университета (МГОУ);

– Екатерина Васильевна Арсеньева (Шеншина), мать и бабушка перечисленных выше представителей рода Арсеньевых.

Все эти русские люди, высокообразованные, творческие, любившие Россию и преданные Православию, жили в эмиграции в Кёнигсберге в разные периоды с 1920 по 1944 год.

Русский дипломат Сергей Арсеньев

А теперь отправимся на площадь Победы в Калининграде, к храму Христа Спасителя. Здесь надо сказать о священной духовной достопримечательности Калининграда. Это иконостас в нижнем приделе Кафедрального собора Христа Спасителя, изготовленный в эпоху правления Елизаветы Петровны. Это произведение искусства и духовное сокровище, символ русской воинской славы, драгоценная реликвия Православной церкви – дань памяти тем четырём годам (1758–1762), когда Восточная Пруссия являлась провинцией России. И кто же спас этот иконостас от разрушения, от забвения? Это русский дипломат Сергей Васильевич Арсеньев (1854–1922). Он являлся почётным членом Совета Императорского Санкт-Петербургского археологического института, Православного Палестинского Общества, Московского археологического института, Псковского археологического общества, Псковской, Витебской, Тульской архивной комиссии, Географического общества, Русского археологического общества, Ростовского музея, Симбирской и Рязанской архивной комиссии, исторического общества при Московском университете, членом-корреспондентом Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских.

Сергей Васильевич Арсеньев был награждён орденом Св. Анны 1-й степени, Ольденбургского Дома за заслуги герцога Петра Фридриха Людовика большим крестом, черногорским Даниила 1-й степени, шведским Вазы 1-й степени, командорским крестом со звездой и Полярной Звезды кавалерским крестом, командорским крестом Св. Гроба Господня, болгарским Св. Александра командорским крестом, греческим Спасителя командорским крестом, сербским Св. Саввы 2-й степени со звездой, Золотой Звездой 1-й степени, турецким Меджидиэ 2-й степени и Османиэ 3-й степени, прусским Короны 3-й степени, норвежским Олафа 1-й степени и множеством других медалей и орденов.

История иконостаса

На территории Восточной Пруссии не было ни единого православного храма, и, когда Восточная Пруссия стала провинцией России, было принято решение – создать православные храмы в основных трёх гарнизонах: в Кёнигсберге (Калининград), в Пиллау (Балтийск) и в Мемеле (Клайпеда). По указу императрицы Елизаветы Петровны были выделены специальные средства на изготовление трёх иконостасов, трёх комплектов утвари и ризницы для русских войск в Пруссии. В 1760 году церкви были устроены и освящены. В Кёнигсберге – во имя Воскресения Христова, в Пиллау – Сошествия Святого Духа, в Мемеле – Преображения Господня. После возвращения королевства Пруссии Петром III королю Фридриху II все три иконостаса сначала были доставлены в Санкт-Петербург и некоторое время хранились в Петропавловской крепости. Затем иконостас из Пиллау был установлен в церкви Императорской академии изящных искусств в Санкт-Петербурге. Иконостас и утварь кёнигсбергской церкви были отправлены в российское посольство в Вене, а мемельский – в посольскую церковь в Стокгольме.

Шли годы, и следы иконостасов затерялись. Неизвестна судьба кёнигсбергского, оказавшегося в посольской церкви в Вене, исчез из церкви Петербургской академии художеств пиллауский иконостас в революционном и богоборческом огне в 1918 году.

А вот мемельскому иконостасу повезло больше. Сегодня он находится в Кафедральном соборе Христа Спасителя в Калининграде. Здесь иконостас называют Суворовским, в честь одного из губернаторов Восточной Пруссии Василия Ивановича Суворова (1705–1775), генерал-аншефа, сенатора, отца будущего генералиссимуса Александра Васильевича Суворова-Рымникого.

27 сентября 2007 года митрополит Смоленский и Калининградский, сегодня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин Великого освящения Малого храма Кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде – храма Воинской Славы, где установлен мемельский иконостас.

Как же, каким образом он попал в Калининград? Мемельский иконостас долгие годы находился в церкви при посольстве России в Швеции. Переехал он в Гамбург в 1900 году по инициативе русского дипломата Сергея Васильевича Арсеньева. В 1900 году в Гамбурге был освящён Свято-Никольский храм, помещение для которого приобрело основанное при российском посольстве Свято-Князь-Владимирское братство. Тогда С. В. Арсеньев предложил установить здесь мемельский

иконостас. Ведь, будучи на службе в шведском консульстве, он немало времени провёл в молитвах перед этой исторической реликвией. К этому времени Сергей Васильевич Арсеньев уже был российским министром-резидентом ганзейских городов в Гамбурге и Любеке. Сюда приходил он на службы со своими детьми. Мемельский иконостас хранился в чулане, так как при шведском консульстве России была построена новая церковь, в которой был и новый иконостас. Неизвестно, какая участь бы постигла старый иконостас, если бы не решение Сергея Васильевича Арсеньева перевезти его в Гамбург.

К иконостасу приходили православные люди, молились перед ним о победе над фашизмом во время Второй мировой войны. В Гамбурге службы у этого иконостаса шли до 1965 года, когда был построен новый храм.

Ведомство по охране культурно-исторических памятников в Гамбурге поставило вопрос о передаче иконостаса в один из музеев Германии. Свято-Князь-Владимирское братство передало иконостас в Российское посольство в Бонне.

На самолёте МИДа 4 сентября 1996 года он был доставлен в Москву, а затем – в Калининград по просьбе администрации Калининградской области. Понадобились долгие годы, чтобы его отреставрировать. Много усилий в этом направлении положил председатель Свято-Владимирского братства в Гамбурге Глеб Александрович Рар. В 2001 году подключилось Министерство культуры РФ. Реставрация проходила в институте имени И. Грабаря, в мастерской масляной живописи Государственной Третьяковской галереи.

На церемонии передачи иконостаса в Россию председатель Свято-Князь-Владимирского братства Глеб Александрович Рар сказал: «Восстанавливается связь времён. Преодолевается былое противостояние русских людей. Мы вновь едины. Роднит нас и объединяет наша общая воля – созидать новую Россию на началах правды и справедливости, образованную и культурную, благоденствующую и преуспевающую, великую и могучую. “На славу нам, на страх врагам”. Возвращение в Россию иконостаса – более чем просто символ. Иконостас этот – святыня Церкви, реликвия нашего воинства, редкостный памятник русского искусства».

Вряд ли русский дипломат Сергей Васильевич Арсеньев мог предположить, что спасённый им иконостас спустя почти век окажется в городе, где после революции 1917 года в эмиграции в Кёнигсберге окажутся его жена, дети и внук.

Я люблю приходить в Малый храм Кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде – храм Воинской Славы. В центре иконостаса расположены главные ворота, через которые во время службы выходит священник. На воротах изображены архангел Гавриил, Пресвятая Богородица и евангелисты Иоанн, Матфей, Лука и Марк.

Слева от центральных ворот расположены иконы первого дьякона Стефана и образ Богородицы с Младенцем, а с правой – икона Господа Вседержителя и икона Преображения Господня.

Отрадно, что у иконостаса сегодня совершают молитвы жители Калининградской области о том, чтобы не прерывалась связь времён, чтобы русские православные люди были едины, чтобы помнили своих героев, носителей великой культуры, и хранили свои святыни.

Берега прочтения

Елена Крюкова

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО НАД НАМИ

О книгах Василия Килякова

Чистота и тишина. Это всё внутри, и это всё от Бога, и это всё Бог.

Даже если громко вокруг кричат.

Голос человеческий обладает удивительной особенностью: у него есть тембр, и он иной раз слышен через все обвалы гигантских оркестров, через грохот канонады и вой времён.

Всё есть поэзия. Поэзия прекрасно живёт внутри прозы. Поэзия – в штрихах дня, ласке лета, в ветке берёзы, что под ветром качается за окном. Поэзия – сама жизнь человеческая, только мы часто не слышим её звучащего счастья, её поющей радости, её пронизывающего всё сущее ритма. Всякий художник – поэт.

Таков Василий Киляков.

Не покидает чувство, что рядом с нами живёт тот, кого будут читать и спустя горы времени. Вот передо мною книга, она объёмная, тяжёлая. И название у неё такое... очень даже завлекательное – «Посылка из Америки». Америка, далёкая страна, за океаном... что за посылка... кому адресована... Будущий читатель видит перед собой маяк названия. И плывёт на него.

А я раскрываю книгу – и замираю от радости: жить рядом, жить в одном времени с большим русским писателем...

Василий Киляков – настоящий художник; множество пишущих лишь приближаются к тому уровню сознания, когда горячий, дымящийся, вчерашний-сегодняшний или давний, упрятанный в драгоценную шкатулку памяти случай, событие, резанувшее по чувствам и мыслям бритвой, вспышка великой, на весь Мирь, любви, красота несбывшейся мечты, всё испытанное и неиспытанное вдруг становится – искусством. Вот Василий Киляков переходит эту грань. Смело переходит, вольно, красиво. И – естественно. Для него рождаются стихи, прозу – как дышать. Слово становится дыханием и обретает первозданную грацию, живую и острую боль, безупречную единственность, забытую святость.

И добавлю: Киляков – настоящий РУССКИЙ художник. Это немаловажно. Это насущно. Это честно, опорно, всеобъемлюще.

Мало кто из пишущих горит таким ясным, чистым, беспримесным огнём подлинной, не сыгранной, пафосно не симитированной любви к Родине.

Тогда отчего же Америка? Она-то тут при чём?

Начинаю читать – о чудо... это книга рассказов. Рассказ для русской литературы, и классической и современной, всё равно что лакмус художественности, всё равно что стихотворение: на маленьком «участке» текста надо собрать такие порою неохватные подробности, заявить о магните, притягательности незримого Целого, что стоит, как Ангел Господень, у всякого автора за спиной! Труден жанр рассказа. И они все у Килякова – разные, как разнолика, разнопламенна и разноплемённа сама жизнь; это великие вариации жизни, она сама даёт-дарит темы (и порой сама же их отнимает, заменяя иными!), и отсюда разнообразие образов и мыслей-идей, сюжетов и положений, а главное, поэзии, что безудержно вырывается на простор из-под тесной, плотной вязи родных слов:

«– Под иконой стоит на коленях и крестится. Ой, Петя, до чего страшно крестится-то. Медленно, широкие кресты кладёт, а сам как каменный будто. Я знаете что, ребятки, я вам в баньке постелю, на воздухе, от греха. Ночи уже тёплые. Я вам хорошо постелю, уютно, подушки у меня – пух в атласе. Вы вот только пистолет-то свой спрячьте подале. Спрячьте. Не обессудьте меня, старуху: уж больно зло крестится-то, истово...» («Неугомонный»).

Ах, вот это и есть живой голос человека! Настоящий, невыдуманный! Однако художник на то и художник, чтобы не списывать с природы, а вдыхать в великую природу силу образа, бытие собственного

сердца. Писатель Киляков – зоркий, наблюдательнее некуда. Он, мастер, всё видит и слышит... всё вбирает, всему внимает... и его любовь, как в знаменитом Евангельском, из «Деяний Апостолов», Втором послании к коринфянам Апостола Павла, *«всего надеется, всё переносит... долготерпит, милосердствует, не ищет неправды, но сорадуется истине»*.

Запечатлеть быт – для мастера – значит оставить жить бытиё. Быт тоже поэтичен и притягателен. И боль важно храбро изобразить: без трагедии нет судьбы. И мысль важно ухватить на лету: внутри даже беглой, мимолётной мысли часто таится большая идея, способная перевернуть устоявшееся, привычное, ровное, надоевшее, банальное. Тот потрясающий душу до самых основ крик Пьера Безухова у Льва Толстого в «Войне и мире» («...и всё это – во мне, и всё это – я!..») – лейтмотив (или лейтобраз, как хотите) всего, в совокупности, творчества Василия Килякова. Его волнуют топологические, разветвлённые, никем до конца не истолкованные связи: человека и человека, человека и всего живого на земле, человека и Времени, быта и бытия.

«Мужики и парни приносили часы-ходики, полные пыли и сухих мух; расстроенные гармоники мастер отлаживал с особым удовольствием. Бывало, настроит голоса, заменит басы, планки... И вдруг как-то неожиданно для всех собравшихся топнет сапогом, тронет на хромке и начнёт отжаривать на всё село.

Девки так и подмывало в пляс. Были в сёлах свои гармонисты, потомственные. Но куда им до Стегней – в золотых руках мастерового гармонь не играла – выговаривала! Порой, отдыхая от работы, он пел частушки “зазывные, озорные и страдательные”.

*Девки в озере купались,
Я на камушке сидел.
Девки юбки поскидали,
Я зубами заскрипел...»*

(«Стегней и Варька»).

Господи! Ведь опять ассоциация ледоходно, напролом, идёт со Львом Великим! Вспомнила, как Наташа Ростова пляшет русского, после дня упоительной охоты, в доме у своего дядюшки: *«...дух и приёмы были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от неё дядюшка...»* Вот это и есть основной тон прозы-поэзии Василия Килякова! Наши песни и пляски суть наша история. Наш говор, наша речь, наши переругивания и колыбельные, наши воинственные кличи и наши, шёпотом, молитвы есть наша земля.

ЗЕМЛЯ – вот что для Василия Килякова является неоспоримым, кровным сакралом. Священную почвой под ногами, куда мы все ляжем. Но пока мы живы, нам не высказать сполна, до конца, КАК мы любим её.

Весь творческий путь Василия Килякова – такая песня, такое, на пол-Мира, «Славься» родной земле.

Художество писателя – его язык. Не сюжет, не лихо закрученная событийность (хотя блестящий рассказчик и без этого не обходится!), но прежде всего язык; язык – это и есть народ, не забудем древнего значения великого славянского слова.

Не покидает чувство во время чтения этой таинственной, могучей книги, что автор живёт некую параллельную, предельно близкую жизнь рядом со своими героями, а то и прямёхонько у них в домах, в сараях и огородах, в баньках, на дорогах и тропах, коими они по земле и по времени идут. Более того: автор, на наших глазах, ими всеми и становится, в них воплощаясь, перевоплощаясь. Это – РОДСТВО. Тоже редкая писательская птица. Жить жизнью другого! Проживать жизни и судьбы людей иных, встреченных, запомненных, воображённых, выдуманных! Это не только и не просто искусство. Это – ДАР.

Василию Килякову Богом вручен дар со-переживания, со-чувствия, со-бытия.

Наверное, это и есть та соборность, что века напролёт спасала нас, народ, от назначенной гибели, заставляла избежать чужого палачьего приговора, вела от унижения – к всепониманию, от мучений – к просветлению, от ярости – к великой милости и любви.

Да, Василий Киляков – писатель любви! И это так правильно, так ожидаемо, когда ощущаешь всю его художественную, образную систему, что (это апория, парадокс!) существует вне всякой системы, ибо она есть меняющаяся, речным перламутром переливающаяся живая жизнь; когда видишь воочию, как автор движется, исполняя древний завет больших мастеров, через земные страдания – к небесной радости.

Через войну – к Победе. Через непроглядную ночь – к заливающему всё сущее вокруг, торжественному свету солнца.

А война – она рядом. И война справедливая – она святая. Освящает она собою и смерть и жизнь. Раздумывает о жизни-смерти человек, ибо это вечный, в крови текущий архетип, невытравимый, всё на нём замешано, в это кровавое, пылающее тесто крепко вмешано. А человек с большим сердцем, с большою и щедрой душой (таков русский человек в его надмирной ипостаси, храмовой, иконописной, бытийной – там, где быт Бытию уступает место!..), не может об этом не размышлять. И автор вместе с ним о том раздумывает. И автор вместе с ним дышит, чувствует, вспоминает, понимает.

За каждую строчку в рассказах и повестях Василия Килякова плачено кровью.

И его собственной, и – народной.

«– Наступали ночью... Хлад, град видел. Три года подряд меня смерть по земле хороводила, а тут... Нервы, что ль, сдали? Ночь, тьма, сидели в мокрой траншее. А за нами, за первой ниткой и ещё дальше, за пригорком, одна за другой снуют сигнальные ракеты – тонко, как комары, пищат... Хлопают ракетницы, лает где-то мотор самолёта, прожектора там и сям цупают светом: хватит ли места для бойни. Кашлянёшь и сам слышишь, что звук какой-то чужой, нездешний, как из могилы – такая темь. Вдруг кто-то в ухо как гаркнет: “Шестая, вперёд!” Кинулись мы в ночь, в пустоту, в смерть. И знаешь, захотелось вдруг стать маленьким, с кулак величиной, величиной со своё сердце... Не страх... какой там страх, там не до страха, сам помнишь, а вот как-то чертовски весело и любопытно. И ещё просто... очень просто всё, неужто вот так просто и умирают? И ещё: не верится в смерть. В чью-то гибель другого, вот здесь, рядом – веришь, в свою – нет. Такая глупость...» («Голубых кровей»).

Вроде просто повествует Василий Киляков. Вроде бы всё речь ведёт о простых людях. Да ведь... НЕТ простых судеб! Всякая – сложна. Нет людей простых! И «простой» – не синоним слова «примитивный», а обнимающие времена ясность Евангелия, простота Четых-Миней, прозрачность Псалтыри. Я чувствую, как СВЯТЫ для Василия Килякова и просторы, и понятия, и традиции, и свежая, хвойно-ароматная, подобная снегу, ветру и огню, символика истинно народной жизни.

Более чем кто бы то ни было (о, прошу, творческие люди, без обид на это «более» – всяк из вас делает своё прекрасное дело под солнцем нашего времени!..), Василий Киляков сам – живой, вплавь пересекающий штормовую, бурную судьбу, страстно, радостно и яростно работающий – принадлежит народу и смело, размашисто, богатыми красками пишет народ. И это писание, это изображение Народа Русского есть великолепная лепта, горячий и горящий творческий вклад Василия Килякова в современное, часто конфликтное, часто апофатически необъяснимое литературное бытие.

И картины народной жизни, опять же скажем это дивное слово – простые, – непритязательные, обычно-обыденные, но до краёв, как крынка тёплым парным молоком, полные высокой, звёздной поэзии (любоваться – любуйся! – бесконечно...), Василий Киляков пишет не просто кистью воображения и памяти, не просто умелыми, точнейшими словами, а – напрямую – сию минуту – сердцем, любовью...

«Ёлочка долго решала, идти с отцом или печь пироги, и осталась печь пироги.

Как только отец вышел из избы, она прилепилась к подоконнику и долго смотрела, как уходил он огородами на лыжах. Следом за ним бежал Пиратка и громко брехал, радуясь погожему дню и широким полевым просторам.

Но вот уже и охотник, и собака за садом, за сугробами. Света взяла веник и стала подметать пол. Сквозь мёрзлые окна сочился свет; там и сям играли зайчики. Кот Васька вертелся возле ног, ластился и мешал подметать. Отложив веник, Ёлочка налила коту молока, погладила по мягкой шёрстке и залюбовалась рисунками на окнах.

– Мама, мама, посмотри! Какие рисунки мороз наморозил!

Мать выглянула из закута и всплеснула руками от удивления.

Час от часу в горнице становилось теплее и светлее. Запахло жареным луком, щами с разварившейся капустой, пирогами. Мать стучала на кухне ножом.

– Мама, дай пирога, – просила Света...» («Именины»).

Но вы почитайте-ка дальше, дальше рассказ...

«– Принёс-таки, – повеселела хозяйка. – Вот радость-то. Давай-ка, а мне всё не верилось...

– Успеется, дай наглядеться-то...

Дети столпились, трогали серую шерсть. Заяц лежал на лавке с вытянутыми лапами. Он прикусил язык, и грязная лужица собиралась на лавке и потаявшим снегом, капля за каплей, стучала по полу. И эти капли были слышны в наступившей тишине. Смотрели на зайца, боясь потрогать. А Ёлочка, не отрывая взгляд от зайца, вдруг отвернулась, дёрнула носом, заплакала.

– Я его дуплетом смазал, – хвастал отец ребятам, – враз уложил.

Дочь плакала, а мальчишки и девчонки переступали с ноги на ногу, шмыгали носами, засобирались домой, брались за шапки и варежки.

– Куда вы, ребята? – удивилась мать. – А пирог-то?..» («Именины»).

Опять жизнь-смерть... Опять метким дуплетом мастера уложено наше бытие – и тут же воскрешено: первое потрясение ребёнка уравнивается, утишается уютом тёплого, с запахами праздничных пирогов, полного нежной любовью дома... А охотник – что ж охотник, он к смерти зверя привык...

Кому же в русской литературе наследует большой писатель Василий Киляков?

Да, тут можно назвать ансамбль славных имён, горячо любимых русским читателем. Василий Шукшин. Виктор Астафьев. Валентин Распутин. Василий Белов. Фёдор Абрамов. Разве не прекрасно петь в их мощном хоре? Но у Василия Килякова свой голос, далеко слышный. Голос человеческий. Голос – идущий выше, вверх, летящий к облакам, летящий к Богу: от земли до неба – вот вертикаль Русской жизни, и эта вертикаль тем более неизяснима, чем больше она реальна, жива, востребована – до боли, до клятвы льющейся крови, до пения на клиросе в сельском храме, до слёз при созерцании ледохода по весне, зимнего русского леса, зелёных фресок шумящих на жарком ветру берёз.

А при чтении рассказов Килякова слёзы льются и по другому поводу. От радости.

Радости – через эту поэзию-прозу – видеть, слышать, чувствовать русский НАРОД.

И именно поэтому Василий Киляков – народный писатель. Народность – изрядно позабытое слово, многим нынче оно кажется безнадежно устаревшим, на ветру веков истрёпанным, а нам оно крепко помнится по учёбе в школе, когда учитель литературы строго требовал, чтобы мы, дети, объяснили образ Наташи Ростовской, образ Платона Каратаева, образ Петруши Гринёва, образ Тараса Бульбы и иже с ними – именно близостью к народу: близки они народу или нет, плоть от плоти они народа или так, прилепляются к нему, приспособляются, качаются поблизости... И мы, ученики, старались эту самую народность почувствовать. Кто как мог. И это было нашим первым уроком принадлежности к родному народу. Посвящения жизни – ему.

А Василий Киляков и так народу жизнь посвящает. И его – живописует. И им – вдохновляется. И его – благословляет.

Без риторики. Без пафоса. Без стилистических выкрутас, но со щедро открытой личной сокровищницей лексики, словаря, мысли.

А «Посылка из Америки» – это вовсе не о какой реальной Америке, а о судьбе деревенской бабки Марфы. Бабка, пока лирический герой, промокший в дороге, согревается у неё в избе, рассказывает о сыне своём, в Америке однажды оказавшемся. Непредсказуемы людские судьбы.

И та нота, что возникает в рассказе ближе к финалу, вдруг ударяет, потрясает, пронзает насквозь. Это музыка голгофского пути Руси-России. Это нота-стон всякого русского человека, страдальца, мученика, но идущего вдаль и вперёд наперекор всему. Да ещё несущего радость и благо не только себе, но и другим людям. Другим народам.

Эту ноту, так пронзительно зазвучавшую, я слышу рядом с нотой Фёдора Тютчева («Изнурённый мукой крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил, благословляя...»), рядом с нотой Александра Блока («...Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слёзы первые любви!..»):

«Бабка вышла на крыльцо, помахала мне старческой рукой. Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Думал об этих полях непаханных с колками берёз... Что в них, в этих берёзах?

Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает ностальгией, даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть какая-то особенная торжественная грусть в этой серединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути, влачащегося весь долгий свой век, или короткий, – русского, всего лишённого, веками. Даже и простой почтовой связи с миром. Эта общая и одновременно частная дорога для каждого и для всех вместе – это именно голгофа России. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог. Все народные песни или песни, принятые как народные, грустны необычайно... Русский народ, едва ли не весь и едва ли не каждый из нас, – идёт, неся крест...» («Посылка из Америки»).

«Пока звенит тоской острожной / Глухая песня ямщика...» (А. Блок). Изменилось ли что? Или ничего не изменилось? И Мирь всё тот же. И война всё та же. И враг всё тот же. И всепрощение всё той же огненной силой горит.

И любовь – великая любовь – всё так же слетает к нам с Божиих небес ширококрылым Ангелом – и навек поселяется в наших исстрадавшихся, но не разучившихся радоваться сердцах.

Читайте в книге повести Василия Килякова «Родное пепелище» и «Последние»: это, без сомнения, энциклопедия русской жизни – и событийная, и чувственная, и нравственная, и историческая. Киляков интенсивно и подробно пишет Время, прописывает его судьбами людей, заглядывает за его край, за кромку прожитого, современного – что там воссияло в прошлом?.. что там, в неизведанном будущем?.. – и две этих повести есть портрет Времени, портрет в полный рост, написанный уверенной рукой, но без нажима, а с сохранением тончайших, трансцендентных литературных позиций, всех ухваток и приёмов настоящей поэзии в свободном течении широкой, безохватной прозы.

Читайте его прозу «Благочестивому читателю», «И охладет в людях любовь» (о Василии Шукшине) и заметки «Душа-частушка» – исследование о русской частушке:

*Через тырь-монастырь
Лебеди летели,
Меня милый целовал –
Лапты отлетели! <...>*

*Чи-чи-чи-чи,
Все поели калачи,
Самогонки выпила,
Середина выпала,
Края покорило,
А я всё не робила! <...>*

*У рязанских мужиков
Хорошая пища:
Утром чай, в обед чаёк,
Вечером – чаище...*

Народ явлен в частушке сполна. Частушка часто – броский мгновенный портрет: человека либо ситуации, – но гораздо чаще она цепляет самое яркое, самое трагичное или самое праздничное внутри переживаемого народом Времени. А значит, частушка есть живопись Времени; и неудивительно, что Василий Киляков, взахлёб, любовно живущий жизнью родного народа, не мог мимо частушки пройти.

Читайте разговор с писателем, счастливо записанный Ириной Гречаник: жанр интервью всегда драгоценен, потому что он сочетает в себе актуальность положения «здесь и сейчас» и притягательность вечных ориентиров, что художник сознательно или невольно проговаривает. Говоря, рассказывая, мы обнажаем душу; мы доверяемся, доверяем собеседнику, верим времени, проверяем себя: так ли я всё понимаю, туда ли иду?

«Я прислушивался и присматривался к жителям моей деревни ещё мальчишкой. Они были все интересны: что ни двор, то характер незабываемый. Особенно я присматривался к тем, которые

необычно говорили, высказывали мысли, не похожие ни на чьи другие. Самобытные. Были природные мудрецы – Платоны Каратаевы, были блаженные, просто дурачки, были истово верующие, но вот атеистов я что-то не помню. Всякие были. Многому изумлялся я. В иных – разочаровывался. Но тема деревни, “почва”, вернее, душа народная так и осталась мне близка навсегда. Переехав в Киров, затем в Москву, я всё меньше и меньше находил той правды, которую видел в глубинке. Правды обнажённой. Здесь люди скрытные. Прямого слова никто не скажет, мало бескорыстных. И тут я встретил Михаила Петровича (Лобанова. – Е. К.). Я не знаю, что бы было со мной, как сложилась бы моя жизнь, если бы не он и его книги...» («Ищу следы невидимые»).

Читайте очерки «Худая жизнь» и «Возвращение снега» (одни только названия – высокая поэзия!..). И в самом конце, в финале изумительной книги – ночной, тайный, исповедальный разговор самого писателя... с библейским Иовом. Он понимает Иова. Понимает его страдания, его слёзы, его скорбь, его любовь. Он спрашивает себя: «... что бы просил у Бога я, будь я на месте Иова?» И отвечает сам себе:

«...Я просил бы Его обратить в вечное вот этот предрассветный час, уходящую ввысь луну и этот миг, это мгновение, которым заканчиваю я эти строки. Я просил бы Его не то что обратить в вечное, а хотя бы продлить мне время творчества, – муки моей и радости.

Всю ночь заря... Исписанный лист бумаги, и я один...

Как Иов, оглядываюсь я на землю: мила она мне!» («В мае»).

* * *

В Воронеже недавно вышла книга стихотворений Василия Килякова «От истока к устью». В самом названии – не только образный, но и временной ход.

Ход человека по земле... Ход судьбы по временам...

Космизм русской природы внятен поэту. Не раз воссияют в стихах предвечные звёзды. «Звёздное небо над нами, нравственный закон внутри нас», – эти знаменитые слова Иммануила Канта может всяк художник повторить, ибо он пристальней, чем иные, всматривается и в многозвёздный небосвод, и в озёрную тёмную глубину, и в золотые, ласковые волны привольного поля.

*Как истомно-обморочен дух
лунно голубеющей полыни...
Мощный тополь сыплет светлый пух...
Смерти нет,
весь мир – прозрачно-синий!*

*Лунный круг...
Не скрипнет колесо...
Звёзды впристаль: близко и красиво.
Спелый тополь светел и высок...
Поселенье вольное – Россия!*

Штрихи художественные – тоже социальные: это штрихи времени. Внутри образа живёт тайна внезапно открывающегося видения. А тайне нет разъяснений, нет толкований, на то она и тайна.

Вот это восьмистишие называется просто и горько – «После войны»:

*Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.*

*Там – расцвели в лещине верболозы,
здесь – лось ходил, оставил шерсти клоч...
И ослепительно – под солнцем из берёзы
стекает сок в пробитый котелок.*

И вот снова это неизречённое, неуничтожимое единство Вселенной и сердца, неба и маленькой жизни... маленькой, да, но именно она, на уровне свершившегося чуда, вмещает в себя Большой Космос.

*<...> А робкий месяц через раму
лёт тонкий свет на нас двоих.
Я ничего не знаю, мама,
роднее чутких рук твоих.*

Мать, небо, месяц, сын. Месяц – сын тверди небесной. Живой сын на живой земле берёт в ласковые, горячие руки морщинистые руки старой матери. А ведь это богатырь и Мать-Земля. Это воин, сражающийся за Священное, и Матерь-Смерть. Это сердце, ищущее жизни, и это сама Матерь-Жизнь – и только поцеловать эти руки, взрастившие, натруженные, говорящие, молитвенно сложенные, поцеловать, как целуют во храме икону, как вернувшиеся после битвы на Родину, чудом оставшиеся жить – землю целуют.

Беспределен Космос поэта. Бесконечно его творческое обращение к нему. Взгляд поэта поднят вверх, горё.

*Целью загремев, толкаю лодку,
слышу плеск весла...
Не беда, что эта жизнь короткая —
мигом нам мила!*

*Снова правлю на огни далёкие.
Млечный Путь пылит...
Там – луна, косая и пологая,
и туман разлит. <...>*

Все явления родной природы – тоже открытый Космос. Жизнь наша в народе, посреди народа – тоже есть феномен открытости, распахнутости существу. И ни на минуту не упускает художник из виду эту нашу русскую вертикаль, эту извечную обращённость к небу; сопоставление себя с малым тёзкой-васильком, затерянным во ржи, – это слепок, моментальный снимок грядущего бытия, попытка изобразить посмертие посредством цветущего, упоённого торжества жизни:

*Цвет милый, синий, васильковый,
скажи, откуда ты?
Какого отчества и кровя
твоя родня – цветы?*

*<...> Зачем рождён я человеком,
не знаю я и сам.
Как ты, я в землю врос навеки,
а тянет – к Небесам...*

Поэт не был бы поэтом, если бы о любви не пел. Любовь мужчины и женщины – не весь огромный, безбрежный Мирь земной любви, множества её вариаций. Любовь к родителям... Любовь к детям, наследникам... Любовь к друзьям: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя...» (Евангелие от Иоанна). Но именно на этой любви зиждется жизнь, и она – и продолжение рода, и страшная трагедия расставания, и великая высота пламенного объятия, и тихая – среди ночи – молитва, когда всю исстрадавшуюся душою молишься за любимого человека...

И возникает, будто из далёкой заречной, заозёрной дали, из марева давно прошедшего, полузабытого, настоящая народная песня о любви.

О разлуке. О встрече. О забвении. О полынно-горькой и томящей памяти.

*<...> Что же ты с подругами песен не поёшь,
что ж ты, одинокая, стороной идёшь?
И, мечту заветную бережно храня,
что же ты по имени не зовёшь меня?*

*Сядем тесно-тесно, и – рука в руке!
Пусть баян выводит вальсы вдалеке...*

*Ночь тиха, над плавнями
ясный месяц
всплыл...
Юность моя дальняя,
я ли это был?*

Пространство, в котором поэту свободно и широко, красиво жить душою, – это на удивление сжатое, компактное пространство краткого, не протяжённого, а крайне концентрированного, лаконичного русского стиха. Нередки у Василия Килякова четверостишия, восьмистишия, стихотворение, насчитывающее три, четыре строфы. И это не столько дань традиции (в русском искусстве есть и беспредельные, обширные тексты былин, и громадные поэмы Хераскова, Ломоносова, Жуковского, Пушкина, Блока!..), сколько склонность души, работа духа: дух поэта востребует стиха-заклинания, стиха-песни, стиха-молитвы. Песня и молитва, говорила Марина Цветаева, прямая родня. Такого рода поэтическое высказывание близко сердцу Василия Килякова.

И стихотворение о случае совершенно неслучайно возвращает нас к бессмертному кантовскому философскому постулату, что столь любезен русской душе – именно потому, что мы, прислушиваясь к себе, ночами, ясными-летними или зимними, холодными, дышащими мистикой смерти, закинув голову, глядим, глядим в звёздное небо.

Как на золотые и серебряные росписи громадного выгнутого церковного купола, храмовой сферы, а под нею расчерчивают синеву фрески ослепительные метеориты, щебечут птицы, летят Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы, и наши взгляды летят и скрещиваются, и соединяются наши руки и наши судьбы, и молимся мы друг о друге и обо всей нашей возлюбленной земле Русской, желая ей великого счастья, уповая на неё и на Господа, защищая её от мрака и смерти.

*Случайно, всё случайно на земле.
Случайны эти сборища правительств,
Сервантеса случаен добрый витязь.
Случаен свет, и урожай, и хлеб.*

*Случайна осень с жёлтыми холмами,
паденье оземь переспелых груш...
Лишь не случайны звёзды, что над нами,
и нравственная тайна наших душ.*

Берега прочтения

Александр Андриюшкин

Александр Павлович Андриюшкин – родился в 1960 году в Ленинграде. Прозаик, литературный критик, переводчик. Печатался в журналах: «Нева», «Новый мир», «Звезда», «Наш современник», «Иностранная литература» и др. Автор романов: «Политик» (1994), «Дети Горбачёва» (2016), «Банкир» (2017), «Принцип неопределённости» (2022). В его переводах с фарси опубликовано более десяти романов современных иранских авторов, в переводах с арабского печатались рассказы писателей из Сирии, Ирака, ОАЭ, других арабских стран. Живёт в Санкт-Петербурге.

«КУСОК» СЕГОДНЯШНЕЙ СОВЕСТИ

О книге Н. Советной «Кремень» (Гродно, 2022 – Москва, 2023)

Хорошо известно высказывание Пастернака о том, что «книга есть... кусок горячей, дымящейся совести». Известно также, что в это своё определение Пастернак вкладывал некое оправдание огрехов: ну что вы, дескать, цепляетесь к нестыковкам и шероховатостям, главное – моральное содержание книги!

Написано всё это было Пастернаком вскоре после революции 1917 года, в разгар той смуты, в которой исчезают любые рамки и ценности. Шла гражданская война... В сопровождавшей её идеологической борьбе, и правда, совесть была для книг важнейшим критерием (хотя, конечно, и о стиле не забывали даже тогда).

Сегодня вновь идёт война, имеющая отнюдь не региональный (украинский) масштаб; размах и ставки в этой войне – всемирные. И сегодня вновь, оценивая произведения литературы, мы обязаны прежде всего подходить к ним с мерилami совести (не отказываясь, разумеется, и от художественных критериев). Именно такую – высоко моральную – точку отсчёта задаёт сам автор – известный российско-белорусский прозаик, лауреат многих премий Наталья Викторовна Советная – в своей новой книге «Кремень».

Книга содержит роман «Узлы» и две повести – «Дотянуть до весны» и «Кремень»; последняя из этих повестей закольцована темой идущей сегодня Спецоперации на Украине. Но подчеркну: книга именно закольцована – если угодно, оформлена – событиями на Украине, а вообще-то она содержит тексты, создававшиеся долго и отнюдь не сводимые к украинской проблематике.

Общую тему всей книги я бы определил так: верность себе русского человека, проносимая им сквозь тяжкие потрясения XX и XXI веков. Это и обе чеченские войны конца XX века (с них начинается роман), это и Великая Отечественная война (она присутствует во всех трёх произведениях), это и сегодняшние битвы на востоке Украины.

Вот как сама автор говорит о произведениях, составивших книгу «Кремень» (из предисловия):

«Дорогой читатель, перед Вами книга “Кремень”, которая писалась больше десяти лет, потому что роман “Узлы” был начат ещё в 2010 году, когда дыхание сегодняшних войн, с боевыми действиями и на духовном фронте, только предугадывалось... Работа над текстом тогда тормозилась различными обстоятельствами и неоднократно откладывалась по разным причинам. При этом меня не оставляло чувство, что роман ещё не вызрел, время его не пришло. И лишь в 2020 году, когда Беларусь сотрясали судьбоносные события, связанные с попыткой государственного переворота, “Узлы” были закончены. Повести же “Дотянуть до весны” и “Кремень” созданы в течение последних двух лет, когда мир стал свидетелем решающих событий на Донбассе и явственно ощутил грозное дыхание войны ядерной».

Начну с повести «Дотянуть до весны». Она почти целиком посвящена Великой Отечественной войне и – парадоксально – является самым «традиционным» (по стилю и содержанию) произведе-

дением книги. В повести рассказывается об очень пожилой белорусской женщине (перевалившей за 100-летний рубеж), к которой регулярно приезжает внучка из Москвы. В данный приезд она помогает бабушке найти определённые могилы на заброшенном кладбище, однако этот сюжет – лишь рамка современности в повести. Главное её содержание – прямой рассказ (воспоминания) старушки о том, что она пережила в детстве до войны и потом – в юности, которая пришлась на годы немецкой оккупации.

Как по своему уникальному материалу, так и по уровню писательской работы данная повесть может быть поставлена в один ряд с лучшими отечественными произведениями о войне, например с книгами о партизанах Василя Быкова. Пересказывать повесть я, конечно, в рецензии не могу, но искренне рекомендую её всем, кто ищет настоящую качественную русскую словесность. В этой повести он найдёт как стиль, так и примеры мужества, найдёт и осмысление истории. Поразительны, например, описания того, как в самый канун освобождения Смоленска Советской армией (сентябрь 1943 года) герои повести бежали в лес, чтобы там отсидеться и не быть угнанными в Германию. Ибо сама история (ход военных действий) ставили стороны перед выбором: немцы заставляли людей эвакуироваться на запад, советские войска из района боёв отводили их на восток. (Кстати, не повторяется ли то же на сегодняшней Украине? Да, эту тактику стороны используют и сегодня; вот ещё одна ниточка от тех событий к современности.)

Теперь о первом произведении в книге – романе «Узлы». Как было показано в приведённой выше цитате, он писался долго, события, показанные в нём, тоже разнесены по времени и относятся к самым разным эпохам. Роман этот – о разрывах и разломах, о похищениях людей бандитами (прикрывающимися идеологией радикального ислама) и вообще – о распаде СССР. Этот роман – крик боли; в нём нарушены не только три классические литературные единства (времени, места и действия), но, кажется, и сами законы здравого смысла. Вообще – нельзя (казалось бы) писать об этом художественную прозу! (Такая мысль иногда возникала при чтении...) А Наталья Советная написала – и этому мужественному поступку нужно отдать должное. *Нужно прочитать* этот роман – даже если это тяжело (о слишком кровавых событиях он повествует).

Наконец, третье произведение в книге – «Кремень». Оно, как уже отмечено выше, непосредственно и прямо говорит о Спецоперации, начатой Россией на Украине в феврале 2022 года. Однако герои повести (Иван Павлович Хитько и его жена Анна Нифантьевна) уже достигли пенсионного возраста и живут в Белоруссии, так что какое-либо прямое участие в войне для них исключено. Война приходит к ним либо через новости в СМИ, либо через поколение их детей-внуков (например, их сын и невестка сначала не вполне поддержали Спецоперацию, ратуя за некое мирное решение проблем)...

Кстати, такой косвенный показ войны отнюдь не представляется недостатком повести – хотя кто-то мог бы спросить: а что мешало писателю «включить воображение» и показать сцены боёв, шпионские схватки и т.д.? Но этот вопрос – не о сравнении качества прозы, а о жанрах. Пишутся и остросюжетные вещи о войне, но тексты Советной – из другой категории: это серьёзная и спокойная проза, помогающая осмыслить корни событий. С этим, кстати, связано и название «Кремень»: этим словом характеризуется *порода* главных героев, а также и старшее поколение нашего народа, прошедшее сквозь Великую Отечественную войну. Конкретно говорится об отце Анны Нифантьевны, который прожил 95 лет. *«Не пил, не курил. Войну прошёл. Поколение такое – кремнёвое. Победители!»*

Символична и трогательна концовка повести «Кремень». Главный герой Иван Павлович по специальности дизайнер, скульптор, и в концовке он отдаёт в дар краеведческому музею одну из главных работ своей жизни – большую чеканку под названием «Яднанне» («Единение»). «Яднанне» – это государственный праздник Беларуси, учреждённый в 2021 году и посвящённый как возвращению в состав Беларуси западных земель в 1939 году, так и – шире – теме объединения. Смысл сцены в повести именно самый широкий, речь тут идёт о единении славянства.

Возможно, на этой торжественной ноте я и должен был бы завершить рецензию, однако добавлю в неё пару критических замечаний. Как уже сказано, книга «Кремень» содержит осмысление событий, но возникает вопрос: не слишком ли часто автор даёт слово персонажам (а не берёт слово сама)? Некоторые суждения персонажей взяты, вероятно, прямо из жизни, но представляются чересчур наивными. Вот, например, как один из героев романа «Узлы» судит о событиях распада СССР:

«Что с людьми случилось? – недоумевал Александр. – Пятнадцать республик – пятнадцать сестёр. Ого-го, какая семейка была! Все – братья, все – друг к другу с уважением. И женились, замуж выходили без оглядки. Нынче почти у любого родословную копни – кровь-то смешанная!»

Справедливости ради отметим: недоумение это герой высказывал в 1990-е годы; нынче мы все научены горьким опытом и уже не так простодушно воспринимаем заявления советских лет. Например, действительно ли республики имели между собой «братские» отношения? Братья и сёстры могут быть по крови, а могут быть по религии (например, «братья и сёстры во Христе»). Но объединял ли именно Христос тогдашние республики? Ответ на этот вопрос понятен.

Впрочем, не буду настаивать на моих интерпретациях. Приведу из того же романа «Узлы» ещё одно суждение, оно высказано героиней по имени Марина: *«А боролись за Рай на земле. К восьмидесятому году – коммунизм. Вынь да положь! Так ведь построили! Да, да, да! Только не поняли. Всё было доступно, всё возможно, всё бесплатно. Образование, жильё, медицина, льготы, пенсия. Всем хватало работы. Так ведь нет – недовольны!..»*

Здесь опять напрашивается какое-нибудь морализаторское возражение в христианском духе... Но я не буду его формулировать, а отмечу другое: как раз морализаторства и долгих рассуждений нет в книге Советной. (Хотя накал совести, уровень моральной требовательности автора и героев к себе самим – высочайшие...)

В книге этой Наталья Советная даёт возможность «высказаться» персонажам, а от навязывания собственных мыслей отказывается. Её суждения мы улавливаем через характеры, сцены, человеческие истории. Это, наверное, и есть признак светоносной и мудрой современной прозы – содержания, не оторванного от жизни, но гражданственного.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргатак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка: 2202 2009 0582 4080